

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ВЕТЕР

Annotation

Невероятной силы ветер сдувает с поверхности Земли все напоминание о существовавшей на ней когда-то цивилизации. Чудом остается в живых семья, спрятавшаяся от непогоды в пещере. Военные подводники, оказавшиеся в боевом походе, и космонавты, пережившие закат человечества на МКС.

Предисловие

Спустя сто лет.

В поселке готовились к празднику сбора урожая. Обширные рисовые поля ждали, когда к ним прикоснется зубчатое лезвие косилки. В кузницах не умолкал стук молотков. Нужно было успеть произвести достаточное количество расходников для механических косилок. Период хорошей ясной погоды длился совсем недолго, поэтому любые задержки могли привести к потере урожая. Рис для поселка был стратегической культурой. Из него готовили буквально все: крупу, муку, крахмал, алкоголь, фураж, солому. Его нехватка могла дорого обойтись поселку.

За сотню лет суровый климат Новой Земли превратился в тропический. Каменистый архипелаг быстро зарос зеленью, и стало возможно выращивать на нем некоторые сельскохозяйственные культуры. Из-за высокой влажности вызванной изменением климата земли, лучше всего подошел рис. Поля и террасы на склонах холмов были сплошь усеяны этой культурой. Население поселка, перешагнувшее за трехтысячный рубеж, к празднику сбора урожая почти целиком оказывалось на рисовых полях. Каждый ребенок старше десяти лет должен был присутствовать на этом мероприятии.

Помимо растениеводства на архипелаге процветало разведение оленей. Богатые пастбища привели к росту числа популяции оленей и разумно было взять этот процесс в свои руки. За оленями подтянулись и белые медведи, оккупировавшие северную часть архипелага. Поднявшаяся вода снова заполнила пролив Маточкин Шар, но хищники все равно переплывали его, чтобы вкусить оленины. Отряд охотников, вооруженных огнестрельным оружием, оставшимся от старой эпохи, патрулировал побережье, чтобы не допустить медведей на свой остров. Шкуры убитых медведей годились на изготовление зимней одежды. Но с каждым годом зима становилась все теплее и необходимость в них, как в одежде, могла отпасть совсем.

У побережья поселка имелись рыбные фермы. В построенных из камня бассейнах разводили рыбу и крабов. Рыбу кормили рисовой дробленкой и водорослями. Крабов, всяческими отходами. Что такое голодать, или недополучать витамины и микроэлементы, жители поселка не знали. Знания, оставшиеся от предков, помогали им поддерживать необходимый уровень развития, не давая скатиться в каменный век.

Так как почти вся информация, хранившаяся в книгах, была на русском языке, то и население разговаривало почти по-русски. Но если бы наш современник оказался бы в этом поселке, то он вряд ли бы смог понять разговорную речь жителей поселка. Это была жуткая смесь русского, испанского и английского языка. Да и сами жители были кем угодно, только не русскими. Примеси темнокожих американцев и смуглых мексиканок, почти полностью взявших на себя процесс воспроизводства населения, привели к тому, что среднестатистический житель поселка был смугловат, кареглаз и черноволос. Русые волосы и светлые глаза были редкостью.

Иван был таким отличным ребенком от своих сверстников. Вел он свою родословную от

бабки Анны, которая была дочерью пробабки Джейн прилетевшей из космоса. Так получилось, что по его линии не было никого из смуглых жителей поселка. Он всегда выделялся белокурой кучерявой головой, на фоне черноволосых сверстников. Иногда ему перепадало на орехи от хулиганов за это, но иногда девчонки велись на его исключительность. В любом случае Иван не комплексовал по поводу цвета своей кожи или волос и глаз. Характер ему достался от отца, бесстрашного исследователя и покорителя мира. Поэтому, когда словесных аргументов становилось недостаточно, Иван смело лез в драку, несмотря на возраст задиравшего его пацана.

По достижении четырнадцати лет, отец обещал взять Ивана с собой, в экспедицию на материк. Отец рассказывал, что на материке всегда туман, и неба не видно ни днем, ни ночью. В воздухе стоит зловоние и можно легко отравиться, если не посмотреть вовремя на состояние крысы в клетке. Еще отец рассказывал, что там почти нигде нет твердой земли под ногами. Только в горах. Если спуститься с гор, то под ногами будет колыхающееся зеленое одеяло растительности. По нему можно спокойно ходить, если одеть на ноги специальные болотоступы, плетеные из веток. Еще отец рассказывал об огромных жабах, размером с новорожденного олененка. Иногда такие жабы принимали человека за добычу и пытались нападать.

Рассказы отца о материке всегда будоражили воображение Ивана. По ночам, прежде, чем уснуть, он представлял себе, как ходит по волнующемуся зеленому «одеялу» зыбкой поверхности. Как отбивается от лягушек, затаившихся в нем, как уворачивается от бесшумных сов, пикирующих на него прямо из тумана. Он чувствовал себя героем и не мог дождаться, когда ему стукнет четырнадцать.

Иван шел вдоль берега. Вода окатывала прибрежную гальку. На глаза ему попался яркий предмет. Иван нагнулся и вытащил из затянутого песком дна приметную находку. Это была яркая пластмассовая игрушка — автомобиль. Прибой немного затер ее, но силуэт автомобиля хорошо угадывался. Иван несказанно обрадовался этому артефакту. Он еще не решил, оставить его себе, или обменять на что-нибудь. Иван спрятал машинку за пазуху и прибавил ходу, торопясь домой.

Глава 1. Начало

В каждой, даже самой благополучной семье, наступает момент, когда супруги чувствуют огромную неудовлетворенность друг другом. Невысказанные, а потому и не услышанные противоположной стороной, обиды, неоправданные ожидания, и наконец, неудовлетворенность своими жизненными успехами, приводят к тому, что семейный фундамент трещит по швам. Единственное, что его скрепляет крепче всего это совместно нажитые дети. Вместо того, чтобы разбежаться и остаться друзьями, супруги вынуждены искать варианты для дальнейшего сожительства под одной крышей.

Семью Горбуновых, катившихся на синем универсале к подножию Уральских гор, постиг именно такой синдром. Глава семейства Егор предпринял последнюю попытку возродить между ним и его женой Тамарой хотя бы бледное подобие тех чувств, которые они

испытывали в студенческие годы, познакомясь на экскурсии в Черную пещеру. Совместное путешествие к романтическому месту, да еще и с детьми, по его мнению, должно было способствовать оздоровлению семейного климата.

Ровно пятнадцать лет назад, находясь в составе разных студенческих групп, они приехали к Черной пещере, и, несмотря на мрачное название, пещера разожгла в их сердцах самые светлые чувства. С тех пор Егор и Тамара всегда были вместе. Но, кажется, этому приходил конец и Егор очень хотел, чтобы пещера снова явила свое чудесное свойство разжигать сердца.

Сборы были тяжелыми. Тамара считала затею с путешествием бредом и настаивала на том, что выходные нужно провести с большей пользой, например, съездить посмотреть новый унитаз в туалет, взамен старого, ровесника их совместной жизни. Дети, двенадцатилетний Матвей и восьмилетняя Катя, отнеслись к путешествию, как к нудной обязательке. Матвей хотел посидеть за компом, поиграть в онлайн-игры, а Катя, просто не могла взять в толк, для чего им нужно куда-то ехать, если и дома хорошо. Однако, Егор был непреклонен. Перед самим собой он поклялся, что если из этого путешествия не выйдет ничего толкового, то он уйдет из семьи. Снимет квартиру и попробует пожить похолодея. Этого ему ужасно не хотелось, но и дома было просто не выносимо.

Тамара клевала носом, на каждой кочке она просыпалась и сонно смотрела по сторонам.

— Сколько еще?

Егор сверялся с навигатором и сообщал ей об оставшемся расстоянии. Он чувствовал, как в Тамаре сидит раздражение, но хотел верить, что ей хочется того же, чего и ему. Скорее всего, так и было, иначе, ее нельзя было бы уговорить отправиться в это путешествие.

Матвей всю дорогу сидел уткнувшись в свой телефон, а Катюшка смотрела мультики на планшете прикрепленном к подголовнику водительского сиденья.

— Пап, я писать хочу. — Произнесла тоненьким голоском дочь.

Егор присмотрел растительность у обочины пороскошной и остановился. Тамара отстегнула Катю и помогла ей выбраться из детского кресла.

— Мальчики налево, девочки направо. — Сказал вслух Егор, выбравшись из машины и разминая затекшие части тела.

Тамара с дочкой отправились на одну сторону обочины, а Матвей с отцом, перешли на противоположную сторону дороги. Мимо проносились машины. Солнце раскалило асфальт до жидкого состояния. В воздухе не чувствовалось ни ветерка.

— Тихо и душно, как перед дождем. — Предположил Егор, выцеливая жука, спасающегося бегством от его струи.

— Ничего, в пещере переждем. — Матвей ответил без эмоций.

Для него это путешествие скорее было причудой родителей, чем каким-то приключением.

— Ну, сколько там еще ехать? — Спросила Тамара, когда все снова вернулись в машину.

— Тридцать километров, триста двадцать пять метров. — Считал Егор показания с экрана навигатора. — Через полчаса будем на месте.

Из-за популярности пещеры, как экскурсионного объекта, еще в советское время к ней была пробита дорога. Узкая, в одну колею, с редкими разъездами. В последнее время популярность пещеры сильно снизилась. Поговаривали, что туристы здорово испоганили природный объект, и никто не хотел брать на себя усилия по приведению его в должный

вид. Егор опасался за то, что дорога к пещере может быть перекрыта камнепадами, и тогда им придется идти пешком. Хотя, вряд ли, скорее придется поворачивать назад, полностью похоронив идею возродить отношения добрыми и прекрасными воспоминаниями.

Дорога шла все время вверх. Асфальт уже закончился и по днищу барабанили камешки. Катюха отвлеклась от мультиков и с интересом смотрела на меняющуюся природу. Она впервые видела мир с такой высоты. Лесистые пейзажи шли от подножия гор до далекого горизонта. Она ткнула брата, не отрывающегося от телефона в бок.

— Смотри, Матвей, какая красота.

Матвей оторвался от экрана телефона, и еще некоторое время перегруженный виртуальным миром мозг ничего не видел. Наконец, он очистился и разглядел естественную природу старых уральских гор. Во взгляде его появился интерес.

— Красиво. — Согласился он с сестрой. — А чего небо такое странное? — Спросил он, смотря в заднее стекло автомобиля.

Егор посмотрел в зеркала и заметил, что на горизонте собираются какие-то странные облака.

— К дождю, наверно? Недаром такая духота. — Предположил Егор, в душе немножко сожалея о том, что погода портится.

— Природа против нас. — Произнесла Тамара, умеющая видеть во всем дурные знаки.

— Природе все равно, у нее свои заботы, ей не до нас. — Сказал Егор.

Тамара промолчала, но не преминула пустить в Егора один из своих взглядов, в котором были собраны все те сиюминутные чувства, которые она испытывала к мужу. Егор в который раз почувствовал, как трещина между ним и Тamarой стала еще шире.

— У меня ушки закладывает. — Пропищала Катя.

— Сглатывай. — Посоветовал ей брат. — Поможет.

Катя вытянула шею и сделала гротескный глоток, словно проглотила яблоко целиком.

— Помогло? — Спросил Егор.

— Да.

Они проехали мимо небольшой запущенной беседки. Когда-то здесь останавливались туристы, фотографируясь на фоне живописных гор и не менее живописной долины, дно которой разрезала тонкая полоска реки. От беседки почти ничего не осталось. Кострище посередине давало понять, на что ушли большая часть досок, из которых она была сколочена.

— Уныло стало. — Произнесла Тамара.

— Да. — Согласился Егор. — Все по морям стали ездить.

Дорога сделала крутой поворот и вывела на ровную площадку, на которой могли поместиться несколько автобусов. Именно для них она и была создана. Над площадкой стояла арочная инсталляция, сделанная в советских традициях из арматуры. Облезший щит, приваренный к ней, гласил, что это место и есть Черная пещера.

Площадка не была пустой. Одна легковушка стояла перед входом в пещеру.

— Ну вот, уединиться не получится? — Тамара снова нашла минусы.

— Да ладно тебе, может в компании веселей будет.

Егор остановил машину недалеко от края площадки. Матвей вскочил из машины и бегом подбежал к краю. Вид был потрясающий.

— Здорово! — Сказал он отцу, когда тот подошел и стал рядом.

Егор хорошо помнил тот день, когда он точно так стоял на краю площадки и смотрел по

сторонам. Тогда он испытал торжественное благоговение перед красотой природы, перешедшее в благоговение перед красотой Тамары.

Она тоже подошла к краю, держа за руку Катю. Егор украдкой следил за ней, пытаясь понять, что за чувства рождаются в ее душе. На мгновение ему показалось, что в ее глазах мелькнул огонек, но Егор не был уверен, может быть и показалось.

Вход в пещеру был в двадцати шагах от края площадки. Все стены перед входом были либо исписаны краской, либо испорчены выбитыми в скальной породе надписями. Смотрелись надписи отвратительно, особенно на контрасте с красотой природы.

Егор экипировал семью налобными фонарями, когда в пещере раздался собачий лай. Вскоре за ним на белый свет явилась семья, которой принадлежал стоящий на площадке автомобиль. Упитанные муж с женой, примерно под сорок и два таких же упитанных сыночка-двойняшки, примерно ровесники Матвея. Они увидели, что не одни и направились к машине Егора, подслепо шурясь на яркий солнечный свет.

— Здравствуйте! — Поприветствовал отец семейства семью Егора. — Молодость наверно, решили вспомнить, как и мы?

Егор и Тамара переглянулись.

— Типа того. — Сказал Егор, не желая распространяться об истинных причинах.

— Понятно. — Покачал головой мужчина. — Там запустенье страшное.

— Да, не пещера, а отхожее место стало! — Эмоционально вмешалась супруга мужчины.

Карликовый терьер в ее руках беспрестанно ерзал, как будто его мучили глисты. Внезапно он истерично залаял, перейдя на вой, если только это можно было назвать воем. Скорее визг.

— Сейчас маленький, домой поедет. — Женщина попыталась успокоить собаку, но тот вырвался из ее рук, неловко упал на землю, подскочил и побежал по дороге. Семья ринулась ловить собаку.

— Им полезно побегать. — Произнес вслед Матвей.

— Пошлите, посмотрим, что их так напугало.

Егора начинали мучить сильные сомнения. Он уже сам видел во всем дурные знаки. Священное для него и Тамары место было засрано туристами, и выглядело совсем не священным, совсем, как их совместная жизнь, так трепетно и возвышенно начавшаяся с этого места и совершенно засранная взаимными обидами и упреками за пятнадцать лет.

Егор вошел в пещеру без бывшего энтузиазма. В нос ударил запах нечистот. Следовало внимательнее смотреть под ноги. Начало пещеры было узким, но метров через пятнадцать она переходила в широкий грот, разветвляющийся на несколько узких тоннелей. В молодость, все ответвления были закрыты из-за потенциальной опасности камнепада, или из-за того, что кто-то мог просто заблудиться в лабиринтах ходов.

Егор нечаянно пнул бутылку. Та загремела о камни, но не разбилась.

— Смотрите внимательнее под ноги. — Еще раз предупредил он семью.

Еще несколько шагов и проход перешел в огромную пещеру. Яркие пятна фонариков резко перескочили от стен к далекому потолку. Катюшка не удержалась и охнула от неожиданности.

— Какая большая! — Восхитилась она, поворачивая голову с фонариком из стороны в сторону.

Пятно фонаря скакало по стенам грота, по сталагмитам на потолке и почти терялось на

противоположной стороне пещеры.

Егор перед путешествием подробно продумал культурную программу. Вначале он хотел провести ознакомительную экскурсию по пещере, затем выйти на свежий воздух и приготовить шашлыки, потом снова вернуться в пещеру с готовыми шашлыками и бутылкой вина. Во время трапезы Егор рассчитывал вставлять в разговор воспоминания о том, как они с Тamarой познакомились, разбавляя подробностями, о которых Тамара может быть уже и забыла. А потом он собирался показать детям и Тамаре надпись, сделанную тайком от всех. Ее он сделал во время мучительных порывов заговорить с красавицей Томой, тогда, пятнадцать лет назад. Жена ничего не знала об этом, а потому должна быть удивлена тем, как ее хотел добиться пылкий юноша. Вино и атмосфера должны были сформировать у супруги позитивный заряд. Главное, чтобы все прошло так, как задумал Егор.

Егор поставил на пол большую лампу с мощными батареями и включил ее. Широкий пучок света выхватил из темноты приличную часть пещеры. Романтический настрой портил беспорядок вокруг. Бутылки, упаковки и прочий мусор устилали пол пещеры.

— Ну, это мы уберем. — Проговорил вслух Егор. — А пока, предлагаю выйти наружу и приготовить шашлыки.

Семья выбралась наружу. После прохладной пещеры на улице казалось еще жарче и душнее. Воздух не двигался, предвещая непогоду.

Семья с собачкой еще не уехала. Отец семейства что-то пихал в багажник и потом с трудом пытался его закрыть.

— Связь пропала у всех. — Крикнула, вышедшим из пещеры Горбуновым, упитанная мамаша. — Прямо посеред разговора.

Егор вынул из кармана телефон. Связи действительно не было. У жены и детей связи тоже не было. Егор догадался, что где-то в районе ближайшей вышки отрубился свет, и это скорее всего из-за непогоды, которая вот-вот доберется и сюда.

— Я думаю, там, за горой, гроза идет, из-за нее и света нет.

— Ах, вот почему наш Тотошка так нервничает. Он до ужаса боится грома. — Посетовал мамаша, приглаживая хвостик на голове собачки.

— Ладно, мы поехали. — Отец семейства, наконец, захлопнул крышку багажника. — Приятно было познакомиться.

Он уселся за руль. Машина качнулась под его весом. Мужчина погудел клаксоном на прощанье. Егор и Тамара помахали им вслед.

Странное что-то творилось в природе. Егор обратил внимание, что ему приходится постоянно сглатывать, чтобы убрать заложенность ушей. Жена и дети тоже жаловались на то, что у них постоянно закладывает уши. Егор списал это на более разреженный воздух в горах.

Командир лодки, капитан первого ранга Татарчук, выбрался на свежий воздух, чтобы лично убедиться в странном прогнозе погоды, полученном от метеоспутников. От горизонта и до горизонта стояла ясная погода. Воды Атлантики мягко окатывали округлые черные бока судна. Внешне, ничто не предвещало непогоды. Командир пробубнил под нос свое мнение о работе метеорологов, вспомнив недавнее фото с игральными костями, на сторонах которых, вместо точек, были нарисованы схематичные изображения погоды: солнце, дождь, туман, ветер. Подпись под фото гласила, что это основной инструмент метеоролога. Судя по

погоде, которая стояла в северной Атлантике, так и было.

Татарчук вспомнил про ветра и штормы в Северном Ледовитом океане. Как они огибали Скандинавию и слышали сигнал бедствия от рыбацкого судна. Но помочь было нельзя. Миссия корабля была совершенно секретной и светиться было нельзя, даже с благородной целью. Впереди было Северное море, нужно было проверить флот Её Величества на способность обнаружить российскую АПЛ вблизи ее берегов.

Англичане дружно проморгали огромный корабль в своих водах. Выполнив первую часть миссии, лодка направилась к американским берегам. Всплывать на поверхность они не собирались, и если бы не странный прогноз, то весь маршрут они преодолели бы под водой.

Трое офицеров стояли рядом с командиром. Они так же недоуменно смотрели по сторонам, пытаясь сопоставить то, что они видели собственными глазами, с тем, что было на самом деле.

— Ну, разве, что тихо очень. — Заметил капитан-лейтенант Гренц.

Но подлодка не стояла на месте и ветерок, вызванный ее движением, обдувал людей. Если бы она остановились, то экипаж заметили бы сразу, что воздух не движется совсем. Водная гладь вокруг скорее напоминала поверхность озера в тихую погоду, чем океана.

— Ладно, погружаемся. — Приказал Татарчук.

Офицеры поднялись по «отливу» к люку. Последним забрался в него сам командир подводной лодки. Он бросил последний взгляд в сторону горизонта, прямо по маршруту. Ему показалось, что какая-то темная полоса протянулась вдоль всей его линии.

— А ну-ка, принесите мне бинокль. — Попросил он Гренца.

То, что можно было принять за игру воображения, вызванную движением нагретого воздуха, на самом деле оказалось чем-то более осязаемым. Темная полоса была похожа на приближающийся грозовой фронт. Ничего странного не было в этом, их предупреждали, но не было видно вспышек молний. Командира это удивило, но не напугало. В конце концов, он не метеоролог и не обязан знать, как устроены грозы в северной Атлантике.

Перед тем, как закрыть люк, он увидел, как по воде пробежала рябь от ветра. Зайдя в рубку управления, Татарчук заметил волнение на лицах дежуривших офицеров.

— Что стряслось? — Спросил он, занимая свое место.

— Товарищ капитан, там это, с других подлодок идут странные передачи...

— Какие еще передачи? — Перебил командир офицера.

— У берегов Америки начался сильный ураган. Они говорят, что корабли уносит в океан ветром.

— Понятно. Значит, прогнозы не врут, как ни странно. Что, прям так и уносит, как пиратские каравеллы? — Иронично, не по уставу, переспросил командир.

— Мы получили сообщение открытым текстом с «Корейца». Они говорят, что ураган начался внезапно. Было тихо, и вдруг, начался ветер. Перед этим в эфире была некоторая паника на американских кораблях. Но на «Корейце» посчитали, что это свойственно американцам, по любому случаю, на который нет инструкций, устраивать панику.

— А потом? — Татарчуку уже не терпелось услышать продолжение.

— Потом, начался ураган, и американский флот понесло в открытый океан.

— Ну-ка, включите мне эфир. Что там сейчас говорят? — Татарчук обернулся к другому связисту. — Что там наш штаб на это говорит?

Молодой офицер, для которого этот выход был первым, принялся рьяно исполнять

приказание. Эфир подключили к громкой связи, и тесную рубку наполнил шум переговоров. Не надо было быть лингвистом, чтобы понять, что тон переговоров испуганный, местами истеричный.

— Кто понимает, что они говорят? — Татарчук обвел взглядом команду.

— Ээээ... трудно разобрать, мешается всё в одну кучу. Только матерятся понятно. — Ответил старший лейтенант Ляхов, знающий английский.

— Это мне и без тебя слышно, что матерятся, конкретнее скажи.

— Говорят, что флота у них больше нет...

В этот момент в лодку словно врезалось что-то. Удара не было, но ее качнуло градусов на тридцать. Все кто не держался, попадали. Через несколько секунд по обшивке загремела частая дробь, словно лодка попала под град. Татарчук кинулся к офицерам, управлявшим лодкой.

— Что? Что происходит? Что это за хрень?

Никто не знал, что ответить командиру.

— Мы меняем курс. — Ответил один из вахтенных офицеров. — Нас сносит.

— Как так, сносит? — Татарчук не мог представить, что течение может что-то противопоставить мощному двигателю судна. — Что там со штабом? — Наконец вспомнил он про свое распоряжение.

Молодой офицер передал наушники командиру.

— Всем флотам! Чрезвычайная ситуация! Ураган движется с запада с примерной скоростью триста километров в секунду. Субмаринам уйти на максимальную глубину, надводному флоту стать против ветра. О получении приказа доложить.

— Капитан первого ранга Татарчук, апл «Пересвет», приказ принял. Начинаем погружение. — Татарчук снял наушники. — Погружаемся на четыреста метров. — Отдал он приказ.

К тому моменту, когда командир оторвался от наушников, стало ясно, что корабль не управляется. Его постоянно кренило из стороны в сторону. За шумом барабанной дроби, причина которой была еще не ясна, слышались натужные скрипы корпуса лодки, испытывающего колоссальные перегрузки. Зашумели цистерны набирающие воду. С каждым метром погружения дробь по корпусу стихала и лодка все лучше откликалась на руль.

Все офицеры в рубке молча ждали, когда судно наберет максимальную глубину. По громкой связи все еще слышался английский мат. Никто не хотел бы сейчас оказаться на поверхности океана. Связь начала теряться. Голоса стали теряться в шуме и затихли совсем.

— Триста метров в секунду, это сколько если на километры в час перевести? — Спросил Гренц.

Он не стал дожидаться, когда ему ответят, взял листок и перевел в более понятные единицы. Его глаза округлились, когда он получил результат. Офицер еще раз перепроверил себя.

— Тысяча километров в час? — Сказал он ошарашено. — Этого не может быть?

Его перепроверили. Цифры сошлись. Все офицеры, что находились в рубке управления молча уставились на командира корабля. Татарчуку пришлось скрыть внутреннюю неуверенность за командирским тоном.

— Не бздеть, товарищи. Это не Третья Мировая, как-нибудь переживем этот ураган. На такой глубине он нам совсем не страшен. К тому же, вы все слышали, американцы сказали, что у них теперь флота нет. — Татарчук снял фуражку и вытер пот с лысой головы платком и

добавил. — Природа за нас.

По корпусу все же иногда раздавались удары. Они были реже, и звук удара был слабым. Пришло время обеда, но расходиться никто не собирался. Татарчук стучал пальцами ритм по стойке. Акустики слушали окружающее пространство, заполненное несвойственным ему шумом.

— Виктор, посчитай, пожалуйста, за сколько часов ветер дойдет до России, если не потеряет силу.

Просьба была направлена Терехину Виктору, капитану второго ранга, товарищу по жизни, и заместителю по службе. Терехин взял в руки авторучку, листок бумаги.

— На какой широте мы находимся? — Спросил он у офицера, управляющего лодкой.

— На тридцати градусах к западу от Гринвича.

Терехин подошел к карте, висящей на стене, и отмерил линейкой расстояние.

— До Москвы мерить?

Татарчук утвердительно кивнул головой. Терехин вымерил расстояние и перенес числа на листок. Сделал подсчет.

— Примерно, через шесть с половиной часов. Вернее, через шесть, потому что все началось полчаса назад.

— Ерунда какая-то? — В сердцах произнес Татарчук. Не может такого быть.

Он замолчал. В наступившей тишине слышны были гулкие удары по корпусу субмарины.

— Дежурным остаться в рубке, остальные по своим местам. Донести команде о чрезвычайной ситуации, но без лишних эмоций.

Погода над Тихим океаном, в районе Гавайев, была безоблачной. Джейн зажмурилась и представила себя на белоснежном пляже. Никакой работы, только песок, нежно-теплая вода океана и отличный коктейль, чтобы расслабиться. Джейн решила для себя, что как только она пройдет все процедуры по адаптации к силе тяжести, сдаст весь научный материал, собранный за время работы на МКС, то сразу отправится на Гавайи. Она была в детстве, вместе с родителями на острове Мауи, и с тех пор, картинка с белоснежными пляжами прочно засела у нее в памяти, всякий раз напоминая о себе, когда телу требовался отдых.

Коллеги-космонавты из России находились в своем модуле, где занимались совершенно непонятными для Джейн опытами. В одиночестве Джейн могла позволить себе побыть маленькой девочкой. Она уткнулась носом в иллюминатор, расплющив его о прохладное стекло. На острова легла красная полоса заката, отразившись в океане. Джейн представила, как красиво это смотрится с земли. Гонолулу обозначился загорающимися огнями.

Внимание Джейн привлек облачный фронт, формирующийся севернее гавайских островов. Она готова была поклясться, что его не было минуту назад. Но она могла и просмотреть, увлекшись мечтами об отдыхе. Земля пропала из иллюминатора и некоторое время в нем были видны только мерцающие звезды в бесконечной тьме космоса. Снова яркий диск планеты показался в круглой амбразуре иллюминатора. Джейн уже ждала когда покажется тот самый атмосферный фронт. За время нахождения на борту станции, она сотни раз наблюдала формирование ураганов и готова была поклясться, что этот фронт не походил ни на один прежний.

Снова показался океан, окрашенный багрянцем заката. Огоньков на островах стало

больше. В иллюминатор вошел край вытянутой облачности. У Джейн глаза чуть не выскочили из орбит. За минуту, что станция совершала оборот, участок облачности увеличился вдвое. Как такое могло произойти? Вытянутый облачный фронт совсем не походил на формирование урагана, закручивающегося спиралью. И уж точно он не набирал силы с такой скоростью.

— Хьюстон, это Джейн Оукленд, не подскажите, что за хрень начинается к северу от моих Гавайев? Готова поклясться, что эта штука растет на глазах. Скажите мне, что американский флот производит учения с дымами.

— Привет, Джейн. Это Чак. Мы знаем не больше твоего. Метеоспутники зафиксировали природные аномалии там, где ты сказала. Локальное увеличение атмосферного давления, больше тысячи миллиметров ртутного столба. С чем это связано мы пока сказать не можем. Не удивлюсь, если это военные балуются с климатическим оружием.

— Как не вовремя они затеялись с ним. Я только размечталась об отпуске на пляжах Мауи.

— Забудь. Наш босс считает, что ты и так в отпуске. По возвращении тебя ждет целая гора работы.

— Не напоминай мне об этом.

Пока Джейн разговаривала с ЦУПом, станция совершила три оборота. Джейн снова глянула в иллюминатор, в котором показалась Земля. Гавайи погружались в ночь, и на этом темном фоне, отражая свет заходящего за горизонт солнца, разрасталось огромное красное пятно. Джейн кольнул в сердце суеверный страх. Пятно очень напоминало расходящийся по лесу пожар.

— Чак, пятно растет! Что говорят станции метеонаблюдений?

— Подожди, сейчас проверю.

Чак выпал на долгие пять минут. Все это время девушка провела возле иллюминатора. Она готова была поклясться, что пятно растет на глазах. Джейн представила с какой скоростью двигается атмосферный фронт, если это хорошо заметно из космоса. Можно было отнести это явление к какому-нибудь оптическому феномену, что скорее всего и было, но внутренний голос девушки подсказывал ей, что все очень серьезно.

— Джейн, Джейн! — Раздался встревоженный голос Чака.

Его встревоженное лицо появилось на мониторе. Все чувства красноречиво проявлялись на нем, поэтому Джейн сразу забыла про оптическую иллюзию.

— Что это, Чак?

— Это формирующийся ураган, но природа его формирования совсем не связана с потоками горячего и холодного воздуха. Это что-то новое. И ты знаешь, связь прекратилась со всеми, кого он уже накрыл. Я смотрел снимки со спутников, это что-то нереальное. Фронт вытянут. Я не могу взять в толк, как там формируется ветер.

— У меня те же вопросы, Чак. Я перевидала много погодных аномалий, но это самая непонятная.

— Ты сейчас видишь его?

— Нет, уже ушла. Минут через сорок буду.

— О кей, тогда через сорок минут выйдем снова на связь. А пока я подключусь к обсуждению этого явления с коллегами. Ты не представляешь, какой срач начался у них по поводу причин этого урагана.

— Да начнется срач, Чак. Удачи!

Экран потух. Джейн немного успокоилась после разговора с коллегой. Ей подумалось, что ученые как-то смогут понять причины погодной аномалии и как-то повлиять на нее. Джейн вдруг стало скучно и она отправилась на российскую половину станции. Семен и Игорь сосредоточенно пялились в приборы и не сразу заметили бесшумно влетевшую к ним девушку.

— Привет, задроты. Как успехи?

— Привет, Джейн. Все по плану, согласно утвержденного графика. — Ответил Семен.

— Пока вы тут пялитесь непонятно куда на нашей планете происходят всякие чудеса.

— Ты о чем? — Не понял Игорь.

Он одним глазом смотрел на Джейн, а вторым пытался следить за приборами.

— В Тихом океане начинается какой-то странный ураган. Я его увидела с самого зарождения. Небо было чистым и вдруг, начал формироваться облачный фронт. Он стал расти с невероятной скоростью. За несколько минут он увеличился в разы. Ваши не выходили с вами на связь?

— Нет, но мы можем сами их спросить.

— Спросите, очень интересно, что они знают по этому поводу.

— Ну, хорошо.

Игорь Кружалин включил связь. На экране появился дежурный ученый.

— Привет, Михаил. Не по графику. У нашей американской коллеги есть вопросы по поводу необычного формирующегося урагана в Тихом океане, ты что-нибудь слышал об этом.

— Привет, Игорь. Не то слышал. У нас уже срочное совещание по этому поводу. Всех собрали, как-будто Третья Мировая началась. Там онлайн все сидят. Не знаю насколько все серьезно, и чем может это грозить нам? Это их хлеб, пусть сидят, обсуждают, а у меня еще четыре часа до конца смены, а потом два дня выходных.

— Не сознательный ты ученый, Михаил. — Пошутил Игорь.

— Зато сознательный рыбак. Давай, до связи. Будет что важное, обязательно расскажу.

— Хорошо, Михаил, до связи.

Джейн во все глаза смотрела на Кружалина. Она знала немного русский, но беглую речь воспринимать не успевала. Ей очень хотелось узнать, о чем рассказал коллега Кружалина.

— Ничего внятного мне не сказали, но проблема, по всей видимости, серьезная. Ученые со всего мира гремят котелками, пытаются понять, что за аномалии происходят. Ты не расстраивайся Джейн. — Кружалин заметил на лице девушки печальную тень. — Все будет хорошо. Мало что происходит на Земле каждый день. Глядишь, к следующему обороту все будет хорошо.

Джейн посмотрела на часы. Она ничего не ответила. Просто, молча уплыла на свою половину.

К следующему обороту ничего не изменилось. Наоборот, стало еще хуже. Над Гавайями уже сгустилась ночь. Пятна городов мерцали во тьме. Все было достаточно мирно, если не считать приближающегося к ним темного пятна странного урагана. В голове девушки не укладывалось, как он мог двигаться с такой скоростью.

Джейн пригляделась и отметила, что форма урагана изменилась. Если сорок минут назад он было больше похож на веретено, с утолщением в центре, с краями направленными строго в стороны полюсов, то теперь он был похож на трапецию. Причем основание ее находилось на том же месте, что и раньше, а сторона противоположная основанию, росла на

восток.

Раздался стук, а потом в отсеке показалась голова Игоря.

— Можно?

— Заходи. Есть новости?

— Да, есть. Они не очень хорошие. Спутники фиксируют ветер, который движется со скоростью триста метров в секунду.

Джейн окатило с головы до ног.

— Но этого не может быть. Откуда он взялся?

Она прильнула к иллюминатору. До нее вдруг дошло, что сторона трапеции,двигающаяся на восток, и есть тот самый ветер. Кружалин посмотрел из-за головы девушки. То, что он увидел, впечатлило его достаточно сильно. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с подобными природными явлениями им сталкиваться еще не приходилось.

Джейн попыталась связаться со своим ЦУПом.

— Хьюстон, ответь. Что у вас происходит?

Экран горел, но дежурного у него не было. Позади рядов столов и кресел показалась беготня.

— Эй, Хьюстон, что у вас там за хрень происходит? — Голос Джейн задрожал.

Кто-то, по ту сторону экрана слышал ее крик и подбежал к переговорному устройству.

— У нас эвакуация, мисс Оукленд. Никакой организации, поэтому, боюсь, что с вами некоторое время не будут поддерживать связь. Извините, но мне надо бежать, успеть спрятать семью.

Джейн не помнила, как звали этого человека. Видела его пару раз. Он даже не стал отключать экран связи, позволив наблюдать, как панически бегают люди. Джейн вспомнила про родителей, и ей очень захотелось сообщить им об урагане, чтобы они успели спрятаться. Им позволялось иногда общаться с родителями через интернет, но для этого требовалось заблаговременное согласование с начальством. А ему, видимо, сейчас было не до того.

Игорь почувствовал, что творится на душе у Джейн.

— Кто у тебя там? — Спросил он, понимая, о чем беспокоится девушка.

— Родители, они у меня живут в пригороде Сан-Франциско.

— Хочешь, попробуем дозвониться до них через наш ЦУП?

— Спасибо, Игорь, буду признательна.

В российском ЦУПе паники было меньше, но беспокойство все ощущалось.

— Игорь, с погодой происходит что-то необъяснимое. Атмосферное давление перед фронтом падает очень сильно. Как это происходит, непонятно, но это способствует тому, что ветер набирает огромную скорость.

— Михаил, скажи, ты можешь помочь Джейн позвонить ее родителям. Они живут у нее на западном побережье. Она очень переживает за них, а с Хьюстоном действительно проблемы.

— Минутку, сейчас до сисадмина дозвонюсь.

Михаил с кем-то пообщался, без микрофона.

— Да, можно, три минуты, набирайте адрес.

Компьютер у родителей ответил почти сразу. Мать Джейн, разбитая слабой связью на квадратики взволнованно обратилась к дочери.

— Привет, Джейн. У нас тут черти что происходит. Все куда-то едут из города. На

дорогах пробки. По телевизору сказали про ураган, но мы то с отцом знаем когда он начинается. На небе ни облачка. Не знаю, что эти власти снова удумали?

— Мама, мам, на этот раз власти не ошиблись, ураган идет, и он будет очень сильным. Прячьтесь с отцом и ждите, пока все не закончится. Еды с собой возьмите, зарядите телефоны. Все очень серьезно, мне отсюда все хорошо видно.

— Хорошо, Джейн, мы спрячемся в подвале. Хотя я думаю, что нашему каменному дому ни один ураган не страшен. Сколько всего он пережил, и даже в восемьдесят девятом ему ничего не случилось. Отца будет трудно затащить в подвал. Он у тебя такой упертый, как осел.

— Мам, я на вас рассчитываю, что вы у меня умные и сделаете, как надо. У меня мало времени, русские дали мне три минуты. Так что приятно было повидать вас, и надеюсь, что вы поступите правильно. Пока, целую тебя и папу.

— Пока Джейн, мы тоже тебя целуем. Не сиди близко от окна, а то просквозит.

Экран сменился картинкой ЦУПа.

— Прости, Джейн, время истекло. Позовите Семена, у нас для него будет кое-какая информация. Конфиденциально. — Михаил сделал упор на последнем слове.

Джейн все поняла и улетела в свой отсек. Она немного успокоилась и почувствовала, как у нее заиграл аппетит. Какой-то витаминный салат с сильным привкусом брокколи, а потом и жареная курочка из тюбика успокоили нервную систему. Джейн решила, что паниковать бессмысленно, и будет лучше, если она займется своей работой.

Егор установил мангал, насыпал в него углей, полил их жидкостью для розжига и уже собирался поднести спичку, как воскликнула Катюшка.

— Ой, а у меня кровь из носа идет? — Дочь подняла к глазам руку в крови и сморщилась, готовая заплакать.

Тамара подскочила к дочери.

— Ой, Катюшка, запрокинь голову. Егор! Принеси аптечку!

Егор стрелой кинулся к машине. В душе у него уже появилось предчувствие, что путешествие сюда было дурацкой затеей. Ничего хорошего из него не выйдет. Егор схватил аптечку и бегом вернулся к жене и дочери. Вынул из него вату и отдал жене. Сам схватил гипотермический пакет и раздавил его содержимое. Пакет стал холодеть на глазах.

— Приложи к переносице. — Попросил он Катю.

Девочка послушно взяла пакет и пока мать вытирала ей ватой кровь, положила его на лицо.

— Как чувствовала я, что не стоило ехать сюда. Нет же, послушала тебя и получилось как всегда. — Приговаривала Тамара.

— Я хотел, как лучше. Может быть, мы со смехом будем вспоминать наши приключения еще через пятнадцать лет? — Пытался оправдаться Егор.

— Это вряд ли. Собираемся и едем назад. — Жестко сказала жена.

— А шашлык? Мясо ведь замариновали столько?

— Ты не видишь, что Катюшке не до шашлыка, да и я что-то потеряла аппетит. Нет никакого желания продолжать это путешествие. И не стоило на него соглашаться.

— Мам, а мне здесь нравится. Может, у Катюшки больше не будет идти кровь? — Матвей, кажется, отошел от городской зависимости.

— Может, не может. Мы вдалеке от цивилизации, случись что и некому будет помочь.

До ближайшей больницы почти двести километров!

— Мам, не переживай, я хорошо себя чувствую. Смотрите уже и ветерок подул.

Листья деревьев на самом деле зашелестели. Духота сразу спала. Тамара встала и задумалась. Ее лоб прорезала мощная складка, губы были поджаты. Егор часто видел такой Тамару и стерпеть эту напряженную позу Тамары было тяжелее, чем согласиться с ней.

— А может, мама права? Может, домой.

— Нет! — К общему удивлению Матвей высказался против материнского решения.

Он отвернулся ото всех и решительно направился на край площадки.

— Мам, я хочу посидеть в пещере со светом. — Подлила масла в огонь дочь.

На лице Тамары удивление сменилось размышлением.

— Только не жалуйтесь мне потом, что вам здесь не так комфортно, как дома.

Её ответ был сигналом к тому, что можно поджигать угли. Огонь вспыхнул и заметался под легкими порывами ветра.

— Пап! Мам! Смотрите туда! — Матвей стоял на краю площадки и указывал рукой куда-то вправо.

— Иди, глянь. — Сказал Тамаре Егор, начиная насаживать маринованные кусочки свинины на шампуры.

Катюшка осталась с отцом. Её очень интересовал процесс приготовления шашлыка.

— Пап, а можно я сама их на мангал положу? — Спросила она.

— Разумеется, Катюх. На бери эту палочку и клади на самый краешек.

— Егор! — Тревожно крикнула Тамара, которая стояла рядом с Матвеем.

Егор встал и вопросительно посмотрел на неё. Он заметил, что ветер уже не просто колышет листья, а уже начинает их трепать как следует.

— Кать, смотри, чтоб под палочкой огня не было, а я пойду к маме подойду.

— Аха, поняла.

Егор подошел к жене с сыном.

— Смотри, что это?

Тамара указывала на линию горизонта, правее того места, которое не загорала гора. Примерно туда, откуда они приехали. Горизонт был черен.

— Гроза будет. — Констатировал явление Егор. — Может, мангал пока не поздно в пещеру занести.

— Занеси, а то мы и шашлыков не поедим.

— Матвей, пошли, поможешь мне.

Катюшка стояла у костра и старательно вертела единственную палочку шашлыка. Из носа у нее торчали кусочки ваты, делая ее сосредоточенный вид немного смешным. Егор взялся за ножки мангала с одной стороны, сын с другой и пятась спиной они вошли в пещеру. Егор включил налобный фонарь и постоянно оборачиваясь подсвечивал себе дорогу.

— Матвей, я пойду принесу мясо и шампуры, а ты пока разгреби мусор вокруг мангала, не дай бог загорится еще от углей.

Когда Егор подходил к выходу из пещеры он услышал протяжный вой идущий снаружи. Он напоминал работу реактивной турбины. Егор ускорился и выбежал. На улице творилось светопреобразование. Мощный ветер, подняв с земли все, что можно сорвать, нес по воздуху. Коричневый от пыли, песка, старой листвы и прочего ветер с чудовищной скоростью проносился над землей. Казалось, что его скорости хватит сорвать с земли взрослого человека.

Егор испугался за жену с Катюшкой. На площадке их не было и порыв страха, выступивший на лбу испариной, заставил его метнуться к краю площадки. Взгляд Егора скользнул по машине, и к сильному облегчению он заметил, что через стекло, приплюсившись к нему носом, на него смотрит его дочь. Егор сменил траекторию и подбежал к машине. Он успел заметить, как ветер буквально отрывает его поверхности. На памяти Егора таких сильных ветров не было ни разу.

— Слава богу, вы здесь, чёрте что творится в природе. — Облегченно сказал Егор, видя, что и Тамара сидит на заднем сиденье. — Что? — Спросил он ее, видя, что та бледная, как полотно.

— Я... я..., видела, как пронесло... машину красную, прямо по воздуху. — Сказала она, разделяя слова, словно контуженная.

— Да показалось, наверное. — Успокоил ее Егор

Он завел машину и подогнал ее вплотную ко входу в пещеру.

— Открывай дверь и сразу в пещеру. — Приказал им Егор.

Тамара взяла за руку дочь и, приложив усилия, чтобы открыть дверь вышла наружу. В машине заметалось все, что было не закреплено. Егор отметил, что в течение минуты, с того момента, как он вышел из пещеры ветер усилился еще. Деревья, росшие по краям площадки, стояли почти голые.

Егор подтолкнул дверь плечом и, преодолевая сильное сопротивление, вышел наружу, чуть не упав. Порыв ветра ударил так сильно, что двинул автомобиль. Если бы Егор не ухватился за ручку двери, то мог уже валяться на земле. Тамара с опаской смотрела на попытки мужа прихватить ведро с маринованным мясом, которое ветром прижало к самой скале.

Она что-то прокричала. Егор не расслышал, но понял, что ему предлагают плюнуть на мясо и вернуться в безопасное пространство пещеры. Егор не мог так поступить. Он слишком много вложил души в этот шашлык. Смекнув, что ветер у самой скалы немного тише, Егор обошел машину и приставными шагами направился к ведру.

Егор готов был поклясться, что ветер усиливается с каждой секундой. Если раньше ему была видна дорога, ведущая к площадке, то теперь только край площадки, а за ней одна коричневая мгла. Раздался треск и дерево, растущее на краю площадки, сломалось пополам. Верхняя половина не упала на землю, а болталась на ветру, как флаг. В этот момент Егору стало по-настоящему страшно. Он схватил ведро, и торопливо направился в пещеру.

— Вот ты дурак! — С ходу поприветствовала его Тамара.

Но вместо дальнейших оскорблений она прижалась к груди мужа.

— Мы с Катькой испугались за тебя, дался тебе этот шашлык?

— Простите, девочки, я на все могу наплевать, но только не на шашлык.

— Пап, это хулиганство. — Сказала Катюшка отцовскими же словами.

— Ладно, понял, больше не буду.

Егор посветил фонарем в ведро. Вместо шашлыка на поверхности ведра блестел мокрый мусор.

— Вот же гадство, а? — Егор зачерпнул с поверхности мусор и отбросил его в сторону. — Такое мясо испортил!

— Как думаешь, надолго этот ураган? — Спросила Тамара, глядя на беснующиеся силы природы.

— Я не специалист по ураганам, но мне кажется, что это явление скоротечное, в наших

краях, по крайней мере.

— Я такого ветра никогда не видела. — Произнесла Тамара.

— Я пока шел за этим шашлыком подумал, что мы в центре смерча. Не может ветер с такой скоростью двигаться широким фронтом.

— Нам, может машину привязать к чему-нибудь, чтобы не унесло ветром? — Предложила Тамара.

Егор глянул на свой автомобиль. Порывы ветра шатали его из стороны в сторону. Не бог весть какой это был автомобиль, разменявший второй десяток, но Егор уже сроднился с ним и считал его членом семьи.

— Подожди, я сейчас.

Егор снова выскочил наружу и прямо у входа упал, сбитый ветром. Тамара и Катюшка ахнули.

— Все нормально! — Прокричал им Егор, ухватившись за колесо.

Егор просунул пальцы в отверстия на диске колеса и подтянулся к машине. Примерно в метре от стены существовала некая мертвая зона, где ветер был слаб, но дальше ветер уже просто срывал с места. Края площадки уже не было видно, как и того поломанного дерева. Ветер выл на такой низкой ноте, что этот вой резонансом отдавался на корпусе автомобиля. Егор, не вставая, открыл ключом багажник и нащупал там трос. По-быстрому вставил его в проушину и ползком вернулся в пещеру. Когда Егор почувствовал себя в безопасности, он позволил себе немного полюбопытствовать — рассмотреть природную стихию в подробностях.

На смерч это не было похоже. Огромная скала, в которой и находилась пещера, была в диаметре намного больше любого смерча. Следовательно, смерч никак не мог крутиться вокруг нее. Да и не было на его памяти никаких смерчей в этой местности. Получалось, что это был ветер, ураганный ветер невероятной силы, и на равнине он должен был быть еще сильнее, так как пещера находилась с подветренной стороны. Егору хотелось верить, что стихия имела локальный характер и случилась только в этом, относительно безлюдном месте.

— Идите к Матвею, возьмите мясо и попробуйте сделать с ним что-нибудь.

Девчонки повиновались. Есть такая у женщин черта — в сложной ситуации они становятся очень понимающими и исполнительными. Егор осмотрелся в поисках чего-нибудь к чему можно прикрутить обратный конец троса. И нашел. Старая ржавая петля от ворот, закрывавших когда-то вход в пещеру. Петля еще крепко держалась в скальной породе. Егор привязал конец троса к ней.

В пещере уже стоял запах дыма, пропитанного ароматом маринованного мяса.

— Ничего, придется немного похрустеть песком. — Сказала Тамара, надевая на шампур очередной кусок мяса. — Зато будет что вспомнить.

— Что, там правда такой ветер, как девчонки рассказывают. — Спросил Матвей, не отходявший от мангала.

— Ты чего, там ураган, дерево сломалось. — Пропищала в нос Катюшка из-за вставленных в нос ватных тампонов.

— Хотелось бы верить, что ветер только в горах, иначе на равнине он много бед наделает. Мы даже не представляем насколько он сильный, потому что скала защищает нас от его настоящей силы. А что ты говорила про красный автомобиль? — Переключился Егор на жену.

— А, я думаю, померещилось. Игра воображения. Мне почудилось, что ту красную машину пронесло по воздуху. Теперь я не уверена, что это было на самом деле. Наверное, это у меня от испуга воображение разыгралось.

Разговоры про ураган прекратились и всё семейство, изрядно проголодавшееся за долгое путешествие, ждало когда приготовится мясо. Только Егор чувствовал, как нарастало беспокойство. Вибрации передавались по телу скалы на мангал. Егор переворачивал шампуры и чувствовал мелкую дрожь исходящую от корпуса мангала. Что за сила была у ветра способного заставить дрожать скалу? Его успокаивало только то, что таких случаев не было засвидетельствовано на всем протяжении жизни людей в этих краях. Виду Егор не подавал. Даже наоборот, старался выглядеть, как можно более беззаботным.

— А с песком шашлык даже немного вкуснее, пикантнее. — Пошутил Егор, гоняя по рту горячий кусок свинины. — Можно уже снимать.

— Ура! — Прогундосила Катя.

— Тамар, вынь ей ватку из носа, а то она глотать не сможет.

Через два часа пропала связь с Хьюстоном. Напрочь. Над Америкой еще лежала ночь, и только восточное побережье начало озаряться рассветом. Над западной частью всего североамериканского континента лежала тьма. Абсолютная, жуткая. Джейн привыкла к тому, что пролетая над родиной, она угадывала по размерам огней города. Все западное побережье, от Сан-Франциско до Сан-Диего светилось ночами напролет и еще рядом с ними, переливался бриллиантом в ночи Лас-Вегас.

Но этой ночью западное побережье и пустыня Невады были погружены во тьму. Полоса, разделявшая континент на две половины четко прослеживалась.

Что у вас там происходит? — Спросила сама себя девушка.

Сделала она это вслух, потому что ей ответили.

— Джейн. — В голосе Кружалина чувствовалась тревога. — Спутники передают, что скорость ветра даже превышает двести триста в секунду.

— Игорь, я не совсем представляю, как это выглядит на самом деле. Это очень опасно?

— Да. Теоретически, ветер с такой скоростью не оставит шансов человечеству. Он все разрушит, а то что разрушит, раздробит и измельчит и этим отполирует поверхность земли, как наждаком.

— Ужас. А что говорят ваши метеорологи, скоро этот ураган закончится. Он уже накрыл пол Америки.

— Они сами не знают. Есть еще один момент, который несет с собой этот ураган.

— Что еще?

— Он выдувает воду из океанов.

— Как это? — Джейн не смогла сразу взять в толк, о чем говорит Игорь.

— Скорость ветра высокая и ему хватает сил сдвигать часть воды с поверхности океана. Наши ученые предполагают, что там, где сейчас бушует ураган, происходит самый настоящий потоп.

— Как потоп! — Джейн встрепелась. — Не может такого быть! Этого же никогда не случалось!

— Извини, Джейн. Это всего лишь теория.

— Теория! Нахрена её выдвигать, если не уверен в ней. — Джейн как-то сжалась в

клубок. — А я ведь попросила родителей спрятаться в подвал.

— Джейн, прости. Я не подумал об этом. Думаю, с ними все будет хорошо. Как только прекратится ураган, первым делом попробуем справиться о твоих родителях.

Джейн ничего не ответила. Она снова уткнулась носом в иллюминатор. Игорь поспешно удалился, почувствовав, что девушке хочется побыть одной.

Игорь знал, что увидит, когда лучи солнца осветят страшную картину конца мира. Спутники докладывали всю информацию о происходящем в земной атмосфере явлении. Атмосферный фронт урагана одной стороной уперся в Гренландию, а другой достиг почти самой Антарктиды, замерев примерно в восьмистах километрах от ее побережья. Темная однородная пелена ветра начиналась, как и прежде, на долготе Гавайских островов, а обратная сторона накрывала последние километры Северной и Южной Америки.

Игорь и его коллега Семен не могли понять, какая сила питала этот ураган. Никаких видимых предпосылок к нему не было, да и сам характер урагана был совершенно не типичен для атмосферных явлений планеты. Мог ли он закончиться так же, как и начался, было не ясно. Начальство заставило их документировать все этапы природной стихии и соотносить их с показаниями метеорологических спутников. В какой-то момент Игорь решил, что его начальство очень большие оптимисты, раз считают, что после того, как ураган пройдет по планете их записи еще будут кому-то нужны.

Стихия накрывала планету словно одеялом. Фронт равномерно наступал по всей планете, закрывая от людских глаз все, что происходило под непрозрачным покрывалом. ЦУП докладывал, что связь прекращалась почти сразу, как передний край урагана достигал передатчика. Телеканалы и радиостанции вещаемые из обеих Америк отключились, и можно было только догадываться какой силы стихия господствует там.

Эта мысль ввергла в ступор Джейн Оукленд. Она висела напротив иллюминатора, но со стороны казалось, что она не смотрит в него. Он был ей нужен, как гипнотизер, для того чтобы ввести девушку в транс. Джейн держала в руках салфетку, время от времени прикладывая ее к глазам, из которых непроизвольно лились слезы. Салфетка уже перебрала критическую влагоемкость и когда Джейн сжимала ее, шарики ее слез проступали между пальцами и кружились рядом.

— Здесь скоро начнется гроза. — Тихо произнес Игорь.

Он приплыл в отсек, чтобы успокоить Джейн, но когда увидел ее в таком состоянии, понял, что лучше ее не трогать какое-то время. Он вернулся к себе. Семен рассматривал на мониторе показания, которые ему отправили из ЦУПа. Там было все то же самое, что и час назад, кроме координат переднего края наступающей стихии. Скорость ветра выровнялась на отметке двухсот восьмидесяти пяти метров в секунду. По меркам природного явления эта скорость была близка с скорости распространения звука в воздухе. В это нельзя было поверить, если бы Игорь не видел своими глазами, как двигался передний край урагана.

Виктор Терехин находился сейчас в свободной смене. Он прошел в офицерский камбуз. Младшие офицеры уже сидели там. Они вполголоса переговаривались. По обрывкам фраз капитан второго ранга догадался, что они строят свои теории насчет того, чем было вызвано внезапное погружение.

— Да град это скорее всего был, крупный! — Доказывал один офицер остальным.

— Да, какой нахрен град! А сейчас что барабанит по корпусу? На четырех сотнях под

водой? Град-то легче воды, он плавать должен. — Тут же разбил гипотезу другой офицер.

— Ну, не знаю, тогда. Надо вон, у капитана Терехина спросить, он ведь от командира пришел?

Терехин взял обед и присел за свободный столик.

— Я, не намного больше вашего знаю. Метеослужба передала, что надвигается сильный ураган. Потом было предупреждение, чтобы подлодки ушли на глубину, а надводные суда заняли позиции строго на ветер, потому что скорость урагана невероятная, больше семисот километров в час. Вот и все, в принципе. Ну, до погружения слышно было, как янки паникуют. А что барабанит по корпусу, сказать не могу. Зацепило может быть, какой сухогруз рядом?

Офицеры внимали Терехину, и когда он замолчал, они замолчали тоже. В камбузе негромко играла музыка, мягкий свет отливал на хромированных боках столиков. Все было, как всегда, но чувство тревоги закралось в душу каждого члена экипажа подводной лодки.

Терехин пообедал и прошел в свою каюту. Остальные офицеры были на дежурстве. Виктор достал книгу, лег в шконку и попытался почитать. Мысли постоянно уползали в другую сторону. Он пытался сосредоточиться на тексте, ему удавалось минут пять вникать в него, но потом он снова замечал, что думает совсем о другом. Мысли произвольно перескакивали на недавние события.

Терехин отложил книгу. Это было не чтение, а мука. За бортом все так же слышался периодический стук. Что бы это могло быть? На ум не приходило ни одной достоверной догадки. До смены оставалось два часа. Офицер решил, что сон перед работой поможет очистить сознание и придать мыслям нужный порядок.

Ему удалось уснуть. Сон был тревожным. Постоянно снилось, что кто-то стучит по голове. Терехин пытался во сне избавиться от этого стука, но он не проходил. Зазвонил будильник. Виктор выбирался из сна, как из вязкой болотной топи. К его удивлению стук по корпусу лодки стал еще более частым.

Капитан второго ранга Терехин вошел в рубку управления. Татарчук сидел на своем месте. Он как будто не заметил вошедшего офицера. Командир лодки сидел с глубоко задумчивым выражением лица. Акустики сосредоточенно следили за экраном локатора, остальные офицеры тоже были заняты своим делом. Без объяснений Терехин понял, что положение лодки за время его отсутствия не улучшилось.

— Мы теряем глубину. — Вдруг сказал Татарчук, не поднимая глаз.

— Как это, теряем, всплываем, что ли? — Не понял Терехин.

— Нет пока. Но глубина под нами становится меньше.

— Ничего не понимаю, товарищ капитан. Нас течением снесло на мелководье? — До Терехина не доходило к чему клонит командир.

— Нет, Виктор. Мы где были, там и стоим, но глубина уменьшается.

— Товарищ капитан, я чего-то спросонья, наверное, недопонимаю, к чему вы клоните? Океан мелеет?

— Представь себе. За два часа с небольшим он обмелел на пятьдесят метров.

— Этого не может быть. Приборы барахлят, скорее всего?

— Не говори ерунды, Виктор. Мы по-разному мерили, а результат один.

— Как это, почему? Такое вообще возможно?

— Не хотел это говорить при подчиненных, но у меня поджилки трясутся от одной мысли, что там сейчас творится наверху. Там, Виктор, никакой не ураган, там, конец света.

— С чего вы решили? — Терехин был удивлен таким состоянием командира.

— Смотри, мы открыли торпедный аппарат, чтобы узнать, что же все-таки сыплется нам на голову. — Командир показал на грудку мокрого мусора, которого Терехин вначале не заметил. — Покопайся, посмотри, что мы наловили.

Терехин подошел и потрогал мусор руками. В основном это были мелкие камни, но среди них попались куски бетона.

— Ничего не понимаю. Как они могли попасть в центр океана?

— Оттуда, с суши, ветром принесло. — Пояснил Татарчук.

— Да нет, не может быть. Здесь есть другое объяснение. — Терехин не поверил в невероятное объяснение командира.

— А как по твоему? Над нами завис корабль со строительным мусором и они сыплют его нам на голову ковшами?

Татарчук пристально посмотрел в глаза Терехину.

— Пока ты спал, Виктор, мы думали и пришли к выводу, что над нами никакой не ураган, а катастрофа, с которой человечество еще не сталкивалось. Ветер уносит воду с поверхности океана. Представляешь себе его силу?

Терехин пытался переварить услышанное. Он был еще не готов поверить в такое невероятное объяснение.

— Мне кажется, вы немного драматизируете, товарищ капитан. Отдохните, а я пока возьму управление в свои руки.

Татарчук ответил в неуставной форме.

— Хорошо, Виктор. На самом деле голова кругом, немного сна не помешает.

Командир встал, окинул взглядом рубку, словно хотел убедиться, что никакого бардака за собой не оставляет, что каждый офицер на своем месте и занят делом.

— Виктор, если ситуация начнет меняться, в любую сторону, худшую или лучшую, сразу гонца ко мне. Понял?

— Так точно, товарищ капитан первого ранга.

— Ладно, в походе можно без этой уставщины.

Татарчук вышел, а Терехин сел на его место. Остальные офицеры, что заступили на вахту вместе с ним приняли доклады от сменяемых. Они так же заняли свои места.

— Докладывайте, что у нас по ситуации? — Обратился он к новой смене.

— Лодка движется по прежнему маршруту, но скорость снижена на пять узлов. Командир отдал этот приказ, чтобы избежать пробития корпуса камнями. — Ответил офицер, ответственный за маршрут субмарины.

— Эхолокация затруднена из-за большого засорения воды твердыми телами. Посмотрите сами, товарищ капитан. — Офицер показал на экран, на котором зелеными контурами вырисовывалось океаническое дно.

В настоящий момент, дно сливалось со сплошной мерцающей стеной.

— Держите глубину с запасом. — Посоветовал он.

— У нас тоже ничего не разобрать. Один сплошной вой. — Доложил акустик.

Он перевел звук на внешний динамик. Рубку заполнил жуткий воющий звук.

— Отключи его, к чертовой матери! — Терехин постарался перекрыть вой.

Акустик выключил звук и стало тихо. Только звуки ударов камней разбегались по металлу корпуса.

— Что с глубиной. Мелеет?

— На ходу сложно определить. Предыдущий замер делали стоя на одном месте.

Терехин решил не предпринимать пока никаких действий. Не могла природа поддерживать такую стихию долго. Он был уверен, что ураган стихнет в его смену. Тогда надо будет всплыть и выяснить, откуда брались камни. Виктор снова поднял к глазам кусок бетона, который выловили из торпедного аппарата. Кусочки щебня, скрепленные раствором бетона, отливали голубоватым цветом.

Его взгляд невольно задержался на полосе коричневого цвета, похожую на след от окислившегося металла. Терехин царапнул ногтем по ней. Полоса немного отшелушилась. Тогда он взял со стола ключи с металлическим брелком и попытался им потереть темную полосу. Она поддалась, из-под коричневого налета блеснул металл.

— Лейтенант Шкиряк, принесите мне какую-нибудь железку, чтобы я разбил этот камень.

Лейтенант-акустик, не задавая лишних вопросов, бросился исполнять приказание. Через минуту он вернулся с разводным ключом. Терехин положил кусок бетона на пол, предварительно подстелив под него тряпку. Буржуйский бетон нехотя крошился под ударами ключа. Наконец, капитан добрался до того места, где был заключен металл. Круглое коричневое пятно открылось под сколотым слоем.

При помощи перочинного ножа Виктор скovyрнул кусочек металла, по форме напоминающего монету. Он внимательно повертел его в руках, поднес к свету. Кругляш действительно походил на монету. Терехин ножом, аккуратно соскреб окислившийся слой. Затем положил монету на кусок ткани и потер ею. Из под темного налета проступил барельеф рисунка. Профиль мужчины, похожего на Авраама Линкольна и дата рядом с ним «1948». Капитан перевернул монету и потер другой стороной. На очистившейся поверхности монеты проступила надпись, немного съеденная, но все равно понятная — «One Cent». И еще мелким шрифтом «United States of America».

Терехин покрутил монету и положил ее на столик, давая взглянуть на нее остальным офицерам.

— Что думаете?

Он дал время, чтобы команда успела рассмотреть монету и попытаться осознать то, что со страшной силой просилось в его мозг. А именно: этот кусок бетона каким-то невероятным образом пролетел тысячи миль от Америки и плюхнулся прямо на их лодку. Ему стало суеверно страшно, когда он представил, что твориться на поверхности. Какой силы должен быть ветер, чтобы сотворить такое? В этот момент, что-то тяжелое зацепило лодку и со скрипом проехалось по корпусу.

— Всем проверить течи в корпусе! — Отдал он приказ.

Офицеры разнесли его по нижестоящим членам экипажа. Все стали напряженно ждать докладов, на время, забыв про монету. Доклады стали поступать один за другим. К счастью, течь не была замечена ни в одном отсеке. Офицеры в рубке управления снова вернулись к монете.

— Одноцентовая монета, американская. — Произнес старший лейтенант Горемыхин.

— Каким ветром ее сюда занесло? — С иронией спросил Терехин.

Горемыхин понял ход мыслей капитана. Он как-то недоверчиво посмотрел на Терехина.

— Нет, нет, не думаете же вы, товарищ капитан, что ее сюда принесло ветром?

— Хотелось бы не думать, но выводы напрашиваются сами собой.

— Да, бросьте. Ветер развалил здание из бетона на кусочки и понес его по ветру? Нет,

товарищ капитан, это чересчур смело. Я бы даже сказал, что это гипотетически невозможно.

— Хорошо, невозможно, так невозможно. У кого-нибудь есть версия, как этот кусок дрейфующего бетона прибил к нашей лодке? И что мы зацепили несколько минут назад?

Команда не привела ни одно разумного довода, но и позицию Терехина никак не хотела принимать. На их взгляд она была чересчур фантастической. В итоге, все пришли к мысли, что всплытие, после того, как закончится ветер, все поставит на свои места. Позиция остальных немного успокоила капитана. Кто знает, что там творится на поверхности? Так можно чего угодно напридумывать и запугать себя.

Была середина смены, когда вахтенный офицер доложил, что нагрузка на энергетическую установку гораздо выше, чем положено при такой скорости.

— Почему? — Спросил Терехин.

— Течение сильное встречное, сопротивление высокое. — Ответил офицер.

— Всё не слава богу. — В сердцах сказал капитан. — Здесь же отродясь не было никаких течений? Мы правильным курсом идем?

— Так точно, товарищ капитан.

Терехин представлял маршрут. Он был записан у него в голове до мельчайших подробностей. Если течение было встречным, значит, двигалось оно на северо-восток. Гольфстрим они миновали, да и не влиял он на скорость субмарины до такой степени. Выходило, что ветер разгонял и воду, создавая течения. К нему снова вернулась тревога. Если ветер не стих, то он уже мог подбираться к Мурманску. К его дому, где остались жена и две дочери. Как ему хотелось сейчас оказаться вместе с ними. Спрятать своих женщин, укрыть их от опасности. Он бы точно придумал, где можно спастись от такой стихии.

Можно было бы уехать в деревню, и спрятаться в погребе у родителей. Там и стены были бетонными и провизии на полгода хватит. Виктор был уверен, что стихия, если и достигнет его Мурманска, то значительно потеряет силу. Но страх за семью был. Его женщины, привыкшие к тому, что он всегда все решал за них, будут до последнего сидеть дома, не предпринимая никаких действий. Раньше Виктор был уверен, что это порядок, это правильно, но сейчас ему хотелось, чтобы они плюнули на порядок и сбежали из города, куда глаза глядят.

Забыв на время о неприятностях, семья молча жевала ароматное мясо, похрустывая песком на зубах. Удивительно, но дома мясо с песком никто есть бы не стал, а здесь даже никто не поморщился. Егор почувствовал, что между всеми членами семьи появилось некое сплочение. Тамаре, по характеру, нужно было бы причитать и жаловаться на судьбу, а она вместо этого самозабвенно сдирала зубами мясо с шампура и жевала его, как голодный волк. У Матвея все признаки трудного подростка напрочь исчезли. Дома он всегда ел, глядя одним глазом в экран телефона, а тут проявил несвойственную ему заинтересованность в приготовлении шашлыка, и за все время даже не достал телефон. План Егора срабатывал, и ветер ему здорово в этом помогал.

Вино осталось в машине. Для большей романтики его очень не хватало. Егор поднялся.

— Ты куда? — Спросила его Тамара.

— Вино попробую достать из багажника.

— Не стоит, Егор, и без вина хорошо сидим.

— Если там ветер не стих, я не полезу.

— Я с тобой. — Подорвался сын.

— Я вас одних никуда не пушу. — Строго сказала Тамара.

В итоге, на выход из пещеры пошли вчетвером. Издалека стало понятно, что ветер не стих. Узкий тоннель гудел, как пионерский горн. Даже на ощупь ладони чувствовалась вибрация его стен.

Когда подошли к выходу, Матвей выглянул наружу через плечо отца.

— Ни фиги себе! Вот это ураган! — Удивился он.

К ветру прибавился дождь. На машине дрожали несколько грязных капель. Ветер, обдувая гору с высокой силой, создавал прямо за ней зону низкого давления. Перед входом, на расстоянии пары метров от стены можно было даже немного прогуляться. Егор схватился за трос и, держась за него, подошел к машине. Ветер рвал на нем одежду, сбивал с ног. Егор вынул сумку, в которой было вино и попытался захлопнуть крышку багажника. Вдруг, в плечо ему что-то ударило. Егор выронил сумку и схватился за плечо. Ветер тут же утащил сумку, разгоняя ее по земле, и буквально через пару метров поднял в воздух и словно выпустил ее из пращи.

Егор по тросу вернулся в пещеру. На рукаве расплзлось кровавое пятно.

— Что это? Откуда? — Испуганно спросила Тамара. — Снимай рубашку, рану надо обработать.

Катюшка прикрыла рот рукой от испуга и во все глаза смотрела, как отец снимал рубашку, морщась от боли. Егор включил фонарик и посветил на руку. Из ранки что-то торчало. Набравшись терпения, он схватил это двумя пальцами и вытянул из раны.

— Что это? — Спросила Тамара.

— Камешек, кажется? — Предположил Егор.

— Не поняла, а почему он пробил тебе руку, это же не пуля?

— Знаешь, что я думаю об этом урагане? — Заинтриговал Егор супругу.

— Что?

— А то, что таких ураганов в наших краях еще не было. Чтобы разогнать этот кусочек до такой степени, чтобы он пробил мне руку, нужны скорости около ста метров в секунду. Примерно. Это триста шестьдесят километров в час, можете себе представить. Таких ветров и не бывает, тем более у нас. Скорее всего, там камнепад наверху случился, кусочек откололся и влетел мне в руку.

— Слушайте меня все! — Строго и беспрекословно сказала все мать. — На улицу до конца непогоды никто не выходит. Понятно?

Предупреждение относилось по большей части к Егору. Тамара задержала на нем свой взгляд, ожидая реакции. Егор согласно качнул головой. Словно в ответ на ее предостережение где-то наверху раздался страшный грохот. Он приближался, заставляя сотрясаться стены тоннеля, пока не разродился камнепадом где-то совсем неподалеку. Егор осторожно выглянул и быстро заскочил обратно. В его глазах был страх.

— Идемте вглубь пещеры. Рану надо обработать.

Тамара промочила ватку муравьиным спиртом, входящим в состав аптечки первой помощи и протерла рану. Егор втянул воздух через зубы.

— Что ты видел? — Тамара спросила шепотом.

— Ветер двигал камни, словно они из пенопласта, представляешь?

— Да ладно? Может они еще по инерции катились?

— Я что не могу отличить, когда по инерции, а когда их ветром катит. Я тебе серьезно

говоря, с погодой что-то не так.

Тамара намотала вокруг раны бинт, раздвоила конец и завязала.

— Выбора у нас нет, будем ждать конца непогоды. Надеюсь, к утру все стихнет.

— Надеюсь. — Вздыхнул Егор.

Шашлыка, как всегда, было приготовлено намного больше, чем могла съесть семья за один раз. Половина из пожаренного мяса была не съедена и в ведре еще оставалась чуть ли не половина. На сытый желудок всех потянуло спать. Всё, на чем можно было прилично поспать, находилось в машине. Палатка, надувной матрас. Если непогода продолжится до самой ночи, то Егор понимал, в машину придется лезть снова.

— Матвей! — Ни с того ни с сего громко обратился к сыну Егор. — Мне понадобится твоя физическая помощь.

— Что ты задумал? — Тревожно спросила Тамара.

— Есть одна идея. Выходить из пещеры для этого не понадобится. — Успокоил ее Егор. — Я хочу попробовать подтянуть машину за трос к самой пещере. Не будем же мы спать здесь на голом камне?

Матвей встал, готовый помочь отцу.

— А я, что, не помощница что ли совсем? — Возмутилась Тамара. — Вечно вы без меня обходитесь.

— Ну, пошли, раз сама напросилась.

Егор встал первым за трос, на нем Матвей и Тамара.

— Дергаем под счет, ясно? Я считаю.

Тамара снисходительно улыбнулась.

— Давай уже. — Произнесла она.

— Ииии, раз! — Толчок слегка двинул автомобиль. — Ииии, два! — Колеса снова сдвинулись на пару сантиметров. — Давайте еще, поднатужимся! Ииии, раз! Ииии, два!

Машина понемногу сдвигалась и вдруг, подалась гораздо легче. Порыв ветра зацепил нос автомобиля и помог развернуть автомобиль. Дальше работа пошла почти без усилий. Автомобиль встал как надо, но до пещеры оставалась еще пара метров, и поставленный на ручник, он совсем не хотел двигаться дальше. Егору показалось, что машину даже тянет немного вперед.

— Я быстро! Отойдите немного вглубь!

Не успев дожидаться возмущений жены, он выскочил из пещеры, держась одной рукой за трос, второй открыл багажник. Ветер хлестал по телу, будто состоял не из воздуха, а из более плотного вещества. Пробравшись через ворох всего, что они взяли на этот пикник, Егор очутился на водительском кресле. Он вставил ключ в замок зажигания. На долю секунды бросил взгляд в грязное лобовое стекло. Сквозь мокрую грязь была видна только непроницаемая стена ветра несущего всё, что удалось сорвать с поверхности. Мотор завелся. Егор включил заднюю скорость и отпустил ручник. Машину дернуло вперед с такой силой, будто сзади кто-то ударил другим автомобилем. Машину понесло вперед. Егор надавил на газ, покрышки засвистели, но движения назад ощутимо не было заметно. Егору стало страшно. Что если его сейчас сорвет и унесет? А это было очень вероятно, опрометчивый героизм мог обернуться вполне вероятной гибелью. Егору стало страшно за семью. Не хотелось оставить их одних при таких обстоятельствах.

Егор взял себя в руки. Он отпустил газ и попробовал двигаться назад рывками, проговаривая про себя команду «ииии, раз!». Машина поняла его и понемногу стала подаваться назад. Егор остановился только когда услышал скрежет сминаемой о скалу пятой двери. Буквально через секунду, как он остановился, прямо перед носом автомобиля упал огромный камень. Брызги осколков ударили в лобовое стекло, мгновенно превратив его в непроницаемую паутину трещин.

Егор представил, что было бы, если бы он немного задержался. В машине оставаться было очень опасно. В задний проем уже заглядывали Тамара и Егор, у обеих по лицу текли слезы. Егор выбрался и хотел повиниться перед женой, но увидел ее ладони сорванные в кровь.

— Ты..., ты... придурок! — Сквозь слезы сказала Тамара и упала Егору на грудь.

— Прости, прости. — Егор целовал ее в макушку.

Рядом стоял Матвей, он утирал слезы со щек, размазывая по лицу кровь такими же сорванными ладонями.

— Мы поняли, когда ты стал дергать, что надо тянуть под счет, и у нас получилось. — Всклипывая, проговорил сын.

— Простите меня, не рассчитал я немного.

Егор понял, что не только его техническое ухищрение, но и сообразительность жены и сына позволили ему не погибнуть.

— Давайте, вытащим все из машины, пока ее опять не унесло.

Егор внимал из машины вещи и бросал за собой. Для идеального пикника он взял четырехместную палатку, надувной матрац, под нее, одолжил у товарищей пару спальников к своим двум, пару пятилитровок с водой, пару газовых баллонов для туристической газовой плитки, многофункциональный инструмент, типа топора-пилы-лопатки, а так же немного консервов, на всякий случай. Егор вынул из машины все до чего смог дотянуться, даже запаску и резиновый коврик из багажника.

Прежде, чем тащить все это вглубь пещеры Егор перевязал раны Тамаре и сыну.

— Катюх, ты сегодня за старшую, ухаживай за нашими ранеными, хорошо? — Серьезно обратился отец к дочери.

— Аха, поняла. Пить хотите? — С места в карьер взяла дочь.

До России урагану оставалось несколько часов. Игорь сам был из Новосибирска и пока был уверен, что ураган потеряет силу, прежде чем достигнет его города. Семен же был погружен в печальные мысли. Его семья жила в Подмосковье. Он пытался соединиться с ними, чтобы предупредить, но ничего не получилось. В ЦУПЕ уже никто не занимался этим а дежурный по секрету сказал, что до людей не будут доводить о наступающем урагане, чтобы не допустить ненужной паники. По его словам, спрятаться от ветра состоящего наполовину из камней и наполовину из морской воды, негде, поэтому смысла предупреждать о неизбежном, нет. Если ураган прекратится, то ничего и не произойдет, а паника может нанести большой вред.

Этим он еще сильнее расстроил Семена, мучавшегося невозможностью предупредить семью.

— Все равно, мне это кажется бесчеловечным. — Произнес Семен. — Так у людей был бы шанс.

— Я понимаю тебя. Семен, но подумай, куда можно спрятаться от урагана в Подмосковье. Особенно если сразу образуются пробки на всех трассах. Да и подожди ты переживать, стихнет ураган, не дойдет он до нас.

— Стихнет! — С сарказмом сказал Семен, и его подвел голос, поднявшись на гласной чересчур высоко. — Смотри, ни на метр не упала скорость, за несколько часов. С чего бы ему стихать.

— А с чего бы ему было начинаться вообще? Никто же не понял его природы. Кто знает, сколько он продлится?

— Ждать невыносимо. Это наверно, как время перед казнью. Ждешь смерти, но надеешься на помилование.

— Семен, прекрати депрессировать. Что я буду делать, когда двое космонавтов из экипажа находятся в сомнамбулическом состоянии?

— Игорь, а ты вообще понимаешь, что половины планеты уже нет? Там все погибли, понимаешь? Миллиарды людей уже на небесах, и родители Джейн, скорее всего тоже.

— Семен, всё, хватит! Не думал, что ты такой паникер. Вот тебе камера, вот цифры, совмещай и отправляй в ЦУП!

Семен нехотя принялся за работу. Игорь почувствовал, как в нем закипела кровь от негодования. Он терпеть не мог, когда в сложной ситуации люди начинали портить ее еще сильнее. Где-то психологи недосмотрели за Шапиро. Порог для его психики оказался низковат. Кружалин взялся за свою работу, которая могла скоро никому не понадобится, но она отвлекала от плохого настроения и дурных мыслей.

— Товарищ капитан, смотрите. — Вахтенный офицер показывал на навигационную карту. — Мы проходим это место. Здесь малые глубины, местами до полукилометра. А теперь посмотрите на показания гидролокатора.

Офицер сделал паузу, чтобы дать начальнику самому рассмотреть значения. Они колебались в районе трехсот восьмидесяти метров.

— Ста метров над нами не хватает?

— Так точно, товарищ капитан. Мы этими путями не раз ходили, не было здесь ни разу меньше пятисот метров.

— А может быть, из-за шума локатор врет?

— Не думаю, товарищ капитан. Смотрите, дно здесь ровное, а показания постоянно бегают, вверх-вниз. Над нами сейчас гигантские волны и даже не волны, а такие валы, по несколько сот метров в длину. Смотрите, смотрите. — Он ткнул в показания гидролокатора.

На мельтешащем экране значения глубины, задержавшиеся на отметке более четырехсот метров, снова ухнули до трехсот восьмидесяти. Терехин физически ощутил, как обрушился сорокаметровый вал воды. Он не мог понять, что это было, игра воображения, или на самом деле. Ему показалось, что лодку колыхнуло, повело в сторону. Но никто из команды не проявил беспокойства. Терехин взял себя в руки. Перед командой он должен быть само спокойствие и выдержка.

Командир Татарчук вернулся в рубку спустя четыре часа. Смена Терехина подходила к концу. Командир был взъерошен и зол. Он выслушал доклад дежурного и повернулся к Терехину.

— Глаз не сомкнул. Как в новой квартире, когда у всех ремонт вокруг. Честно говоря, я был уверен, что ураган скоро закончится. Ан, нет, продолжается, как ни в чем не бывало. И всплыть нельзя, чтобы радио послушать. — Посокрушался командир.

— Да, информация нам бы не помешала. Им-то со спутников все видно, когда он закончится. — Поддержал командира Терехин. — Смотри, командир, что мы добыли из куска бетона.

Терехин поднял монетку, подкинул ее и поймал. Затем он протянул ее командиру, следя за его реакцией. По лицу Татарчука проскользнула мина удивления, сменившаяся тревогой.

— Да как же это так? Нет, не может быть? До Америки сколько, чтобы вот так булыжники по воздуху таскать? Может быть, мы не в курсе, тут где-нибудь острова насыпают искусственные? Хотя, что я говорю, какие острова? Мы бы знали уже.

Татарчук потер ладонью голову, разгоняя кровь по подкорке, чтобы усилить мыслительный процесс.

— Выходит, наши догадки верны. Матушка Земля взбунтовалась и устроила нам большой выход с наподвыподвертом.

Командир бросил слегка отрешенный взгляд по всем, кто был в рубке. Сделал, как всем показалось, несколько бессмысленных движений по ней.

— Где мы? — Татарчук остановился и резко спросил у вахтенного.

Офицер назвал координаты. Татарчук подошел к висящей на стене карте с глубинами и ткнул в то место, где сейчас находилась подлодка, пальцем.

— Товарищ капитан второго ранга! — Обратился командир к Терехину. — Что скажете, если ветер не успокоится и будет сдувать воду с той же силой, успеем мы соскочить с мели?

Вопрос застал помощника врасплох. Он еще не думал о том, что ветер сможет продержаться столько времени и не рассматривал настолько удаленную перспективу.

— Товарищ капитан, движение лодки слегка затруднено встречным движением. Думаю, что за два дня, как при нормальном движении, у нас не получится достичь.

— Это если идти по намеченному маршруту. — Заметил командир.

— Но, ведь, мы не имеем права менять его.

— На случай непредвиденных обстоятельств я имею полное право его изменить. — Татарчук подошел к вахтенному офицеру. — Меняем маршрут, движемся строго на запад. Сократим путь минимум на полсуток.

Смены поменялись, как и положено было по дежурству. Чрезвычайная ситуация не внесла никаких корректив в работу экипажа субмарины. Нужды в том, чтобы Терехин остался в рубке, не было. Капитан прошелся по коридорам судна, везде слыша, как падающие предметы проверяют на прочность корпус корабля. Матросы бросали на него любопытные взгляды. Их никто не ставил в известность, и, вероятно им не терпелось узнать, что твориться за бортом их лодки.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться! — дорогу капитану перерезал старшина первой статьи Заремба.

— Разрешаю.

— Разрешите узнать причину этих звуков по корпусу нашей лодки? Мы, что, попали в метеоритный поток?

— Ха-ха, смешно, Заремба. Это твой дембель стучится, а мы ему не открываем, потому как на секретном задании.

— Ну, серьезно, товарищ капитан второго ранга. Очень напрягает неизвестность, даже страшно как-то.

— Значит так, товарищ старшина первой статьи, командованию доподлинно неизвестно, что там твориться на поверхности. С большой долей вероятности могу сказать, что там случился невероятный ураган, которому удалось унести с суши довольно крупные и тяжелые предметы. Они-то и барабанят по нашей лодке. Уяснили?

Заремба неопределенно мотнул головой. Видимо. Он прикинул ближайшее расстояние до суши.

— Вам же приказали внимательно следить за возможными протечками в корпусе?

— Так точно!

— Действуйте.

Терехин пошел дальше, желая убедиться, что в каждом отсеке есть дежурный. Он дошел до торпедного отсека, расположенного в самом носу субмарины. Здесь звук ударов слышался громче. Дежурные матросы, заведя командира, встали. Один из них попытался сделать доклад, но Терехин перебил его.

— Ладно, бдите во все глаза. У вас тут очень ответственный пост.

Терехин задержался в отсеке. Он проверил каждый закоулок в нем, чтобы лично убедиться в отсутствии опасности. Удары гулко разносились по отсеку. Можно было представить себя внутри огромного колокола, по которому стучат молоточками. К счастью, корпус лодки был рассчитан на большие нагрузки. Он достойно справлялся со всем мусором, контактившим с ним. Это немного приободрило капитана. Он вернулся в кают-компанию в хорошем настроении.

Свободные от смен проводили свой досуг в каюте за всякими разрешенными на борту вещами. Кто играл в нарды, кто читал имеющиеся на борту книги, некоторые матросы разговаривали вполголоса между собой. Капитан взял в руки первый попавшийся журнал, открыл его на середине и попробовал развлечь себя чтением. Как назло, на развороте была статья, посвященная годовщине гибели «Титаника». Терехин закрыл журнал. Внутри него сидело чувство, будто он должен что-то предпринять, но Терехин не понимал, что именно. Это чувство не давало ему сосредоточиться, оно давило на совесть, заставляя его заняться каким-то делом. Но каким? Капитан попробовал перебрать в голове все, чем он мог заняться, надеясь, что интуиция подскажет ему ответ. Напрасно, внутренний голос молчал.

Устав от бесполезного напряжения сил, он присоединился к играющим в нарды. Незаметно для себя самого азарт игры захватил его. Тянувшее чувство осталось за бортом. Бодрствующая смена сменилась отдыхающей. Виктор Терехин отправился в каюту. Под мерное постукивание по корпусу субмарины, он уснул.

Теперь Игорь понимал, что Семен имеет право впасть в депрессию. Ураган прокатился по Москве и окрестностям в полную силу. Осознать это, понять, что твои родные погибли, пока ты преспокойно болтаешься на орбите, и ничем не можешь им помочь, было почти невозможно. Сердце надрывалось от чувства жуткой несправедливости. Семен подвывал в углу, но Игорь его не трогал.

Связь с ЦУПом пропала. Им никто не оставил напоследок инструкций, как действовать

в автономном режиме. Да и кто бы стал это делать. Это все равно, что сказать: «Прощайте, друзья, мы все погибнем скоро, а вы там соблюдайте инструкции, которые мы вам оставим». Кому это интересно, как и куда мы приземлимся, если нас уже никто не будет ждать.

В отсеке появилось опухшее от слез лицо Джейн. В руках у нее была бутылка шампанского.

— Это мне передали на день рождения, но сейчас повод более достойный. Надо помянуть человечество.

Для Игоря ее слова прозвучали немного кощунственно. Его семья была еще жива и здорова. Ураган не добрался до Урала, и ему изо всех сил хотелось верить, что и не доберется. Жена, двое пацанов, его родители, родители жены, братья и сестры. Все жили в самом Новосибирске и окрестностях. В голове не укладывалось, что они могут разом погибнуть. Сыновья передали ему с последним «Прогрессом» рисунки, на которых папка летает, привязанный к кораблю веревкой с бантиком. Рисунки вызывали у него слезы умиления, поэтому пить за упокой человечества он считал преждевременным.

— Джейн, у меня нет пока желания. Извини.

— Твои еще живы, да?

Игорь кивнул головой.

— А у Семена?

Семен никак не отреагировал на ее вопрос. Игорь согласно кивнул головой.

— Понятно. Рано зашла.

Джейн уплыла к себе.

Работа не клеилась. Мысли постоянно перескакивали на то, что сейчас творилось на Земле. В итоге Игорь бросил ставший теперь бесполезным труд и просто уставился в иллюминатор. Когда станция проходила над теми местами, которые были затянуты сплошным покрывалом урагана, Игорь терял понимание, над каким местом они пролетают. Когда они снова оказывались над границей, требовалось время, чтобы понять, что находится внизу.

Граница урагана накрыла собой всю европейскую часть страны, приблизившись вплотную к Уральским горам. До Новосибирска оставалось два часа. Игорь поймал себя на том, что собирается просидеть у иллюминатора вплоть до тех пор, пока ураган не достигнет его родного города, либо не прекратится. Серо-коричневый поток ударился о горы. Его гомогенное состояние нарушилось завихрениями, вызванными отдачей о препятствия, и эжекционными процессами, связанными с неравномерным прохождением ветра между гор.

Игорь представил себе людей, которые в этот момент выбрались на прогулку в горы. Что же они видели с земли, и сколько времени им потребовалось, чтобы определить какой силы ураган застиг их?

Это было невероятно, но Егор отметил, что ветер и не собирался стихать, напротив, он усиливался. В голове не укладывалось, как такое вообще могло быть возможно. Все вокруг гудело, как мощный трансформатор. Егор представил, как несомые ветром со скоростью пули предметы ежемоментно сталкиваются, бьются и перетирают в труху все, что попадает им на пути. Егор подумал, что было бы с ним, если бы его унесло ветром в автомобиле. Наверняка, он не прожил бы больше нескольких секунд. Если они находятся в центре некоего аномального урагана, то по возвращении домой, нужно будет рассказать

ученым, каких скоростей может достигать ветер в самом эпицентре. Им повезло, что они оказались в пещере, и теперь смогут все рассказать.

— Как погода? — Спросила Тамара, когда Егор свалил перед семьей остатки вещей.

— По-моему, ветер еще усилился.

— Этого не может быть, он и так дует, как бешеный.

— Хорошо, что мы в пещере, правда? Нам ветер ничего не сделает здесь. — Уверенно проговорила Катюшка, вращая линзу налобного фонаря и забавляясь с пучком света.

— Конечно, дочь, тут нам ничего не страшно. К завтрашнему утру ветер стихнет, и мы спокойно поедем домой.

Егор придал голосу максимальной уверенности, но внутри такой уверенности не было. Дабы отвлечь семью от ненужных мыслей Егор решил показать им то, ради чего он и задумал путешествие в пещеру. Для начала он решил сам найти ту надпись, которую сделал на стене пещеры, когда увидел впервые Тамару. Это заняло некоторое время. Стены за пятнадцать лет сплошь покрылись надписями страждущих оставить о себе напоминание туристов. Надпись, сделанная фломастером, немного поблекла, но все равно еще хорошо читалась.

— Идите сюда! — Позвал всех Егор. — И смотрите под ноги!

Семья не сразу сообразила, зачем отцу понадобилось их звать. Они нехотя поднялись и распыливая мусор подошли к Егору.

— Зачем ты нас звал? — Первой спросила дочь.

Егор направил луч фонаря на надпись на стене. Там было написано имя «Тамара», и вместо каждой гласной «а» стояло сердечко. После имени стояла дата написания сего романтического шедевра.

— Это день, когда мы с мамой познакомились. — Егор провел светом фонаря по лицам семейства, чтобы увидеть их реакцию.

Детей, как и ожидалось, не очень тронула романтичность момента, Матвей даже зевнул. Но на Тамару надпись произвела правильный эффект. В ее глазах, в свете фонаря, мелькнули слезы. Она не удержалась и уткнулась в плечо Егора, шмыгая носом.

«Хоть что-то сегодня идет как надо» — мелькнуло в голове Егора.

В отсутствии вина романтический момент можно было продолжить хотя бы чаем. Егор перебрал все свои запасы и нашел несколько пакетиков черного чая с фруктовым вкусом. Собрал газовую плитку и приготовил чай. Семья пила чай, шмыгала носами, и молчала. У всех одновременно появилось желание помолчать, углубившись в свои мысли. Егор подумал о работе, о своих коллегах. Не сказать, что их коллектив был настолько дружным, чтобы скучать о нем по выходным, но именно сейчас Егор хотел бы их увидеть или хотя бы созвониться. Он рефлекторно вынул телефон. Сети не было.

Тамара вспоминала хронологию своей семейной жизни, с этого места пятнадцать лет назад до сего момента. К ее удивлению, она не могла вспомнить ни одного серьезного события из-за которого могла бы серьезно не любить мужа. Какие-то мелкие склоки и неуступки с обеих сторон возвели между ними стену взаимного недовольства. Сейчас обиды казались глупыми, и Тамара даже почувствовала вину перед самой собой, как будто она предала надежды молодой себя.

Матвей, скрывал от родителей свою первую юношескую влюбленность. Ему нравилась девочка на два года старше него. Её образ и так постоянно стоял у него перед глазами, а теперь ему патологически хотелось увидеть ее. Он отвернулся ото всех и уткнулся в телефон,

рассматривая снимки Юли, сделанные тайком от нее.

Катюшка в этот момент думала о Барсике. Ей представилось, что бедный кот смотрит в окно, на свирепствующую стихию, и сильно переживает за семью.

В возникшей тишине было слышно, как почти на уровне инфразвука гудит пещера. Гора вибрировала, как колокол. Егор достал телефон и проверил время. Был уже вечер, а ветер и не думал затихать.

— Пойду, гляну, как там. — Поднялся Егор.

— Я с тобой. — Тамара переживала за мужа, способного к необдуманным рискованным поступкам.

— Я с вами. — Засобиралась дочь.

— А я вас здесь подожду. — Сказал Матвей, надеясь спокойно полюбоваться снимками Юли.

Ветер продолжал неистовствовать. Проход наружу не светился как обычно. На улице было темно, хотя время было еще вечернее и солнце не должно было уйти за горизонт. Снаружи тянуло влажностью. Егор прикрыл дверь багажника. Она оказалась мокрой. Рефлекторно Егор попробовал на вкус влагу. Вода оказалась соленой.

— Дождь соленый почему-то? — перекрикивая шум сообщил Егор.

— С чего бы? — Удивилась Тамара.

Она высунула руку из пещеры и провела ею по мокрой стене. Затем облизнула влагу.

— Точно, соленая, как морская вода. Дождь наверно размыл какие-то минералы в скальной породе. После камнепада добрался до чего-нибудь.

— Наверно. — Согласился муж.

Разговаривать в таком месте было тяжело, да и разглядывать особо было нечего. Семья вернулась назад в пещеру.

— Как там? — Спросил Матвей.

— Так же. — Скупно ответил отец. — Давайте укладываться спать.

— Да! — Радостно поддержала его Тамара. — Утром проснемся, а на улице солнышко и ветра нет.

Егор принялся накачивать матрас. Матвей достал и развернул палатку. Решено было воспользоваться ею как одеялом. В пещере было свежо. Матвей отказался спать со всеми вместе на одном матрасе, сославшись на тесноту.

— Я в спальнике буду спать. — Отрезал он.

Егор включил режим в фонаре, когда светился всего один диод, здорово экономя аккумулятор. Катюшка легла между отцом и матерью. Егор положил руку на обеих. Несмотря на перенесенные за день неприятности сон сморил всех моментально. Разбудил Егора сын. Матвей тряс отца за плечо.

— Пап, пап, проснись. В пещеру вода идет.

Егор резко сел, тугο соображая со сна.

— Пап, вода кругом. Мой мешок весь намок.

Егор встал. Под ногами зачавкала жижа. Он включил фонарь посильнее и осветил пространство вокруг. Вода подняла весь мусор и блестела в лучах фонаря почти по всему пространству пещеры.

— Так, так. — Егор вскочил.

Сообразительность спросонья работала очень медленно.

— Что делать, что делать? — Заметался Егор.

К счастью, пол пещеры был неровным, и временно, можно было перенести матрац на сухое место. Егор разбудил жену. Тамара, быстрее пришла в себя. Сказывался материнский опыт.

— Вы с Матвеем отнесите матрац вон туда. — Егор посветил на ровную сухую площадку, находившуюся выше уровня воды. — А я Катюшку пока на руках подержу.

Тамара и Матвей перенесли матрац. Егор осторожно положил, так и не проснувшуюся дочь и вернулся, чтобы собрать все вещи. Матвей помог ему. Они собрали и сложили все необходимое рядом с матрацем. Все что нужно было высушить, развесили на выступах стен. Тамара помогала своим мужчинам, но что-то злобно нашептывала себе под нос.

— Пойдем, посмотрим, что можно с этим сделать. — Сказал Егор сыну, дабы не слышать ядовитого шипения супруги.

Вода в проходе текла с шумом и напором. Она достигала колен. Егор снова попробовал ее на вкус. Она все еще была соленой. Это было совершенно непонятно. Даже если дожде размыл породу, то это могла быть только соль, причем в виде песка, чтобы успевать быстро растворяться.

Они дошли до автомобиля. Егор посвятил на свою машину и остолбенел. Поток воды был выше автомобиля. Он вогнал машину своим давлением еще глубже в проход и обтекал ее со всех сторон. Машина служила пробкой, не позволяя всей массе грязной воды ворваться в пещеру.

— Пап, а что это? Потоп? — Испуганно произнес Матвей.

— Не знаю, сын, но мне эти погодные светопреставления уже в печенках сидят. Пойдем, посмотрим, куда можно направить эту воду, чтобы не затопило пещеру.

В противоположном от входа конце пещеры находились несколько небольших проходов ведущих в тело горы. Егор очень рассчитывал, что некоторые из них ведут вниз. Горы мусора, застрявшие у одного из проходов в который уходила вода, напрямую говорили о том, что здесь вода уходит именно вниз. Отец с сыном принялись разгребать мусор, чтобы помочь воде уходить.

— Матвей, иди, поспи, а я пока подежурю, потом ты сменишь меня. — Предложил Егор сыну, когда мусор был убран.

Матвей согласился и ушел. Егор, оставшись в одиночестве, предался размышлениям. В погоде творилось что-то неладное. Откуда взялось столько соленой воды, когда до ближайшего ее источника не меньше полутора тысяч километров? Может быть, ураган разворотил какие-нибудь солевые шахты и несет их содержимое по воздуху. А ураган такой силы, откуда взялся? Егор снова вспомнил, как ветер подхватил тяжеленные валуны. Определенно, что-то не так с погодой. И хорошо бы, чтобы эта непогода не разошлась далеко от этих мест, иначе быть беде. В какой ловушке они оказались? И на улицу нельзя выбежать и здесь можно утонуть. В душе зрело возмущение. Оно не было направлено кому-то конкретно, просто на обстоятельства, а так же на собственную беспомощность совладать с силами природной стихии.

Егор сделал пометки на камне, чтобы определять, что происходит с уровнем воды. Пока он спадал, благодаря тому, что мусор больше не мешал воде уходить по тоннелям. Низкий гул не стихал. Следовательно, ветер, даже после того, как начался дождь, не стих. Странно, что при такой грозе совсем не слышались раскаты грома. Да разве только это странно? Станным, Егору казалось все происходящее.

Он примостился на камне поудобнее, подтянул под себя ноги и незаметно задремал.

Разбудил его телефон в кармане. Спросонья ему показалось, что кто звонит. Егор полез в карман, судорожно пытаясь вытянуть из него телефон, но когда телефон оказался у него в руке, он увидел, что это будильник, заведенный на шесть утра.

Егор упрекнул себя, за то, что уснул и подсветил на свои метки уровня воды. Уровень держался на одном месте. Хотя что-то было стабильным. Егор решил прогуляться к выходу, чтобы разведать обстановку снаружи.

Вода, или правильнее сказать жижа, затыкала проход полностью, изолируя пещеру от шума ветра. Черные струи грязной жижи, все такие же соленые на вкус, обтекали автомобиль со всех сторон. Здесь тоже ничего не изменилось. Небесные хляби, неведь откуда исторгнувшие в мир столько воды и не думали закрываться.

Егор притронулся к стене. Она ощутимо дрожала под рукой. Ветер и не думал затихать. Егор поводил фонарем в разные стороны, для порядка. В его силах было только констатировать какие-нибудь изменения, да еще посокрушаться над уничтоженным автомобилем. Верный друг, ровесник его семейной жизни, под крышу затянуло грязью. Вряд ли он подлежал восстановлению. Егор не помнил, был ли в страховке пункт порчи автомобиля в результате стихийного бедствия. Если нет, то семье придется туго без машины.

Егор вернулся в пещеру. Тусклый свет единственного диода освещал Тамару, и скрутившуюся у нее в районе живота Катюшку. Его девчонки безмятежно спали. Матвей спал рядом, в другом спальном мешке. Заняться было нечем, и Егор решил проверить припасы, чтобы приготовить завтрак.

Мангал с углями остался в воде. Вода не достала до них, но повышенная влажность привела к тому, что угли наотрез отказались разгораться. Егор вынес мангал на сухое место. В мангале стоял котелок, в котором лежал недоеденный шашлык. Егор вынул котелок и поставил его на разожженную газовую плитку. Спустя минуту по пещере разнесся ароматный запах. Девчонки заводили носами и стали ворочаться.

Первой проснулась Тамара. Она сонно таращилась во тьму, где был виден только силуэт Егора и маленький синий цветок газового пламени. Егор помахал ей.

— Как погоды? — Спросила Тамара.

— Без изменений. Вода так и херачит в пещеру. Ветер тоже, еще не стих.

— А времени сейчас сколько?

— Почти семь утра.

— Семь утра. — Эхом произнесла Тамара. — Вот это путешествие мы себе устроили.

— Запомнится надолго. Может это неспроста нам? Чтобы мы почувствовали, что нуждаемся друг в друге? — Это был неплохой повод привязать природную стихию к собственным нуждам.

— Наверно. — Почти согласилась Тамара. — Зачем-то же совпали наше путешествие и этот ураган.

Мясо зашкворчало в котелке. Егор выключил газ.

— Иди сюда, я дам тебе самой вкусный кусочек. — Позвал жену Егор.

Тамара встала, но своими движениями разбудила дочь.

— Как вкусно у вас пахнет. — Пропищала Катюшка.

— Идем и ты, я и тебе дам самый вкусный кусочек.

Дочь, единственный, кто еще не знал, что в пещеру шла вода, и она чуть не забрела в нее. Тамара еле успела ее схватить.

— Ой, а откуда здесь вода? На улице дождь?

— Там все сразу, глядишь, еще и землетрясение скоро начнется. — Зарядил оптимизмом Катю отец.

— Папа шутит. — Тамара с укоризной посмотрела в сторону отца. — Там уже все заканчивается. Дождик вот закончится, и мы поедem домой.

— Ладно, будите Матвея, будем завтракать.

Хлеб уплыл ночью, поэтому шашлык ели с галетами из армейского сухпая. Было вкусно. Егор подсуетился и приготовил напиток из остатков чая и сухого энергетического порошка, так же входящего в состав сухпайка. После завтрака наступило время, которое нужно было чем-нибудь занять. Егор поручил Матвею справляться об уровне воды и состоянии входа в пещеру. О любых изменениях он приказал сообщать. Своим женщинам он дал поручение проверить все сохнувшие вещи, разобрать всё, что можно, и определить, что им может еще пригодиться. А сам с блаженством погрузился в сон.

Как долго Игорь был как в тумане, он затруднялся сказать. На станции всем заправляла Джейн, отошедшая от шока раньше всех. Свое шампанское она выпила в одиночку, не дожидаясь, когда мужчины составят ей компанию. Вся деятельность на МКС свелась к ведению внутреннего хозяйства. Никакой другой работы можно было не делать. Все свелось к контролю автоматических систем поддержания жизнедеятельности состава и работы узлов станции.

В тот момент, когда ураган накрыл Новосибирск, Игорь был на противоположной стороне земного шара. Когда, через двадцать минут он снова оказался над родным городом, стало понятно, что его уже нет. Новосибирск накрыло мутным покрывалом урагана. Что-то щелкнуло в голове Кружалина, какой-то предохранитель, не дающий человеку сразу сойти с ума от осознания, что ты потерял все. С этого момента Игорь почти ничего не помнил, вплоть до того момента, когда Джейн ударила его по щеке и что-то громко прокричала на английском.

С этого момента сознание снова вернулось в тело. Это не принесло облегчения. Совсем наоборот. Тоска прочно закрепилась на месте основного чувства. Все что ни делал Игорь, проходило через чувство тоски, как через фильтр, каждый раз заставляя сердце ныть от горькой потери. Не раз приходила мысль покончить со всем одним махом. Разгерметизировать отсек и умереть от гипоксии. Смерть была бы легкой, не сравнимой с тем, что пережила его семья и родные.

Скоро стихия закрыла планету полностью. Кроме полюсов, все было закрыто от взора космонавтов серо-коричневой пеленой, меняющей свои оттенки в зависимости от положения солнца. На северном и южном полюсе на первый взгляд было спокойно. Воронки, размером в тысячу километров крутились там и тут, но внутри них, на первый взгляд ничего не менялось.

Джейн приглядывала за всеми. Она понимала, что ее товарищи могут отпустить подобный финт и старалась всегда быть рядом. Ей удалось вернуть Игоря к жизни раньше Семена. Для этого ей пришлось забыть, что она космонавт и вспомнить, что она еще и женщина. Нет, она не охмурила своими чарами Кружалина, не попыталась затащить его в постель, дабы забыться на время. Она собрала тюбики с едой, которые показались ей более уместными для случая, и подплыла к Игорю. Из двоих мужчин Кружалин ей нравился больше, чем Семен.

— Игорь, я тебе принесла еды. Ты уже сутки ничего не ел, я переживаю, что ты скоро начнешь падать в голодные обмороки.

— Знаешь, Джейн, аппетита совсем нет. Я бы попозже поел. Часов через пять или шесть.

— Знаешь, как мне говорила в детстве бабушка, аппетит приходит во время еды.

Кружалин усмехнулся.

— Что? — Не поняла Джейн.

— Моя говорила то же самое.

— Выходит, если они считали так, то они правы. Держи, это очень мужская еда. — Джейн буквально заставила Игоря взять у нее тюбик. — Говядина с острым мексиканским соусом.

Кружалин без энтузиазма вставил горлышко тюбика между губами и сжал его. Джейн поступила так же. Игорь почмокал губами, смакуя вкус блюда. Во рту немного зажгло, а желудок отозвался на острое голодным урчанием.

— О, заработало! — Довольно сказала Джейн. — Это аппетит, который пришел во время еды.

— Спасибо тебе, очень вкусно. А ты сама что ешь?

Джейн посмотрела на свой тюбик.

— Фасолевое пюре с кисло-сладким бамбуковым соусом.

— Ты панда?

— Почему?

— Они любят бамбук.

Это и надо было Джейн. Юмор, первый признак излечивающейся психики.

— На второе у нас будет шоколад и сыр. В них содержится серотонин.

— А давай на второе попробуем что-нибудь из нашего.

— А что у вас есть, с серотонином?

— Струженка с какао.

— А борщ?

— Там же нет серотонина.

— Я всегда хотела попробовать борщ. Я слышала, что у любого народа есть фирменное блюдо, которое характеризует нацию. Вот у нас это гамбургер, потому что мы вечно спешим, и нам некогда готовить. Затолкал все подряд в булку и съел по-быстрому. А вот у вас, борщ, который надо варить несколько часов. Как он характеризует русских?

— Как, как? Я, честно говоря, никогда не думал о борще в таком ключе. Я бы отнес к русской еде пельмени и пирожки. Но, если все же борщ, то наверно это в противовес американскому. Получается у нас много времени, чтобы потратить его на готовку, и борщ не такой калорийный. Получается, что мы нация, у которой полно времени, чтобы готовить и часто перекусывать. — Игорь замолчал. — Была нация?

— Ой, ну всё. Доедай свою говядину и за серотонин. Борщ потом попробуем.

Из глубины сна Терехина выдернул настойчивый вой сирены. Когда до капитана дошло, что воет именно «тревога», он подскочил, как ужаленный. Он почувствовал, что с кораблем что-то не то. Пол под ногами уходил из под ног и ощущения были, как во время сильной качки на обычном корабле. Шум, от ударов по корпусу участился и стал громче. Терехин со

всех ног припустил в сторону рубки управления.

В тесных коридорах он сталкивался с остальными офицерами и матросами, поднятыми по тревоге. В рубке висела ощутимая физически атмосфера тревоги. Татарчук замер перед показаниями гидролокатора. Терехин подбежал к нему, и был поражен, увидев цифры глубины. Едва двести метров.

— Скребем по самому дну. Молись, чтобы не зацепить чего. — Командир корабля произнес это настолько упавшим голосом, что Терехин невольно проникся страхом.

— Сколько еще до нормальной глубины?

— Сутки хода, не меньше. Тридцать пять узлов идем, почти вслепую. Видишь, что на экране? Рябь одна.

Виктор понял, что если в ближайшие несколько часов они не выйдут на большую глубину, то окажутся на мели. Адреналин выплеснулся в кровь. По рукам прошелся тремор. Взгляд так и лип к экрану гидролокатора. Глубина скакала вокруг отметки в двести. Воды на этой глубине были беспокойны. Огромные водяные валы регулярно сотрясали корпус лодки. В такие моменты она теряла управление и начинала ерзать, как автомобиль на лысой резине по гололеду.

Тем, кто дежурил в прочих отсеках лодки, было еще тяжелее. Им приходилось только догадываться о том, что происходит. И воображение подкидывало самые страшные варианты развития событий. Специально, чтобы разрядить обстановку и взбодрить экипаж, Татарчук сделал доклад по громкой связи. У одного из матросов сегодня был день рождения. Командир корабля горячо поздравил его и включил песню. Песня была неплохой, но искаженная колонками, не пригодными для передачи широкого диапазона звуков, вкупе с барабанной дробью по корпусу лодки, больше походила на фантасмагорическое представление с элементами скорой ужасной развязки. После песни во всех отсеках установилась тишина. Невесело было и самому имениннику.

Как не пытались избежать контакта с океаническим дном, оно все равно произошло. Над лодкой было чуть больше ста пятидесяти метров воды. Сквозь мерцание падающего на дно мусора, внезапно проступил контур дна, идущего на подъем по левому борту. Автоматическая система управления, пользующаяся датчиками, ставшими близорукими, слишком поздно повернула рули. Корпус лодки сотряс мощный удар. Терехина бросило на пол. Во время падения он ударился головой обо что-то. Из глаз брызнули искры.

Дежурные офицеры тут же стали раздавать команды подчиненным, чтобы те незамедлительно проверили отсеки на предмет повреждения оборудования и травмирования личного состава. Системы диагностики не выявили повреждения приборов. Удар пришелся по касательной, и возможно, кроме вмятины на корпусе, не оставил других повреждений. Но субмарина, после удара, набрала высоту. Бурлящая, как в котле вода, взяла лодку в оборот.

Субмарина перестала чувствовать рули. Экипаж и все, что было не закреплено, заметалось внутри отсеков. По корпусу молотило так, что казалось, в нем должны были появиться сквозные пробоины. Татарчук бросился за ручное управление кораблем. Он дал полную тягу двигателям, пытаясь стабилизировать корабль. Терехин ухватился покрепче, чтобы устоять на ногах. Его взгляд был направлен на показания гидролокатора, показывающего, что лодка находится почти у самой поверхности.

Несмотря на полную тягу двигателей, подлодка потеряла ход. Сильное течение у поверхности постепенно разгоняло корабль в обратном направлении. Командир приказал развернуть ее по течению и заполнить кормовой балласт водой полностью. Маневр был

опасным. Лодка могла «клюнуть» носом в дно. Татарчук, как опытный командир, понимал на что шел. В этот момент он считал эту возможность единственной, чтобы уйти на большую глубину.

Лодка стабилизировалась. На экране гидролокатора обозначился рельеф дна. Автоматика выровняла корабль. Но глубина была недостаточной, чтобы чувствовать себя в безопасности. Время шло, и воды над головой становилось все меньше. Никто из экипажа лодки не представлял, что их может ждать, после того, как лодка окажется на мели. Интуиция говорила Терехину, что там гораздо хуже, чем под водой.

— Виктор! — Татарчук позвал Терехина без официоза. — Смотри какая ситуация вырисовывается. — Он ткнул в экран, на котором была интерактивная карта. — До ближайшей котловины, как было сутки хода, так и осталось. Может быть, нам повернуть по течению и через два дня мы снова окажемся на нормальной глубине?

Терехин понимал, какая ответственность лежит сейчас на плечах командира и понимал все его сомнения. Он мог позволить себе более холодный расчет.

— Товарищ капитан...

— Брось, давай по имени.

— Дим, смотри. — Терехин показал свой листок с расчетами. — Примерно каждый час океан мелеет метров на двадцать. Если этот ураган не прекратится, то на этом месте, менее чем через сутки будет голое дно. Если мы повернем назад, и ветер за это время не остановится, то мы точно сядем на мель. А я не представляю, что твориться наверху, и не горю особенно это знать.

— А если снова заденем обо что-то, о скалу, например?

— Да не было тут скал, отродясь. Не первый же раз ходим.

Они оба знали здешнее дно, и отговорки командира были попытками скрыть нерешительность.

— Хорошо, Виктор, вперед, так вперед.

Субмарина продолжила путь на запад. Копируя рельеф, используя каждую ложбинку в ней, корабль достиг котловины. Как изможденный ранами и погонями зверь, лодка залегла на глубину. В отсеках стало почти бесшумно. Экипаж расслабленно выдохнул. Виктор Терехин не позволял себе покинуть капитанский мостик, до тех пор, пока ситуация не нормализуется.

Когда лодка зависла на предельной глубине в четыреста пятьдесят метров от поверхности, оставив под собой глубину почти четыре километра, Татарчук дружески похлопал Терехина по плечу.

— Ну, что, Виктор, кажется, пора хлопнуть валерьянки?

В каюте у Татарчука была заначка, бутылка дагестанского коньяка. Командир корабля не позволял экипажу, ни при каких условиях брать с собой на борт алкоголь, и эта бутылка оказалась у него по чистой случайности — подарок товарища, недавно уволившегося в запас. Никакой подходящей посуды для коньяка не было, поэтому разлили по кружкам. Когда Татарчук наливал коньяк, руки у него заметно тряслись. Сказывалось напряжение душевных сил, на протяжении суток.

— Короче, ну её нахрен, такую погоду. — Татарчук выпил залпом всю кружку.

Поставил ее на стол и занюхал карамелькой. Терехин сделал так же. Крепкий напиток разошелся теплом по животу. Они пытались поговорить о ситуации, но сильно уставший организм не позволил это. Виктор понял, что если сейчас он не встанет и не уйдет в свою

каюту, то уснет прямо здесь, сидя за столом. Татарчук испытывал то же самое.

— Ладно, расходимся, поговорим после. С ног валюсь.

Капитан второго ранга с трудом добрался до своей шконки. Упал в нее и тут же отключился.

Егор не понял, сколько он спал, минуту или несколько часов. Разбудил его страшный грохот. Можно было подумать, что рушатся своды пещеры. Егор вскочил, и со сна никак не мог взять в толк, что происходит. Тамара и Катя стояли рядом и тоже напряженно всматривались в темноту. Матвея не было.

— Матвей! — Крикнула Тамара и побежала в сторону выхода из пещеры.

Егор бросился за ней. Обогнал ее и чуть не столкнулся лоб в лоб с сыном.

— Нас, кажется, завалило. — Произнес сын.

— Что, как завалило? — Переспросил Егор.

— Пойдем, покажу.

Так и было. Вход в пещеру завалило сошедшим сверху камнепадом. Польза от этого была. Струи воды мгновенно опали. По грязным бокам автомобиля стекала густая жижа. Сам автомобиль немного задрался вверх, как-будто ему надавили на нос. Так оно и было, скорее всего. Но получалось, что их закупорило в пещере.

Егор и Тамара переглянулись. Это был какой-то перебор. Кто-то свыше упорно создавал им испытания нон-стоп.

— Хоть воды не будет. — Беспомощно произнес Егор.

— Семейный склеп какой-то. — Не смешно пошутила Тамара.

— Типун тебе на язык. Это курорт с лечебными грязями.

— Кто станет искать нас здесь?

— Как кто? На работе все знают, куда я поехал. Сообщат, поди, когда в понедельник меня на работе не будет? Родители мои и твои знают, они уж точно забеспокоятся.

В луче фонаря Егор увидел, как у жены затряслись губы, из ее глаз покатались слезы. Тамара оперлась спиной о стену, обхватила голову руками и заскулила. Егор попытался обнять ее, но жена резко сдернула его руку. Сразу за этим последовала истеричная тирада.

— Ты! Ты..., в жизни сделал хоть что-нибудь нормальное, а?! Я всю жизнь ждала, когда ты научишься выключать у себя дурака. Думала, что это придет с возрастом, что ты поумнеешь, и мы заживем, как люди. А ты, вместо этого, решил убить свою семью. Из всех самых идиотских решений, ты выбрал самое идиотское. Ты идиот, Егор!

Егор представил, как бьет жену кулаком в лицо. Она ударяется головой о стену и затихает. Это могло бы на время подарить ему чувство глубокого удовлетворения, но потом его несдержанность станет между ними ледяной глыбой, через которую точно не протянуть друг другу руку. В конце концов, выговорившись, женщины снова становятся нормальными. На время.

— Успокоилась? — Спросил Егор супругу, ждущую мужнину реакцию.

— Нет! — Ответила она дерзко.

— Как успокоишься, приходи наводить порядок. — Егор, молча, развернулся и пошел к детям, оставив жену в полной темноте.

Женщина должна при любых обстоятельствах оставаться женщиной. Тамара,

чувствующая себя виноватой за оскорбление мужа, старалась искупить вину работой на пользу семьи. Она попросила Егора провести инвентаризацию всего, что у них было. Из продуктов у них имелось два целых пакета с сухпайком, один начатый, пять банок консервов, две рыбных и три тушенки, два пакета с крупами, десять пакетиков с лапшой быстрого приготовления, пачка подмоченного сахара-рафинада, палочка сырокопченой колбасы, тоже немного искупавшаяся в жиже и три пакета чипсов. Из несъедобного была кое-какая металлическая посуда и инструмент, который удалось спасти из машины, насос, перочинный нож, отвертка, плоскогубцы и прочий хлам, который Егор считал, пора возить по сроку службы автомобиля. Были еще четыре спальника, матрас, палатка, рюкзак и сумка.

Всё, что подмокло, Тамара развесила по выступам и сталактитам. В пещере было влажно и рассчитывать, что это могло просохнуть, не стоило, но и завоняться не должно было. В заботах и делах тревога отступала. Время шло быстрее, и была надежда, что за ними скорее явится подмога.

Тамаре хотелось попереживать за детей, но она видела, что их эта ситуация совсем не напрягает. Катя слонялась с фонариком по тем местам, до которых не достала вода. Ее напротив, забавляло находиться в пещере. Вместе с родителями ей было совсем не страшно, и она ни разу не захотела уехать отсюда.

Матвей ходил за отцом. Они что запруживали, перенаправляли потоки грязи, одним словом всецело были погружены в свои мужские заботы. Если бы не дикость той ситуации в которой они находились, можно было бы подумать, что им приходилось не раз заниматься подобными делами.

О еде они вспомнили, когда у всех начало сосать под «ложечкой». Егор посмотрел на часы в телефоне.

— Скоро ужинать пора, а мы еще не обедали. — Затем произнес расстроено. — Черт, батарейка садится.

Егор приготовил из половины пачки крупы и банки тушенки кашу. Семья уплетала бесхитростную еду за обе щеки. Егор обратил внимание, что глаза все лучше привыкают к темноте. Пещеру все так же освещал фонарь, поставленный на самый экономный режим, но Егор различал противоположную стену, хотя еще не давно, не видел дальше трех метров.

После обеда все решили немного прикорнуть. Егор подкачал матрас, выключил для экономии заряда фонарь и прилег, искренне рассчитывая, что его не разбудят очередные катастрофы. Обманутый отсутствием света организм проспал весь оставшийся день и всю ночь. Только когда сон уже совсем не лез, Егор вынул телефон, чтобы проверить время.

Телефон сделал попытку включиться, но моргнув экраном, отключился. Егор включил фонарь и разбудил Матвея.

— Эй, сынок, хорош уже дрыхнуть, глянь сколько там времени.

Матвей заворочался в спальнике. Через некоторое время лицо его осветилось включенным экраном.

— Почти восемь часов.

— Восемь чего? — Не понял Егор. — Утра или вечера.

— Утра, понедельника.

Егор присвистнул.

— Вот это мы поспать.

— Что с погодой? — Поинтересовался Матвей.

К монотонному низкому гулу, который производили стены пещеры, все привыкли и не

обращали внимания, поэтому сразу было трудно понять, успокоился ветер снаружи или нет. Егор прислушался. Гул присутствовал, как и вибрация каменного поля.

— Пока, без изменений. — Произнес Егор.

— Значит, и сегодня за нами не приедут. — Догадался Матвей.

— Ну почему, не приедут? День длинный, ветер еще может стихнуть.

— Пап, скажи честно, ты меня за дурака держишь? — Внезапно с обидой в голосе спросил Матвей.

— Нет, с чего ты взял?

— С того, что ты пытаешься сделать вид, будто этот ветер похож на обычный сильный ветер.

— Да, а разве не так?

— Не так, пап. Этот ветер похож на торнадо, как в Америке, но только торнадо движутся, а наш ветер, даже если предположить, что это торнадо, уже третий день стоит на одном месте. И ты когда-нибудь слышал про торнадо у нас?

— А может, раз в тысячу лет и по нашим степям и лесам проносится такой торнадо? — Не зная, что ответить предположил Егор.

— Пап, если бы ветер длился полчаса, я бы поверил, что это какая-то местная погодная аномалия, но ветер длится уже третий день, и ты хочешь мне сказать, что там, в нашем городе или где-то еще нет такого ветра?

— Я очень на это рассчитываю, Матвей, иначе такой ураган может натворить кучу дел.

— Кучу дел? — Переспросил с сарказмом Матвей. — Я на сто процентов уверен, что сейчас он именно этим и занимается, творит кучу дел. И не будет нам никакой помощи, потому что она потребуется больше всего тем, кто не попал в такую пещеру, как мы.

На шум проснулись Тамара и Катюшка.

— Матвей, не драматизируй и не пугай сестру. Ветер закончится, и за нами приедут. Не приедут сразу, так мы разберем завал и сами приедем. Все, что ни случается в жизни, случается к лучшему.

Матвей несогласно хмыкнул и закрылся в спальнике с головой. Егор с Тамарой переглянулись. Вечно у этих подростков любая неприятность оборачивается вселенским апокалипсисом.

За время, пока семья спала, вся более менее способная течь жидкость ушла. Осталась только густая грязь. По пещере можно было передвигаться гораздо свободнее, но наступать в грязь не хотелось. Егор проверил все стоки, в которые уходила вода. Их затянуло грязью. Прошел к выходу. Там грязи было по колено. Автомобиля не было видно совсем.

— Закупорило, как сургучом. — Тихо озвучил собственную ассоциацию Егор.

Отец семейства вернулся к «лежбищу». Семья не знала чем ей заняться. Прежде чем начать готовить обед, Егор решил убрать грязь, от того места, которое они облюбовали. Он собрал свой многофункциональный прибор в положение «лопата» и принялся сгонять грязь подальше от возвышения, на котором они обосновались.

— Ты, как-будто собираешься здесь задержаться? — Спросила Тамара, глядя на то, как Егор разгоняет грязь по сторонам.

— Просто не люблю жить на помойке. Да и вы займитесь делом?

— Каким, например?

— Не знаю, сами придумайте. Дома же вы всегда находите, чем заняться.

Егор почувствовал, как какой-то предмет, зацепил лопату, и что-то вывернутое из грязи

блеснуло в цвете фонаря. Можно было предположить, что это пустая бутылка или еще какой-нибудь мусор, коего в пещере находилось великое множество. Но любопытство заставило Егора засунуть руку в жижу и вынуть оттуда то, чего никак не могло оказаться в пещере. Это была задняя часть рыбы, с хвостом и плавниками. Тело рыбы было как будто разорвано пополам, мясо и кожа свисали лохмотьями.

— Что ты нашел? — Спросила Тамара, не понявшая в сумерках, что в руках у Егора.

— Рыба. — Без интонаций произнес Егор.

— В смысле? Что за рыба?

Егор прошлепал грязной обувью прямо к фонарю, переключил его на более яркий свет и направил на свою находку. Тело рыбы напоминало мишень. Оно все было в отверстиях. Из некоторых из них торчали камешки. Егор ополоснул рыбу водой и поднес к носу.

— Она почти свежая. — Резюмировал Егор.

— Откуда она здесь? Как ее могло занести в горы? — Недоумевала Тамара.

— Егор присел и почесал затылок.

— Ничего не понимаю. До нас она не могла тут оказаться, слишком свежая для этого.

— А может быть там потоп? — Испугалась собственной догадки жена.

— А может ее ветром принесло? — Вставил реплику Матвей.

— Не говори ерунды. Откуда, из магазина что ли?

— Из реки, моря или океана. Если бы я разбирался в рыбах, то сказал бы точнее.

— Ну-ка, Матвей, давай расскажи нам свою гипотезу. — Заступилась за сына мать, видя, что Егор готов снова покритиковать.

— Смотрите, когда мы были на улице, то видели, что фронт непогоды наступает с западной стороны, а пещера находится на восточном склоне, однако и здесь мы ощущаем, что ветер имеет огромную силу. — Матвей посмотрел на забинтованные ладони, вспоминая, как тянул машину, пытаясь вырвать ее у ветра. — Представьте насколько сильнее ветер с противоположной стороны. Я считаю, что эту рыбину ветер подхватил вместе с миллионами тонн соленой воды и донес ее до нас. Скорее всего, откуда-нибудь с Атлантики. Поэтому и вода идет к нам соленая и рыба попадаетея вместе с ней.

Матвей замолчал, а вместе с ним замолчали и все. Катюшка, не понявшая практически ничего, почувствовала напряженность момента и крепко ухватила за материну руку. Егор еще раз почесал затылок. Сын очень складно рассказывал, но теория была слишком невероятной.

— Да нет, не может быть. Если бы такой ветер начался, то ни одно здание его не выдержало бы. Сколько от нас до Атлантического океана, тысяч семь, а когда мы поняли, что к нам идет соленая вода? Часов через десять, как начался ураган, примерно. Значит, ветер должен нестись со скоростью почти в тысячу километров в час? Нет, не может быть. Этому должно быть простое объяснение. Например, люди пытались приготовить рыбу выше пещеры, а тут ветер, а потом и дождь. Вот ее и принесло с потоком. Как-то так.

— Ладно, ученые, вскрытие пещеры покажет, кто из вас прав. Давайте, запасемся терпением и будем ждать, когда нас все-таки вызволят. — Замирительно произнесла Тамара.

— А сколько вы готовы ждать? — Спросил Матвей.

— Кто знает, сын? В любом случае не больше трех дней. На большее время нам просто не хватит продуктов и воды. — Отмерил время до спасения отец.

— Оптимисты. До нас дела не будет, как минимум месяц.

— Матвей! Хватит нас пугать! — Заругалась сестра.

— Да, Матвей, не нагоняй тоску своими жуткими предположениями. Нас найдут, спасут и отправят домой, а мы будем спустя много лет вспоминать, как сидели в этой пещере, нашли в ней рыбий хвост, и построили на нём целую теорию о конце света.

Матвей, буркнул что-то под нос, отвернулся ото всех и уставился в телефон. Егор снова приступил к расчистке территории. Тамара занялась хозяйственными делами. Проверила вещи на предмет высыхания. В стоячей влажной атмосфере пещеры на это не стоило рассчитывать. Катюшка ходила за матерью, как тень.

В условиях изоляции от визуального восприятия смены дня и ночи произошло нарушение распорядка дня. Чувство, что организм не прочь снова поспать преследовало всех. Катя не особо и сопротивлялась. Она постоянно прикладывалась на матрац, спала по полчаса, просыпалась и бодрствовала часа два. Егор старался придерживаться «правильного» времени. Но телефоны разряжались, и скоро ему придется ориентироваться интуитивно.

После легкого ужина, когда Егор понял, что запасы нужно расходовать очень осторожно, семья спала. А он никак не мог уснуть. Своды пещеры исторгали своей вибрацией звук похожий на звук мощного органа, залипшего на одной ноте. От этого звука на душе становилось тревожно. Не хотелось думать о плохом, Егор настойчиво отгонял мысли, но они все равно пробирались в голову и начинали громко разговаривать в ней.

Что, если это катастрофа? Даже областного масштаба. Это значит, что их не кинутся искать в первую очередь, да и во вторую тоже. Посчитают их пропавшими без вести, пока туристы не разберут завал и не обнаружат их полуразложившиеся трупы в недрах пещеры. Егор снова вспомнил жуткую шутку жены про склеп. Его передернуло. Хотелось жить, и за детей было страшно. Невыносимо будет видеть, как они будут умирать голодной смертью. Егор решил, что с завтрашнего дня он попытается разобрать вход. Уж лучше пусть вода идет в пещеру, чем ощущение жизни как в могиле.

Первой, как ни странно проснулась Тамара и принялась кошеварить. Запах еды разбудил семью. Егор прислушался, искренне желая не услышать этот навязчивый низкий звук. Но он никуда не делся. Ветер под своим напором заставлял гору дрожать.

— Я попробую разобрать вход. — Произнес Егор, закидывая в рот еду, со вкусом рыбы. — Это что? — Спросил он про завтрак.

— Это та самая рыбешка, которую ты откопал. Уху, вот, сделала их нее, чтобы зря не пропала.

— Молодец. — Оценил смекалку жены Егор.

— Вода же пойдет в пещеру. — Вмешался в разговор Матвей.

— А что если дождь уже закончился? — Предположил отец.

— Пап, это не дождь, это ветер гонит воду из океанов и морей. Пока дует такой ветер, будет и вода. Если только океаны не выдует до дна. Но тогда, боюсь, суша скроется под водой, или, еще вероятнее, под слоем грязи.

— Матвей, хватит фантазировать. Ясно откуда у тебя по «окружайке» постоянно плохие оценки.

— Да меня просто Варвара не любит. — Матвей имел ввиду учительницу по «окружайке». — Я с ней спорю, а она злится, вот и ставит мне оценки низкие. А вы тоже, не верите мне, хотя у самих нет никаких теорий. Вы не пытаетесь предположить что-то новое, а отталкиваетесь от своего прежнего опыта.

— Ладно, Матвей, откопаем вход, тогда и проверим твою теорию. Если киты по небу

низко будут лететь, то ты прав. — Отец дружески похлопал сына по спине.

Ему нравилось, что Матвей пытается смело предполагать. Хотя Егор и считал, что сын здорово преувеличивает силу урагана, но желание анализировать и сопоставлять факты у сына получалось здорово. Кто знает, может он и пойдет в ученые. С кого-то в их роду должна была начаться линия интеллектуалов.

Камнепад не перекрыл вход воде полностью. Грязь все равно просачивалась в нескольких местах. Тамара страховала мужа в нескольких метрах за ним. Она считала, что Егор задумал очень опасное мероприятие, как всегда, не сильно озаботившись собственной безопасностью.

Скользкие камни, сидели плотно. Егор дергал их, но они не поддавались. Руки срывались. Егор несколько раз чуть не упал в грязь, которая доходила ему до колена. Тамара, уже несколько раз пыталась отговорить его от этого бесполезного занятия. Но лучше убеждений Тамары на него подействовал камень, придавивший ему указательный палец на правой руке.

Егору удалось раскатать один камень, и когда он поддался под его настойчивыми усилиями, верхние камни, опиравшиеся на него ухнули вниз, прищемив палец. Егор закричал и выдернул палец из каменных клещей. Тамара подбежала к мужу. В свете налобного фонаря с грязного пальца текла кровь.

— Быстрее, обработать! — Закричала Тамара, и потащила Егора за руку.

Отмытый палец, явил разорванную плоть и почти полностью сорванный ноготь. Тамара обрабатывала палец. Егор вздыхал и охал, когда Тамара небрежно обращалась с ним.

— Дурацкая затея. — Согласился Егор. — Мы же не знаем, какой высоты завал закрыл вход.

— А ты всегда так, Егор, вначале делаешь, а потом думаешь. — Не удержалась Тамара.

— Вчера мне эта идея казалась вполне умной и безопасной. Я же просто хотел глянуть, каково там, снаружи. Да и от ощущения, что мы заперты в склепе хотелось избавиться.

— Избавился? Теперь тебе еще придется избавиться от ощущения расплющенного пальца.

— Ладно, хватит, лучше попытаться, чем сидеть и ждать непонятно чего. — Не выдержал Егор. — Если нет выхода с этой стороны, можно попытаться пройти в те тоннели. Какой-нибудь из них может вести на выход. — Егор указал на узкие проходы в стене противоположной от входа.

— И даже не думай. Не зря их в свое время закрыли. Спелеологи уже все облазили и наверняка знают, что пользоваться ими не стоит. — Тамара всерьез испугалась за мужа.

— Я видел в каком-то кино, как выход проверяли пламенем свечи. Там где был выход, пламя свечи тянуло в его сторону. Мы просто проверим, есть ли в каком-нибудь из тоннелей тяга.

Тамара глубоко вздохнула и укоризненно посмотрела на мужа. Она понимала, что если Егор решит проверить свою догадку, то его ничто не остановит. С одной стороны попытка что-то делать гораздо лучше, чем впасть в уныние и пассивно ждать помощи невесть откуда, но с другой, была большая вероятность свернуть башку в малоизученных и опасных тоннелях.

Егор вдруг вскочил и прошел к запасам, выставленным вдоль стеночки, словно они стояли в шкафу квартиры каменного века. Он взял пластиковую полулитровую бутылочку и отвинтил пробку. Под молчаливое наблюдение семьи он сделал несколько глотков из нее,

оторвался и сморщившись, как выжатый лимон, занюхал рукавом.

— Палец болит, сильно. — Егор помахал забинтованным пальцем. — Забыл сказать, что здесь не вода. Заначка моя была, на черный день.

— И вот он наступил. — Ехидно сказал Матвей. — В один черный, черный день, в черной черной, пещере, наступил черный, черный момент. И только несколько капель волшебной жидкости делали настоящий момент очень светлым.

— Хм, подростковая вредность, знаю проходили. — Егор помахал бутылкой, в которой еще оставалось больше половины. — Это пусть на всякий случай останется, для наружного применения.

Спустя минут пятнадцать Егор уснул. Во сне он держал поврежденную руку, как своего ребенка.

С Семеном Шапиро этот трюк не прошел. Он никак не хотел вернуться в нормальное состояние. Через лоб его пролегла глубокая морщина, вызванная тоскливыми мыслями о судьбе родных. Кто знал, почему он убивался сильнее остальных? Игорю в этом плане было не легче, он потерял жену и детей, так же, как и Семен. Джейн потеряла родителей, но они были не молоды. Возможно, Семен расстался с семьей как-то нехорошо, и потому сильно переживал, что не успел сказать что-то важное, и теперь чувство вины будет мучить его до самой смерти? Сам Шапиро не распространялся, а лезть к нему с вопросами Игорь считал неуместным.

Коллектив МКС перестал делиться на российский и американский. Игорь и Джейн большую часть времени проводили вместе. Семен старался уединиться. Видно было, что общество его тяготит. Он либо молчал, либо грубил, показывая, как ему не все опротивело. То, что случилось с ним вскоре, было закономерным развитием его депрессивного состояния.

Шапиро надел скафандр, вышел в космос и проткнул его. Он не стал привязываться к кораблю, выбрав могилой космическое пространство. Игорь не сразу понял, что произошло. Он не сразу заметил, что Семена нет, его и так, как, будто не было. Только, когда он заметил, что не хватает одного скафандра, понял, что Семен решил свести счеты с жизнью в безвоздушном пространстве. Игорь пробежался по всем иллюминаторам, но Семена нигде не было видно. Где-то вдалеке он различил небольшое светлое пятнышко, но им могло оказаться, что угодно.

Вопреки всему, на борту МКС со смертью Шапиро стало немного веселее. Нельзя говорить о покойниках плохо, но он усугублял атмосферу безысходности. Как только его не стало, дышать на станции стало гораздо легче.

— И еды у нас теперь стало гораздо больше. — Подвел итог Кружалин.

— И кислорода. — Добавила Джейн.

Матвею запал идея, про тоннели. Он взял зажигалку и незаметно ушел в противоположный конец пещеры.

Те тоннели, в которые уходила вода, можно было и не рассматривать. Вверх вода бы не пошла. Всего их было пять. Два были забиты грязью под самый верх, и в случае нового наводнения их пришлось бы раскапывать, иначе пещере могло грозить затопление. Один тоннель из трех оставшихся был забит грязью наполовину. Видимо он шел вверх, но вход в тоннель сильно затянуло грязью.

Матвей зажег перед ним зажигалку. Пламя вспыхнуло, ударив ярким светом по глазам. Матвею с непривычки даже пришлось зажмуриться. Спустя мгновение глаза привыкли. Пламя колебалось, словно само не могло понять, есть ли движение воздуха. Матвей прошелся вдоль стены к другому тоннелю. Он начинался на уровне одного метра от пола пещеры. Стены его обросли потеками и были похожи на кишку огромного животного. И здесь пламя вело себя неопределенно. Можно было подумать, что воздух в этом ответвлении двигался периодически то в одну, то в другую сторону.

— Матвей! — Под сводами пещеры раздался встревоженно-требовательный голос матери.

Матвей так и не успел, как следует проверить последний тоннель. Он зажег огонь, но пламя погасло, и привыкнув слушаться родителей он вернулся назад, так и не убедившись в наличие тяги.

— Ты почему сбежал молчком? — Мать строго посмотрела на сына.

В свете фонаря ее глаза блеснули адским гневом.

— Прости, мам. Хотел проверить теорию отца, про тягу в тоннелях.

— В следующий раз, будешь предупреждать, даже когда соберешься в туалет.

— Хорошо. Я понял.

На самом деле Матвей понял, только то, что нужно будет, как следует проверить последний тоннель. Но позже, когда мать будет чем-нибудь занята.

— Ты бы лучше Катюшку занял бы чем-нибудь, а то она сидит с камешками играет. Телефон ей дай свой что ли, поиграть.

— Не дам! — Категорично заявил сын. — Там заряда процентов двадцать осталось. А без моего телефона вы даже знать не будете, какой сегодня день, и какое время суток.

— Жадина. — Отозвалась Катюшка, слышавшая разговор.

— Не дам. Могу пересказать последний фильм про хоббитов. Хочешь послушать?

Катя оживилась. Сунула камешки в карман и присела ближе к брату.

— Хочу. Мы закончили в последний раз, когда гоблины чуть не съели гномов. — Напомнила она. — Помнишь, когда я за тебя пропылесосила?

Мать резко повернулась в сторону Матвея.

— Матвей. — С укоризной сказала она. — Чтобы в первый и последний раз я слышала об этом.

— Хорошо, мам. — Матвей виновато опустил глаза, тайком показав сестре кулак.

Катюшка поняла, что сболтнула лишнее и прикрыла ладонь рукой.

Монотонный рассказ Матвея вверг сестру в глубокий сон. Матвей и сам не заметил, как

уснул. Когда он проснулся, оказалось, что все остальные члены семьи еще, или уже спят. Он включил телефон и посмотрел на время. Был вечер вторника. Трое с половиной суток не утихала стихия.

Матвей вынул зажигалку и высек из нее пламя. Ситуация идеально подходила для того, чтобы проверить тягу в последнем тоннеле.

Егор проснулся с чувством подсознательной тревоги. Он сразу не мог понять, вызвано оно было похмельным синдромом, отбитым пальцем или чем-то еще. Он огляделся. Тамара и Катюшка спали, прижавшись друг к другу. Отсутствие Матвея он заметил сразу, но не придал ему значения. Скорее всего, посчитал он, что сын отошел по нужде. Егор занялся своим пальцем. Дергающая пульсирующая боль простреливала от распухшего пальца по всей руке, до плеча. Егор боялся представить, какие его ждут бессонные ночи впереди. Быстрее бы все закончилось, вернуться домой, показать палец врачу, получить от него всезаживляющую мазь и наглотавшись обезболивающих проснуться утром совершенно здоровым.

Сын что-то задерживался. Егор, чтобы немного отвлечься решил пройтись по пещере, заодно и найти сына. На входе в пещеру сына не было, да и делать ему там нечего было. Слишком много грязи. Егор прошел всю пещеру по периметру, но безрезультатно. Решив, что они разминутся, Егор вернулся на «лежбище». Там он тоже не появился. Егора пронзила догадка. Он бросился к Тамаре.

— Тамара! Тома! Проснись!

Жена подскочила и испуганно уставилась на Егора.

— Что случилось?

— Матвея нигде нет. Не в тоннели он полез?

— Конечно, вот придурок. Он ходил, светил в них, тягу искал. — Тамара на ходу рассказывала Егору, почти бегом направляясь к последнему тоннелю. — Весь в тебя, если дурь в голову затесалась, не выйдет пока по башке не получит.

Егор промолчал. Не время и не место было меряться характерами. Воображение уже рисовало страшные картины предполагаемых вариантов трагедии.

— Я думаю, он сюда полез. — Мать встала перед последним тоннелем. — Я его отсюда согнала. Матвей! — Крикнула она в недра горы.

— Матвей! — Громким басом прокричал Егор. — Вернись, там опасно.

В ответ была тишина.

— Так, так. — Заметался Егор. — Мне нужен мел или фломастер, чтобы оставлять заметки на стенах, и запасной фонарь.

Матвей, пока в проходе тоннеля был виден огонек фонаря, чувствовал себя спокойно и уверенно. Тяга точно показывала ему в какой тоннель следовало идти. Пройдя несколько развилок, Матвей понял, что поступил опрометчиво, не отмечая пройденный путь. Все повороты выглядели совершенно одинаково, и вскоре паника стала холодными щупальцами стискивать последние здравые мысли ускользающего сознания.

Паника, плохой подсказчик. Вне себя от страха, Матвей то карабкался вверх, то проваливался вниз. Он окончательно выбился из сил. Ему все же хватило ума остановиться и попытаться поразмыслить над той ситуацией в которой он оказался. Он находился в небольшом гроте, где-то в глубине горы. Куда нужно было идти он не знал, даже примерно.

Несколько узких ходов расходились в разные стороны. Зажигалка показывала, что тяга есть в паре из них, следовательно, остальные тупиковые.

В этот момент, Матвей понял, что наличие острого ума, не подкрепленного жизненным опытом и твердым характером, может сослужить его владельцу очень дурную службу. Страх почти отнял способность нормально соображать, а остальных качеств молодой человек еще не нажил. Больше всего ему хотелось, чтобы за ним пришел отец и отвел назад. Пусть даст оплеуху, он ее честно заслужил. Но только пусть придет.

Егор решил ждать здесь. Его обязательно кинутся искать, и если он будет плутать по многочисленным тоннелям и пещерам, то его поиски здорово усложнятся. В маленькой пещере он просидел около часа. Иногда ему казалось, что он слышит какие-то звуки. Он начинал кричать и звать отца. Но ответа не следовало, и приходилось списывать звуки на игру воображения или на силу стихии, генерирующей звуки в горе.

Примерно через час ему послышался писк. Вначале он подумал, что мерещится, но писк повторялся постоянно. Матвей обвел небольшое пространство пещеры лучом налобного фонаря. Он чуть не лишился дара речи, когда увидел отразившийся свет в десятках пар маленьких глаз.

Не помня себя от страха, Матвей бросился в первый попавшийся тоннель. Он полз, карабкался, где можно было бежать, бежал. Страх застил ему все остальные чувства. Он не сразу заметил, что впереди нет опоры. Нога ушла в пустоту. Потом резкий удар головой и сознание вместе со вспышками в глазах покинуло тело мальчика.

Егор кричал изо всех сил. Горло уже саднило, но сын не отзывался. Отец уже не испытывал раздражения к сыну, остался только страх за него. Стараясь в этом состоянии не натворить глупостей, Егор брал себя в руки и тщательно планировал маршрут.

Тоннели становились то уже, что можно было пролезть только боком, то расширялись, позволяя идти во весь рост не нагибаясь, то переходили в полноценные пещеры, в которые не ступала нога человека. Следов присутствия сына в них не было.

— Матвеееей! — Прокричал отец в миллионный раз и закашлялся.

Его голос разошелся по разветвлениям тоннелей. Ответа не последовало. Егор нарисовал ноль на том входе в пещеру из которого только что выбрался, и нарисовал единицу рядом с тем, в который собирался залезть. Секунду повременив, он ступил в узкий тоннель и почувствовал, какой сильный сквозняк был в нем.

Егор подумал, что сын мог выбрать этот тоннель и уверенно двинулся по нему вперед. Ответвлений и развилок у него не было. Сквозняк набирал силу и посвистывал в поворотах. Егор даже обрел уверенность, что именно этим путем и направился Матвей искать выход.

Путь прервался мгновенно, за очередным поворотом тоннель внезапно обрывался в горизонтальном расположении и резко поднимался вверх. Абсолютно вертикально, как печная труба. Егор посветил фонарем вверх. Гладкие стены, с потеками, за которые не зацепиться. Матвей здесь точно бы не залез. Укоренившаяся надежда, что он на правильном пути, рухнула. Егор ругнулся, пнул ни в чем не повинную стену и уныло побрел по обратному маршруту.

Матвей пришел в себя в полной темноте. Ему казалось, что он ослеп от сильного удара. Лоб саднило, и запекшаяся кровь коркой прилипла к веку. Но с открытыми и закрытыми глазами было одинаково темно. Мальчик ощупал налобный фонарь. Он был разбит.

Зажигалку он потерял, когда падал. У него остался только телефон. Матвей со страхом нащупал его, боясь, что и телефон мог повредиться от удара.

На ощупь телефон был цел. Экран зажегся. Мальчик осветил им пространство вокруг. Вокруг только камень и непроглядная тьма впереди. Матвей дождался когда загрузится операционка, чтобы включить фонарь.

Более яркий свет фонаря осветил перед мальчиком край бездны. На расстоянии вытянутой руки от того места где он лежал, находился обрыв, до дна которого не доставал луч фонаря. Матвея передернуло от мысли, что было бы с ним, если бы он пролетел еще немного.

Он посветил назад, туда, откуда свалился. Двухметровый уступ находился совсем рядом. Мальчик попытался зацепиться за его край. Пальцы скользили по холодному и мокрому камню. Каменная стена была ровной, ногам не было никакой опоры. Вместо того, чтобы залезть велик был риск свалиться в бездну. Матвей сел на корточки. В голове стучало. Не хотелось ничего, не двигаться, не возвращаться, не пытаться залезть.

Сколько он просидел в таком положении Матвей не понял. Может быть час, а может быть и дольше. В какой-то миг ему показалось, что он слышит голос. Неясный, перебиваемый гулом горного «органа». Матвей прислушался. Тишина. Потом снова послышался, и снова минуту было тихо. В третий раз Матвей понял, что это не галлюцинация и не игра сквозняков. Он явственно различил голос отца, зовущего его по имени. Что было сил, мальчик закричал:

— Паааааап! — Его крик перешел в плач. — Папааааа! Я здесь!

Матвей трясущимися руками включил телефон и принялся махать фонарем в сторону тоннеля, откуда он упал.

— Матвей! — Отец услышал его. — Сынок! Ты где!?

— Здесь! Здесь! — Кричал Матвей, размахивая телефоном.

Из глаз слезы лились градом. Матвей увидел, как мечется по стенам свет фонарика. Спазмы рыданий сотрясали тело мальчика.

Егор увидел свет фонаря и направился в его сторону. Он слышал, как рыдает Матвей. Но сердце отца переполняла только радость, оттого что сын нашелся, и нашелся живым. Пробравшись сквозь узкий тоннель, он подобрался к краю уступа. Свет фонаря осветил лицо сына. Огромная рана на голове, лицо в запекшейся крови и частично размазанная по лицу вместе со слезами.

— Держи руку! — Твердо сказал отец.

Матвей протянул руку. Отец подтянул его как пушинку. Все-таки свое дитя не тянет.

— Ты как? — Спросил Егор.

— Нормально. — Матвей прикоснулся к ране на голове. — Болит немного.

— Пустяки, сейчас обработаем.

— Пап... — Трясущимся голосом начал Матвей. — Пааап, простите меня, что я полез в тоннели. Я думал..., я думал найти выход.

— Ты правильно думал, сын, но сделал это через одно место. Давай договоримся, как мужчина с мужчиной, никаких глупостей, без согласования друг с другом. Видишь, что из этого получается, у меня палец разбит, у тебя голова. Так скоро дееспособными останутся только наши женщины.

— Хорошо, пап, даю слово, что никуда не сдвинусь с места без твоего разрешения.

— Молодец. А я, кажется, нашел тоннель, который ведет наружу, в нем такой жуткий

сквозняк. Надо будет его непременно обследовать потом. Вместе.

— Хорошо, пап.

Матвей, перенесший всю гамму переживаний, вдруг обрел такую внутреннюю радость, которую можно было сравнить с божественным блаженством. Он понял насколько любит свою семью, состояние себя внутри семьи, и даже строгость родителей в этот момент он любил безмерно.

Тамара вместе с Катюшкой сидели у входа в тоннель и молча ждали. Сколько жутких мыслей проскочило в голове бедной женщины. Не хотелось верить в плохое, но оно само, настойчиво просилось в мысли. И только когда вдалеке по стенам замелькал свет, она обрадовано вскочила и крикнула в темноту тоннеля.

— Егор, это вы? — Она верила, что возвращаются оба ее мужчины.

— Мы. — Глухо донесся из тоннеля голос Егора.

Тамара прижала ладонь к лицу. Из глаз брызнули слезы. Катюшка прижалась к матери и уткнулась лицом в одежду. Через минуту, вначале Егор, а за ним и сын выбрались из прохода. Тамара кинулась обнимать сына.

— Осторожнее, у него ссадина на голове. — Предупредил ее муж.

Егор посветил на Матвея. Тамара увидела рассеченную голову, сгустки запекшейся и размазанной по лицу крови, и чуть не лишилась сознания.

— Как же ты так, зачем ты пошел туда? — Тараторила она скороговоркой.

— Ладно, Тамар, допросы устраивать, пойдем, обработаем ему рану.

Отмытая водой и обработанная спиртом рана уже не выглядела так устрашающе. Тамара успокоилась немного. Матвей поел и уснул, довольный тем, что ему никто не устроил нудных нравоучений.

— Бедняжка. — Мать с нежностью провела рукой по спине сына.

— Это урок, очень жестокий, но на всю жизнь. — Сказал Егор, надеясь, что сыну хватило ума его извлечь. — Матвей рассказал, что видел десяток крыс. У этих животных нюх лучше собачьего, как бы они не потянулись следом за нами.

— Вот напасть, одно за другим. Теперь я не смогу спать спокойно. Может заложить вход?

— Я думал об этом, но не придумал чем заложить. Если смешать мусор с грязью, то их это не задержит, камней здесь нет, да и палец свой не хотелось бы мочить. До сих пор дергает. Может быть нам смены организовать? Все равно ночь круглые сутки.

— А вдруг их тысячи?

— Ладно, как только вопрос перейдет из гипотетической фазы в практическую, так мы сразу и придумаем, как действовать.

— Хорошо, но спать теперь все равно боязно как-то.

— Спи, если хочешь, а я пока подежурю. Посижу возле тоннелей.

— Хорошо, Егор, спасибо, я так устала, столько нервов потратила, сил никаких нет.

Тамара поцеловала Егора в губы. Тот шлепнул ее под зад, взял с пола топорик и пошел к тоннелю, из которого совсем недавно выбрался.

В одиночестве мысли упорядочиваются. Сама собой пришла мысль о запаске, которую Егор вынул из машины. Крыс, если они и появятся когда-нибудь, можно было бы шугануть дымом горящей резины. Наверняка этот запах напугает животных. Егор не представлял, на сколько можно было растянуть покрышку. На день или два, если порубить ее на небольшие куски. Тем не менее, идея Егору пришлась по душе. Она выглядела более практичной,

нежели гонять скопища шустрых животных по пещере.

Не откладывая дело в долгий ящик, Егор притащил запаску к тоннелю, выпустил из нее воздух и принялся рубить её топориком. За час, напряженного труда от запаски остались только мелкие куски. Егор решил сделать «тревожный набор», сложить в металлическую походную тарелку кусочки покрышки, положить рядом бутылку с жидкостью для розжига и зажигалку.

Немного подумал и решил проверить, как это будет работать. Словно готовя блюдо «а ля фламбе» Егор полил кусочки резины жидкостью для розжига. Выставил тарелку в проход, поднес зажигалку к тарелке и чиркнул колесиком. Пламя сразу занялось. Через полминуты заадила резина. Сквозняк уносил черный дым вглубь хитросплетений пещер и тоннелей. Дабы не допустить быстрого прогорания резины Егор прикрыл половину тарелки примятой жестяной банкой. Та недолго выполняла свою функцию. Под воздействием температуры банка начала скукоживаться и потекла.

Из ниоткуда, как тень, рядом появилась Катюшка. Она как зачарованная смотрела на пламя.

— Что делаешь? — Спросила она.

Егор не хотел пугать ее рассказами про крыс. Впечатлительный ребенок мог начать бояться больше, чем нужно.

— Да тягу проверяю. Думаю, может ветер закончился уже. — Соврал отец.

— Гудит, я слышу. Из-за него я и проснулась. Сон страшный видела, там все гудело. Я проснулась, сон ушел, а гудеж остался.

— Не бойся, малышка, мы сейчас в безопасности. Там, снаружи, сейчас гораздо хуже.

Егор даже сам не знал, насколько был прав. Дочь села ближе к отцу. Егор обнял ее и они долго сидели молча, глядя как пламя постепенно затухает. Когда оно потухло, Егор понял, что глаза снова ничего не видят вокруг. Только в глубине пещеры слабо светил фонарь, указывая им направление, как маяк.

— Есть охота, пап. — Пропищала за ухом дочь.

Егор посадил ее себе на закорки, чтобы Катюха лишний раз не месила грязь не приспособленной для этого обувью.

— Сейчас приготовим что-нибудь. — Пообещал отец, вспоминая, что из припасов у них еще осталось.

На импровизированной полке стояли в ряд три банки рыбных консервов и полпакетика крупы, воды оставалось меньше половины пятилитровой бутылки и наполовину израсходованный пакет сухпайка. Интуиция подсказала Егору, что пора бы уже начать здорово экономить припасы. Мысленно, он разделил оставшуюся еду и воду на пять дней. Выходило совсем по ничтожной порции. Воду еще можно было найти где-нибудь в пещерах, но с едой все обстояло очень плохо. Егор вспомнил про крыс. Отличный источник сбалансированного питания. Только как их найти и поймать Егор не представлял. Возможно, стоило наоборот, привлечь грызунов себе в гости.

Шел пятый день заточения в каменном склепе. Из-за того, что сон и бодрствование перестали подчиняться нормальному распорядку, ориентированному на световой день, Егор понимал, что через несколько дней они совсем потеряют счет дням. А может быть, уже потеряли. Сон стал частым и прерывистым, и по нему нельзя было отмерить продолжительность суток. Дети просили есть. Родительские сердца надрывались, но

поддаться означало, что в будущем их точно могла ожидать голодная смерть.

Первым не выдержал Егор.

— Всё, я беру Матвея и мы идем к той пещере, где на него напали крысы.

— Я не хочу крыс, я не буду их есть. — Закапризничала Катя.

Но голод заставлял и подошвы грызть. Егор взял многофункциональный топорик, встряхнул и повесил на одну руку рюкзак, дал в руки сыну пустую «пятилитровку» и решительно направился к тоннелям.

— Егор, а может скоро все прекратится, может, подождать немного? — Неуверенно начала Тамара.

— Не может. Идем, сын. — Матвей потрусил рядом. — Храните домашний очаг! — Через плечо крикнул Егор.

— Как скажешь, очаг, так очаг. — Вполголоса согласилась Тамара.

Егор шел по своим заметкам. Менее, чем через полчаса они оказались в той пещере, где Матвей увидел крыс.

— Я стоял здесь. — Матвей повторил события того дня. — И думал, куда мне пойти, потом услышал писк и посветил в эту сторону, а там глаза, как огоньки. — Его передернуло от воспоминаний.

Егор посветил фонариком куда указывал Матвей. Опустил его почти к самому полу, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Он нашел несколько небольших черных продолговатых комочка.

— Так и есть, крысиные говна. Тебе не померещилось.

Егор осветил пещеру из которой пришли крысы. Она была узкой, но пролезть, согнувшись в три погибели, можно было. Егор написал букву «К» перед входом, что должно было означать «крысы».

— Пойдешь со мной, или останешься? — Спросил отец сына.

— С тобой. — С готовностью согласился Матвей.

Первым полез Егор. Судя по запаху, крысы часто пользовались этим тоннелем. Чем дальше они продвигались тем явственнее в воздухе проносилось присутствие грызунов.

— Воняет. — Заметил Матвей.

— Воняет. — Согласился отец. — Мы где-то рядом с их жилищем.

— Пап, а что они едят в пещерах. Здесь же нет ничего?

— Это тебе кажется, что нет, на самом деле здесь полно насекомых, летучих мышей, да и выход на поверхность где-то есть.

— Зачем ты мне про насекомых сказал. Мне теперь страшно руками в темноту опираться.

— Не бойся, где ходят крысы никаких насекомых нет, одни крысиные какашки.

— Спасибо, теперь мне гораздо спокойнее. Тихо! — Отец остановился и замер. — Слышал?

— Нет.

— Писк.

Егор перехватил топорик поудобнее и уже гораздо внимательнее двинулся по пещере. Вскоре и Матвей расслышал крысиный писк, нехорошими воспоминаниями пробежавший в мыслях.

Пещера расширялась. Егор привстал, разминая уставшие ноги. Вонь тут была ощутимой, как и писк. Через несколько шагов отец остановился. Матвей выглянул из-за него и увидел

отсветы в маленьких глазках. Его передернуло. Отец двинулся дальше. Вскоре показались и сами крысы.

Несколько животных, никогда не видевших свет, стояли, приподняв мордочки вверх и нюхали воздух. Запах человека им был незнаком. Егор сделал шаг в их сторону. Крысы немного ретировались. Тогда Егор сделал рывок и с ходу ударил топориком ближайшую крысу. Кровь брызнула в стороны из почти располовиненного тела. Егор ударил по другой крысе, промахнулся, ударил еще, попал. Крысы смекнули, что чужак несет им смерть и быстро исчезли из тоннеля. На полу осталось лежать три разрубленных тела. Егор закинул их в рюкзак.

— Бррр, я не уверен, что смогу их есть. — Признался Матвей.

— Голод не тетка, и не такое люди едят, когда прижмет. Кажись, крысы поняли, что на них охотятся, как ветром сдуло.

— Я читал когда-то, что смертельно раненая крыса издает определенный звук, который другие сородичи понимают, как предупреждение.

— Да они и пискнуть не успели. Пройдем еще немного, посмотрим?

— Давай.

Крысиные говна, воспринимались под ногами уже как нечто естественное. Место было давно обжитое и напоминало чердак дома облюбованного голубями. Кругом одни продукты жизнедеятельности, и ни одной крысы.

— Сообразительные твари. — Егор остановился. — Думаю, что сегодня они нам больше не попадутся. Пошли назад, воду поищем.

Воздух снова стал пахнуть свежестью, когда мужчины вылезли из «крысиной» пещеры.

— А ты не помнишь, что было в той пещере, откуда я тебя вытащил?

— Ничего, вроде, я и не рассматривал. Обрыв был рядом, свет от телефонного фонарика до дна не доставал.

— Пошли туда, где я уже был, никакой воды не было.

Матвей дорогу не помнил. Шли по отцовским заметинам на стенах. Путь оказался намного длиннее, чем считал сын, проделавший его в беспамятстве.

— Вот мы и пришли. — Егор посветил фонарем в бездну.

Он обследовал края двухметрового обрыва, нашел камешек и бросил его в темную бездну. Камень гулко ударился о каменное дно.

— Не так уж и глубоко. Оставайся здесь, если, что подашь мне руку, а я попробую рассмотреть, где у этой ямы дно.

Матвей плохо представлял, как он сможет вытащить отца, весящего больше него раза в два, но подчинился. Рана на голове еще отчетливо напоминала о собственном самостоятельном опыте.

— Хорошо, пап.

Егор осторожно спрыгнул с двухметрового откоса. Снял с головы налобный фонарь и на вытянутой руке опустил его вниз. Более яркий свет фонаря выхватил из темноты дно ямы. В самом низу, словно шипы в древней яме-ловушке на мамонтов, росли вверх островерхие сталактиты. Образованные растворами светлых минералов, они блестели в лучах фонаря, откидывая по стенам ямы тусклые «зайчики». Между сталактитами блестело дно. Егору очень хотелось, чтобы это была вода. Он нашел еще один камешек и прицельно бросил его в сторону блеска. Камень характерно хлопнул, как от попадания в воду.

— Там вода! — Радостно сообщил Егор.

— Ух, ты, здорово! А как ее набрать?

Егор осветил стены. Они были неровными, но удобных выступов не было видно. Потeki воды, с растворенными в ней минералами, откладываясь на стенках ямы, слизали все грани. Без веревки и думать не стоило о том, чтобы опуститься на дно. В голове Егора уже был план, но для этого требовалось вернуться на базу.

Обратную дорогу Егор уже отчасти выучил, и многочисленные одинаковые проходы мог отличить друг от друга. На самом подходе к своей пещере он и Матвей слышали далекое пение. Тамара напевала колыбельную.

— Чего это она? — Удивился Егор. — Тут и без колыбельной спать все время хочется.

Они выбрались из тоннеля. В пещере стояла полная темнота. Слабый свет фонарика отсутствовал.

— Тамара! — Крикнул Егор. — Это мы!

Как будто это мог быть еще кто-то кроме них.

— У нас фонарь выключился. — Сказала Тамара, когда подошли муж и сын. — Катя испугалась темноты, попросила меня петь.

— Так гудеж не слышно. — Пропищала дочь.

— Вот незадача. И зарядить его нечем, и налобные фонари скоро сядут. Придется здорово экономить.

— Как сходили? — Спросила Тамара.

Егор вывалил из рюкзака три изуродованных крысиных тушки.

— Мамочка! — Катюшка схватилась за мать, увидев окровавленных крыс.

— Шкурку надо снять с них, да варить поставить одну. А консервы пока поэкономить.

Тамара почувствовала, как рвотный рефлекс подкатил к горлу. Она была голодна, но виддохлой крысы напрочь убивал в ней аппетит. Она представила насколько ей нужно было голоднее, чем сейчас, чтобы захотеть съесть это омерзительное животное.

— Надо, Тома, надо. — Наставительно и иронично сказал муж, чувствуя эмоции жены. — А то пропадут. Мы с Матвеем нашли пещерку с водой, сейчас снова туда ходим, попробуем набрать воды.

Егор разобрал автомобильный набор первой помощи, и вынул из него ленточный буксировочный трос.

— Спускаться придется, немного вниз. — Объяснил он Тамаре.

— Осторожнее, мальчишки, и быстрее возвращайтесь. Нам без вас страшно.

Егор оставил Тамаре свой налобный фонарик, чтобы она смогла разделать крыс, а себе взял старый советский фонарик с динамо. Аккумулятор в нем давно не держал, так что приходилось постоянно тренировать динамо, разрабатывая кисть. Под энергичные «вжикания» фонарика, они с сыном снова удалились в темные тоннели.

Перед обрывом Егор снял с себя ремень свой любимый кожаный ремень, похожий на армейскую португую и протянул его сыну.

— Зачем это? — Удивился тот.

— Затем, Матвей, что лезть придется тебе. Меня ты не удержишь.

Ремень немного болтался на щуплом теле сына. Егор пристегнул карабин к ремню.

— Это страховка, не надейся, что ремень тебя обязательно выдержит, держись за трос крепко.

Матвей немного растерялся от такого поворота дел. Ему казалось, что отец не совсем

вправе отправлять его на дно ямы, что может быть опасно.

— Не трусь Матвей. В детстве для меня это было такой же привычной вещью, как для тебя вечное сидение в телефоне и компьютере. Просто держись, а я буду травить понемногу.

— Травить? — Не понял значения слова сын, воспитанный цифровой эрой.

— Опускать понемногу. — Пояснил отец.

Трясущимися руками, Матвей ухватился за трос и стал на краю. Отец уперся ногой в выступ, обмахнул в один раз вокруг себя трос и замер.

— Готов? — Спросил он сына.

— Готов, кажется. — Неуверенно сказал Матвей.

— Ложись на живот и спускайся. Ищи ногами опору, чтобы руки не уставали быстро.

— Хорошо, я попробую.

Матвей лег на краю обрыва, свесив ногу вниз. Егор видел дергающийся фонарик и шарканья ботинок по стене в поисках опоры.

— Тут ничего нет, пап, гладко всё.

— Тогда берись обеими руками за трос и просто спускайся.

Совершенно неподготовленный для этого ребенок, слишком много делал всего, чего не надо было делать. Он пытался на краю, не решаясь полностью опуститься вниз. Продолжал скрести ногами по стенкам, вместо того, чтобы просто повиснуть на тросе.

— Матвей, я начинаю травить, просто держись за трос.

— Сейчас, сейчас, я еще не готов. — Испуганно возразил Матвей.

— Соберись, Матвей, я начинаю.

Фонарик дернулся и исчез, выхватив светом край ямы.

— Ты как? — Спросил отец.

— Держусь. — С натугой произнес Матвей.

Егор принялся травить трос. Метр за метром он опускал сына вниз. Трос перестало тянуть, когда в руках еще оставалось не меньше метра.

— Я на дне! — Крикнул Матвей. Голос его немного дрожал.

— Осмотрись, как следует, точно на дне? — Попросил его отец.

Фонарик забегал по дну ямы.

— Точно. — Подтвердил сын.

— Отстегивай карабин и лови бутылку.

Матвей отстегнулся. Егор обмотал свободный конец вокруг себя. Потом он достал фонарик и посветил им в яму.

— Лови бутылку.

Пустая пластиковая бутылка стукнулась о дно. Матвей подобрал ее и пошел в сторону воды. Егор изо всех сил желал, чтобы эта жидкость оказалась нормальной питьевой водой. Матвей нагнулся над водой и утопил в ней бутылку.

— Попробуй, не соленая? — Попросил его отец.

Матвей нагнулся над водой по-собачьи и сделал глоток.

— Нет, нормальная, очень вкусная, как родниковая.

Камень с души свалился у отца семейства. В пещере жила еда и была вода, и смерть от недостатка того или другого пока им не грозила. Матвей набрал бутылку, но вместо того, чтобы сразу пойти к тросу немного прошелся по яме.

— Пап, здесь вещи чьи-то лежат! — Крикнул Матвей.

— Что за вещи? — Егор зашумел динамо, пытаясь достать светом до того места где

СТОЯЛ СЫН.

— Рюкзак и одежда.

— Тащи все сюда.

Матвей поднес находку к тому месту, где свисал конец буксировочного троса.

— Цепляй к карабину бутылку, одежду и рюкзак.

Матвей зацепил. Егор вытянул находку сына наружу. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, вещи пролежали здесь не одно десятилетие. Старый советский рюкзак из толстого брезента обветшал и с трудом выдерживал на весу свое содержимое.

— Цепляйся сам! — Крикнул Егор сыну.

Матвей поймал конец веревки, пристегнул карабин к ремню.

— Готов, тяни!

Подъем прошел проще. Матвей уже разобрался, какие от него требуются действия. Отец помог ему перевалиться через край ямы.

— Прогресс налицо, цифровая интоксикация постепенно покидает твой организм. — Подколол Егор сына.

Матвей не ответил на подколку.

— Что там лежит? — Кивнул он в сторону рюкзака.

— Еще не смотрел.

Отец нагнулся и попытался расстегнуть кожаные лямки. Неловко потянув, он оторвал их вместе с куском истлевшего брезента. На землю посыпалось содержимое рюкзака. Банки покатались под уклон. Матвей упал, как заправский голкипер в воротах, загородив телом падение.

Вместе с отцом они собрали банки. Бумажные этикетки на банках истлели и поблекли. Разобрать, что было внутри каждой из банок, не представлялось возможным. Этикетка рассыпалась от малейшего прикосновения. Кроме банок из рюкзака вывалился кое-какой инструмент. Раскладной нож, судя по нетронутому ржавчиной лезвию, из нержавеющей стали, пара металлических клиньев, для забивания в щели, старый железный фонарик, обросший окислами, так, что только по форме можно было признать в этом устройстве фонарь. Небольшой термос, с лопнувшей от старости, пластмассовой крышкой.

Крышка, от старости насмерть прилипла к горлышку. Егор попытался ее открыть, но она крошилась под пальцами. Егор разломал ее и понюхал содержимое термоса. Затем перевернул термос и потряс. К удивлению обеих из термоса вывалился бумажный цилиндр.

Егор поднял его и развернул. Бумага была обильно промаслена. Сквозь ее полупрозрачную поверхность проступал текст, написанный от руки.

— Похоже на послание из бутылки. Кто-то сквозь десятилетия оставил напоминание о себе. — Полусерьезно сказал Егор.

Он поднес бумагу ближе к глазам и прочел:

«Меня зовут Хомутов Игорь. Если вы читаете эту записку, значит мое исследование подводной реки окончилось неудачей. Согласно некоторым легендам башкиров именно в Черной пещере имелся проход глубоко в тело горы, где находилась огромная пещера, полная драгоценных самоцветов. Согласно их легендам, когда людей обуяла алчность, горные духи перекрыли доступ к пещере с драгоценностями подземной рекой. Смельчаки пытались проплыть под водой, задержав дыхание, но никто из них не вернулся. Я беру с собой кислородный баллон и маску. Надеюсь, мне повезет больше. 13.05.1974 г».

— М-да, как видим дело было не в кислороде. По крайней мере, теперь мы точно знаем,

что по реке из пещеры не выбраться. Покойся с миром Хомутов Игорь.

Еще в рюкзаке обнаружилась окаменевшая соль в спичечном коробке, коробок спичек с полностью растворившейся серой на спичках, пачка таблеток сухого горючего, комсомольский билет, журнал «Крокодил», взятый, наверное, для создания стола в походных условиях, но самым интересным и нужным в сложившихся обстоятельствах была литровая банка, залитая под верх парафином. Чтобы не разбить банку, Игорь обмотал ее пеньковой веревкой, которая могла служить фитилем. В парафин были запаяны с десятков охотничьих спичек. В том, что они сохранили свои свойства, можно было не сомневаться.

— Не зря мы за водичкой сходили, правда, Матвей?

— Правда, пап. А ты думаешь, консервы, которые старше тебя еще можно есть?

— Думаю, что с ними ничего не стало. Здесь ведь прохладно, температура как в холодильнике, консервы в таких условиях могут храниться вечно.

— Это хорошо, а то я как-то не хочу крысиный суп.

— Ладно, сын, отложим гурманский подвиг на потом, раз уж судьба сжалилась над нами. Поедим советских консервов. Они, кстати, абсолютно натуральные. Ты такого не ел, гарантирую.

После того, как Егор приказал экономить свет, девчата пользовались налобными фонарями только по необходимости. В пещере было темно. Гул в темноте казался немного громче. Может быть оттого, что органы зрения не были задействованы и мозг в качестве компенсации усиливал слух. Тамара слышала шум до того, как Егор выбрался из тоннеля.

— Пришли? — Крикнула она.

— Пришли, включайте свет, для ориентира.

Во мраке пещеры светляком вспыхнул и задержался свет. Матвей шел впереди, подсвечивая дорогу отцу, несущему рваный рюкзак.

Удивлению женщин не было предела, когда перед ними вывалили с десятков разнокалиберных банок.

— Откуда это? — Удивилась Тамара, считая, что внутренности горы абсолютно необитаемы.

— Спелеолог-одиночка один, сгинул здесь, а вещи его остались.

— Бедняга. — Пожалела его Тамара.

Но в душе у нее стало радостно оттого, что крысиный суп можно было и не готовить.

— А что в них? — Катюха брала в руки банку, вертела ее, трясла, пытаясь определить по звуку ее содержимое.

— Сюрприз будет. — Ответил ей брат.

— Семья, в качестве поощрения нас за то, что мы нашли этот схрон, предлагаю устроить небольшой праздник. Откроем самую большую банку и съедим ее. Кто за?

— Я за-за-за! — Запрыгала Катюшка, горя от нетерпения.

— За. — Подняла руку Тамара.

— И я за. — Присоединился Матвей.

Егор выбрал самую большую банку, воткнул в нее нож и открыл крышку. В свете фонаря невозможно было разобрать содержимое банки.

— Что это? — Не удержалась первой дочь.

Егор осторожно лизнул нож.

— Повидло... сливовое, в садике такое ел.

— Урааа! — Воскликнула Катя. — Я уже по сладкому соскучилась. Дай попробовать.

Егор зачерпнул ложкой желеобразную массу повидла и отправил дочери, разинувшей рот как птенец.

— Так, семья, я предлагаю вскипятить немного воды и употребить её вместо чая с повидлом. — Предложил отец.

Детям трудно было ждать, но Егор настоял на этом. Пока вода закипала в котелке, он смастерил из парафина и веревки свечу. Когда свеча была готова, он поднес ее к синему пламени газовой горелки. Немного потрескивая влагой, свеча разгорелась, распространяя вокруг себя уютный теплый свет.

— Тушите фонари. — Приказал Егор.

Внутри желтой сферы создаваемой светом свечи было уютно. Неровное пламя гипнотизировало. Хотелось смотреть на него не отрываясь. Каждого из членов семьи в этот момент посетило ностальгическое чувство домашнего уюта. Как мало им было нужно сейчас, чтобы почувствовать себя счастливыми, и каким недостижимым казалось счастье тогда, всего неделю назад. Тамара подумала о самой себе до этой поездки и вдруг поняла, что не понимает ту женщину, вечно сравнивающую себя со всеми, отчего в душе всегда было тянущее чувство, что у тебя чего-то не достает для ощущения счастья.

Егор почувствовал исходящее ото всех чувство умиротворения и сам поддался ему. Оно физически присутствовало в границах освещаемых трепыхающимся пламенем свечи. В темноте пещеры умиротворения не было. Там притаилось леденящее чувство неопределенности, и пока горела свеча, этому чувству не было место в душах людей.

Вода в котелке закипела. Егор разлил кипяток по одноразовым стаканчикам. Кате разбавил его холодной водой. Как торт на день рождения, посередине импровизированного стола стояла жестяная банка с повидлом. «Чай» пили молча, причмокивая да шмыгая носом. У Катюшки кипяток почти не отбавлялся. Вскоре по дну банки застучали ложками. Отец с матерью оставили право детям доесть повидло до конца. Право облизать банку Матвей предоставил сестре. Катя осторожно возила по дну пальцем, собирая липкую сладость, а потом облизывала палец.

После праздничной трапезы всех потянуло в сон. Свет свечи и ее запах создали атмосферу привычности. Егор почувствовал, как внутри него все эти дни жило напряжение, а он и не замечал его, пока оно не исчезло. Ему смертельно захотелось спать. Из последних сил он встал, взял сухой спальник и забрался в него.

— Если ляжете спать, притушите свечку. — Отдал он последний приказ и тут же уснул.

Семья последовала его совету. Спать хотелось всем. Девчонки забрались на матрац и накрылись палаткой, Матвей, так же как и отец, забрался в спальник. Пещера на несколько часов превратилась в сонное царство.

Глава 2. Первый месяц

В тот день, когда наступила полная тишина, у каждого промелькнула мысль, что он оглох. Семь дней продолжался страшный ураган, бомбардирующий корпус подводной лодки. И вдруг все затихло. За несколько часов до этого казалось, что наступил конец света, и ураган не остановится, пока не прикончит последнего человека. Если бы он продлился еще пять дней, то и котловины могло не хватить. За пять дней, что лодка пряталась в ней, уровень воды упал на два километра. Миллиарды кубометров воды были распылены по всему

земному шару.

Татарчук отдал приказ подняться на перископную глубину. Ураган мог стихнуть, но не прекратиться совсем. Борясь с искушением выбраться наружу, чтобы послушать, что говорят по радио, командир решил, что благоразумнее разведать обстановку.

Первый же осмотр в перископ привел командира в ступор. Терехин беспокоился за него. Татарчук оторвался от окуляров и долго смотрел в стену, не мигая.

— Позвольте мне, товарищ капитан первого ранга. — Попросил его Терехин.

Татарчук ничего не ответил, сделал шаг в сторону, не меняя выражения лица. Терехин прильнул к окулярам перископа. Вначале он подумал, что снаружи уже вечер. Темное небо заволокло тучами от горизонта до горизонта. Имели они темно-коричневый цвет, как во время заката. Но садящегося солнца не было видно. Терехин посмотрел на часы, показывающие время в соответствии с часовым поясом. На улице был полдень. Виктор внимательнее всмотрелся в перископ. Ему показалось, что тучи висят гораздо ниже, чем обычно. И еще вода. Она казалась черной. На поверхности ее было много мусора. Но волн почти не было. Можно было всплывать, чтобы убедиться воочию, что случилось с миром после ураган.

Субмарина поднялась вертикально, равномерно закачав воздух. Неожиданно эфир оказался пуст. Это стало подтверждением самых дурных прогнозов, которые рождались в разговорах членов экипажа. Татарчук с Терехиным несколько раз устраивали полемику, насчет природы и последствий урагана. Они сходились во мнении, что такого в истории человечества еще не было, но оба верили, что катастрофа носила относительно локальный характер, зацепив восточное побережье Северной Америки, и, возможно, Западную Европу с Англией и Исландией.

Молчащий эфир говорил о том, что катастрофа прошла по всей планете. На секретных частотах никого не было. А это было совсем страшно. Они должны были работать даже после ядерной войны. В эту минуту каждый член команды атомной подводной лодки «Пересвет» вспомнил о своих родных. Виктор Терехин нашел спокойный и уединенный уголок на субмарине. Он сжал кулаки и изо всех сил попросил у бога, чтобы его жена и дочка остались живы.

Егор никак не мог проснуться. Сон словно придавил его бетонной плитой к земле. Непонятное чувство тревоги настойчиво заставляло открыть глаза, но многодневная усталость настойчиво требовала отдыха. Тревога поборола. Егор резко сел. В пещере стояла полная темнота, и только было слышно, как сопят носы членов его семьи.

Стоп! Егор вдруг понял, что слышит их сопение, а раньше его перекрывал гул пещеры. «Орган» больше не играл. В пещере стояла абсолютная тишина. Егор не мог поверить в это. За несколько дней он полностью свыкся с мыслью, что ветер это надолго. На ощупь он добрался до газовой плитки и разжег ее. От огня прикурил огарок свечи. Потушил его, и все еще считая, что тишина ему мерещится, отправился к выходу из пещеры.

Стенки тоннеля не дрожали под рукой. Вход был завален, но грязь уже не сочилась сквозь камни. Ветер наконец-то стих. Егора обуяла такая радость, что раздавленная грудой камней машина казалась ему пустой мелочью. Он поспешил поделиться радостью с семьей.

— Тамара, Тамара! — Егор прошипел на всю пещеру. — Просыпайся!

Супруга, уже привыкшая, что все новости с того момента, как они отправились в эту поездку были только плохими, испуганно подскочила.

— Что случилось! — Вытаращив глаза, уставилась она на мужа.

— Ветер стих, прикинь. Там тишина. Слышишь? — У Егора даже слезы заблестели в глазах от радости.

Тамара прислушалась.

— Точно. Не могу поверить, что скоро выберемся отсюда.

Тамара встала во весь рост, и еще не веря до конца, вслушалась в тишину.

— Правда, тихо. Слава богу.

Она обняла Егора и уткнулась ему в плечо. Егор поцеловал ее в макушку. Они оба в этот момент подумали о том, что испытания даны им были неспроста. Слишком много символичности было в этом. Божий промысел словно привел их к тому месту, откуда началась их совместная жизнь и указал на мелочность тех проблем, которые рушили их брак.

Тамара и Егор не стали будить детей. Они с нетерпением ждали, когда те проснутся сами. Первой проснулась Катюшка. Она высунула личико из под палатки и удивленно посмотрела на родителей, счастливо улыбающихся и держащихся за руки.

— Вы чё? — Коротко и ясно спросила она.

— Мы, ничё. А ты разве не слышишь? — Спросила с улыбкой на губах Тамара.

Катя прислушалась.

— Гудёжа нет. — Заметила она. — Ветер что ли закончился?

— Конечно, мартышка, ветра нет. — Тамара подошла к Кате и обняла дочь.

— За нами скоро приедут из МЧС? — Спросила Катя.

— Конечно, бабушки и дедушки ваши, наверное, уже все службы обзвонили.

— Я думаю, что в течение суток, ну, максимум двух, за нами приедут. — Убедительно сказал отец.

Разговор услышал сын. Он выбрался из спальника и тихо подошел и сел на край матраса.

— Слышал, что ветер стих? — Спросила его мать.

— Слышал. Здорово. Но только МЧС ждать не стоит. Надо самим выбираться.

— Матвей, твои теории имеют право на существование, но я предлагаю подождать двое суток. Если помощь не придет, попробуем найти выход из пещеры. — Матвей разрушил торжественную приподнятость духа.

Егор верил, что выбравшись из пещеры, они смогут получить вполне простое объяснение тем непонятным вещам, вроде рыбы или соленой воды. Ну как могла попасть сюда, да еще и в таком количестве морская вода? Бред.

— Двое суток, Матвей. Вот увидишь, что помощь обязательно придет.

— Ну, хорошо, двое, так двое. Чем займемся в ожидании?

— Может быть, мне еще раз попробовать разобрать вход? — Предложил Егор. — В этот раз при помощи инструмента.

— Потерпи, Егор, не хотелось бы рисковать, когда помощь будет рядом. — Забеспокоилась Тамара.

Матвей хмыкнул. Он оставался при своем мнении.

— Значит, решено, двое суток ждем, а на третьи идем искать выход из пещеры. — Егор шлепнул ладонями по ляжкам и резко встал. — А пока, побалуем себя советской кухней без

консервантов.

Понятие «сутки» в условиях полной темноты и отсутствия часов можно было мерить только условно. Субъективно, вторые сутки заканчивались, а помощи не было. Все знали, что Горбуновы поехали к Черной пещере. И на работе Тамары, и на работе Егора, а так же родственники. Неужели им настолько было все равно, что они вовремя не явились на работу, давно не звонят?

Тамара постоянно прислушивалась к звукам идущим со стороны входа. Она пыталась уловить хотя бы намек на звук разбираемых камней. Но в пещере стояла полная тишина. Теперь она давила так же, как и инфразвуковой «орган». Радость постепенно заменялась беспокойством. Надежда на скорое освобождение таяла с каждым часом.

Егор с сыном снова ушли за водой, Катя спала и некому было остановить поток негативных мыслей. Тамара тряхнула головой, разгоняя мысли, как собака сгоняет с себя воду. Немного помогло. Война войной, но мужчины просили ее приготовить обед к их возвращению. Если она так и будет сидеть наедине со своим унынием то от этого никто сытнее не станет. Тамара потрясла над ухом жестяные банки консервов. Выбрала самую густую и вскрыла ее ножом. В банке была тушенка. Ее запах напомнил ей прекрасное время в пионерских лагерях. Теперь она знала чем пахло из столовой.

Крупы уже не было, поэтому всех ждал жидкий, но наваристый суп из тушенки. Если бы Тамара открыла рыбные консервы, то всех ждала бы уха. Она вывалила тушенку в котелок, добавила кусочек соли и принялась помешивать, пробуя на вкус.

В дальнем конце пещеры послышался шум и забежал по стенам луч фонаря.

— Это вы? — Крикнула в темноту Тамара.

— Я. — Ответил Матвей.

Тамара дождалась, когда подойдет сын. Матвей подошел и поставил на пол бутылку с водой.

— А отец где? — Спросила она.

— Полез искать выход. — Ответил сын.

По интонации мать сразу догадалась, что сын ей что-то не договаривает.

— Вы там что, поругались?

— Немного. Отец не верит, что ветер был такой силы, что нанес сильный урон. Я ему все объяснил, это же очевидно. А он разозлился и сказал, что выберется и покажет мне, что ничего страшного там не произошло. Он сказал нам готовится встречать его с той стороны.

— Матвей, вот зачем ты разозлил отца? Он ведь в таком состоянии обязательно глупостей наделает. У вас ведь, у мужиков, когда тряпкой перед лицом махнут вы же сразу голову теряете.

— Нет, мам, он успокоился. Мы с ним спокойно до той пещеры дошли, откуда сквозняк дует. Он взял трос, клинья, топор. Он и так собирался лезть, без нашего спора...

— Садись, ешь. — Оборвала Тамара сына.

Тоннель так и шел вертикально вверх. Руки и ноги тряслись от напряжения. Егор поднимался на несколько перехватов, затем расклинивался, уперевшись спиной и ногами в стены тоннеля и несколько минут отдыхал. Силы были уже на исходе. Падать вниз было самоубийственно, но и лезть вверх уже не было сил.

Егор снова перехватился. Нога скользнула по мокрой стене и ушла в пустоту. Тело на

мгновение превратилось в стальную пружину, расклинив себя на трех точках. Егор выдохнул. Кровь забилась в висках от страха и напряжения. Он уперся соскользнувшей ногой в стену. Зафиксировавшись, он в который раз разогнал динамо фонарика. Ну хоть какая бы трещинка проступила в скальной породе. Выровненные потоками стены были относительно гладкими и сплошными.

Оказавшись в безвыходной ситуации, Егор понял, что каждый раз, принимая скоропалительные решения, он больше всего вредил самому себе. В этот раз ему нужно обязательно выбраться наружу. Семья ждала его, и он не мог подвести их. Если он сгинет в многочисленных тоннелях, и если Матвей прав, то их ждет мучительная голодная смерть. Хотя, если Матвей такой умный, то он возможно и придумает, что-то получше, чем карабкаться вверх по отвесному тоннелю.

Егор усмехнулся, вспомнив как он поспорил с сыном. По сути у него не было аргументов против доводов сына, он исходил только из того, что вероятность такого ветра, как описал сын невозможна. А невозможен он был только потому, что в истории человечества не было таких ветров описано. У Егора были кое-какие сомнения на счет своей правоты, но в одиночестве, хорошо поразмыслив, он снова убедил себя, что теория сына неправдоподобна.

Егор снова перехватился, и еще раз. В тоннеле было холодно. Майка уже давно выправилась из штанов и в поясницу дул ледяной сквозняк. Не хватало еще приступ радикулита получить прямо во время подъема. Это было бы очень смешная и нелепая смерть, заслуживающая премии Дарвина.

Кажется, прошел час, или два. Ноги и руки были ватными. Егор не чувствовал, как они упирались в стены. Он знал, что они упрутся, потому что мозг отдавал им такой приказ, но от конечностей не приходил обратный сигнал. Его трясло. Силы были на исходе. Егору хотелось заплакать от бессилия, но он знал, что плачь заберет последние силы и он стопроцентно свалится в бездну, которую преодолел с таким трудом.

Егор не был уверен, что он перехватываясь поднимается вверх. Ему уже казалось, что он просто топчется на одном месте. В это было страшно поверить, но мысль настойчиво сверлила мозг. В очередной раз Егор уперся спиной и ногами в стену, и взял фонарь в руку. Сил «вжикать» динамо не оставалось. Бледный свет фонаря прошелся по стенам и... утонул во мраке. Над головой, метрах в двух, тоннель разветвлялся и одним рукавом уходил в сторону.

Егор бессильно опустил руку, переборол желание разрыдаться и замер, набирая сил для решительного и последнего подъема. Оптимизм придал ему сил. Егор еще раз осветил тоннель. Ромбовидный разлом в горе, по виду относительно свежий, без заметных натеков по стенам, уходил под прямым углом по отношению к тоннелю, в котором застрял Егор.

Мужчина просчитал все движения, куда он будет ставить ногу, где ухватится, как перекинет центр тяжести, чтобы ввалится прямо в ответвление. План придал ему уверенности. Егор начал решительный штурм последних метров. Поднявшись вровень с ответвлением, он перехватился так, чтобы упереться ногами в противоположные стены тоннеля. Выполнив это, он вытянул руки вперед и юркнул внутрь бокового прохода. Егор затянул ноги в тоннель и позволил себе немного порыдаться, в основном для того, чтобы снять нервное напряжение.

Но чувство долга не позволило ему пребывать в инертном состоянии. Егор размял затекшие конечности и двинулся дальше. Сквозняк в туннеле присутствовал, а через

некоторое время ему стали попадаться маленькие черные комочки, в которых он признал крысиные говна. Это был хороший знак. Животные могли жить вблизи выхода из горы. Тоннель расширялся, пока не разошелся до вполне полноценной пещеры. Откуда-то потянуло влагой. Через несколько шагов Егор понял откуда идет этот запах. Он с ходу наступил в воду, провалившись ногой почти по колено. Это была не совсем вода, а такая же жижа, как у них в пещере. Егор попробовал ее на вкус. Она была соленой. Вход был рядом.

Егор интенсивно принялся тренировать динамо фонарика, чтобы лучше осветить пещеру. Он чуть не выбросил фонарь в воду, когда увидел, что весь потолок усеян летучими мышами. Их были тысячи. Егора передернуло от отвращения. Он с детства считал летучих мышей кровопийцами, хотя это было и не так, но полностью победить детский страх ему не удалось.

Надо было идти вперед. Пол пещеры блестел спокойной ровной гладью. На ней не было ни одного выступающего островка, чтобы использовать его в качестве ориентира и промежуточного пункта отдыха. Егор надеялся, что глубина здесь небольшая и он легко преодолеет препятствие. Он сделал первый шаг. Нога ушла по колено, второй шаг — выше колена, третий шаг — по пояс. Егор хотел уже вернуться, чтобы поразмыслить над тем, как найти более безопасный путь, но четвертый шаг показал, что глубина выровнялась на уровне поясицы. Жижа была холодной и неприятной по составу, напоминая илистое дно у реки.

Егор пересек половину пещеры, подсвечивая себе маршрут. По тому месту, откуда текла грязь, можно было вычислить выход. Пока стены были девственно чистыми. Время от времени, летучие мыши оправлялись и их продукты жизнедеятельности с мягким всплеском падали где-то рядом.

Пещера изгибалась пологим поворотом вправо. Глубина варьировалась от колен, до почти по шейку. Егор прижался к стене, считая, что у нее будет меньше вероятности куда-нибудь провалиться. В намокшей одежде, было холодно. Стресс прошел, и Егор чувствовал, как он устал и замерз. Зубы стучали друг о друга.

В сравнении с Черной пещерой, эта была больше раз в пять, и Егор пока не достиг противоположной стены. Наконец, он появился. А вместе с ним и полузатопленный выход из нее. Егор заторопился, увидев его. Он отошел от стены, и интенсивно разгребая жижу перед собой, направился к выходу. За что и поплатился. Нога внезапно не ощутила опоры. Егор со всего маха ушел с головой в жижу. Он забил руками, боясь, что его может затянуть в грязь. Ноги достали дно. Егор оттолкнулся от него и выскочил на поверхность. В полную тьму. Фонарь слетел с руки. Егор был полностью дезориентирован. И собраться с мыслями не получалось. Жижа не держала на поверхности. Егор снова шел на дно. Когда ноги снова его достигли, Егор присел и, что было сил, выстрелил собой вперед. С пятой попытки у него получилось попасть на место, где вода достигала ему подбородка. Тем не менее, куда двигаться ему было не понятно. И Егор придумал, как определить, с какой стороны находится стена.

— А! — Громко и отрывисто крикнул Егор.

Звук разошелся свободно. Егор развернулся на четверть оборота.

— А!

Звук с правой стороны как будто был приглушенной. Егор сделал еще по оборота вправо и крикнул. Звук, как будто утонул в препятствии. Для чистоты опыта он сделал еще по оборота и крикнул. Теперь с левой стороны звук был приглушенной. Егор вернулся на по оборота назад, и осторожно проверяя перед собой дно, двинулся вперед. Вскоре дно

пошло на подъем и Егор уперся в стену. Пройдя приставными шагами влево двадцать шагов, он нащупал проход. Он тоже был затоплен.

Сквозняк в проходе был такой силы, что толкал Егора перед собой и свистел в поворотах. Егор шел осторожно, проверяя руками расстояние перед собой. Был шанс уткнуться лбом в какой-нибудь выступ. Этого Егор уже не смог бы выдержать. Эмоциональные и физические силы были на пределе. Любое препятствие, даже самое безобидное могло выбить его из колеи.

Егору показалось, что жижга стала теплее и впереди, как-будто замаячил свет. Это на самом деле было так. Слабый свет проникал откуда-то в пещеру, и он приближался. Егор выставил руки перед собой и прибавил шаг. Он не мог поверить своим глазам, но свет действительно был.

Егор повернул за угол и увидел выход из пещеры. На улице была ночь. Для глаз, привыкших к темноте, она не была такой уж непроглядной. Егор не веря, что ему это удалось, вышел наружу. Теплое безмолвие ночи приняло его в свои объятия. Звезд на небе не было. Егор чувствовал, что небо было тяжелым и где-то совсем рядом. В воздухе сильно пахло влажностью, и было абсолютно тихо. Ни ветерка, ни стрекота сверчков, ни крика ночной птицы. Но это мало волновало Егора. Он выбрался из склепа и был свободен. Как рассветет, он спустится вниз и разберет вход в пещеру, где осталась его семья.

Вокруг пещеры, задержавшись на каменных выступах, лежали остатки грязи. Егор чуть не поскользнулся и не сорвался вниз. Благоразумно решив не испытывать сегодня судьбу в который раз, он нашел более менее сухое место, устроился на нем поудобнее и уснул.

Дабы не угнетать себя монотонностью и бессмысленностью существования, космонавты решили заняться делом. Они решили попробовать связаться с Землей по обычному радиоканалу. Долгое время не было слышно ничего, кроме помех. Но спустя неделю с того времени, как началась эта буря, до них долетел первый сигнал. Сигнал от выжившего человечества. Джейн немного понимала испанский и смогла разобрать, что эти люди спаслись в горах, что они ученые и занимались астрономией. Полноценного общения с ними не получилось, из-за того, что МКС быстро ушла из зоны приема сигнала.

Из-за сплошных туч, лодка никак не могла установить правильные координаты по спутникам навигации. Кто-то из команды предложил установить радиосвязь с космической станцией. И это удалось.

Старшие офицеры собрались на палубе лодки под тяжелыми, низкими тучами. Темный океан лениво колыхался. Погода была почти безветренной. На поверхности воды плавало много мусора. Пейзаж совсем не походил на прежний океан, скорее всего, он был похож на затопленную городскую свалку.

Татарчук прошелся по палубе, внимательно осмотрел повреждения корпуса. «Тело» лодки было все в шрамах. Отметины, оставленные твердыми предметами, покрывали его сплошь. Вдоль правого борта имелись длинные борозды с зазубренными краями, оставленные чем-то крупным. Терехин вспомнил этот скрежет в свою первую смену. Вмятину, оставленную столкновением с дном, сейчас осматривали водолазы. Можно было не сомневаться, что и там не будет особых проблем, иначе на глубине любое повреждение

корпуса немедленно дало бы о себе знать.

Можно было считать, что из битвы со стихией подлодка вышла победителем. Неясно было, что делать с победой. Ситуация была совершенно непонятной. О таких случаях не написано в Уставе, о них не предупреждают на разводе. Как быть в случае, когда не отвечают командные центры, когда не знаешь, существует ли еще государство, которое ты обязался защищать? Субмарина колыхалась на волнах среди бескрайнего океана, как сирота. У нее пропала цель, ради которой она и появилась на свет.

— Товарищ командир, товарищ командир! — Из люка показался вахтенный матрос. — Там это, передача с космической станции!

Всех, как волной смыло с палубы. Вперед всех, как и положено по субординации, в люке исчезла блестящая лысина Татарчука. Когда офицеры ввалились в рубку, передача уже закончилась.

— Связь неустойчивая, скорее всего из-за грязной атмосферы. — Предупредил вахтенный офицер.

— Да пес с ней, с атмосферой. Что они сказали? — Почти крича, спросил командир.

— Я сейчас, я записал, они несколько раз повторили. — Офицер взял со столика листок и волнуясь, начать читать. — Всем, кто выжил и имеет возможность слышать нас, знайте, что катастрофа постигла всю планету. Мы видели, как все начиналось, но очень скоро атмосфера скрыла от нас происходящее. Связь с центром управления прервалась сразу, как фронт достиг его. По нашим данным скорость ветра достигала тысячи километров в час, и более. Мы ослеплены и не знаем, что происходит на земле. Всем, кто имеет возможность радиосвязи, ответьте. Каждые сорок пять минут, мы находимся над вами. До связи. А потом на английском еще было. — Офицер положил листок, боясь взглянуть в глаза командира.

Татарчук присел. Взгляд его блуждал. Ладонь полировала лысину.

— Вот значит как..., все-таки, вон как получилось..., по всей планете. — Он перевел взгляд на команду. — Всем отдыхать, до особого распоряжения. Свободны! — Затем перевернулся к связисту. — Сделаешь нам связь с космосом?

— Так, точно товарищ капитан первого ранга.

— Хорошо, хорошо. — Произнес он автоматически. — Вот дела.

Терехину вдруг стало тесно внутри подлодки. Он почувствовал позывы клаустрофобии. Низкий потолок, теснота отсеков и пустота внутри себя, вытолкнули его на палубу. Хотелось уединиться, никого не видеть и не слышать. Виктор прошел к самому носу. Взгляд его смотрел в никуда, потому что мыслями он был далеко от этого места. Капитан Терехин был дома, с женой и детьми. Его нос уловил в воздухе знакомые ароматы дома, разошедшиеся теплом по сердцу. Это была работа сознания, подыгрывающая желанию человека. Терехин в этот момент думал только о том, чтобы бросить этот ставший ненужным поход и вернуться домой, чтобы узнать судьбу близких.

Тут он был не одинок. Каждый, с подлодки «Пересвет» оставил дома кого-нибудь и переживал за их судьбу. По всем раскладам следовало повернуть назад, ибо то, ради чего задумывался этот поход, потеряло смысл. Если Татарчук вовремя не примет это решение, Виктор решил убедить его в разумности возвращения домой. Вряд ли Америке сейчас будет до конфронтации, как и России.

Непривычный свет раздражал глаза даже сквозь веки, Егор отвернулся от него и

напоролся ребрами на камень. Вскрикнув от боли, он проснулся и открыл глаза. И тут же закрыл. Свет резал их и оставил яркие пятна на сетчатке. Егор сел и прикрыл глаза ладонями. Под ними он снова открыл глаза. Было легче, но все равно неприятно. Слезы потекли из глаз.

Егор снял с себя грязную майку и натянул ее на голову. Обернул вокруг глаз в два слоя и снова открыл глаза. Так было комфортнее. Через полчаса Егор оставил один слой. Еще через полчаса он мог смотреть себе под ноги, разглядывая камни. Наконец, Егор решился выглянуть из-под майки. Он приподнял ее за одну, осторожно приоткрыл глаз и остолбенел.

Он не знал мир, лежащий перед ним. Неестественное коричневое низкое небо, почти соприкасавшееся с пологими вершинами старых уральских гор и бескрайняя водная гладь у их подножия. Егор встал, зажмурился, для верности потер глаза и снова открыл. Ничего не изменилось. В коленях появилась слабость, и мужчина снова сел. Разум отказывался верить в то, что видели глаза. Егор решил, что иллюзия могла быть вызвана тем, что он провел в полной тьме больше недели.

Постепенно глаза привыкали к дневному свету, и по мере привыкания Егор замечал, что на улице совсем не день, а настоящие сумерки. Коричневое небо, почти не пропускало солнечный свет. В окружающем ландшафте ничего не менялось, напротив, становилось все реалистичнее и пугающе.

Пока Егор ждал, когда глаза полностью освоятся к дневному свету, он осмотрелся. Если бы ему сказали, что он перенесся в другое место, где горы стоят прямо в черной воде, со склонами лишенными любого намека на растительность, то Егор с большей вероятностью принял бы эту правду, чем ту, которая к его страху, имела место быть. Матвей был прав, и это было ужасно.

Мужчина понял, что находится на той же стороне склона горы, где и был вход в Черную пещеру. Впереди, теряясь, то ли в тумане, то ли в пыли находилась двойная вершина, которая и была ориентиром, для туристов. Егор посмотрел вниз, чтобы примерно определить, где находится вход в Черную пещеру. Склон горы был непривычно лишен растительности. Ветер и селевые потоки сбрили все, что росло на ее склонах. Селевые потоки оставили грязные следы своего движения.

Рядом с той пещерой, из которой он выбрался, находилась подсыхающая грязная лужица. Егор мокнул пальцем и проверил ее на вкус. Соленая. Он не сомневался, что и «океан» раскинувшийся под ним имел тот же вкус.

Семья, теперь с нетерпением ждала результатов его экспедиции. Егор представил их сидящих в темноте и томящихся ожиданием. Наверняка им в голову лезли разные мысли, и Тамара успокаивала детей, в душе со страхом предполагая какой-нибудь страшный исход. Следовало быстрее найти вход в Черную пещеру.

Глаза пытались найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы примерно определить в какую сторону двигаться. Егор знал, что сейчас он выше, но влево идти или вправо, он не мог определить. Мужчина стал осторожно спускаться вниз. Кое-где грязь застряла в неровностях рельефа. Егор не хотел пачкать подошвы ботинок в ней, чтобы не поскользнуться. Но все равно приходилось это делать.

Интуитивно, он решил двигаться вправо. Так ему казалось правильнее. Никаких шатких камней на пути не встречалось. Стихия отшелушила с тела горы всю старую «кожу». После свежего и холодного воздуха пещеры, Егор не сразу понял, что на улице душно и тепло. Усилия по спуску сразу привели к обильному поту. Егор то и дело останавливался, растирая

грязной майкой пот по лицу.

Его усилия скоро вознаградились, он увидел дорогу, по которой приехал к пещере. Это значило, что он немного отклонился правее, чем нужно было, но с другой стороны, идя по дороге, невозможно было промахнуться мимо пещеры.

Примерно через полчаса Егор ступил на поверхность вычищенной до блеска дороги. Ветер постарался на славу. Ни один человеческий механизм не смог бы этого сделать. Гладкая, как отполированная поверхность дороги, местами пестрела крупными выбоинами. Егор представил, какие куски камня ударялись в эти места. Но на дороге они не лежали, что прямо указывало на то, какой силы был ветер. Егор подошел к краю дороги. Раньше с него открывался вид на лесистую долину глубоко внизу, а теперь, почти рядом раскинулась водяная гладь. Неподвижная, черная. Своим неестественным появлением она вызывала суеверный страх. Егора передернуло. Не было никакого желания подойти к бережку, наоборот, хотелось держаться от него подальше.

Егор продолжил движение по дороге. Он вдруг осознал, что вода никак не могла попасть сюда, минуя прочие территории. Что теперь случилось с его родными и близкими? Может быть, как-то стихия обошла их стороной или поверху, не принеся серьезных разрушений. В это хотелось верить, а пока, мысли мужчины были заняты своей семьей, запертой в «склепе».

Идти по ровной дороге, это не карабкаться по горам. Егор миновал очередной поворот. Дорога здесь находилась с подветренной стороны и уже не была такой отполированной. Вдоль стен был наметен сугроб из камней и грязи. Вскоре он вышел на площадку перед входом в Черную пещеру.

Сель, сошедший сверху и заблокировавший выход наружу, почти полностью унесло ветром в долину. Почти вся площадка была чиста, только вдоль обтесанной стены собралась груда камней, длиной метров в двадцать и высотой метра в два. Следовало точно определить, где находится вход, чтобы не прилагать больших, чем надо усилий.

Егор вспомнил расположения до начала ветра всех предметов на площадке и деревьев. Нашел оставшиеся от них еле приметные пеньки, выбрал ракурс, с которого, как ему помнилось, он смотрел на них. Примерился и стал разбирать завал. Камни попадались в основном не крупные. Тяжелые камни катились по инерции дальше, туда, где их подбирал ветер и скидывал в пропасть.

Время от времени, Егор применял трос, которым был, обернут вокруг пояса, чтобы снова не разmozжить себе пальцы. Он почти не ошибся. Вход в пещеру был немного левее. Через пару часов усилий он дернул за мокрый камень, который выскользнув из рук провалился внутрь. Вход был найден.

Егор взял маленький тайм-аут. Он хотел крикнуть внутрь пещеры, но к горлу подкатил ком, и вместо крика он издал шипение. Пришлось подождать, чтобы успокоиться. Вдруг из глубины пещеры раздался голос Матвея.

— Пап! Пап! Это ты?

Егор подскочил, как ужаленный, просунул голову в отверстие, освобожденное камнем.

— Я это, сынок! Я! Скоро раскопаю проход, иди скажи маме. На свет пока не смотрите, а то ослепнете с непривычки.

— Хорошо, пап, скажу. Как там, на улице?

Егор разволновался, говорить сразу или нет, про масштаб стихии.

— Ты был прав, Матвей. Иди к маме, скажи, что все нормально, и я скоро разберу вход

и приду к вам. Не забудь сказать, чтобы берегли глаза.

— Хорошо!

Егор услышал, как зачавкали ноги сына по грязи. С утроенным усердием принялся он раскидывать камни. Тамара не послушалась, и Егор услышал ее плач.

— Тамара, не подходите близко, иначе испортите глаза. — Предупредил Егор.

— Я уже поняла. — Ответила она сквозь слезы. — Как хорошо, что ты добрался живой. Мне в голову чего только не лезло.

— Сейчас я разберу, чтобы немного пролезть.

Егор расчистил проход наполовину. Их машину приплющило к земле так сильно, что до нее он так и не добрался. В пещеру можно было попасть, только сильно пригнувшись. Ему пришлось раскидать камни так, чтобы они снова не завалили проход. Егор забрался внутрь, сделал несколько шагов и увидел Тамару, щурившуюся на свет, за его спиной. Он крепко обнял ее. Тамара прижалась лицом ему в грудь и разрыдалась.

— Не верится, что все позади. — Произнесла она.

Егор не знал, что ей ответить. Он увидел, что в двух шагах стоят Матвей и Катюшка. Они смотрели на родителей. По их щекам светились слезы, отражая дневной свет.

— Все будет хорошо. — Егор поцеловал Тамару. — А сейчас мне хочется пить и есть. Осталось что-нибудь в этом гостеприимном доме?

— Осталось. — Сквозь слезы сказала жена. — Без тебя аппетита ни у кого не было.

Обрадованная возвращению главы семейства, семья с удовольствием ела нехитрый обед. Тамара открыла банку, в которой оказалась килька в томате. Из нее получилась жиденькая уха. После обеда Егора отпустило. Он почувствовал, как ноют все его мышцы. Спина не разгибалась в пояснице и болела. Руки скрючились, и на попытку разогнуть их, отзывались резкой болью.

— Кажется, что сегодня я больше ни на что не гожусь. — Егор понял, что заставить себя работать он уже не сможет. — Я выйду наружу, а вы можете посидеть перед входом. Когда глаза немного привыкнут, передвигайтесь ближе.

— Как там? — Спросила Тамара, дождавшись, когда муж поест.

— Знаешь... — Егор задумался на мгновение, — кажется, наш сын перещеголял нас в умственных способностях. Вся долина залита водой, даже не водой, а грязью. И она соленая.

— То есть.

— То есть ее могло принести ветром откуда угодно, с моря или океана.

— Но это невозможно, до ближайшего моря две тысячи километров. — Тамара все еще считала, что может быть более рациональное объяснение.

— Когда ты увидишь то, что я уже видел, может быть у тебя и отпадут все вопросы.

— Ладно, вы мужики любите все драматизировать. Откопались и это хорошо. Меня, честно говоря, уже начинала мучить клаустрофобия и боязнь темноты. И после того, как ты ушел, я стала слышать крысиный писк. Матвей пару раз разжигал покрышки, чтобы испугать крыс.

— Ну, теперь все позади, глаза привыкнут, и можете спокойно выходить на улицу. Там кстати, когда они привыкнут, не так уж и светло. Ветер поднял пыль до неба, и облака теперь коричневые и плохо пропускают свет.

— Мы все интересное пропустили. — Вставила реплику Катюшка.

— Кать, радуйся, что ты была в пещере, иначе ветер мог унести тебя на другой конец земли. — Объяснил ей брат.

— Как Элли и Тотошку. — Вспомнила она «Волшебника Изумрудного города».

— Ага, типа того.

— Я бы согласилась.

— С такими умными и смелыми детьми нам никакие ураганы не страшны. — Поддержала их разговор Тамара.

— Когда вы выйдете на улицу, то вам покажется, что вас перенесло в другое место на самом деле. — Заинтриговал детей отец.

Егор поднялся, попытался подвигать конечностями, заохал и бросил эту затею.

— Я пойду на улицу, не хочу снова привыкать к свету полдня. Пройдусь по округе, посмотрю, что да как.

Заточение в пещере и в самом деле породило нежелание находится в ней. Стены и темнота давили на подсознание, проявляясь в виде кажущегося недостатка воздуха. На полусогнутых, деревянных ногах Егор пошел к выходу. Сын прицепился с ним.

— Я только до того места, где глазам не будет больно. — Пояснил Матвей.

Егор и не сомневался, что сын так и сделает. Матвей остановился метров за десять до выхода.

— Всё, начну отсюда привыкать. — Сын остановился и притулился на каменный выступ.

— Хорошо, двигайся понемногу, как глазам будет комфортно. У меня ушло часа два на привыкание, а ты молодой, думаю, за час привыкнешь.

Сын согласно махнул головой. Егор пошел дальше. Выбравшись наружу, он щурился на свет еще минут пять. Когда глаза привыкли к свету Егор пошел по дороге. Он решил дойти по ней до тех пор, пока вода не преградит путь, надеясь увидеть там больше, чем с этого места. Ему хотелось верить, что где-то там откроется понимание причин стихии, и они окажутся локальными, произошедшими только в этом месте. При всех фактах, указывающих на глобальность катастрофы, Егор надеялся найти им вполне простое объяснение.

Дорога шла кольцом, спускаясь вниз, к подножию. Идти было легко. Но чем дальше уходил от пещеры Егор, тем больше он видел разрушений, причиненных ветром. С наветренной стороны скальные породы были выщерблены как от попаданий пуль и снарядов. Причем мелкие частицы отполировали сами выбоины, словно им была уже не одна сотня лет. Растительности не осталось даже и следа. Горы выглядели как до начала времен. А ведь они ехали сюда под сенью деревьев растущих на обочине. Теперь не было и самой обочины. Выметенная пескоструем до зеркального блеска, вся дорога была одинаковой ровной поверхностью.

Егор по собственным подсчетам удалился от Черной пещеры километра на три. В этот момент в небе началось затеваться какое-то новое светопреставление. Ни с того ни с сего ударил гром, раскатившись эхом по долине. Егор не видел молнии, и был немного напуган неожиданным грохотом. Он засомневался, продолжить ли ему путь или вернуться. Егор зарекся, что если гром повторится еще раз, он сразу повернет назад.

Теперь ему приходилось кроме наблюдения за окрестным пейзажем бросать настороженный взгляд на темное однородное небо, готовящее в своих непрозрачных недрах еще один сюрприз для людей. Гром не повторился, но движения в небе было. Коричневые массы грязного воздуха двигались, скручивались под влиянием ветров, но у поверхности воздух был неподвижен и влажен.

— Как перед катастрофой. — Подумалось Егору.

Он прибавил шаг. Запах влаги усиливался и к нему прибавился шум падающей воды. За очередным поворотом Егор увидел источник шума. Миллионы тонн воды в секунду покидали долину. Грязная жижа с напором уходила вниз между двух скал, являющихся бутылочным горлышком для внезапно появившегося водоема. Егор представил сколько Ниагарских водопадов могло бы уместиться в этом. Сотни, не меньше. Дорога под его ногами дрожала. Вода гудела, бурлила и уходила с такой силой, что могла бы питать своей энергией несколько электростанций.

Зрелище завораживало и пугало одновременно. Егор посмотрел в ту сторону, куда уходила вода. Куда ни глянь, везде была она. Он оперся о камень. Фактов, противоречащих теории Матвея не было. Значит, все его родные, близкие и знакомые, скорее всего, не пережили стихии.

Егор вспомнил отца с матерью. Сейчас он понял, как мало уделял им времени. Вспомнил коллег по работе. Сейчас он обрадовался бы даже тем, кого недолблюливал. Странное дело, что человек так устроен, ему обязательно нужно находиться в тяжелой ситуации, чтобы понять, насколько мелочны его претензии к другим.

В небе снова гроыхнуло. Егор бросил взгляд на небо. Там закручивалась воронка. Попадать под смерч ему совсем не хотелось, и Егор скорым шагом направился обратно. В гору идти было намного тяжелее. Не отдохнувшие еще со времени подъема ноги настойчиво требовали отдыха. Мышцы горели и болели.

Гром ударил совсем близко. Егор чуть не присел от страха. В ушах засвистело, как от легкой контузии. Кажется, затевалась нешуточная гроза. Егор попытался бежать, но скорости это не прибавило. Он только быстрее выдохся. По земле пробежался холодный ветерок, вызвав волнение черной поверхности водоема. Егор понял, что не стоило так легкомысленно относиться к этой прогулке, и нужно было повернуть назад после первого удара грома.

Ударили первые капли дождя. Он был ледяным. Егор снова попытался бежать, но это выглядело как бег на беговой дорожке. Сил уходило много, но с места он почти не двигался.

Дождь припустил сильнее. Крупные капли падали на ровную поверхность дороги, разлетаясь маленькими врывчиками. Еще немного и они соберутся в ручьи, еще больше препятствующие подъему. Из-за сменившейся обстановки Егор не мог понять как далеко он находится от пещеры. За каждым поворотом он ждал увидеть знакомую площадку, но ее все не было.

Вместо знакомых мест неожиданно навстречу выбежал Матвей.

— Давай быстрее, мамка там боится, что опять ветер начнется. — С ходу выпалил он.

— А тебя-то она как отпустила? — Удивился отец.

— Я убежал.

— Матвей, мы же договорились, чтобы ты не совершал больше таких глупостей. У тебя вон, еще голова не зажила.

— Ладно, не, ругайся. Я не собирался бежать далеко.

— Свежо придание. Как твои глаза, кстати, привыкли?

— Да. Ты же больше часа отсутствовал.

— Я дошел, до того места, где дорога уходит под воду.

— И что там интересного?

— А то, что куда ни глянь, везде эта черная жижа. Как тебе удалось додуматься до этого, не представляю?

— Вообще, я на Дискавери смотрел передачу, о том, что было бы, если бы ветер разогнался до тысячи километров в час. Он просто выдул бы воду из морей и океанов.

— Вот оно что! А я подумал, что ты у нас гений.

— В кого бы. — Пошутил Егор.

— Вот подлец. — Так же шутливо ответил на подколку отец. — А что там дальше говорилось, в фильме?

— Что поднятая в атмосферу пыль закроет на время планету от солнечных лучей и может начаться зима. А вода, которую ветер нагонит из океанов, снова начнет возвращаться назад, промывая новые русла.

— Про зиму, это очень плохо. — Егор подумал о том, что с едой у них наверняка возникнут проблемы, а зима только усугубит это положение. — А вода уходит. Там жуткий водопад.

— Я хочу посмотреть на него, возьмешь в следующий раз? — Матвей заглянул в глаза отцу.

— Конечно, отчего не взять. Теперь времени ничего не делать у нас гораздо больше, чем

раньше.

За разговором отец с сыном не заметили, как вышли к пещере. У самого входа в нее к дождю прибавился град. Вначале он был мелкий, но как только они забрались в тоннель, по камням забарабанили куски льда, размером со сливу.

— Вовремя успели. — Заметил Егор.

— Я вас привяжу скоро к колышку. — Донесся позади рассерженный голос Тамары.

— Прости дорогая, не по злomu умыслу, а по недомыслию отлучились мы. Многие чудеса видели.

— Хватит поясничать, Егор. Где ты был? — Тамара спросила твердым голосом отбив желание кривляться.

Егор пересказал все, что он видел за время отлучки. Жена сникла. Ее посетили, те же мысли про родных и близких, что и Егора возле водопада. Катя подошла и взяла мать за одежду.

— Чего вы такие грустные? Когда мне уже можно на улицу? — Спросила она.

Катя чувствовала себя очень неуютно, когда видела печаль на лицах родителей. Ей, беззащитному ребенку, очень хотелось видеть их всегда жизнерадостными и всегда знающими, как поступить в любых жизненных обстоятельствах.

— Там град идет? — Сказал за всех Матвей.

— Хочу посмотреть. — Настаивала Катя.

Она прошлась взглядом по лицам родителей.

— Иди, смотри, но на улицу не выходи. — Сдалась Тамара.

Матвей взял сестру за руку и провел ее к выходу. Они забрались на багажник машины и с него рассматривали падающие с неба крупные куски льда. Градины отбивали чечетку. С улицы тянуло влажной прохладой. Тамара и Егор смотрели детям в спины, наблюдая за их реакцией на непогоду. Детям все было интересно.

Тамара стала напротив Егора, спиной к детям.

— Что думаешь? Как жить будем? — Спросила она вполголоса.

Егор пожал плечами.

— Вообще, без понятия. Вода у нас есть, крысы есть, с голоду не умрем. Если все так глобально, как мы думаем, то чем раньше мы научимся приспособляться, тем лучше.

— Как? Как так получилось, что мы оказались в этой пещере именно тогда, когда началась эта катастрофа? Почему мы? — Тамара старалась не повышать голос.

— А чем мы хуже?

Тамара посмотрела в глаза мужу, проверяя, насколько он говорит искренне.

— Нет, я серьезно, мы не хуже остальных.

— Да, а я думала, что это путешествие будет нашей лебединой песней. Всё шло наперекосяк, и я, честно признаться, совсем не видела выхода. Сейчас, кстати, я не могу вспомнить ни одной проблемы, которая мешала нашему браку.

— Я тоже. Наверное, мы их выдумывали прямо из воздуха, миражи, которых подпитывали своим недовольством?

— Это точно.

Рядом гроыхнуло, и Катя, с перепугу, чуть не упала с багажника. Матвей еле удержал ее.

— Всё, насмотрелась. Пошли назад. — Сказала она, напуганная громом.

Семья кучкой пошла вглубь пещеры. Когда вход был открыт, она уже не казалась

склепом, даже наоборот, уютным убежищем.

— Говорит командир атомной подводной лодки «Пересвет», капитан первого ранга Татарчук Дмитрий Иванович. Мы сейчас находимся на пятидесяти двух градусах северной широты и тридцати градусах западной долготы. Ураган застал нас в боевом походе. Спаслись в котловине. Экипаж не пострадал, корабль исправен.

— Здравия желаю, капитан. Меня зовут Кружалин Игорь. Как я рад слышать человеческий голос. Мы уж думали, что единственные из людей, кто остались в живых. Как у вас там на земле? Какие последствия?

— Хреновые последствия, Игорь. Мы еле успели заскочить в котловину. Вы даже не представляете, что творилось с океаном на глубине оста метров. Нашу лодку мотало, как спичку. По нашим замерам, большую часть океана просто сдуло на сушу. Ума не приложу, где сейчас эта вода. Думаю, что суша затоплена, как в библейские времена.

Космонавты ответили не сразу. Татарчук даже подумал, что связь пропала.

— Жаль, мы надеялись, что последствия окажутся слабее.

— Погоди, Игорь, мы тоже не истина в последней инстанции. Мы видим, только то, что произошло посередине Атлантического океана, не более. Давай, не будем унывать. Продолжайте передачу. Не только наша лодка была в океане, американцы, китайцы, англичане, французы. Мы тоже будем пытаться установить с ними связь. Хотя из-за мусора в атмосфере волны не распространяются далеко.

— Хорошо, капитан. Мы это и собирались делать. Как выглядит Земля теперь?

— Да, как тебе сказать. Тучи висят низко, и они теперь не серые, а коричневые, из-за этого горизонт стал намного ближе.

— Понятно...., до связи. — Еле слышно донеслось сквозь помехи.

Связь оборвалась. Татарчук посмотрел на наручные часы, заметив время следующего сеанса связи.

— Пойду, перекушу пока.

К следующему сеансу связи с космической станцией в рубку пришел и Терехин. Он уже был в курсе предыдущего разговора и не ждал, что его успокоят или подарят надежду. В нем снова проснулся военный, готовый решать задачи, по мере поступления. Шуршащий помехами эфир начал заполняться модуляциями похожими на человеческую речь, в какую-то они постепенно перешли.

— Это командир «Пересвета» Татарчук. Мы вас слышим. Какие у вас новости?

— Здорово, командир. Это Кружалин. Хорошие новости. На связь вышли несколько подлодок. Одна наша, дизельная. Она в Норвежском море. Есть американцы, где-то в Атлантике, но гораздо южнее вас. На нашей подлодке сломаны рули и винт. Они говорят, что видят горный хребет, выступивший из-под воды.

— Отлично, Игорь. Уточни их координаты и передай, чтобы оставались на месте. Мы выдвигаемся им на помощь.

— Не наскочите на мель. Думаю, что местами океан выдуло до дна.

— Спасибо, Игорь, будем внимательнее. Соображения есть, куда вода подевалась?

— Большая часть затопила сушу, и много ее распылилось в атмосфере.

— Ясно.

Снова затрещало, и голос космонавта ушел.

— Возвращаемся? — Спросил Терехин у командира.

— Так точно, Виктор. Здесь нам делать больше нечего.

Команда субмарины, оставленная на дежурстве по самому минимуму, снова была поднята по штатному расписанию. В надводном положении, не опасаясь быть обнаруженной, как раньше, лодка двинулась обратным маршрутом. Пролегал он иначе. Приходилось выбирать другие глубины, где с большой вероятностью еще осталась вода. Мощный нос корабля рассекал грязные воды мирового океана.

— Привет, Игорь!

— Привет, командир.

— Оставили координаты наши парни с дизельной лодки?

— Нет, на связь к обещанному времени не вышли. Будем пробовать связаться на следующем витке.

— Понятно, а мы выдвинулись к родным берегам, с заходом в Норвежское море. А что у американцев?

— Джен общается с ними. Говорит, что они пытались подойти к берегу, но оттуда идет такое мощное и грязное течение, что они чуть не погибли в водоворотах. Сейчас они стремительно уходят в океан. Имейте ввиду, близко к берегам не подходить.

— Спасибо, понял. Новые, кто-нибудь, вышли на связь?

— Почти нет. Был слабый сигнал в одном месте, на западном побережье Америки, но мы ничего не разобрали. Я думаю, что ваших коллег полно по океанам спаслось, просто, сумятица еще. Никто не знает, как поступить правильно, что делать с приказами. Вот и молчат.

— Может оно и так, но больше двух километров глубины тоже не везде можно найти.

— По нашим расчетам к полюсам ветер слабел. Визуально, на полюсах его вообще не было. Но мы заметили одну странность — льды в Арктике смешало с водой. У нас есть гипотеза, что ветер выдавил воду к полюсам. Но это гипотеза. Сейчас мы не видим, что там творится. Всю Землю закрыло тучами.

— Спасибо, Игорь, до следующего сеанса, и попробуйте связаться с той дизельной подлодкой. — Татарчук торопился договорить, потому что сигнал начал уходить.

Ответом ему было шипение.

— Значит так, семья! — Громко сказал Егор. — По-видимому, нам здесь придется задержаться на большее время, чем мы рассчитывали. По сему, предлагаю устроить небольшой субботник и навести небольшой порядок. Мы с мамой будем собирать грязь, а вы... — Он обратился к детям, — собирайте мусор и относите его в дальний конец пещеры.

— А зачем? — Не поняла Катя. — Может на улицу его.

— Пригодится еще. — Егор не стал разъяснять, зачем пригодится мусор, потому что сам еще не знал для чего. — Банки жестяные не мните.

— Хорошо. — Ответил Матвей, имеющий большее представление об обстановке.

Семья дружно занялась наведением порядка в пещере. Егор соскребал с пола уже основательно подсохшую грязь, а Тамара следом заметала автомобильной щеткой. Дети ходили парочкой, потому что фонарь светил только у Кати, и она не соглашалась передать

его Матвею. Сестра светила, а Матвей собирал мусор в рюкзак. Потом они вместе несли этот рюкзак к дальней стене и там вываливали мусор.

Боль в мышцах мешала Егору работать. Он кряхтел. Как старый дед, подолгу разминал спину, после нескольких минут работы. Тамара сжалась над ним.

— На сегодня хватит, торопиться нам некуда, успеем еще навести порядок здесь.

— Точно, хватит, не хватало мне спину сорвать. Отбой дети! — Крикнул он в глубину пещеры.

Егор налил немного воды в котелок и поставил ее на газовую плитку. Огонь горел красным цветом.

— Газ заканчивается. — Заметил Егор.

У него был еще небольшой запас сухого горючего, оставшийся от погибшего спелеолога. На нем можно было протянуть несколько дней, а потом.... Потом следовало придумывать, из чего делать огонь. Не есть же крыс сырыми.

— А что ты сделала с теми крысами? — Егор вспомнил про свою добычу.

— Так вон висят, вялятся. — Тамара махнула в сторону.

Егор направил фонарь и увидел три висящих безголовых тушки. Его передернуло.

— Ладно, привыкнем. — Ответил он сам себе.

Подожли дети. В руках Катюшки была непонятная грязная вещичка.

— Что за грязь ты притащила? — Спросила ее мать.

— Это котик плюшевый. — Ответила ей дочь, прижав к себе грязный комочек.

— Как догадалась, что котик? — Спросил отец, сомневаясь, что этот бесформенный ком похож хоть на кого-нибудь.

— Это котик, Томас. — Настойчиво сказала Катя. — Вот отмою и увидите.

— Ну, что пещерные труженики, пойдем глаза тренировать, а то вы, я смотрю, не больно-то на улицу собираетесь.

Град и дождь прекратились. В воздухе пахло сыростью. Егор взял в руки градину. Она была не прозрачной или белой, а серо-коричневой, из-за вкрапления в лед большого количества частиц грязи. Матвей тоже поднял градину и рассматривал ее с любопытством. Тамара и Катя выглядывали из прохода, как слепые сурикаты. Тамара щурилась, а Катя прикрывала лицо ладошкой.

— Послушай, вундеркинд, а что если дождь смоет всю грязь из атмосферы? По идее, мокрая грязь не должна была подняться высоко, может и не будет ледникового периода.

— Не знаю, пап. Может и не будет. Атмосфера насыщенная водой, должна как-то связать пыль.

— Послушай, Матвей, а ведь теперь площадь испарения стала намного больше, чем раньше. Я думаю, что скоро начнутся проливные дожди.

Позади мужчин раздался хруст. Тамара и Катя, наконец, решились выбраться наружу. Они еще не могли полностью открыть глаза. Подойдя к мужчинам, они стали рядом. Тамаре хотелось посмотреть на горы и небо, но она могла смотреть только под ноги.

— Пойдемте к краю. — Пригласил их Егор.

То, во что превратилась долина, всего за неделю стихии, произвело на Тамару огромное впечатление. Она смотрела и не верила своим глазам. Всего неделю назад здесь была долина заросшая елями, соснами, кленами и вязами, а теперь на ее месте просто ровная черная поверхность. Черный цвет водоема почему-то сильно ее пугал. Он представлялся ей живым существом, наделенным угрюмым и беспощадным характером.

Егор искоса поглядывал за реакцией жены. В какой-то момент он увидел, как затряслись ее губы. Чтобы не разреветься, Тамара прикусила кулак зубами. Слезы брызнули из ее глаз, они потекли по щекам, потом по пальцам и капали с кулака. Егор понял, что у жены наступил момент осознания глобальности катастрофы.

Матвей тоже заметил, что мать расплакалась, и специально увел сестру.

— Кать, пошли, побродим. — Брат взял сестру за руку и потянул в сторону.

Катя не сопротивлялась. Детское любопытство одно из самых сильных чувств ответственных за познание мира.

— Далеко от пещеры не уходите. — Строго предупредил их отец.

— Мы тут, рядом поиграем. — Уверил его Матвей.

Егор обнял Тамару.

— Ничего, мы живы и это хорошо. Значит, так надо было.

Супругу душили слезы. Она и не знала, что на это ответить. Ей было не до мыслей о том, почему именно их семью решил выбрать Господь. Она вдруг поняла, что прошлое потеряно безвозвратно. Кроме памяти о нем не осталось ничего. Глубина этого понимания вызывала дрожь в теле и неконтролируемые слезы. Тамара не могла больше крепиться. Она обхватила Егора руками и зарыдала.

Тело ее билось в конвульсиях минут пять. Егор отнесся терпеливо к ее временной слабости. Наконец, Тамара успокоилась и подняла к нему припухшее от слез лицо.

— О, ну вот, совсем как перед свадьбой выглядишь. — Припомнил Егор вечер накануне свадьбы, когда на Тамару напала блажь, и она прорыдала всю ночь.

— Не напоминай. А вообще, сейчас все еще гораздо хуже, поэтому имею право. — Сказала она с усмешкой.

— Право есть, а вот выбора нету. Я один теперь такой завидный жених на сто километров вокруг, а может и больше.

Тамара, шутя, ткнула мужа в бок. Егор потрепал ее волосы.

Они долго стояли молча. Дети играли у них за спиной, находя в любой ситуации интересное занятие. Глаза Тамары постепенно привыкали к свету и теперь видели, что слово «день» не совсем применимо к этому понятию. Скорее вечер.

— Тишина могильная, слышишь? — Тихо сказала Тамара.

— Слышу. Я сразу это заметил, когда выбрался из пещеры. Всем досталось.

— А птичек то за что?

Тамара высказала мысль, которая подсознательно была и в голове Егора, что катастрофа свалилась на людские головы за их грехи. Но бедные животные не были в ответе за людей.

— Да, птичек жалко. Наверно, у бога не было под рукой избирательного оружия. А может ему показалось, что мы в сговоре?

— На аистов намекаешь?

— Хотя бы. А еще есть люди, про которых говорят орлы, женщины-курицы, мужчины-индюки, важные гуси, жаворонки и совы. Он, — Егор направил палец в небо, — не стал разбираться в идиоматических выражениях и покончил с проблемой одним махом. Может быть, с нас начнется новая история людей-человеков?

— А мы точно подходим под это понятие?

— А ты считаешь себя человеком-птицей?

— Не знаю, не думала как-то. А ты меня, какой птицей видел? — Тамара прищурилась, давая понять Егору, что ответ должен ее устраивать заранее.

— Нууууу, нуууу, наверное голубем, в смысле, голубкой.

— Ладно, живи, голубка подойдет.

— А я кто, по-твоему?

— Удод. — Тамара рассмеялась. — Шучу. Наверное..., дятел!

Егор снял руки жены с себя и делано надул губы.

— Ну, прости, не могу вспомнить ни одной нормальной птички, лезут только те, которыми принято обзывать, петушок тебе тоже не понравится?

— Нет.

— Ну, кто еще у нас есть? Воробей, нормально?

— Капитан Джек Воробей.

— Хорошо, мой капитан, будешь воробьем.

— Пап, мам, смотрите, что мы нашли!

Матвей и Катя бежали к родителям. У сына в руках была какая-то вещь.

— Смотрите.

Матвей бросил под ноги неопределенный предмет, сильно испачканный в грязи. Ладонью стер его поверхность. Сквозь грязь проступили латинские буквы и цифры.

— Это же автомобильный номер. — Догадался Егор.

Он присел рядом и с ходу махнул по нему рукой, и тут де отдернул. На ладони появилась царапина.

— Осторожнее пап, он в дырках. — Пояснил Егор.

Егор огляделся и увидел лужицу, оставшуюся от недавнего дождя. Он подхватил номер и промыл его в воде. Освободившись от грязи, их глазам предстал желтый номер с кусками зеленого бампера. В левом углу номера находился синий квадрат со звездами евросоюза и аббревиатура Голландии «NL». В трех местах номер был пробит насквозь, оцетинившись рваными краями в местах пробоин.

— Чёт не похож на наш номер, казахстанский наверно? — Предположила супруга.

— Ну да, конечно, с каких это пор Казахстан называется Нидерландами и входит в состав евросоюза?

— Ты хочешь сказать, что этот номер принесло ветром из Нидерландов?

— Выходит, что так. У нас я ни разу не видел голландских номеров. А соленая вода из океана тебя уже не удивляет?

— Ну, то вода. — Неопределенно сказала Тамара.

— Где вы его нашли? — Спросил Егор у сына.

— Там, в расщелине небольшой, из грязи торчал. — Матвей махнул рукой в приблизительную сторону.

— Интересно. Надо будет обращать внимание на расщелины с подветренной стороны. В них могло набить и чего-нибудь полезного нам.

— Пап, мам, а мы когда домой поедет-то? — Вдруг спросила Катя.

Маленькая девочка не совсем понимала масштабы катастрофы и начинала подозревать, что произошло что-то серьезное. Тамара и Егор переглянулись. Им жалко было травмировать детскую психику признаниями в лоб.

— Ты знаешь, Катюш, там ниже, вода перекрыла дорогу, как только она сойдет, мы попробуем уйти отсюда. — Пообещал отец, надеющийся придумать потом еще какое-нибудь правдоподобное вранье.

— Ладно. — Согласилась дочь. — Матвей, пошли еще поищем.

Дети убежали дальше копаться в грязи. Тамара смотрела за их беззаботными действиями.

— Ты знаешь, нам психолог нужнее, чем им.

— Дети, они проблемы не ищут.

— Чем займемся сегодня?

На предложение жены Егор лукаво сощурил глаза.

— Нет, я не то имела в виду. Какую работу нам надо сделать?

— Как всегда. — Вздохнул Егор. — Сегодня я буду размышлять и философствовать.

Всегда мечтал иметь побольше времени для таких занятий.

Тамара нахмурилась.

— Да шучу я. До темна хочу разобрать вход в пещеру. Вызволить нашу красотку из каменного плена. — Егор имел в виду заваленный камнями универсал. — С нее еще можно будет кое-что поиметь. Например, бензин и масло, сиденья, резину, да и металл, чую, скоро пригодится.

— А мне что делать? — Поинтересовалась Тамара.

— А вам надо поискать деревья, ветки и вообще, все, на чем можно готовить еду. Сейчас они могут быть завалены грязью, сырые, но мы их просушим в пещере на сквозняках и сможем готовить еду. Бери детишек и иди. Они отличные следопыты. Под ноги только смотрите, не наступайте на шаткое.

Дети восприняли работу, связанную с поиском, на ура. Они уже успели разобраться в рельефе горы и понимали, где следует искать. Егор, преодолевая боль в мышцах, принялся разбирать завал. Грязь, скрепившая камни между собой, пахла стоячим водоемом. Егору снова попался кусок рыбы. Он уже начал разлагаться и смердел. Теперь Егор внимательнее всматривался в грязь. В сложившихся обстоятельствах любая вещь могла пригодиться.

Под ногами заходил примятый кузов автомобиля. Оставалось совсем немного. Сквозь камни проступала жижа. Она булькала, пузырилась и засасывалась под камни снова. Наконец, последний камень был убран с многострадального автомобиля. Егор разглядел свою машину.

Сразу понять, что это именно автомобиль было не просто. Его камнепадом сплющило так, что передок превратился в блин. Даже мотор не выдержал нагрузки и расплющился. Грязь в этом месте была вся в радужных разводах моторного масла. Задняя часть автомобиля, после задних дверей, была в лучшем состоянии. Егор очень рассчитывал, что бензобак выдержал нагрузку. Бензин мог очень здорово пригодиться.

Заполненный грязью кузов автомобиля стал еще тяжелее. Егор попытался двинуть его, но усилия потратились впустую. Машина словно прилипла к земле. Егор сходил в пещеру за тросом. Зацепил крюк вокруг передней стойки, где была небольшая щель, и попытался рывками сорвать автомобиль. Грязь чавкала, но не отпускала. «Репка» сидела крепко.

— Тамар, позови Матвея, и идите вдвоем ко мне! — Крикнул Егор супруге, занимающейся поиском дров.

Через минуту вся семья стояла вокруг автомобиля.

— Дергать будем под счет. Руки зажили?

Тамара и Матвей утвердительно махнули головами. Егор встал первым, за ним сын и потом Тамара. Катюшку до работы не допустили. Толку от нее все равно не было никакого. Главное было сдернуть машину с вакуумной подушки, а дальше грязь должна была стать союзником, снижая трение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И раз! И раз! И раз! — Считал Егор.

Машина подавалась на пару сантиметров и снова садилась на место. Все быстро выдохлись, не добившись никакого результата.

— Как-то мы прямолинейно ее тащим, надо интеллектуально подойти. — Посоветовала супруга Егору.

— Отличное предложение. И как же?

Тамара пожалала плечами.

— Я только хотела, чтобы ты подумал, как можно иначе ее вытянуть.

Егор ничего не ответил. «Я хочу, чтобы ты...» — далее подставить любой глагол, любимый способ мотивации для мужей. И ведь с такой искренней уверенностью жены произносят эту фразу, будто многовековую мудрость, в которой кощунственно усомниться. Однако, прямолинейный способ действительно не работал, и надо было как-то иначе. Егор попрыгал на машине, подергал ее за край. Нужен был рычаг, чтобы приподнять передок.

— Ну, что там у вас, палки не попадались здоровые? Нам рычаг нужен, край машины приподнять.

— Да вообще палок нет никаких, ни больших ни маленьких. — Сказала Тамара. — Туда унесло все, наверно. — Она кивнула в сторону новообразованного водоема.

— Может, всплывут еще? — Предположил Матвей.

— Вряд ли. На дно их грязью утянуло. Когда она осядет, станет еще плотнее и дровам точно из нее не подняться.

— Это похоже на теорию происхождения полезных ископаемых. — Вспомнил Матвей школьные знания.

— Кто знает, может, так и было когда-то. Сдуло всех динозавров на дно, и превратились они в уголь, нефть и газ.

— Нет, пап, нефть образовалась гораздо раньше.

— Хорошо когда в семье есть умные люди. Может быть, ты придумал уже, как вытянуть нашу машину?

— Этому в школе не учили. — Отмазался сын.

— А давайте зацепим трос еще за что-нибудь на машине, и впряжемся в него, как в упряжку. — Предложила Тамара.

Егор прикинул в уме, что так они смогут приложить большие усилия, и этот способ стоило попробовать. Он нашел еще одно пространство на покореженном кузове автомобиля, куда смог зацепить противоположный крюк троса. Семья уперлась всем телом в трос.

— И раз! И раз! И раз! — Считал Егор.

Машина постепенно стала подаваться и вдруг, словно стала на колеса, чавкнула грязью и заскользила по ней. Члены семьи чуть не попадали от неожиданности.

— Не останавливаемся, тянем! — Скомандовал Егор.

Колеса и днище заскребли по сухому. Машину отволокли в сторону, на расстояние двух размеров ее кузова. Непродолжительное усилие, тем не менее, здорово утомило всех. Тамара почувствовала, как трясутся ее ноги от напряжения. Ей хотелось присесть.

— На сегодня хватит тяжелого труда. — Она тяжело приземлилась на более-менее чистый камень. — Давайте, лучше поиграем в города.

— Которых, скорее всего, нет. — Вставил реплику Матвей.

Катя подозрительно посмотрела на него. Родители уловили ее взгляд.

— Матвей, не говори ерунды. — Строго сказала мать.

— Я это..., имел ввиду, чтооо...,

— Пойдемте в пещеру, мне кажется, сейчас снова начнется дождь. — Отец решил перевести разговор на другую тему.

А дождь действительно собирался. Где-то наверху, за коричневой мглой, снова начинались какие-то процессы. Вдалеке гроыхнуло. Потянуло прохладой. Сумерки сгустились, то ли от того, что пришло время, то ли от того, что там затянуло небо тучами. С земли этого было не понять.

Страшно представить, но для многих кому посчастливилось выжить, еще не все закончилось. Из более, чем двадцати радиостанций к скорому времени в эфире осталось всего пять. Это обе подлодки, российская и американская, две женщины метеоработника со Шпицбергена, астрономы из Южной Америки и какой-то хардкорный выживальщик, оборудовавший себе убежище в горах. Интересно, кто ему подсказал сделать его?

У остальных, кто перестал выходить на связь, могло закончиться питание для радиостанций, кто-то попал под последствия урагана, в виде оползней, или мощного цунами, вызванного сходом воды с полюсов. Пять радиостанций на всю планету, это ничтожно мало. Игорь пытался понять, каким образом дать понять, тем, кто выжил и не имеет радиостанции, что они не одни. На ум, ничего подходящего не приходило.

Джон, так звали выживальщика, с удовольствием делился своими наблюдениями обо всех изменениях, произошедших на его территории. С каким упоением он рассказывал об этом, что можно было подумать, будто он обрел настоящий рай. Хотя, если это было смыслом его жизни раньше, значит, он получил, что хотел. Взял, так сказать, джек-пот, как в свое время Ной, который ничем не отличался от этого выживальщика.

Со слов Джона, он жил в оборудованной пещере, примерно на уровне километра с небольшим, над уровнем моря. Сейчас под ним, вместо долины, заросшей лесами, находился водоем. Он простирался во все стороны, насколько хватало глаз. С двух сторон он был огорожен горными хребтами, но вперед он простирался, насколько хватало глаз.

Джон сидел на волне военных и сразу отправился в пещеру, когда понял, что дело пахло жареным. Уже подходя ко входу, он понял, что поступил правильно. Сильнейший ветер начал бомбардировку. Последние метры дались ему тяжело. Свет мгновенно померк. Мокрый ветер застил дорогу, лишая видимости на расстоянии вытянутой руки. Джона обуяла паника, ибо он совершенно потерял ориентир. К тому же камни, несомые ветром начали пробивать его одежду.

Хватаясь за любой выступ, Джон нашел чугунную дверь, которую специально спрятал от чужих глаз. Он едва успел ее открыть, как огромная масса камней и воды с грохотом сошла прямо над его головой. Джон заскочил внутрь, напустив в помещение воду. Он захлопнул дверь и в страхе пролежал пару часов, прежде чем решился встать. Тело кровоточило, и было совершенно синим, отбитое камнями. За дверью неистовствовала стихия. Она трясла гору, вызывая вибрацию стен. На полке, где у Джона хранилась посуда, раздавалось постоянное жужжание. Частые вибрации создавали звук, похожий на работу мощного электродвигателя.

Джону пришлось делать себе примочки из спирта и лекарств. Он боялся, что может начаться гангрена, так как все тело было в кровоточащих ссадинах. Несмотря на свой лихой

характер и психологическую подготовку, Джону было страшно. Когда через неделю ураган стих, мужчина долгое время не решался открыть дверь. Когда же он решился, представшая его взору новая реальность не только не испугала его, но и вселила в него уверенность в собственной избранности.

Джейн не очень любила общаться с Джоном. Он всегда выбирал покровительственную и поучительную интонацию, и у нее создавалось ощущение, что она разговаривает с господом богом в человеческом обличье.

— Этого психа спасать не надо. Он уже спасен. Господь специально изолировал его от остальных. — Примерно так она относилась к своему соотечественнику.

Зато к экипажу американской подводной лодки она относилась с огромным сочувствием и старалась не пропускать ни одного сеанса связи. Втайне от Игоря, она рассказала о Хранилище семян на острове Шпицберген. Как биолог она знала о нем и решила дать небольшой козырь подводникам.

Егор налил немного воды в котелок и поставил над таблеткой сухого горючего. Он угрюмо посмотрел на таблетку, пламени которой едва хватало нагреть литр воды.

— А дрова все равно придется искать. Крысятину на таблетке не приготовишь.

— Бе! — Катя сделала вид, как ее тошнит от слова «крысятина».

— Хорошо, я буду называть ее дичь. От слова дичь тебя не тошнит?

— Тошнит, я же все равно знаю, что это крыса.

— Не крыса, дочь, а горный кролик. Это разновидность кроликов. Горные кролики маленькие и серые, и немного похожи на крыс. — Отец сочинил небылицу.

— Как дед Мороз похож на тебя?

— Да, примерно такое же сходство.

С улицы донесся гром.

— Интересно, теперь дожди каждый день будут идти? — Озвучила свои мысли Тамара.

Ей не ответили. Егор почему-то подумал, что планета сама в шоке от того, что произошло на ее поверхности, и теперь никак не может определиться с новым порядком погодного круговорота. Огромные водяные массы, выброшенные на сушу, изменили весь установленный миллионами лет порядок движения ветров и течений. И когда этот порядок установится снова еще неизвестно? Вода будет стекать в океаны, постепенно заполняя их снова, и в течении этого периода никакой стабильности не будет.

Громовые раскаты участились. Они были все ближе. Матвей не усидел на месте.

— Я пойду из тоннеля посмотрю на грозу.

— Наружу не выходи. — Предупредил его отец.

— Я с ним, пригляжу. — Тамара решила подстраховаться.

На улице стало еще темнее. Тяжелое близкое небо озарялось вспышками молний, сверкавших где-то там, за темной пеленой облаков. После каждой вспышки гремело так, что закладывало уши. Тамара не могла припомнить ни одной такой грозы за всю свою жизнь. Вдруг одна из молний ударила в водоем. Ее вспышка так ослепила всех, что на мгновение показалось, что они потеряли зрение. Следом за молнией раздался жуткий раскат грома. Тамара невольно зажала уши руками и присела на корточки. Волосы на голове зашевелились. Тамара подумала, что это от страха.

Матвей рассматривал свою руку. Он включил налобный фонарь.

— Смотри, волосы дыбом торчат. Статика сильная. У тебя тоже. — Сын перевел фонарь на волосы матери.

Волосы у нее на голове распушились, а кончики даже приподнялись.

— Матвей пошли в пещеру, страшно мне. — Честно призналась мать.

Матвей, почувствовал себя в ответе за «слабую» и «трусливую» женщину, и согласился с ней. За ними снова полыхнула молния, на мгновение спроецировав тень на стену. Мать и сын прибавили шаг, а когда сзади ударил гром, почти перешли на бег. Следом за громом с улицы донеслась характерная чечетка падающих градин. По тоннелю потянуло холодком.

— Там снова град. — Доложил Матвей отцу, разливающему по посуде кипяток.

— Выходит воду подняло высоко в небо. Замерзает и падает. — Разъяснил явление отец. — Вот, угощайтесь, «энзе» достал.

Егор раздал всем по галете из армейского сухого пайка, которые смог предусмотрительно припрятать, и по кусочку сала, которое, вначале, все усиленно игнорировали.

— Вау, знатная пирушка. — Воскликнула Тамара.

Она с отвращением ждала время, когда придется переходить на крысятину, и очень радовалась тому, что это время удалось еще немного отсрочить.

Семья захрустела галетами. В пещеру долетали отзвуки грома, и слабые вспышки молний отсвечивали на стенах. Самодельная парафиновая свеча давала свет, и в ее потрескивающем горении было столько спокойствия и умиротворения, что после ужина все, кроме Егора решили лечь спать.

Егор дождался, когда все уснут. Затушил свечу, и взяв фонарик с динамо, он отправился посмотреть на грозу. На улице стемнело. Темнота была почти такой же плотной, как и мрак пещеры. Гроза ушла за гору. Вспышки молний отражались в черном зеркале водоема. Из-за суеверного страха перед стихией и всем, что она породила, Егор представлял, что в этот момент черный водоем точно так же всматривался в одинокого человека, выглядывающего из пещеры. Ему казалось, что водоем чувствует к Егору и всей его семье неприязнь. Неприязнь такого рода, какая бывает у существ из разных эпох. Егор и его семья, по случайности остались от прошлой эпохи, и теперь вызывали отторжение у нового мира.

— А, плевать. — Вслух произнес Егор и под монотонное «вжиканье» вернулся в пещеру.

Он укутался в спальник. Перед сном Егор собирался подумать о планах на завтрашний день, но единственная мысль, о том, что нужно искать дрова, только слабым импульсом тронула его извилины. Сон завладел им за несколько секунд.

Это было первое утро, когда они точно знали, что это утро. Молчаливое, утрюмое, оно разгоралось за небольшой двойной вершиной. Ему было отчего чувствовать себя утрюмым. Миллионы лет эволюции, тщательного отбора и прочих премудростей природы были перечеркнуты одной неделей невозможного урагана. Оттого и грозы были похожи на рыдания природы, понесшей такую утрату.

Егор смотрел с края площадки на черный водоем. Он решил спуститься вниз, чтобы рассмотреть и пощупать водоем во всех подробностях. Что это, жижа, которая затекала к ним в пещеру или более-менее похожая на нормальную воду субстанция? К тому же он рассчитывал чем-нибудь поживиться на берегу. Уровень воды должен был понемногу опускаться, и какие-нибудь предметы могли проступить из воды. Самое лучшее на что

надеялся Егор, это дрова. Они были сейчас нужнее всего. Еду и воду можно было раздобыть, а вот готовить уже было не на чем. Где-то сорванные ветром деревья должны были приземлиться, почему бы не здесь?

Для подстраховки Егор взял трос и клинья, оставшиеся от погибшего спелеолога. Спуск к воде не представлял особых трудностей с виду, но грязь на камнях могла сыграть злую шутку, и привести к неконтролируемому падению. Матвей сидел с заспанным лицом на самом краю площадки, и уныло следил за тем, как отец неуклюже спускается к воде. Отец чертыхался, когда нога соскальзывала с камня, но продолжал упорно спускаться. Матвей глянул на небо, опасаясь новой грозы. Но небо было безмолвно и потихоньку наливалось светом от поднимающегося солнца.

Егор подобрался к кромке максимального уровня воды, отмеченной на камнях темным налетом грязи. Поверхность воды в настоящий момент была ниже и находилась в двух метрах от верхнего края кромки. Спуск по скользкой стене был делом трудным и стоило как следует подготовиться к этому. Егор присмотрел более менее ровную площадку, на которой можно было задержаться и дотянуться до воды. Егор ступил на нее и облегченно вздохнул. Он поднял голову и помахал Матвею. Сын вяло махнул в ответ.

— Ничего, скоро привыкнешь быть бодреньким по утрам. — Про себя проговорил Егор.

Он опустился на колени и зачерпнул ладонью воду. Она была мутной, но совсем не черной. Недостаток света мог создавать такой эффект. Егор попробовал ее на язык. Вода была соленой. Этого и следовало ожидать. Посмотрел налево и направо в поисках чего-нибудь, что скрывала вода. Напрасно, берег был абсолютно чист. До Егора дошло, что берег здесь, чересчур крут, чтобы на нем что-нибудь задержалось. Следовало снова прогуляться к тому месту, где вода уходила из долины, либо прогуляться в противоположную сторону, в поисках пологого бережка.

Эта мысль показалась ему настолько очевидной, что Егору стало удивительно, как он не догадался об этом раньше. Препятствием для дальних исследований могла стать внезапная гроза с градом, значит, нужно было позаботиться о защите от нее. Подъем дался легче, чем спуск. Матвей протянул руку и помог отцу выбраться.

— Ничего? — Спросил сын.

— Ничего.

Вместе они вернулись в пещеру. Егор достал из заначки последнюю банку консервов.

— С этого момента стараемся экономить свечи, обедаем и большую часть времени проводим на свежем воздухе. С дровами, по ходу, полный абзац. Это последняя банка. Дальше, нам придется есть только то, что сможем поймать сами.

Семья молча внимала речи отца. Катюшка смотрела на него во все глаза. Кажется, она начала догадываться, что обратно домой они вернуться не скоро.

Егор как то резко вогнал нож в крышку банки. В три приема он открыл крышку. Поднес банку к носу, чтобы понять, что находится внутри нее.

— Рыба в масле. — Заключил он.

Тамара к этому времени самостоятельно водрузила котелок над двумя горящими таблетками сухого горючего. Егор вывалил содержимое банки в котелок и немного пополоскал ее в горячей воде, чтобы не выбросить драгоценные капли калорий.

Бульончик получился жидкий. Но никто не роптал. Матвей полностью понимал глубину сложившейся проблемы. Сестра его, привыкшая доверять родителям, просто решила, что проблема временная и решится через некоторое время, нужно только немного подождать.

После обеда Егор взял резиновый коврик из багажника автомобиля, свернул его трубкой и обмотал тросом. Свободный конец троса он обхватил вокруг тела и зацепил коврик себе на спину. В руки взял многофункциональный топорик, полуторалитровую бутылку воды, фонарь с динамо и пару клиньев.

— Всё, я пошел. Без дров не вернусь. От пещеры далеко не отходить, свечи не жечь, можете продолжить искать что-нибудь нужное в окрестностях.

Егор одернулся, как солдат перед боем, и решительным шагом направился к выходу. Тамара подхватила следом. На улице она обняла его.

— Егор, я тебя знаю, будешь, ведь лезть куда попало.

— Нет, Том, не буду. Кто о вас позаботится, кроме меня. Обещаю быть осторожным и проверять по сто раз прежде, чем сделать шаг.

— Врун ты. — Не поверила Тамара.

— Мамой клянусь. — Сказал Егор и осекся, вспомнив про мать.

Тамара вздохнула.

— Скажи хоть, сколько дней будешь искать?

— Пока не найду.

Егор поцеловал Тамару в губы, развернулся и пошел вниз по дороге. Матвей с Катей, вышли наружу и проводили отца взглядом.

— Ну, что будем делать? — Спросила их Тамара.

Вскоре Егор услышал шум прорывающейся на свободу, воды. В безмолвном мире, где отсутствовал естественный природный шум, любой звук можно было услышать с большего расстояния, чем раньше. Через полчаса непринужденной ходьбы Егор достиг того места, где огромные объемы воды вырывались наружу. Вода здесь пенилась, закручивалась в водовороты и с шумом уносилась вниз.

Егор заметил, что уровень ее упал, и по дороге можно было спуститься еще метров на пятьдесят вниз. Дорога в этом месте не блестела как в остальных местах, а была покрыта слоем грязи. Пора было сворачивать в сторону.

Егор нашел пологий подъем и забрался на него. Вообще Уральские горы тем и хороши, что крутых склонов на них не так уж и много и всегда можно найти безопасный маршрут. Выметенная, как под метелку ветром скала, позволяла уверенно ставить ногу, без опасности, что под ней осыплется неустойчивая опора.

Он шел вдоль границы с поверхностью воды, то поднимаясь, то почти наступая в воду. Егору казалось странным, как можно было упрятать все свидетельства цивилизации? Сколько человечество жило на земле, сколько производило всего для комфортного существования и никаких свидетельств об этом ни разу не попало ему на пути. Природа нашла способ замести следы за человечеством почти не оставив улик. Невозможно было представить какую-то иную катастрофу, чтобы она могла произвести точное такое же сокрытие на теле планеты следов цивилизации. Разрушить и покрыть слоем грязи. Что ж, человечество давно напрашивалось.

Егор отмахал километра три от того места, где он сошел с дороги. Ноги с непривычки болели из-за большего напряжения. Пейзаж вокруг абсолютно не менялся. С одной стороны отполированный камень, с другой бескрайняя черная равнина. А над головой тяжелое небо, которое снова начало проявлять признаки беспокойства.

Егор осмотрелся в поисках укрытия. Ничего подходящего рядом не было. Кругом

выровненные ветром скалы и ни одного подходящего навеса. Он решил идти до самого начала дождя, а затем прикрыться резиновым ковриком. Гром начался внезапно. Молнии не выбивались из-за туч, разряжаясь прямо в атмосфере. Из-за плотных туч они были почти невидимы, поэтому гром воспринимался как совершенно неожиданное событие.

Егор прибавил шаг, и чуть не поплатился за это. Неловко поставив ногу, он поскользнулся и чуть не полетел вниз. Чудом зацепившись за камень, он удержался от падения но рассадил коленку. Резкая боль немного облагородила. Егор понял, что ему все равно в каком месте быть застигнутым дождем, на сто метров ближе или дальше, никакой разницы. Конечного пункта, или какой-нибудь защиты от дождя, до которой он мог успеть добежать, не было.

Ливень ударил после легкого прохладного ветерка. Внезапно и с большой силой. Егор промок до нитки пока разматывал трос, чтобы освободить коврик. Крупные холодные капли забарабанили по резиновому ковру, который Егор сложил «домиком» над головой. Прямо перед собой он видел черную поверхность водоема, покой которой нарушили частые капли дождя. Дождь шумел, и этот звук был самым громким и явным в новом мире. Потоки дождя потекли с гор и стали подтекать под ноги Егора. Мужчина гусиным шагом перебрался на небольшой выступ, который огибала вода.

Следом за дождем начался град. Вначале мелкий, затем крупнее. Куски льда глухо ударяли по резине. Егор прятал пальцы, чтобы их не отбило. Град разбивался о камни и разлетался в стороны, попадая на Егора. Водная гладь вскипела под их частыми ударами. Шум стоял неимоверный.

Всё светопреставление заняло минут сорок. Вначале затих гром, затем перестал падать град, а потом, постепенно теряя силу, закончился дождь. После дождя тишину нарушали бурлящие потоки воды, бегущие с горы. Но и они постепенно ослабли и затихли. Егор приподнялся. Ноги и спина затекли. Промокшая одежда холодила тело.

Впереди была трудная дорога и она не позволила Егору промерзнуть. Он двигался осторожнее, боясь поскользнуться на мокрых камнях. Чаше останавливался, чтобы подробнее разглядеть окрестности. Но кругом все было одинаковым и безжизненным, как во второй день сотворения мира.

Прошло еще несколько часов напряженной ходьбы по скалистым тропам. Егор почувствовал по смене характера покрытия под ногами, что он повернул за гору. Туда, где ветер обдувал ее вскользь. Расщелины были забиты грязью, которая иногда препятствовала движению. Егор искал путь, как ее обойти и из-за этого он шел намного медленнее. В некоторых подозрительных местах он пытался забраться руками в грязь, чтобы нащупать в ней что-нибудь интересное. Но ему не везло. Ни маленькой ветки, ни какого-нибудь напоминания о человечестве, ничего кроме грязи. Егор подумал о том, откуда же ее столько набралось этой грязи. Он представил, как неистовый ветер перемалывает в труху все, что встречает на своем пути до мелкодисперсного состояния, дома, людей, животных, растения, перемешивает их до гомогенного состояния с водой из океанов и замазывает получившимся раствором все напоминания о человечестве.

Егор перешел на северную сторону горы. Он догадался об этом, когда увидел выступающие из воды невысокие островки, бывшие еще совсем недавно верхушками горной гряды. Островки вели к следующей высокой вершине. Сейчас ее почти не было видно, но Егор помнил из прошлых походов, что она там была.

Горная гряда интриговала надеждой. Хотелось верить, что где-то там обязательно есть

чем поживиться. С горы Егор видел, что гряды местами уходит под воду и наверняка, там было очень глубоко и топко. Нога сама сделала первый шаг. Егор поддался этому порыву и пошел за ней следом.

Гряды, некогда обильно поросшая кустарником и травами, так что со стороны казавшаяся зеленой, теперь была просто каменной, со следами «шрапнели». Егор внимательно смотрел по сторонам, надеясь заприметить что-нибудь стоящее. Но природа умела прятать свои секреты.

Местами Егор заходил в воду, ступал осторожно, опасаясь провалиться в бездну. Но почти нигде вода не поднималась выше пояса. Вскоре из поля зрения исчезли оба берега. Куда ни глянь, везде был бесконечный водный простор, и только шляпы островов параллельной гряды высились в туманной дымке.

Атмосфера снова пришла в движение. Егор не стал дожидаться первых капель, а сразу развернул коврик и накрылся им. Дождь не заставил себя ждать. Засверкали молнии, раздался гром и начался ливень. Молнии пробивали густую атмосферу и ударяли в водную поверхность. Гром еще сильнее встряхивали тучи полные дождя и ливень припускал с большей силой. Через некоторое время снова начался град.

Егор смотрел на стихию, и ему пришла идея, что градины можно собирать. В голове он придумал устройство, сделанное из капота автомобиля. По возвращении он решил начать именно с него. Егор поднял несколько градин и поднес их поближе к глазам. Молочного цвета лед был усеян вкраплениями песка. Мужчина понюхал льдинку. Ничем необычным она не пахла. Воду, добытую из града и дождя, можно было пускать на технические нужды.

Каждый раз, когда заканчивался дождь, становилось прохладнее. Егор не стал дожидаться, когда упадет последняя капля. Как только наметилось затихание дождя, он продолжил движение. Егор не успел, как следует согреться, когда уперся в водную преграду. Впереди, метров на пятьдесят была только вода. Дальше, из воды поднималась очередная небольшая вершина, а за ней уже проступала гора. Поворачивать назад уже было как-то жалко, а идти вперед было страшно.

Егор представил, как его тянет на дно, в черную вязкую пучину грязи. Его взяла оторопь. Наверняка, тот, кто устроил эту катастрофу, мечтает разделаться с последними свидетелями. Мужчина заметался. Хуже всего вернуться ни с чем к семье, которая смотрит на него с надеждой. Но с другой стороны, живым он нужнее, и у него будет еще один шанс принести пользу. Что делать?

Он сделал осторожный шаг в воду. Ботинок скрылся в мутной воде, но стал на твердую поверхность. Второй шаг. Нога опустилась в воду по колено. Третий шаг. Так же по колено. Сиюминутный импульс заставил Егора снять с себя коврик и трос, выбросить на сухое клинья, и налегке, оставив один топорик, двинуться дальше. Первые десять шагов глубина оставалась постоянной, а потом внезапно осмелевший мужчина смело ступил вперед. Опоры там не оказалось, и Егор со всего маха угодил в воду. Она скрыла его с головой. С перепугу, Егор замолотил руками как пароход на Миссисипи. Он почувствовал ледяной холод и вязкость под ногами и запаниковал. Ему показалось, что он даже кричал под водой. Когда голова его снова показалась над водой, безмолвный мир вздрогнул от истощенного крика Егора.

Не сразу, но он пришел в себя. Вода нормально держала тело, и можно было плыть. Егор выбрал плыть дальше. Он с блаженством воспринял ощущение твердой опоры под ногами. Выбрался на берег и несколько минут сидел не двигаясь, пытаясь отдышаться и

прийти в себя.

Когда дыхание восстановилось, и мысли собрались в кучу, Егор встал и пошел дальше. Гора маячила перед ним, и больше открытой воды на пути не было. К сумеркам он оказался у самого подножия. Ночь сгустилась мгновенно. Егор решил не искушать судьбу, двигаясь вслепую. Он нашел более менее ровное место и лег спать на нем.

— Пересвет! Пересвет! Командир! Ответьте! — Сквозь помехи эфира донесся встревоженный голос Игоря Кружалина.

— Да, Игорь, слышу тебя, что случилось?

— Отлично, Игорь уходите на максимальную глубину, скорее!

— Да, что случилось? Снова ураган?

— Нет, командир, это цунами. Как мы и предполагали, часть воды выдавило к полюсам и теперь она возвращается назад. Наша дизельная подлодка, скорее всего, погибла. Мы получили сигнал от английской субмарины. Последнее, что они передали, это то, что они видят огромную волну, идущую с севера. К сожалению, связь пропала. Надеюсь, они успели опуститься под воду.

— Спасибо, Игорь, немедленно опускаемся. До связи.

— До связи, командир.

Татарчук приказал экипажу готовиться к погружению. Под ними было не менее пятисот метров. Больше лодка все равно бы не выдержала. Субмарина опустилась на перископную глубину. Командир посчитал, что с момента, когда они заметят цунами, у них будет достаточно времени, чтобы уйти на максимальную глубину.

Командир не отходил от перископа. Океан волновался, но горизонт был чист. Именно горизонт чуть не сыграл с лодкой роковую ошибку. Командир забыл, что линия его из-за низких облаков стала гораздо ниже. Внезапно возникшая в обзоре черная стена цунами приближалась с катастрофической скоростью.

В носовой балласт пошла вода. Лодка клюнула носом и пошла вниз, помогая себе двигателями. Буквально, через минуту, как Татарчук отдал приказ на погружение, мощный водоворот закрутил субмарину. Корпус закрипел, застонал, экипаж разлетелся по стенам отсеков. Терехин в этот момент находился в рубке управления. Его сбilo с ног резким толчком и протащило по полу. Татарчук, который в момент погружения сидел за управлением лодкой, слетел с кресла и ударился об угол панели управления. Виктор увидел, как у него из головы толчками из раны била кровь. Командир был без сознания. Терехин бросил взгляд на гидролокатор. Глубина погружения уже была больше максимальной, и продолжала увеличиваться. Автоматика бездействовала.

Терехин бросился к штурвалу и попытался рулями и тягой выровнять лодку. Дополнительно, он открыл прокачку всех балластов. Корпус скрипел, неся на своих плечах нагрузку, на которую не был рассчитан. Вдруг, на аварийном табло загорелся знак. В лодку пошла вода.

— Аварийный расчет, в четвертом отсеке вода! Устранить и доложить!

От расчета требовался профессионализм. Лодку еще швыряло из стороны в сторону. В таких условиях сделать качественную герметизацию было очень сложно. Терехин не сводил глаз с показателей глубины. Избыточное давление могло разорвать лодку по имеющейся трещине. Нужно было немедленно всплывать. Компрессоры выдавили воду из носового и

кормового балласта, но в поврежденном среднем балласте, требовалась постоянная работа компрессора, потому что через повреждения корпуса вода снова затекала в него. Лодка понемногу стала подниматься к поверхности.

Рулями и тягой Терехину удалось придать кораблю прямолинейное движение. Но беспокойный океан все еще тешился с ней, как с игрушкой.

— Течь устранили, товарищ капитан второго ранга. — Доложил расчет.

— Хорошо. Как только сможем, отправим сварщиков.

Из-за цунами и проблем, вызванных им, пришлось пропустить сеанс связи с космической станцией. Татарчук пришел в себя. К тому времени его перенесли в санчасть и положили на кушетку.

— Что с лодкой? — Первым делом спросил он.

— Все нормально. Одна течь в четвертом отсеке, но ее заткнули.

— А! Как болит башка. Надо же, как я так приложился? — Командир потрогал повязку и сморщился от боли.

— Там, рубка вся в вашей крови, товарищ капитан. — Ответил корабельный врач, капитан-лейтенант Бахмут.

— Кто у руля?

— Капитан Терехин.

— Хорошо. Тогда я еще полежу у тебя. Есть что-нибудь для быстрого восстановления?

— Вы о чем, товарищ капитан первого ранга?

— Вот только не надо делать удивленные глаза. Все ты прекрасно понял. Капни мне витаминки в спирт.

— Пересвет! Лодка «Пересвет»! Командир! — Сквозь помехи донесся голос космонавта Кружалина. Голос его был встревоженным.

— Привет, Игорь! Это Виктор Терехин, заместитель командира «Пересвета». Спасибо что предупредили о цунами. Если бы не вы, оно бы нас накрыло. Приблизилось оно мгновенно. При том, что мы готовились, все равно не успели сразу среагировать.

— Слава богу, вы живы! Что с Дмитрием?

— Голову разбил немного. В санчасти отлеживается.

— Пусть поправляется. Я очень рад, что вы снова на связи. Признаться честно, страшно остаться единственными людьми.

— Да ладно тебе. Есть вести он наших, в Норвежском море?

— Нет, молчат. Американцев предупредили о цунами. Они на связь не выходили пока. Думаю, что они на глубине еще.

— Как думаешь, Игорь, такие цунами могут еще повториться?

— Вряд ли. Я вот подумал, что волны могут сойтись на экваторе и снова разойтись в обратном направлении. Но силу они потеряют, это точно.

— А может быть, загасятся?

— Может. Какие у вас планы?

— Планы те же. Двигаемся домой, через Норвежское море.

— Хорошо, до связи!

— До связи! — Ответил Терехин в пустой эфир.

Тамара надеялась, что муж успеет вернуться до темна. Она несколько раз спускалась вниз по дороге, несмотря на протесты сына, ждала там Егора, но каждый раз начинающаяся гроза загоняла ее в пещеру. Дурацкие мысли лезли ей в голову. Что будет, если Егор не вернется? Как она сможет прокормить семью? Она даже понятия не имела с чего начать, чем заниматься, чтобы прокормить детей и себя. Она могла приготовить тех же крыс, но совершенно не представляла, как их можно поймать. Да и сама охота на крыс представлялась ей чем-то пугающе отвратительным, к чему она не скоро будет готова.

Когда наступила ночь, Тамара дождалась, пока дети уснут, взяла горящую свечу и вышла с ней наружу. Ей хотелось, чтобы Егор смог издали увидеть пламя свечи, как ориентир. Она водила свечой из стороны в сторону. Легкий ветерок колыхнул пламя и затушил его. Тамара осталась стоять в полной темноте. Она поругала себя за несообразительность. Что стоило ей взять с собой зажигалку? Возвращаться пришлось наудачу, вытянув перед собой руки. Пару шишек набить все равно пришлось.

В пещере Тамара уже ориентировалась и смогла добраться до матраца, на котором спала Катюшка. Дочь сладко сопела, Тамара забралась под палатку, согретую дочерью. В животе раздались голодные урчания. Завтра они будут есть крыс. С этой мыслью она уснула.

Егор проснулся оттого, что стало прохладнее, еще он отлежал себе все, что можно отлежать на голой скале. Поясница не разгибалась, ноги и руки затекли. Егор осмотрелся. Вершина, перед которой он стоял, имела пологий южный склон. Егор решил снова искать путь вдоль кромки воды.

Дожди приносили пользу. Они вымывали грязь из горных складок. Егор предположил, что через некоторое время он сможет ходить по горам гораздо свободнее, не выискивая среди рек грязи удобный проход.

Утренняя свежесть спала. Зубы перестали стучать друг о друга. Куда бы ни упал глаз Егора, везде виделось одно и то же. Голые камни и одна вода до горизонта. Он бы сейчас дорого отдал, чтобы увидеть, что случилось с его родным городом. Он предполагал масштабы разрушений, но надеялся, что на равнинах нет такой воды. Ему казалось, что ветер должен был ее сносить с ровных поверхностей и терять только там, где ему встречались препятствия. Как эти Уральские горы.

По ощущениям время приближалось к обеду. Желудок все настойчивее просил покормить его. Егор остановился, чтобы сделать поток воды. Ее в бутылке оставалось чуть меньше половины. Вода не заглушила голод, но ненадолго успокоила желудок. Егор присел на камень, чтобы дать отдохнуть натруженным ступням. Ходьба по камням то еще испытание для связок. Егор вынул ноги из ботинок. Ему показалось, что щиколотки даже припухли немного. Он помассировал ноги, разгоняя по ним кровь.

Надо было идти. Придет зима, вот тогда будет время отдохнуть. Со страхом представил себе Егор то время, когда начнутся морозы, когда весь мир скроется под снегом. Самое теплое, что у него было из одежды, это грязная куртка, в которой он лазил ремонтировать свою машину. Но и она вряд ли могла спасти от мороза. Нужны дрова, много дров, чтобы всю зиму не выходить из пещеры. Питаться подножным кормом, то бишь крысами и ждать тепла.

За невеселыми мыслями Егор не заметил, как тропка, по которой он шел, вдруг оборвалась. Гора в этом месте имела отвесный склон, с отрицательным уклоном. То есть основание склона уходило в гору сильнее, чем нависал карниз. Егор посмотрел вниз и

обомлел. Он увидел деревья. Серые, грязные, они, тем не менее, не были сломаны ветром. Егора пробрало. Он ощутил торжественность момента. Ему показалось, что он встретил соотечественника после долгих лет на чужбине.

Склон был глубиной около ста метров. На дне его была та же жижа, что и везде. Егор спустился. Уровень воды, когда-то был выше уровня нижнего основания уклона. Сейчас он опустился ниже, метра на два. Егор ступил в грязь и к собственному удовольствию понял, что глубина ее не больше пятнадцати двадцати сантиметров. Ботинки чавкали по грязи, но Егор не обращал на это внимания.

Каменный потолок, высотой метров в сто нависал над головой. Он то и защитил деревья от безжалостного вырывания ураганом. Но деревьям все равно досталось. Ветки, частично, под тяжестью налипшей грязи обломались. Те, что выдержали нагрузку, имели листья покрытые слоем грязи. Без доступа солнечного света они не могли производить фотосинтез, следовательно, были обречены на гибель.

Егор дотянулся до ближней ветки и осторожно отер лист от грязи. Затем очистил все листья на ветке. Приятно было видеть зелень живых листьев. Егор подтянул ветку к носу и вдохнул запах зелени. Это было чертовски приятно, ностальгически приятно. Во что бы то ни стало Егор поклялся сохранить эти деревья. Может быть, во всей округе не осталось никого кроме семьи Горбуновых и этих деревьев.

Обломанные ветки лежали под деревьями, их было гораздо больше, чем Егор смог унести за один раз. Он не стал устраивать себе передышки, а сразу принялся собирать ветки. Ветки были отсыревшими, плохо ломались. Егор был несказанно рад тому, что у него остался топорик. С ним работа шла споро. Егор скрутил бечевкой вязанку, и попробовал ее приподнять. Она была тяжелой. Путь назад мог занять больше времени. Но Егор решил возвращаться другой дорогой, которая по его разумению должна быть гораздо короче. Он решил идти назад по восточному склону горы, тому, со стороны которого была Черная пещера.

Начался дождь. Кажется, что у природы все природные явления случались строго по часам. В первой половине дня гроза с молниями и градом, а ближе к вечеру, еще одна гроза с молниями и градом, но более сильными. Егор дождался окончания грозы и сразу отправился в обратный путь. Он хотел успеть добраться до своего коврика раньше, чем начнется вторая гроза.

Лямки из бечевки резали плечи. Егор пытался игнорировать боль, но это получалось очень плохо. На плечах стали появляться кровоподтеки. Егор уже согнулся вперед, чтобы принять часть веса вязанки на спину и разгрузить плечи. Так уставала спина. Однако знание маршрута позволило с меньшими блужданиями вернуться к тому месту, где широкое водное пространство отделяло его от своих брошенных вещей.

Вязанка не утонула, чего боялся Егор. Был у соленой воды такой плюс. Примотав один край бечевки к ноге, Егор забросил вязанку в воду. Форсирование с грузом далось намного тяжелее, чем порожняком. Он заранее стал прощупывать дно, надеясь быстрее почувствовать опору под ногами.

Вещи лежали на том же месте где Егор их оставил. Капли дождя и града, несущие в себе песок, оставили налет песка на всем. Егор отдохнул минут десять. Интенсивные нагрузки на организм, который не питался нормально дней десять, давали о себе знать. Легкие ходили ходуном, во рту чувствовался привкус крови, руки дрожали. Егор испытывал легкое головокружение.

Наконец, организм пришел в норму. Из троса Егор сделал нормальное приспособление для перетаскивания тяжестей на спине. Широкая лента троса не резала плечи. Тяжесть распределялась равномерно и уже не казалась настолько тяжелой.

Хотя Егор и устал, но радость от того, что он возвращается с ценной находкой, придавала ему сил. Он не заметил, как прошел по перешейку и снова забрался на родную гору.

Егор двинулся по восточному склону. Здесь он еще ни разу не ходил, и это было прекрасной возможностью разведать маршрут. Как и полагалась склонам с подветренной стороны, поверхность их изобиловала грязевыми потоками. Если бы не регулярные дожди, то они бы давно подсохли и не мешали движению. Местами Егор переходил их вброд, местами обходил стороной. Ему хотелось успеть до ночи вернуться домой, поэтому Егор все чаще выбирал прямой путь.

Известно, что торопливость не доводит до добра. В какой-то момент Егор настолько потерял осторожность, что смело вошел в небольшое ущелье плотно забитое густой грязной субстанцией. Ущелье шло уступами, и мужчина решил перейти ущелье именно по такому уступу. Грязь скрывала неровности дна и Егор поскользнулся. Он потерял равновесие, груз за спиной перетянул назад и Егор полетел вниз, вернее покатился по скользкой отвесной стене. Его несколько раз перевернуло, ударило о камни. Он почувствовал, как упал спиной на вязанку дров, ноги запрокинулись и по инерции перевернули тело. Свет померк.

Тамара весь день ждала Егора. Она даже заставила сына подняться на гору повыше, чтобы разглядеть, не идет ли отец. Егора не было, и в душе у нее назревала тихая паника. Катюшка запросила еду. Тамара обшарила все возможные прятки, куда Егор мог спрятать галеты. Ничего не нашла. Три крысиные тушки, подветренные и ужасные на вид, были единственным съедобным продуктом в пещере.

— Матвей, нам надо как-то приготовить из этого еду. — Матери очень хотелось опереться на чью-нибудь смекалку.

— Мам, у нас из нормальной горючки, только резаная покрышка. Если приготовить на ней, еда может пахнуть жженой резиной.

— А, все равно, думаешь, это будет иметь значение, чем пахнет крысиный суп? — Последние слова Тамара произнесла шепотом, чтобы не напугать дочь.

Матвей собрал на улице небольшой очаг из камней. Разжег резину и поставил на огонь котелок с водой. Тамара, незаметно от дочери вынесла одну крысиную тушку. На свету она выглядела еще отвратительнее. Тамара разрезала ее на несколько кусочков и бросила в котелок. Резина горела жарко и вскоре вода закипела. К запаху горячей резины примешивался запах вареного мяса. Надо сказать, что у всей семьи уже давно посасывало под ложечкой, и они с удовольствием разделяли своими рецепторами запах дыма на фракции.

Тамара подсолила бульон и попробовал его на вкус. Получалось сносно. Привкус горелой резины присутствовал слабый и ощущался только послевкусием. Тамара зачерпнула полную ложку и проглотила ее. Вполне съедобно.

— Хочешь попробовать? — Обратилась она к сыну во все глаза смотрящему за ее реакцией.

— Как оно? — Спросил Матвей.

— Отлично.

Матвей набрал ложку, поднес ее вначале носу и принялся, затем отпил немного, погонял бульон во рту. Вкус его устроил, и он вылил остатки в рот.

— Съедобно. — Заключил он.

— Сюда бы перчика и лучка для вкуса. — Тамара восприняла ответ сына за комплимент.

Мясо поварилось еще минут пятнадцать, пока не прогорела резина. Тамар сняла котелок и отнесла в сторону, чтобы дым не попадал в бульон. Катя крутилась рядом, и никак не могла дожидаться начала обеда.

Крыса была поделена на четыре части. Детям, Тамара отдала по задней лапке, на которой было много мяса. Себе положила переднюю с ребрышками, и такую же часть оставила в котелке для Егора. Дети ели за обе щеки. Катя переспросила однажды, на самом ли деле это горный кролик. Матвей утвердительно махнул головой в ответ, но хитро переглянулся с матерью.

Тамара была довольна собой, что накормила детей, но неопределенность с мужем подтачивала ее радость. По их договоренности с Егором, он должен был обойти гору за сутки, плюс еще несколько часов на непредвиденные обстоятельства. Егор ушел вчера утром. Сутки и время на форс-мажор закончились. Чем дальше время двигалось к вечеру, тем тревожнее становилось на душе у Тамары.

Егор пришел в себя оттого, что чуть не задохнулся. Жижка затекла через нос и чуть не попала в дыхательное горло. Мужчина закашлялся и открыл глаза. Далось это с трудом. Сухая корка заклеила веки. Егору на мгновение показалось, что он снова очутился в пещере. Грязными руками он разлепил глаза. День подходил к концу.

Егор сидел посреди грязной лужи. Левая рука болела. Мужчина подвигал ею, пошевелил пальцами. На перелом не было похоже, скорее сильный ушиб. Егор посмотрел вверх, туда, откуда он свалился. Метров пять было до того уступа. Кажется, он еще легко отделался. Можно было пробить голову, сломать позвоночник, да все что угодно. Егор пообещал себе больше не делать таких непредусмотрительных действий. Он снял вязанку с плеч, чтобы оценить ее состояние.

Она была в грязи, но в целости. Если бы не вязанка, удар мог быть значительно жестче. Егор встал на ноги. Сейчас он стоял на уступе, который был гораздо шире того, с которого он свалился. Чтобы не испытывать судьбу еще раз, Егор выбрался из грязи и подошел к краю. Отсюда до воды было метра три. Темнеющая, вместе с закатом, вода превращалась в черную infernalную субстанцию. Суеверная часть души считала водоем противоположной жизни стороной.

Разглядывая воду, Егор заметил на самом краю водной поверхности что-то странное. Из-за сгущающихся сумерек и того, что все было покрыто грязью, тяжело было определить, что это за предмет. Несмотря на свое помятое состояние, Егор все же решил удовлетворить любопытство. Все, что осталось от человечества вызывало ностальгию, и, в конце концов, могло пригодиться в хозяйстве.

Осторожно, не опираясь на больную руку, Егор смог спуститься к кромке воды. Предмет действительно имел человеческое происхождение. Это было колесо грузовика. Егор смыл с колеса грязь. Покрышка была рваной, как будто ее трепали гигантские собаки. Обод был смят сильным ударом. Егор попробовал сдвинуть колесо, но оно не поддавалось. В голову закралось подозрение, что у колеса имеется продолжение. Егор протянул за колесо руку и

нащупал покореженный металл или пластик. Вот и первый настоящий сюрприз от человечества. Позабыв о боли о снова об осторожности Егор ступил на колесо. Опора держалась уверенно. Егор опустил на колени и прощупал все пространство вокруг. По ощущениям это было мягкое железо, и скорее всего кабина грузовика. Недостаток света не позволял увидеть ее очертания сквозь толщу мутной воды.

Егор вернулся на берег и прошелся вдоль него, чтобы разглядеть остальную часть машины. Сразу за кабиной просматривались очертания прицепа. Удивительно, что машину не разорвало на мелкие части от удара. Егору не терпелось забраться внутрь, чтобы узнать содержимое грузовика. Если бы не ночь, которая неотвратно приближалась с каждой секундой, то Егор не удержался бы от исследования.

Скрипя сердце, он отказался от этой затеи. Егор решил продолжить путь, пока не наступит полная тьма. Заночевать там, где она его застигнет, чтобы ранним утром снова двинуться в путь. Если он рано вернется домой, то в тот же день вернется к этому грузовику. Прихватив с собой Матвея, для страховки.

Человеческие глаза быстро привыкли к недостатку света и спокойно видели то, что в обычной жизни было сплошной тьмой. Егор шел до тех пор, пока видел куда поставить ногу. Он затруднялся предположить, сколько пути преодолел. Когда он плюхнул ногу в грязь, тогда и решил устроить ночлег.

На ощупь нашел ровное место среди камней. Нашел удобное положение, подложил руку под голову и собрался засыпать. Несмотря на усталость, сон пришел не сразу. События дня пробегали перед глазами. Разнылась ушибленная рука. Егор пролежал минут тридцать, и никак не мог уснуть. Тело начало уставать в одном положении. Мужчина приподнялся, чтобы сменить позу. Ему вдруг показалось, что где-то вдалеке мелькнул огонек. Он всмотрелся. Некоторое время было темно, и Егор уже решил, что ему показалось, но вдруг отчетливо увидел, как вдали загорелся огонек.

Он встал. Протер глаза, поморгал для верности. Огонь все еще слабо светил. Это точно не было иллюзией. Кто мог светить в темноте? Конечно же, кто-то из его семьи. Егор достал фонарик с динамо и сделал несколько движений. Лампочка слабо загорелась.

— Эх, была, не была!

Егор снова навьючил на себя вязанку и используя далекий огонек, как ориентир под «вжиканья» собственного фонарика продолжил путь. Слабый свет проник в тьму метра на три. Этого вполне хватало для того, чтобы случайно не оступиться. Далекий огонь становился ближе. Егор заметил, что он движется, словно им машут.

Один раз он потух, и Егор подумал, что уже не загорится. Но огонь снова загорелся, указывая путь.

— Тамара! Матвей! — Крикнул Егор, предполагая, что это кто-то из его семьи.

— Егор. — Донесся слабый голос Тамары.

Егор облегченно выдохнул. Глубоко в душе он боялся, что огонь может быть каким-нибудь новым природным явлением, типа огней святого Эльма, что с такими грозами вполне могло случиться.

— Егор! — голос жены приближался.

— Тамара! — Отвечал Егор.

Через полчаса Егор различил в отсветах огня вход в пещеру и фигуру жены возле него. Последние метры Егор преодолел как на крыльях. Как только он ступил на площадку, сразу бросил с плеч вязанку и бросился к жене. Тамара бросилась навстречу. Наобнимавшись,

Тамара отстранилась и заметила, что Егор по самые уши в грязи.

— Упал, немного, но дрова нашел. — Сказал Егор.

— А мы тебе поесть оставили. — Сказала Тамара.

— Крысятину?

— На покрывках.

Тамара поставила котелок на огонь. Взяла бутылку и израсходовала остатки воды на то, чтобы хоть немного ополоснуть тело Егора. Егор, не останавливаясь, пересказал все, что случилось с ним за время похода, завершив рассказом про утопленную фуру.

— Интересно, что в ней? Хотя бы еда какая-нибудь? — Размечталась супруга.

— Завтра, Егора возьму с собой, там и проверим, что в ней.

Запахло съестным. Егор потянул носом. Желудок тут же отреагировал урчаньем.

— Всё, Тамар, не могу терпеть, давай, какое есть.

Тамара сняла котелок и поставила перед мужем. Егор уплетал и хвалил.

— Никогда так вкусно не ел. — Сказал он, обгладывая крысиную ножку. — А на дровах все будет еще вкуснее.

Теперь, когда беспокойство покинуло Егора, а ужин заставил кровь отлить от головы, он понял насколько устал. Язык не слушался, слова путались.

— Всё, пошли спать.

Тамара помогла мужу подняться и отвела его в пещеру. Через секунду после того, как он забрался в спальник, послышалось сопенье. Тамара загасила свечу и тут же уснула.

Встав раньше всех, Тамара снова разожгла костер на покрывках, и поставила готовиться бульон из очередной тушки крысы. Один за другим, члены семьи стали выбираться на свежий воздух. Было в этом уже что-то привычное, устоявшееся.

Егор отнес вязанку в пещеру. Разложил ее в тоннеле, где был сильный сквозняк. По его представлениям, высохнуть она должна была дня за три. Сын и дочь обрадовались возвращению отца. Катя прижалась к его грязной майке и простояла так с минуту. Отец добродушно стерпел ее порыв. Егор рассказал сыну про грузовик и о желании взять Матвея с собой. Тот с радостью согласился.

Пока готовилась еда, Егор решил сделать устройство для сбора дождя и града. Он выломал капот со своего автомобиля. Удары камней здорово его измяли и пробили насквозь в нескольких местах. Он повертел железку так и сяк. Мысль, как ее приспособить для дела не шла в голову.

— Может быть, попробовать прочистить складку в горе? — Предложил Матвей идею для сбора дождевой воды. — Здесь есть такая рядом. Если очистить ее от грязи, то можно собирать воду, которая в дождь течет с горы.

— Хм. — Егор посмотрел на пострадавший капот. — Умно, и городить ничего не надо.

Егор приставил железку к груде камней, оставшихся от расчистки прохода в пещеру, и вернулся к автомобилю. Он облазил его, обнюхал, попытался заглянуть под днище. Ему хотелось понять, остался ли целым бензобак. Горючее было бы не лишним. Машина была тяжелой, и все его попытки оказались тщетными. Только по косвенным признакам Егор догадался, что бензин не вытек из бака.

Отобедав, Егор сразу стал собираться. Он снова взял трос, топорик, клинья и бечевку. Своим женщинам он нашел работу, расчистить тот самый желоб, по которому стекала вода.

По светлому времени суток, дорога до машины заняла меньше часа. Егор уже увереннее

двигался по еле приметным тропкам. Сына он привязал к себе тросом и в таком тандеме они добрались до места, где из воды торчало колесо. За ночь уровень воды немного упал, и колесо торчало полностью наружу, и даже часть прицепа показалась над водой.

— Вот, оказывается у нас под носом лежал этот клад. — Отец махнул в сторону машины.

— Интересно, что у нее там, внутри. Хоть бы не порожняком шла? — Испугался своего предположения Матвей.

— Типун тебе на язык. Я даже этот вариант не рассматриваю. — Егор сделал петлю из троса вокруг пояса. — Хотя, если фура действительно пустая, всё, что сможем снять с нее, тоже пойдет в дело. Тут одних покрышек на сколько хватит.

Егор стянул с себя майку и штаны, оставшись в одних трусах.

— Держи крепко. Я попробую стать на будку и прорубить в ней дыру, чтобы спуститься. Если машина сорвется, дергай меня изо всех сил.

— Хорошо пап.

Егор зашел в воду. Вода была холодной, явно не для купального сезона. Вначале по колесу он забрался на кабину. Она представляла из себя грудку искореженного металла. Егор попробовал рукой исследовать ее. Он засунул руку в щель. Нашупал, как ему показалось, сиденье и затем ухватился за что-то мягкое. Когда до него дошло, что мягкое, скорее всего раздувшийся труп водителя или пассажира, Егор молниеносно вытащил руку. Он с суеверным страхом посмотрел на свою ладонь и несколько раз побултыхал ее в воде, словно смывая с нее следы покойника.

— Что там? — С берега спросил сын.

— Да так, показалось.

Егор перепрыгнул на прицеп. Машина не шелохнулась. Мужчина прошел вдоль прицепа. Задняя часть была в воде на метр. Егору хотелось верить, что дверки прицепа не открылись от удара. Он набрал воздуха и нырнул. Дверки выдержали удар не полностью. Замок на цепи выдержал удар, но нижняя часть дверей сорвалась с петель и была вывернута наружу. К тому же Егор нашупал, что прицеп лопнул под нагрузкой и между платформой и бортами, была приличная щель. Любопытство разбирало Егора. Он выплыл, снова набрал воздуха и опустился. В воде он открыл глаза, чтобы разглядеть номер, написанный на дверях. Автомобиль был местным, что отчасти могло сказаться на его относительной целости.

Егор взобрался на прицеп. Дыру он решил прорубить ближе к кабине. Металл прицепа поддавался под лезвием топора. Дыра получилась квадратной, с шириной стороны в один метр. Егор отогнул жестянку, сплошь испещренную сквозными отверстиями. В квадратном отверстии колыхалась черная бездна. Приступ клаустрофобии не позволил Егору немедленно отправиться на исследование «потрохов» фуры. Сначала он опустил руку. Она не нашупала ничего кроме воды. Края дыры получились зазубренными. Егор немного завальцевал их обухом топора. Он сделал знак сыну, что собирается спускаться. Тот махнул в ответ, что понял.

Егор присел на край, поставил руки на противоположные стороны отверстия и опустился в воду по грудь. Ноги встали на что-то твердое. Егор пытался определить ногами предмет, на котором они стояли. Овальное и большое, но совершенно непонятное. Егор нырнул и обшарил предмет руками. Походил он на ванну, и кажется их было несколько штук составленных одна в другую и перевернутых вверх ногами.

Егор вынырнул, набрал воздуха и снова погрузился в воду. Он решил немного

спуститься. Судя по положению прицепа, весь груз должен был сместиться назад. Так и было. Весь груз занимал пространство от пола до потока в задней части прицепа. В основном это были ящики и размокшие в воде коробки. Егор вытянул один из ящиков и поднялся с ним наверх. Матвей с интересом наблюдал за находкой.

Егор прочитал на поверхности ящика этикетку.

— Краны-смесители, мейд ин чайна! — Повторил он вслух надпись. — Нужны они нам?

— А поесть там ничего нет? — Матвей расстроился, из-за того в фуре была не еда.

— Да ладно тебе, мать давно пилила меня из-за старых кранов в доме. Мечта сбылась, хотя и не совсем вовремя.

— Что там еще? — Спросил Егор.

— Прямо подо мной ванны. Доставать будем?

— Тяжелые наверно, не допрем?

— Если стальные, то допрем, а чугунные увольте. Ладно, пойду еще разведу.

Егор снова нырнул. Как и везде, в прицепе тоже все было покрыто слоем скользкой грязи. Она мешала сразу определить, что попадалось под руку. Егор пытался выдернуть какую-нибудь коробку из общей кучи, но скользкая грязь не давала ухватиться за коробку как следует. Егор потянул за коробку, которая, как ему показалось, подалась. На самом деле, коробка была картонной, она просто развалилась в руках. Егор пошарил в ее внутренностях, нащупал какие трубки и на остатках дыхания всплыл с ними в руках.

Это были пластмассовые трубки, сифоны и гофра для умывальников. Егор бросил их на поверхность прицепа и глубоко вдохнул.

— Уффф! Кажется здесь только сантехника. — Егор отер лицо от воды. — Это самое нужное нам сейчас.

— Чего будем делать с ней? — Поинтересовался сын.

— Поднимать, а там видно, куда приспособить. Ванна нам точно нужна одна. Сколько мы уже не мылись? Полмесяца. Никакой гигиены. Мать наша об унитазах новом мечтала. Глядишь, исполнится ее мечта.

Егор отдышался. Снял с пояса бечевку и снова нырнул. Он нащупал ванну, приподнял верхнюю и продел в верхнее сливное отверстие бечевку. Воздуха не хватило, чтобы сделать узел. Он поднялся, отдышался, снова нырнул и завязал узел. Выбравшись на поверхность, он привязал конец бечевки к тросу.

Ванна оказалась стальной. На ней были отметины от попадания предметами, пробившими жестянку прицепа. К счастью, ни одного сквозного отверстия не было.

— Вот, цивилизация все-таки напомнила о себе. — Егор постучал кулаком по ванне.

— Лучше бы это была фура со сгущенкой. — Посетовал Матвей.

— Или пивом. Это, поверь мне, намного веселее, чем сгущенка.

Егор разрубил топориком крышку с колеса, одел ее себе на плечи, как хомут на лошадь, взялся за ванну спереди, Матвей сзади и пошли домой. В ванной лежали китайские краны и пластмассовые трубки.

До дождя они не успели вернуться. Пришлось спрятаться под перевернутой ванной. Железо гулко передавало удары градин.

— Как черепахи в панцире. — Сравнил их положение Матвей.

— Точно.

Тамара была удивлена «добычей» своих мужчин и обрадована. Ей уже давно мечталось принять хоть какую-нибудь водную процедуру. Ванна была очень кстати.

— Я теперь и помыться смогу и постирать.

— А вы канаву-то расчистили?

— Да и немного отмыли после дождя. С водой теперь проще будет. Ведра нужны, чтобы воду носить. А еще лучше, вторую ванну принести, чтобы поставить ее под поток.

Егор теперь точно знал, что никакая вселенская катастрофа не отучит женщину желать чего-то за счет физических или умственных усилий мужчины. С какой легкостью Тамара говорит об этом, словно Егор обладатель волшебной палочки и ему стоит взмахнуть ею, как вторая ванная очутится здесь.

— Хорошо, мы с Матвеем сходим еще раз, может нарыбачим чего поинтереснее. — Сказал вслух Егор.

Эту ванну было решено установить под поток. Здесь и пригодился капот. Он прекрасно соединял неровную поверхность скалы с ванной. Тамара осталась довольна приспособлением, хотя и не смолчала по поводу низкой эстетической привлекательности.

Тамара накормила мужчин остатками крысиного бульона, и они снова отправились за «добычей». Чем больше ходил Егор по скалистым тропкам, тем быстрее у него получалось проделывать тот же самый путь. Ноги сами выбирали правильную опору. Связки привыкали к нагрузкам и становились крепче.

Егор вытащил вторую ванну. В отличие от первой, принявшей на себя часть удара камешками и прочими снарядами, разогнанными сильным ветром, вторая ванна была в идеальном состоянии. Егор задержался, чтобы разведать содержимое фуры тщательнее. Он проверил, что находилось слева и справа от стопки ванн. Слева, под слоем грязи, лежали какие-то мягкие тюки, справа, на ощупь, железки похожие на радиаторы отопительной системы. Егор попробовал их потянуть, но они не подались. Видимо, они сцепились от удара или их зажало. Егор потянул за мягкий тюк, то подался. Мужчина вынырнул с ним. Прополоскал его в воде от грязи и разглядел. Смотанные веревкой и завернутые в бумагу, тюками оказались стопки спецодежды. Сквозь грязь проступала надпись «Сантехмонтаж». Эта находка была весьма и весьма, кстати. Тоненькие одежды, в которые была одета семья Горбуновых, уже сносились. Они не могли даже переодеться, потому что второго комплекта белья не существовало.

— А вот и обновки модные. Катюхе рукава замотаем, будет ходить да радоваться.

Егор поднял на поверхность все тюки с одеждой. Они были мокрыми и тяжелыми, поэтому взяли только два, в которых было восемь курток и восемь штанов. Остальные оставили сушиться на берегу. Еще, Егор поднял несколько всевозможных пластмассовых трубок, сгонов, сифонов и прочего, чему он не придумал применения в настоящих условиях.

Но все равно какая-то хозяйственная часть его натуры сложила их в ванну и понесла в сторону дома.

Последующие дни семьи Горбуновых можно было считать, попыткой приспособиться к новым условиям существования с максимальной отдачей. Как-то сами собой разошлись обязанности в семье и стали напоминать уклад первобытных общин. Мужчины — добытчики, рискующие собой ежедневно, ради того, чтобы семья не нуждалась, и женщины — хранительницы семейного очага. Спустя две недели с момента как открылась пещера, Егор и не вспоминал о том, что когда-то сам готовил еду. Тамара, по умолчанию, отобрала эти обязанности. Она потихоньку обустроивала быт пещеры из тех предметов, что приносили мужчины.

Теперь у них была нормальная ванна с ширмой, принесенной из фуры. Вода в ванной подогревалась крышками, и ее принятие было самой ностальгически комфортной вещью. Егор нашел в фуре и принес жене целую канистру какого-то жидкого стирального порошка. Теперь одежда у всей семьи была чистой и приятно пахла. Тамара заставила мужчин принести водонагреватель, разобрать его, чтобы выбросить все ненужное и попросила сделать из него умывальник с краном. Она строго следила за тем, чтобы каждое утро дети не отлынивали от гигиенических процедур. Катя была у матери на побегушках. Забот хватало и ей.

Егор с сыном периодически уходили за дровами. Тогда они отсутствовали почти двое суток. Возвращались они под конец вторых, груженные вязанками дров. В промежутках, когда нужды в дровах особой не было, они ходили в тоннели охотиться на крыс. Егор нашел способ разломать машину, при помощи железок найденных в фуре. Он поставил машину на «ребро» и осторожно снял с нее бензобак. Из картера собрал остатки масла, и смешал их в небольшой емкости пополам с бензином. Получилась медленногорящая жидкость. В корпус старого советского железного фонарика Егор вставил фитиль, залил этой жидкости и зажал фитиль. Получилась лампа, которую зажигали перед сном в пещере.

Матвей не отставал, а в чем-то и превосходил отца. Не затуманенный жизненными ограничениями молодой разум, был больше склонен к нестандартным ходам и смекалке. Когда Егор вынул из машины сильно пострадавшие сиденья, прорванные арматурой и оцетинившиеся пружинами, он не придумал, куда их можно приспособить, и отложил в сторону. Матвей долго ходил возле них и в один прекрасный день смастерил из пружины, куска резины и прочих железок рабочий вариант мышеловки. Ее проверили на крысах. Мышеловка работала и вместе с отцом, они сделали еще несколько таких ловушек.

Лексикон, который сформировался в социальной сфере человечества, не совсем подходил к новым условиям. Такое понятие как «будни» и «выходные» теперь не имело смысла. С одной стороны все дни были как будто будними. Какая-нибудь работа всегда находилась, но с другой стороны Егор ловил себя на мысли, что ощущает себя, как отпускник. То, чем приходилось ему заниматься изо дня в день, не приносило ему усталости и раздражения. Напротив, он тянулся к работе, планировал и ждал ее, как человек, долго ждавший выходные, чтобы заняться любимым делом.

Лодка шла в надводном положении. Свободная часть команды высыпала наружу, чтобы лично убедиться в торчащих из воды скалах. Под низким небом, при сумеречном освещении

из-под воды торчала гряда гор. Еще недавно они были скрыты под водой, а теперь возвышались на полкилометра в небо. Осознание этого факта делало зрелище грандиозным и мрачно-печальным одновременно. Именно печаль владела командой «Пересвета» большую часть времени. И любое отличие нового мира от прежнего в первую очередь вызывало печаль. Как от чего-то потерянного навеки, что было важным когда-то.

Субмарина двигалась к северным широтам. Становилось прохладнее. Стали появляться первые айсберги. В прежние времена они здесь не плавали. Скорее всего их принесло цунами. «Пересвет» обогнул Англию и вошел в Норвежское море. Океаническое дно поменялось разительно. Огромные участки суши, выдавались глубоко в воду. Приходилось лавировать между ними, чтобы не засадить лодку на мель. Шла вторая неделя, как закончилась катастрофа. За это время с космической станцией связывалась американская подводная лодка, астрономы из Южной Америки, метеослужба со Шпицбергена, базы из Антарктиды. Разумеется, что выживших должно быть больше. Но возможности связаться с ними не было. Космическая станция вещала на волнах разной длины, чтобы люди, имеющие приемники, могли услышать их.

Общая картина событий из разных источников складывалась такая: суша была затоплена полностью, за исключением гор. Ветер был такой силы, что против него не смогли выстоять самые крепкие здания. Соленая вода, смешиваемая с почвой, органикой животного и растительного происхождения, перетертыми в труху продуктами человеческой цивилизации, приобрела почти черный цвет. Астрономы из Чили спаслись в пещере. Когда закончился ураган и они вышли наружу, то подумали, что перенеслись на другую планету. Все стало другим.

Чем яснее становились последствия катастрофы, тем отчетливее приходило понимание, что родные, оставшиеся дома, погибли. Но все равно, каждого тянуло вернуться домой, чтобы лично убедиться в этом. Хрупкая надежда на то, что именно его родным удалось как-то избежать смерти, была у каждого. Даже Виктор Терехин, считал, что его семья придумала, как избежать смерти. Он не мог и не хотел представить себя без своих дочек и жены. Это было слишком несправедливо. До катастрофы у него были планы уволиться, как подойдет срок и заняться воспитанием дочерей. Водить их на секции после школы, готовить завтраки по утрам, ездить летом на отдых. Капитан просто не мог допустить того, что этим планам не суждено сбыться.

На входе в Норвежское море случилось наблюдать интересную картину. Выступившая отмель встала буквально на пути субмарины. Пока искали путь, как обойти ее, Терехин выбрался на палубу, чтобы визуально оценить масштабы препятствия. Он был крайне удивлен, когда перед ним открылся вид, крайне похожий на пустыню. Огромные барханы белого песка, перемежавшиеся озерцами между ними, простирались до самого горизонта.

Это было настолько удивительно видеть в северных широтах, что Терехин позвал офицеров, чтобы разделить с ними свое удивление.

— А мы точно не к Африке приплыли? Не удивлюсь, если магнитные полюса земли поменялись, как и предсказывали, и мы плывем совсем не в ту сторону? — Гренц шутил, но то, что они видели перед собой, было сильно похоже на африканскую пустыню.

— Я считаю, что песок намело после того, как смыло всю воду. — Предположил Бурега. — Смотрите, какая высота у этих барханов.

Барханы на самом деле выглядели эпически. Вершины большинства из них запросто

достигали сотни метров.

— Надо занести на карту эту аномалию. — Предложил Татарчук.

Лодка обогнула «Сахару». Северная Атлантика сильно потеряла в глубине. Чтобы попасть в Норвежское море пришлось тщательно планировать маршрут. Все глубины, которые были меньше четырехсот метров, считались сушей. Крадучись, на самом тихом ходу, «Пересвет» прошелся вдоль побережья Исландии. Выступившие из воды скалы и открытые участки дна, вызывали некоторое неприятие у команды. Не верилось, что так сильно можно было изменить привычный пейзаж.

Подлодка зашла в район предположительного нахождения российской дизельной субмарины. Радио без перерыва передавало сигнал на военной частоте, акустики пытались уловить мельчайшие намеки на работу дизельного двигателя. Пять дней «Пересвет» бороздил квадрат и все безрезультатно.

— Всё! — Командир подлодки рубанул воздух. — Считаю, что поиски нашей подлодки надо прекратить.

Команда молча согласилась с командиром. Убедительным доводом для этого стали два корпуса небольших судов, обнаруженные на отмелях. Один корабль был наполовину засыпан песком. Но по той части, что торчала из песка, хватило понять, что кораблю досталось от стихии неслабо. Второй корабль был расплюснут о скалы. Возможно, когда уровень воды был еще достаточно высок, судно разогнало ветром и впечатало в камни. Сейчас он находился над водой метрах в ста от поверхности. Корпус судна был изрешечен, как машина с гангстерами.

«Пересвет» направился к берегам Норвегии. Согласно плану, озвученному Татарчуком, они собирались вдоль норвежского побережья зайти в Баренцево море, чтобы затем взять курс на Мурманск. Кружалин Игорь убедил их, что в северных широтах стихия была слабее, подарив надежду, на то, что северный город останется более менее цел.

На палубе лодки всегда находился вахтенный матрос. Его задача состояла в том, чтобы визуально оценивать препятствия перед лодкой. Ими могли оказаться, как неожиданные отмели, так и погибшие суда, которые локатор мог заметить в самый последний момент. Подлодка шла прямо к фьорду. Он еще не показался, до него было около двадцати миль.

Матрос Перелыгин кутался в черную шинель на холодном ветру. Шинель передавалась от вахтенного к вахтенному. Она была на пару размеров больше чем надо, и хлипкий матрос походил в ней на пугало. Время зимней формы одежды еще не подошло, поэтому пришлось снять ее с вешалки корабельного музея. В этой шинели в Великую Отечественную воевали офицеры-подводники. Но их слава грела душу, но не тело матроса Перелыгина.

Матрос кутался в шинель с головой, оставляя открытым один глаз, между расстегнутыми пуговицами. В таком состоянии переносить трудности солдатской службы было гораздо легче. Возможно, поэтому он не сразу заметил изменения, происходящие вокруг. Вода вокруг стал еще темнее, и самое удивительное, что она стала гуще. Вода скорее всего походила на обычную грязь, какая появляется в подсыхающей луже.

Перелыгину нужно было время, чтобы понять, дальнейшее движение вперед может привести к необратимым последствиям. Вода вязко вздымалась перед носом подлодки, оставляя грязные разводья на бортах. Тут до матроса дошло и он со всех ног кинулся к шлюзу.

— Эй, вахтенный, передай в рубку, что мы попали в грязюку. Пусть сдают назад!

Терехин находился на вахте, когда ему передали сообщение от наружного вахтенного матроса. Он быстро сопоставил возросшую несколько минут назад потребность двигателя в сохранении скорости и приказ делать разворот в обратном направлении.

Его самого очень заинтересовала эта аномалия, и он решил выбраться наружу. Матрос приплясывал под порывами ветра. Лодка, начавшая разворот зачерпнула носом густую жидкость. Виктору стало абсолютно ясно, что ни о каком заходе во фьорд не может быть и речи. Эта мысль добавила негатива мыслям о доме, что в Мурманске будут немногим лучше, чем здесь.

Терехин услышал возглас испуганного матроса. Перельгин забирался по ступенькам на отлив.

— Товарищ капитан второго ранга, а мы что, на глубину уходим? — Спросил матрос.

— С чего ты взял, Перельгин? Я не отдавал такого приказа.

— А чего тогда лодка погружается?

— В смысле? — Не понял Терехин.

— Да мы уже наполовину погрузились, от прежнего.

Терехин присмотрелся и понял, что лодка на самом деле находится глубже, чем нужно.

— Давно заметил?

— Нет, недавно. Мне кажется, как поворачивать начали.

Действительно, лодка погружалась. Каждая волна перекрывала предыдущую, размазывая по корпусу грязные отметины.

— Бегом в лодку! — Приказал Терехин матросу. Как только тот застучал ботинками по ступеням шлюза, Терехин нырнул следом и заdraил за собой люк.

— Воздух в балласты на полную и максимальный ход вперед! — Приказал он с «порога».

Его приказ не вызвал удивления. Необычную ситуацию заметили и остальные.

— Что там? — Спросил Бурега. — Мы как в киселе плывем.

— Там грязь, жижа болотная. Подъемной силы нет, вот и тянет ко дну. — Объяснил Терехин. — Уходить надо, подальше от берега.

— Откуда она, с суши?

— Откуда же еще. Оттуда. Воде же надо возвращаться назад, в океаны.

— Выходит, скоро снова все вернется к прежнему. — Предположил кто-то из вахтенных.

— Выходит.

Назревала новая экспедиция. Те дрова, которые обнаружил Егор, закончились и теперь требовалось искать новые «залежи». Вместе с сыном они обошли ту гору, на которой Егор нашел живые деревья. Дальше с горы дороги посуху не было. Это значило, что искать топливо придется, переплывая по воде. Черная вода пугала всех, но другого выхода Егор не видел.

Решено было отправиться к двойной вершине, возвышавшейся из воды на расстоянии пяти километров, на надувном матрасе. Из пустых пластиковых бутылок, коих в пещере было множество, сделали для себя спасательные жилеты. Из кусков пластикового водопровода смастерили весла, бросили в матрас весь минимальный набор, состоящий из топорика, троса и клиньев. Из еды взяли четыре вяленых крысиных тушки.

В путь отправились с вечера, после вечерней грозы, чтобы иметь возможность, за оставшееся до следующей грозы время, преодолеть водный путь. Плотнo поужинав, матрас спустили на воду и отчалили от берега. Не все пошло гладко. Ни Егор, ни сын не имели навыков управления лодкой. Поначалу их крутило и вертелo у берега, под насмешливые взгляды провожающих их женщин.

Кое-как, под команду Егора, у них получилось заставить лодку двигаться в одном направлении. Для отца с сыном стало открытием, как много усилий требуется для управления лодкой. Через полчаса они выдохлись и взяли небольшой перерыв. От берега они удалились едва на сто метров. Тамара махала им с берега.

— Устали! — Крикнул ей Егор. — К следующему году вернемся!

Немного отдохнув, они двинулись дальше. Было решено не выкладываться изo всех сил. Егор решил, что небольшое, но продолжительное усилие поможет им скорее достичь цели. В итоге, перед наступлением темноты, они были примерно на середине расстояния между их горой и двойной вершиной.

— Как будем держать направление в темноте? — Поинтересовался Матвей.

Было уже так темно, что не было видно ни той, ни другой горы. Только черная вода вокруг и тишина. Егор огляделся по сторонам. Ни звезд, ни прочих ориентиров не было, только интуиция.

— Без понятия. В темноте можно и развернуться назад, не заметить. Давай, пока мы точно знаем, что плыли правильно, погребем еще под счет, а потом бросим весла и поспим. Куда мы денемся из этого водоема.

Так и сделали. В течении часа они не напрягаясь, стараясь прикладывать равное усилие на весла, гребли. Затем Егор вынул весло из воды, обстучал его о борт и положил на дно матраса.

— Баста! Сушите весла, сэр. — Сказал он.

Матвей сделал то же самое. Без всплеска весел о воду установилась невероятная тишина. Было слышно, как в ушах шумит кровь.

— Интересно, какая под нами глубина? — Спросил сын.

— В центре, метров пятьсот наверно. — Предположил отец.

— Глубоко.

Матвей представил пятьсот метров черной бездны, и ему стало не по себе. Его передернуло.

— Давай спать. — Предложил он отцу, потому что ему захотелось, чтобы быстрее наступил день.

— Давай. Спать, так спать. Если в туалет среди ночи захочешь, будь осторожнее, не свались за борт.

— Ладно, не переживай.

В плотных робах, предназначенных некому «сантехмонтажу» было тепло. Матвей быстро нашел удобную позу и сразу уснул. Егора некоторое время одолевали мысли о будущем, но и он не смог долго сопротивляться сну.

Непонятная тревога заставила Егора открыть глаза. Светало. Над водой повисла легкая дымка. Он огляделся по сторонам. Ничего подозрительного, кроме..., точно, кроме шума. Монотонный шум, похожий на шум водопада. Егор сунул весло в воду. Перед лопастью взбугрилась вода. Их несло течением. Куда могло нести их утлое суденышко, только к тому месту, где вода уходила из долины.

— Матвей, проснись!

Отец потрепал сына за одежду. К его чести сын проснулся сразу. Он вытаращился во все глаза и завертел головой.

— Нас несет течением, к водопаду. Грести надо в обратную сторону!

Отец схватил весло и принялся интенсивно грести, чтобы развернуть нос «лодки». Так им должно быть привычнее управлять. Матвей сел на колени и тоже присоединился к работе. Время от времени приходилось при помощи весла определять направление течения, чтобы плыть в обратную сторону. Тем не менее, шум водопада нарастал. В воде стали появляться буруны, свидетельствующие об интенсивном движении воды.

Егор не чувствовал усталости, он греб с такой силой, что казалось весло может не выдержать. Он ругал себя за легкомыслие, но изменить что-то был уже не в силах. Егор был почти уверен, что течение мощнее их усилий и непременно затянет в свою бурлящую пучину.

— Пап, смотри! — Крикнул сын.

Егор посмотрел в ту сторону, куда указывала рука Матвея. Сквозь редящую дымку он увидел берег, примерно в сотне метров от них.

— Туда! — Крикнул Егор и развернул нос лодки.

Организм, подстегиваемый страхом и желанием выжить, работал на двести процентов. Как единый механизм, отец и сын погружали весла в воду и отталкивались от нее. Движение к берегу происходило под углом, из-за того, что лодку сносило течением. Водопад и берег приближались с одинаковой скоростью. Вода здесь уже не была спокойной. Она крутилась водоворотами, дрожала выходящими из-под воды обратными течениями.

Егор не смотрел назад. Он не хотел даже думать о страшном исходе их путешествия. Он греб веслом, как неистовый. Если бы ему сейчас в руки кто-нибудь сунул весло большего размером раза в три, Егор не заметил бы разницы, и работал бы им с такой же интенсивностью.

До разрешения ситуации оставались секунды. Шум водопада давил на уши, но и берег был маняще близок. Вдруг их матрас крутануло. Сердце остановилось у отца. Он уже решил, что их захватил водопад. К огромному облегчению обоих, это не водопад захватил их, а просто они из интенсивного течения перескочили в тихую воду, у самого берега. Небольшая бухточка, образованная косым берегом, создала небольшую зону покоя.

Отец с сыном подгребли к берегу. Егор соскочил и вытащил нос матраца на берег. Ему все еще не верилось, что они спаслись. Матвей тоже выбрался на скалу. Ноги и руки тряслись, но на душе был праздник. Они вырвались из лап смерти.

— Ни хрена себе, сплавали за дровами. — Егор утер пот со лба.

— Кто ж знал? Вода с виду такая спокойная.

Отец с сыном просидели на берегу минут пятнадцать, восстанавливая дыхание. Егор задрал голову и посмотрел в сторону вершины.

— Кажется, мы добрались до цели. Вон, видишь... — Егор показал в сторону далекой горы, еще не совсем заметной из-за легкого тумана, — это наша гора. Значит, эта гора, та самая двойная вершина.

Матвей привстал на непослушные ноги. Звук водопада заглушал речь отца, но он понял, о чем речь. Выходит, только с виду водоем спокойный. Течения в нем все-таки есть. На лоб Матвею присела мошка. Он рефлекторно стукнул ладонью себя по лбу.

— Постой, зачем ты стукнул себя по лбу? — Спросил удивленный отец.

— Да, мошка какая-то села.

— Да ты что! — Егор расцвел, как будто сын сообщил ему благую весть. — Я же не видел ни одной мошки у нас. Значит, они выжили?

Матвей не разделил радости отца. Вскоре мошек стало больше. Они настойчиво пытались залезть в глаза и нос.

— Лучше бы их не было. — Признался Матвей.

— Да ладно тебе, они такие родные.

Матрас спустили и убрали в рюкзак. В руках остались только весла, которые можно было использовать, как дополнительную опору. Под настойчивое жужжание мошкары, отец с сыном двинулись изучать новую территорию. Как и везде, все, что можно было сорвать и унести ураганом, здесь было сорвано и унесено. Под ногами ничего не шаталось и не осыпалось, только твердая скальная поверхность.

Научившись немного разбираться в ландшафте, Егор смело шел вперед. Дымка над водоемом растаяла и теперь их гора была видна намного четче. Егор почти чувствовал, как оттуда на них смотрит Тамара, желая разглядеть своих мужчин и успокоиться. Да, телефонов здорово не хватало.

— Как думаешь, лучше через вершину пройти, или обойти вокруг? — Поинтересовался Егор у сына.

— Настоящие герои всегда идут в обход. — Ответил Матвей расхожей фразой.

— Я тоже так хотел сделать вначале, но смотри, какая она пологая. — Отец показал на вершину. — Проще подняться, и разглядеть сверху.

— Давай, через вершину. — Согласился сын. Но не мешало бы подкрепиться, перед подъемом.

— Лады.

Они позавтракали вяленным мясом крыс, примерно с таким же видом, как совсем недавно завтракали омлетом или геркулесовой кашей. Завтрак запили водой.

— В путь? — Егор встал и встряхнулся, выгоняя из тела лень.

— В путь.

Мошкара не отставала, сопровождая их подъем.

— Интересно, что они едят? — Спросил Матвей у отца. — Кругом ведь никакой органики?

— Не знаю, сейчас вода, как бульон, сколько всего в ней намешано, может быть, ее пьют?

— Бе! — Матвей сделал жест, как будто его тошнит. — Мошкара просто обрадовалась живым существам, как и мы ей.

— Кто знает? Может быть, теперь нам вместе обживать землю придется?

— Да, нет, крысы остались, жуки всякие, мыши летучие.

— И Горбуновы.

— Как Ной с семьей в свое время. Тебе, кстати, не являлся голос бога. Почему ты вдруг решил поехать в пещеру именно в этот день? — Матвей пристально посмотрел на отца.

— Нет, голосов не было никаких. Хотел вас свозить, показать, где мы с мамой познакомились, ну, и красоту нашей природы показать. Вы же с сестрой кроме телефонов и компьютеров ничего и видеть не хотели.

— Удивительно, что тебе захотелось именно в этот день? Хотя, может и совпадение?

— Скорее всего. Удачное стечение обстоятельств. Случай.

— Случай — синоним бога. У меня статус такой был.

— По какому случаю?

— Ну, это, когда познакомился с одной девчонкой, как будто бы случайно, нашел это выражение и поставил себе в статус.

— С Юлей?

— Черт! Откуда ты знаешь?

— Мама сказала.

— А она-то, откуда узнала?

— Сам иногда удивляюсь, но мамы знают всё.

Матвей вздохнул. Наверно, освежились воспоминания о своей зазнобе. Часть пути отец с сыном прошли молча. Когда на небе снова началось движение, они нашли небольшой выступ и спрятались под него.

— И часы не надо, все по минутам. Когда же этот дождь небо-то промоет? — Егор выглянул из-под выступа.

В небе громыхнуло, и Егор снова спрятался. Пелена дождя закрыла весь обзор.

— А ты заметил, что перед дождем мошкара куда-то подевалась? — Спросил Матвей отца.

— Честно признаться, я заметил, что их нет, только после того, как ты спросил. Чуют, черти, когда дождь начнется.

Как только дождь прекратился, Егор с сыном продолжили подъем. До вершины оставалось совсем немного. Через час они стояли на ней и разглядывали окрестности. Дальше на восток и северо-восток были видны еще две горы. Справа, под ними бурлил водопад, который чуть не убил их. Слева, находилась вторая вершина двойной горы, соединявшаяся с той, на которой они стояли, плоским хребтом. Если они не обнаружат ничего полезного на этой горе, придется по хребту перебираться на соседнюю. Вид сверху не внушал оптимизма. Гладкий, блестящий камень до самой воды.

— Но мошки откуда-то берутся? — Егор рассчитывал увидеть сверху какую-нибудь, нетронутую ветром, экосистему.

Его внимание задержалось на хребте. Он стоял как парус, «натянутый» между двумя горами, прямо поперек направления ветра. За его ровной плоской стеной вполне могла образоваться зона, где ветер почти не ощущался.

— Нам туда. — Егор махнул рукой в сторону хребта.

Спускаться к подножию необходимости не было. Хребет, похожий на перепонку на лягушачьей лапе, начинался от середины горы. Сейчас им была видна наветренная сторона. Под основанием ее ничего необычного не было заметно, хотя она была препятствием всему, что нес в себе ветер. Егор решил, что все, что отразил хребет, опустилось на дно. Да и вряд ли, что пережило такое столкновение, могло годиться в дело. Гораздо интереснее было то, что находилось за хребтом.

Они обошли гору, чтобы разглядеть подветренную сторону «перепонки». Они увидели то, к чему совсем не были готовы. Отец с сыном испытали примерно такой же шок, как герои Конан Дойла попавшие в затерянный мир. За хребтом находилось совершенно ровное пространство, издали, казавшееся, совсем нетронутым стихией. Оно было ниже верхнего уровня метров на сто пятьдесят и не доставало до воды еще метров двадцать. По площади оно было метров пятьсот в ширину, как раз от горы до горы, и метров на сто выдавалось в сторону водоема. И все пространство было зеленым от деревьев. Человеческий глаз, уже

отвыкший от любых ярких цветов, воспринял зелень, как какой-то неземной, фантастический колор, привнесенный искусственно.

— Затерянный мир! — Довольно произнес отец. — Большое плавание стоило тех опасностей, которые мы с тобой пережили.

— Пошли?

— Пошли.

Еще метров за двести они слышали шум. Приближаясь, они с удивлением поняли, что шумом является кваканье лягушек. Егор вспомнил, как в детстве, отдыхая на каникулах у бабушки, которая жила возле старицы, он каждый вечер слышал эту лягушачью песню.

— Не все потеряно, Матвей. Как видишь и лягушки смогли выжить.

Матвей согласно кивнул головой. Он не мог понять. Почему мошара садится только на него. Отец как будто ее не замечал. Последние метры горы сменились ровной поверхностью «затерянного мира». Сверху она казалась нетронутой, но на самом деле почти вся ее поверхность была затянута густой грязью. Первая вода сошла с нее, и теперь жидкое состояние поддерживалось регулярными дождями. Из-под ног, в разные стороны, прыгнули лягушки. Матвей от неожиданности чуть не сел в грязь. Отец присел и резко накрыл ладонью маленького лягушонка. Он перехватил его за лапу и поднес к лицу, прокручивая перед собой.

— Отлично, с собой мы наберем лягушек. Когда они размножатся, мы тоже будем их есть.

— Прямо, как французы?

— Как французы, царствие им небесное.

Егор дотянулся до веток ближайшего дерева. Это был ясень. Листья его были словно обгрызены. Видимо, стихия роняла сверху на них все что ни попадая. На листьях лежал песочный налет, след от грязных дождей. Егор сорвал один листок, смял его и растер пальцами, поднес к носу и глубоко вдохнул его запах.

— Аааааа. — Блаженно произнес он. — Прошлым пахнет. Понюхай?

Матвей взял в руки измятый лист и понюхал. У него сразу возникли ассоциации с летними каникулами, когда он с товарищами лазал по деревьям. Он подумал об этом как о виденном когда-то сне. Настолько сейчас прошлое воспринималось неправдоподобно.

— Куда пойдем? — Спросил Матвей отца.

— Облазим весь лес. Здесь должно быть полно обломанных веток, да и с неба многое могло упасть. Слышал про газовую эжекцию?

— Не помню, нет не слышал. — Признался сын.

— Смотри. — Егор поднял руку вверх. — Сильный ветер дул поперек этого хребта, и сразу за хребтом создавалась область низкого давления, где было относительно спокойно. Тут тоже был кошмар, я думаю, что в воздухе висел такой плотный грязе-воядной туман, но никого не сдувало ветром. Поэтому лягушки и мошара эта... — Егор хлопнул себя по щеке, — здесь и выжили. Птицы бы тоже могли выжить, но они приучены при первой опасности взлетать в воздух.

— Познавательное. — Как-то иронично заключил Матвей. — Когда поспеют семена на деревьях, надо будет завезти их на свою гору и попытаться вырастить.

— Правильно мыслишь. А может быть, мы расчистим здесь себе место, поставим шалашик, и будем все лето жить, как на даче, а на зиму перебираться в пещеру.

— Пап, а зимой, когда замерзнет все, может, сходим в наш город?

Егора вопрос застал врасплох. Он ни разу не задумывался об этом. Действительно, зимой воду должно было заковать морозом в лед. Лучше дороги для путешествия и не придумать.

— Не знаю, как насчет нашего города, но до ближайшего поселения добраться можно попробовать.

Нестройный хор тысяч лягушачьих глоток заглушал разговор. Но после месячного безмолвия лягушачий гомон казался одним из самых прекрасных звуков на земле.

— Вдруг здесь есть расщелины. — Сказал Егор, прощупывая опору вокруг ног. — Давай свяжемся тросом, и будет держаться друг от друга метрах в трех.

Так и сделали. Егор пошел первым, держа в руках весло и прощупывая им дно. Сын озирался по сторонам, любясь низкорослыми потрепанными деревьями, но, тем не менее, такими прекрасными. Лягушки, потревоженные людьми, прыгали в стороны и скрывались в грязи, оставляя на поверхности часть мордочки с глазами.

— Скоро это болото зацветет. Чувешь, запах уже появляется?

Матвей втянул воздух.

— Чую. Деревья не погибнут?

— Не знаю, будет жалко, если погибнут. В следующий раз, приедем сюда и наберем саженцев. Начнем озеленять нашу гору, чтобы внукам было, где играть.

— Откуда они возьмутся? — Удивился Матвей.

— Точно. Я как-то об этом не подумал.

— А ты правда считаешь, что кроме нас никто не спасся? Неужели из миллионов людей только нам повезло. Сколько людей находилось на отдыхе в горах? Ведь кто-то так же как и мы спрятался в пещере?

— Хотелось бы в это верить. Как говорится, надейся на лучшее, но готовься к худшему. До зимы, я думаю, вода сильно спадет, между горами можно будет свободнее ходить, тогда и попробуем найти кого-нибудь.

Егор разговаривал с сыном, полуобернувшись назад, и совсем забыл про то, что надо проверять перед собой дно. Отец оступился и со всего маху упал в грязь. Испуганные лягушки гурьбой прыгнули в стороны. Матвей потянул за веревку изо всей мочи.

Егор поднялся на ноги. По лицу и телу стекала густая грязь.

— Заболтался я с тобой. — Оправдался он, размазывая по лицу грязь. — Плесни мне немного воды на руки.

Егор подошел и налил в подставленные ладони отцу питьевой воды. Егор размазал по лицу грязь и еще раз подставил ладони. Со второй попытки лицо немного отмылось.

— Споткнулся об ветку наверно? — Предположил он.

Егор пошарил руками в том месте, где налетел на препятствие. Он схватился за что-то и потянул. Грязь в этом месте вспучилась, никак не желая расставаться с находкой. Матвей засунул руки в грязь и тоже ухватился за предмет. Его усилия не пропали даром. Над грязью выступила часть предмета. Они еще поднатужились и вытянули предмет наружу. Это был мотоцикл. Погнутый, покореженный чоппер. Егор протер номер. Аббревиатура «DE» говорила о том, что мотоцикл принесло ветром из Германии. Грязь скрывала многие повреждения, но можно было догадаться, в каком состоянии находился аппарат.

— Как думаешь, можно с него снять что-нибудь? — С любопытством осматривая находку, спросил Егор, скорее у самого себя, чем у сына. — Мотор, генератор?

Задняя часть мотоцикла выглядела, как яйцеклад у тараканьей самки. Грязь на ней

собралась большим комом. Егор счистил ее руками. Под ней обнаружили два кожаных кофра, висящие по обе стороны заднего колеса.

— Посмотрим, что немецкий байкер брал с собой в дорогу. — Егор нащупал язычок замка и открыл кофр.

Он был полон грязи. Егор осторожно засунул руку прямо в нее и вытянул оттуда тяжелую коробку. Очищенная от грязи, коробка оказалась металлическим ящиком с инструментами. На крышке имелись следы ударов, и в паре мест ящик был пробит.

— Неплохо, этим можно будет раскрутить что-нибудь, тот же мотоцикл. Берем с собой.

Егор снова полез в кофр и вынул еще одну коробочку, раза в два меньше первой. Надпись на очищенной крышке была сделана на немецком. Для Егора этот язык был таким же понятным, как и китайская грамота. Егор тщательно ее очистил. Коробочка была пластиковой, и к удивлению визуально целой. Наверное, ящик с инструментами защитил ее от ударов.

Егор откинул защелки и открыл коробку. Как ни странно, но грязь практически не попала внутрь. На мягком поролоне, в прорезях, лежал аккуратно уложенный набор туриста, отлученного от электрических сетей. В центре, зарядное устройство, набирающее заряд при помощи солнечных батарей. По краям лежали устройства, которые оно питало: фонарь, со светодиодными лампочками, набор переходников к разным телефонам, миниатюрный аккумуляторный радиоприемник и еще небольшая прямоугольная штука, предназначение которой сразу было не разобрать.

— Это..., это сокровище! — Проговорил Егор с придыханием.

Он даже не стал прикасаться грязными руками к содержимому коробки, чтобы невзначай не испортить его. Осторожно закрыл его и убрал в рюкзак.

— Я теперь смогу телефон зарядить, и поиграть! — Догадался Матвей.

— Конечно, и свет теперь мы можем иметь не только от костра. Вот находка, так находка.

Больше ковыряния в этом кофре ничего не дали. Там остались только грязь и камни. Во втором кофре оказалась совершенно разбитая аптечка. Битые пузырьки, жгут, и перепачканные в грязи упаковки таблеток на немецком языке. Егор отобрал более менее целые упаковки и поместил их в рюкзак.

— Лекарства всегда пригодятся. — Заключил он.

Егор прощупал кофр снаружи, из-за того, что в грязи могли оказаться осколки стекла. Твердого там ничего не осталось.

— Ради этого стоило упасть лицом в грязь. — С чувством самоиронии произнес отец. — Думаю, что это местечко много чего скрывает под толщей грязи.

Больше с мотоцикла взять было нечего. Конечно, если разобрать его, то можно было найти какие-нибудь детали пригодные в домашнем хозяйстве, но времени на это не оставалось. Нужно было подробнее рассмотреть «затерянный мир» чтобы приезжать сюда как следует подготовившись. Отец с сыном двинулись дальше.

Глубина дна варьировалась в пределах одного метра. Где-то приходилось залезать в нее по пояс, а где-то, отмытое дождем дно выступало наружу. Дров здесь было в избытке. Если начать регулярно их запасать, то к зиме должен был собраться достаточный запас.

Приветов из прошлого, подобного мотоциклу, больше не встречалось. В основном, под ногами попадались камни, сбитые ветром с вершины хребта. Может быть, что-то и было здесь, но густая грязь надежно скрывала от человеческих глаз свои тайны.

В середине обширного уступа образовалось озерцо. На фоне окружающей его грязи оно выглядело светлее. Над ним держалось облако мошкеры, и Егор с сыном не решились приближаться к озерцу близко, из-за боязни, что это облако прицепиться за ними. Они обошли его метров за двадцать.

Матвей первым заметил, как затихли лягушки и стройными рядами направились к этому озеру.

— Чего это они? — Удивился он, наблюдая, как игнорируя их, мимо прыгают земноводные.

— Не к дождю ли это? — Догадался отец.

Как повелось по новому порядку, перед тем, как начаться грозе в небе происходило интенсивное движение облаков. Коричневые массы, похожие на грязную вату, двигались, мялись и рвались сильным ветром, дуновение которого почти не касалось поверхности земли. Егор подумал, что возможно там, в высоте стихия еще не закончила свою разрушительную деятельность.

Мужчины осмотрелись в поисках укрытия. Ветви деревьев не могли защитить их от града, к тому же стоять по колено в воде и под дождем совсем не хотелось. Егор пошел в сторону хребта, выискивая взглядом в плоской стене, хоть какую-нибудь впадинку, способную защитить их. Он нашел прикрытую кустами чахлой акации небольшую впадину в скале, на высоте двух метров от уровня грязи.

Егор подсадил сына, чтобы тот забрался в укрытие. Забросил ему рюкзаки и следом забрался сам. Гроыхнул гром и полил дождь. Отвесные струи не попадали в скромное убежище. Ощущался только холод, сопутствующий дождю. Начался град. Он ударял по и без того истрепанным листьям деревьев. Егор физически ощущал желание растений взять хоть небольшую передышку для того, чтобы восстановить силы.

Пользуясь бездействием, Егор достал из рюкзака набор для зарядки. Подключил радиоприемник к зарядному устройству. На шкале отобразилась графическая информация о состоянии заряда батареи. В ней еще оставалась половина заряда. Егор повернул колесико включения приемника и колесиком тюнера принялся сканировать эфир. Гроза создавала сильные помехи, перемежающиеся со звуками эфира. Как и следовало ожидать, передавать сигналы было некому.

Матвей взял из рук отца приемник и покрутил его. Он нашел переключатель длины волн. Выставил на среднюю позицию, видимо, означающую средние волны, и пробежался шкалой тюнера по всей длине волн. Ничего, кроме помех от грозы и завываний эфира. Переставил тюнер на крайнюю позицию, которая могла означать длинные волны. Результат был тем же.

Матвей, молча, протянул приемник отцу. Тот убрал приемник и зарядку на место.

— Маломощный приемник. Надо будет с вершины горы попробовать поймать. — Егор захотел успокоить сына.

— Да, ладно тебе, пап, что я, не понимаю что ли? Радиостанции питать надо электричеством. Те, кто выжили, скитаются так же, как и мы, ищут возможность не умереть с голоду. Им сейчас не до того, чтобы восстанавливать радиостанции.

— Может быть ты и прав, но не всех ураган застиг, как нас, на отдыхе. Военные были на боевом дежурстве, под землей, в укрепленных бункерах. Там автономность огого, месяцами можно жить. Вода схлынет, и можно выбираться наружу. У них и техника всякая есть и запасы. — Егору, больше хотелось верить в то, что он говорил, чем он считал на самом деле.

Неподалеку раздался глухой удар, и следом за ним мощный шум. Пелена дождя мешала подробно рассмотреть. Похоже было на то, что край уступа обвалился и потоки воды и грязи устремились с него. Отец с сыном замолчали, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Им было видно озерцо, которое устремилось в сторону края уступа. Вода уходила стремительно, обнажая скрытые под ней артефакты прошлого.

Из-под воды показался остов легкового автомобиля. Течение потянуло его за собой, но автомобиль уперся в невидимую преграду и замер. Вокруг него образовались грязные буруны. Дождь смыл грязь с кузова, обнажив красную краску под ней. Минут двадцать лил дождь, сверкали молнии. Наконец, дождь затих.

Прямо посередине утеса, напротив озерца, образовался провал. Грязь, взбитая градом, как тесто руками хлебопекаря, разжижилась и густым потоком стекала в водоем.

— Все, что не делается, делается к лучшему. — Заключил Егор, глядя, как падает уровень грязи. — Надоело по колено в грязи хлюпать.

— Пойдем, посмотрим, что в машине можно найти? — Заторопился Матвей, заинтересованный находкой.

Они спустились вниз и прошли к тому месту, где совсем недавно еще было озерцо.

— Я уже название этому месту придумал — Лягушачье озеро. — Сказал Матвей.

— Как первооткрыватели нового мира, имеем право присваивать свои названия местам, но я хотел назвать его — Дача Горбуновых.

— Ну, ты больше прав, озеро утекло.

На самом деле воды в озере осталось еще по пояс. Автомобиль был скрыт по самые дверки. Подойдя ближе, мужчины почувствовали неприятный трупный запах, доносящийся от автомобиля. Егор посоветовал сыну остаться, чтобы увиденное не травмировало слабую психику ребенка. Хотя, после всего, что ребенок видел и пережил, и не потерял рассудок, в крепости его психики можно было не сомневаться.

Егор подошел к машине вплотную. Нос прикрыл отворотом куртки. Через мокрую одежду тошнотворный запах почти не проходил. Вокруг машины кружилось облако мошкары. Салон автомобиля был заполнен грязью по уровень окон. Передок автомобиля был смят, крыша деформирована, но стойки почти не повреждены. Из грязи торчали четыре больших выпуклости. Егор вспомнил первый день, когда они приехали к Черной пещере и тот красный автомобиль с семьей, которая оказалась там перед ними.

Автомобиль действительно был похож. Тамара, что-то говорила про пролетевший красный автомобиль. Тогда они все списали на игру воображения, да и как можно было всерьез в это поверить тогда. Похоже, семье с собачкой не повезло. Егор зашел к машине со стороны водителя. Просунул в дурно пахнущую грязь руку, чтобы нащупать ключи. Тело водителя коснулось его руки и чуть не вызвало рвотный рефлекс. Егор боялся вдыхать воздух. Он ощупал рулевую колонку и наткнулся-таки на ключи. Вынул их из замка зажигания и, держа руку вытянутой, отбежал от машины и прополоскал ее в грязной жиже, желая отбить неприятную вонь.

— Помоги мне! — Егор позвал сына, чтобы тот помог открыть багажник.

Крышка багажника была слегка деформирована, но замок выдержал удар и не дал ей открыться. Ключ повернулся в замке, но крышку где-то зажало. Егор с сыном поднажали и открыли крышку. Багажник, как и следовало ожидать, был полон грязи. Но кроме грязи он был полон вещей, которые несчастная семья взяла с собой на пикник. Егор вытянул наружу термосумку.

— Даю палец на отсечение, что в ней кола или пиво. — Предположил отец.

Он отошел в сторону и расстегнул замок сумки. В ней действительно лежали пластиковые бутылки с минеральной водой и колой.

— Кола! — Матвей не смог скрыть чувств.

Он поднял бутылку над головой, словно победное знамя.

— А пива нет. — Вздохнул Егор.

В багажнике оказался мангал для шашлыка. В нем лежал мешок с углями, шампуры и жидкость для розжига.

— Все нужное, жаль увезти сразу все нельзя. — Егор отнес мангал со всем содержимым на сухое место.

В небольшом ведреке оказался маринованный шашлык, пахнувший почти так же, как трупы в салоне. Егор выбросил его подальше. Ближе к салону стояли несколько пакетов. В одном из них были упаковки с чипсами.

— Ух, ты, чипсы! — Обрадовался Матвей. — Можно мы одну пачку съедим по дороге.

— Чипсы — нездоровая пища, не разделяю твоей радости. Но по дороге съедим одну пачку. — Желудок отца отреагировал урчанием на пакетик с нездоровой едой.

— Клево! — Отреагировал сын.

В других пакетах были различные хозяйственные принадлежности для пикника. Одноразовая посуда, и полотенца, почти растворившиеся в грязи. Попались им так же и два надувных плавательных круга. Видимо, семья собиралась после посещения пещеры, отправиться на озеро или речку.

— Это для нас с тобой. Лучше, чем пластиковые бутылки. — Решил отец.

— А нам, что постоянно их надутыми на себе носить, или надувать, когда мы в воду свалимся? — Поинтересовался Егор.

— Ах да, бутылки в этом плане лучше. — До Егора дошло, что надетый заранее круг будет мешать, и выглядеть будет нелепо. — Тогда вам с Катюхой плавать сгодятся.

На дне Егор нашел чехол, в котором была упакована палатка, дуги и колышки к ней.

— Стоящая вещь, для путешествий. Берем.

Добрался он и до набора автомобилиста. В тряпочной сумке с замком-молнией, лежал огнетушитель, знак аварийной остановки, ленточный трос и аптечка.

— Аптечку берем с собой. Трос сгодится нам связывать дрова. Остальное пока отложим.

Под поликом Егор обнаружил запаску, ножной насос и домкрат. Пока возможности забрать все найденные вещи не было, он унес их к скале и поместил в ту выемку, в которой они прятались от дождя.

— Теперь надо собирать дрова. — Решил Егор.

Скоро должны были опуститься сумерки, а у них не было собрано ни одной вязанки. Из-за понизившегося уровня грязи, наружу выступило большое количество обломанных ветвей. Матвей стаскивал ветки на край, а отец ровнял их топориком, чтобы вязанки получались удобными. За час они собрали дров гораздо больше, чем могли унести за один раз.

— До ночи, мы сможем обернуться только один раз, но возить за пять километров по воде две вязанки непростительное расточительство наших сил. — Решил Егор. — Предлагаю набрать дров на три ходки. Одну отнести сегодня, завтра еще две и уже с таким запасом вернуться домой.

— А успеем до ночи доплыть, тем более с грузом?

— Отплывем через день.

— Мамка будет беспокоиться.

— А мы ей сигнал подадим. Даю голову на отсечение, что она по вечерам будет всматриваться в горизонт, не плывут ли ее мужики назад с добычей. Мы с тобой разожжем большой костер из резины, она увидит его и догадается, что это мы даем ей знак.

— Ну, давай. Только пачку чипсов одну съедим завтра?

— Договорились.

— И колу попьем?

— Идет. В конце концов, там кофеин есть.

Еще работы на полчаса и Егор удовлетворенно вытер со лба пот. По виду, дров должно было хватить на месяц. Он сделал две тугие вязанки из своего троса и того, что добыли в красном автомобиле. Егор разрубил покрышку запасного колеса пополам. Убрал ее в вязанку. Помог сыну закрепить вязанку на спине, Матвей помог отцу. Как разведчики перед выходом, мужчины проверили, как на них сидит снаряга. Удовлетворившись, они отправились в путь.

Вид с вершины горы на темнеющее небо впечатлял. Заходящее солнце с трудом пробивалось через толщу грязных облаков, заставляя последние светиться красным светом, как разогретая в огне железка. Красный отсвет облаков падал на черную водную поверхность, делая ее и без того мистическую репутацию еще более страшной и отталкивающей.

На половине спуска Егор остановился. Снял с вязанки покрышку, полил на нее жидкость для розжига и поджег. Густой огонь принялся пожирать резину, разгораясь все сильнее. Когда Егор убедился, что покрышка уже не затухнет, они продолжили путь.

К месту назначения добрались в полной темноте. Пятно костра ярко светило над головами, отражаясь в низких облаках.

— Надеюсь, мать правильно истолкует наш знак, и не бросится нам на помощь? — Егор посмотрел в сторону, где должна была находиться их гора.

— Она может. Очень переживает, когда мы уходим из дома.

— О! Матвей, смотри! — Отец указал рукой в сторону их дома. — Смотри, она нам тоже светит! Увидела! Интересно, что это значит?

— Я думаю, что она приняла наш сигнал, и как бы дает это понять. Она отвечает на нашу смску.

— Ладно, увидела наш огонь, уже хорошо. Давай спать. Разбужу с первыми лучами, или как это теперь называется. — Егор так и не придумал, как назвать теперешние утра, лишённые прямых солнечных лучей.

Он нашел удобное положение, закрыл глаза, и под назойливой приставание мошкары, заснул. Матвей не сразу последовал примеру отца. Ему, как растущему организму требовалось приличное количество калорий. Их недостаток организм восполнял сном, если калорий было недостаточно. Матвей дождался, когда отец уснет, открыл бутылку с колой. Сначала, насладился ее забытым запахом, затем сделал маленький глоток. Газированный напиток обжигаяще прокатился по горлу. Юноша сделал два больших глотка, громко отрыгнул, закрутил пробку и с довольной улыбкой улегся спать.

Отец, как и обещал, разбудил чуть свет. Утро было прохладным. На камни легла роса. Матвей, стуча зубами, стал собираться в дорогу. Отец достал из рюкзака завяленные крысиные тушки. Одну протянул сыну.

— Подкрепись.

Матвей взял ее в руки и откусил небольшой кусок. Мясо крыс стало настолько привычным, что давно уже не вызывало никакого неприятия. Отец открыл пакетик с чипсами и глубоко вдохнул их запах.

— Ааа. Божественно. — Сказал он с придыханием. Вынул горсть чипсов и отправил их себе в рот. Пакетик протянул сыну.

Матвей взял его и тоже набрал в ладонь чипсов. Аромат приправы ударил в нос, заставив отреагировать желудок урчанием. Матвей закинул в рот чипсы и зажевал ими крысиное мясо. Все кулинарные чудеса мира меркли перед его блюдом. Вкусовые рецепторы буквально дрожали в ощущениях вкуса.

Матвей вернул пакетик отцу. Так они его передали друг другу раза три и все чипсы закончились. Отец открыл бутылку колы, заметив, что она уже начата. Он ничего не сказал. Отпил и протянул сыну.

— Это был праздник живота. Награда за наши труды и смелость. — Высказался отец.

— Если бы мы знали, где находятся склады с едой, то могли бы устраивать себе регулярные праздники живота.

— Под толстым слоем грязи они, Матвей. Как в них попасть, я даже и не представляю. Зимой сгоняем куда-нибудь, может, повезет.

Егор с сыном закончили завтракать, поднялись и пошли на обратную сторону горы. Еще по вязанке дров они успели принести до первого дождя. Он застал их по возвращении, на самой вершине. Как они не спешили спуститься с нее до начала града, у них ничего не получилось. Пришлось вжиматься в камни, чтобы не отбило голову. Град не причинил им никакого вреда.

Когда дождь закончился, Егор спустился на выступ и набрал в бутылку немного грязной жижи, и забросил в нее головастика и мелких лягушат.

— На развод. — Пояснил он удивленно смотрящему на него сыну.

Зацепив остатки дров и добытых трофеев, они вернулись на место, откуда собирались отчаливать к дому.

— А может, осилим пять километров до темна? — Матвею не хотелось ждать еще половину дня и всю ночь.

Отец засомневался, раздираемый теми же мыслями.

— У нас же груз тяжелый. Не осилим с непривычки.

— А давай из палатки парус замастрячим. Помнишь, после обеда ветер всегда дует от двойной горы в сторону нашей. Немного поможет.

Это было на самом деле так. После обеда легкий ветерок всегда гнал волны от Черной пещеры, после обеда, наоборот, к ней. Егор задумался на минуту. Жизнь, как ему казалось, ничему его не учила. С таким трудом они выбрались из западни водоворота, как снова пытаются совершить ту же ошибку. Но внутренний голос был на стороне сына. И Егор поддался ему.

— Ладно, попробуем сделать парус, а еще подвяжем наши дрова к тем надувным кругам, чтобы лучше держались на поверхности.

Егор взялся за сооружение паруса из палатки и подходящих веток, а Матвею поручил надувать матрас и круги при помощи трофейного насоса. Дело шло споро. Вскоре на воде лежал плот из дров, скрепленный при помощи тросов. Посередине плота торчал парус. Егор заклинил его при помощи подходящих веток. Парус держался крепко. Мокрое дерево имело

плохую подъемную силу, поэтому подсунутые под плот два надувных круга пришились, как нельзя, кстати. Плот приподнялся над водой.

Часть трофеев побросали на дно матраца, а часть на плот. Матрац спустили на воду. Матвей первым разулся и забрался в него. Отец помог плоту сдвинуться от берега и следом запрыгнул в импровизированную лодку. Весла ударили по воде, и тандем отправился к пункту назначения.

Глава 3. Первый год.

Мир приспособливался к новой жизни. От микробов до глобальных воздушных течений, формирующих климат планеты. Микробы, в благоприятной для них влажной и питательной среде, принялись размножаться в геометрической прогрессии. Каждая лужа и водоем зацвели. Вода стала источать неприятный болотный запах. А на днях, Егор своими глазами видел, как над водой появился пузырь. Он был размером с их матрац, на котором они продолжали плавать за дровами. Пузырь, молча, надулся метрах в двадцати от лодки и, почти бесшумно, лопнул, наполнив воздух запахом сероводорода.

Где-то под водой микрофлора отчаянно размножалась на питательных остатках некогда живого мира. Водоемы грозили превратиться в смердящие болота, вблизи которых жизнь будет невозможна. Пока это был единичный случай и Егор не сильно беспокоился об опасности, но он знал, что в будущем им придется искать место более удаленное от таких водоемов. Существовало ли оно, Егор точно не знал.

Еще одной проблемой стал бурный рост водорослей. Еще пару недель назад, когда он с Матвеем первый раз отправились к двойной вершине, на обратном пути им попалась небольшая лента водорослей, зацепившаяся за их плот. Сейчас водоросли покрывали большие участки, и с собой приходилось брать самодельные мачете, изготовленные из разных сантехнических принадлежностей, чтобы обрубать запутавшиеся в водорослях дрова.

— Это не водоем, не озеро, это бульон, или крошка. Боюсь, что до зимы он станет не судоходным. Водоросли покроют всю поверхность, и мы просто не сможем по ней плавать. — Рассуждал Егор.

— И как же нам ездить за дровами? — Спрашивал Матвей.

— Ждать зиму, или придумывать какие-нибудь мокроступы из бутылок. У меня вообще-то есть идея, но для нее нужен велосипед. Хочу что-то такое, похожее на катамаран сделать.

Фуру с сантехникой им не удалось разобрать до конца. Она хранила еще не мало тайн, и Егор рассчитывал найти в ней что-нибудь необходимое для воплощения своего проекта.

Погода тоже приспособливалась к изменениям. Регулярный дождь с градом, который случался дважды в сутки, и который стал мерилем суток, давал сбои. Иногда не случалось первого дождя, иногда второго, но так, чтобы весь день без дождя такого еще не было ни разу. Егор связывал это с изменением движения воздушных масс. Целый месяц после катастрофы воздух был почти неподвижен. Природа словно компенсировала разрушительную мощь урагана. Но постепенно стали появляться ветра и регулярный дождевой цикл изменился.

Егор не мог определиться, небо на самом деле становилось светлее, или это глаза приспособились жить в условиях вечных сумерек. Возможно, дожди вымывали из

атмосферы песок, а ветер сильнее перемешивал нижние и верхние слои, делая их более однородными, и оттого более прозрачными. Иногда, по ночам, когда налетал внезапный ветер, в скалу, рядом с пещерой бились волны. Ветер свистел в неровностях скал, волны гулко сотрясали воздух. В такие ночи, Катюшка просыпалась и мелко дрожа, прижималась всем телом к матери.

По календарю, при котором жила человеческая цивилизация, наступила осень. Утра стали гораздо прохладнее. Лягушки, которых размножил Егор, уже не выводили свадебных песен, мошकारа стала пропадать, и все вокруг стало готовиться к зимнему замиранию. Особо заметно это было по деревьям, растущим на утесе двойной горы. Их листья подернулись желтизной, и небольшое их количество уже лежало у подножия деревьев.

Матвей забрался на скалу повыше. Он считал, что радиоприемник там сможет поймать хоть какую-нибудь волну, на которой выжившие люди смогут передать послание. Он рассчитывал на военных, у которых в руках была вся инфраструктура для выживания в экстремальных условиях.

Приемник ловил эфир. Иногда мальчику казалось, что он ухватывал обрывки фраз ускользнувшей волны, но сколько он ни пытался гонять кругляш тюнера туда и обратно, ничего, кроме завываний эфира не было слышно. Матвей грешил на слабую мощность приемника. Он уже собрался домой, когда сквозь свист эфира и треск помех раздался далекий голос. Мужской голос говорил на английском. Матвей замер и вслушался в слова. Он плохо воспринимал английский язык на слух, хотя и учил его в школе. Он захотел просто запомнить фразы, чтобы пересказать их отцу так, как он их услышал.

— Это экипаж международной космической станции. Нашу планету постигла глобальная катастрофа. Просим всех, кто выжил и имеет возможность передавать радиосигнал, выйти на связь с нами, для координации....., закрыта облачностью..... — Русская речь, последующая за английской, внезапно оборвалась.

Из динамика снова раздавались помехи. Матвей поднял над головой приемник и стал водить антенной по сторонам, словно это влияло на прием волн. Напрасно, эфир снова молчал. Матвей, рискуя разбиться, побежал вниз.

— Пап! Мам! Я слышал голос! Это с МКС! — Матвей поднес приемник, все еще издающий помехи, к отцу. — Экипаж МКС, они просили выйти на связь с ними, для координации, а потом звук пропал. Еще они успели сказать про то, что что-то закрыто облачностью.

Тамара и Егор переглянулись. Им хотелось верить, в то, что рассказал сын, но это могло быть и его бурной фантазией.

— Наверное, ушла за горизонт. — Егор посмотрел в небо, словно мог увидеть пролетевшую космическую станцию. — Телефон заряжен?

Матвей достал телефон, который использовал, как игровую приставку. Отец посмотрел время на нем.

— Так, как мне помнится, МКС совершает один оборот вокруг Земли за полтора часа. Можно попробовать снова поймать их передачу. Волну не трогал?

— Нет, не трогал. — Ответил Матвей.

— Тогда, выключай, не сажай батарейки. Через час снова включим, и будем ждать. Я думаю, что передачу они ведут непрерывно.

Нежный аромат крысиного бульона, приправленного для вкуса веточками дикой вишни

и угольками из костра, приманил всех к столу. Перед этим Егор разбирал кучу трофеев добытых из фуры с сантехниккой. Его не оставляла мысль собрать аппарат для перемещения по воде. Ничего подходящего, за исключением металлических труб и уголков, их которых можно было собрать раму, он не видел.

— Сколько осталось? — Спросил Егор сына, следящего за временем.

— Двадцать минут. — Матвей свернул игру, чтобы посмотреть время.

— Было бы просто замечательно, если бы эти парни сверху могли нам рассказать, где остались люди, и куда нам идти, чтобы с ними встретиться. — Сказала Тамара.

— Куда отсюда уйдешь-то? Только зимой, по льду. Представляешь сколько с собой надо нести припасов? Дров, к примеру, чтобы греться, я не говорю про еду. А как ориентироваться, если ни звезд, ни вообще ничего, кроме этих грязных облаков не видно. Будем ходить кругами.

— А что делать? Так и жить в этой пещере, до скончания века? — Спросила Тамара, расстроившаяся из-за ответа мужа.

— Ждать надо. Вода понемногу уходит, глядишь, скоро откроются дороги по горам. Следующим летом, можно будет попробовать уйти севернее, на двухнедельный переход. А зимой мы с Матвеем сходим до ближайших поселков, посмотрим, чем там можно поживиться? Матвей считает, что надо проверить железнодорожные станции. Тяжелые вагоны могло не так далеко унести ветром. А нам все равно, что в них будет, уголь, зерно, холодильники или детские игрушки. При нашей жизни любая вещь сгодится.

— Холодильники-то куда сгодятся? — Спросила Тамара.

— Ну, холодильник можно вместо шкафа использовать.

— Уж лучше игрушки. — Вставила реплику Катюшка. — Мне куклу Монстер Хай, если что надо, и газировки.

— Ладно, если повезет, мы вам принесем всего, что вы закажете. — Пообещал Егор. — Сколько еще?

— Пять минут. — Сообщил Матвей время.

Егор дохлебал остатки бульона. Налил в кружку чай из корней дикой вишни. Ароматный, с приятным вишневым привкусом, насыщенного коричневого цвета, но не сладкий.

— Все, пора. — Сообщил Матвей.

— Заводи шарманку.

Приемник зашипел пустым эфиром.

— Точно не трогал волну? — Переспросил отец.

— Не знаю, может быть немного и повернул, когда бежал вниз.

Отец взял в руки приемник и осторожно повернул кругляш тюнера вправо, а потом влево. Помехи сменили тональность, но речи не было слышно. Вся семья замерла в ожидании свидетельства того, что они не одиноки на Земле. Егор продолжал крутить настройки, опасаясь не успеть на короткий момент связи. Мусор в атмосфере, наверняка содержал металлическую пыль, экранирующую радиосигнал и пробивался только тогда, когда проходил прямо над головами обладателей радиоприемников.

— Сколько времени ты спускался с горы? — Поинтересовался отец у Матвея.

— Минут десять.

— Понятно. — Неопределенно ответил Егор.

Вдруг, тихим далеким голосом в треск помех стала пробиваться человеческая речь.

Разобрать ее было невозможно, но с каждой секундой она становилась все отчетливее. Вся семья замерла, словно боялась своим движением сбить волну.

— ... глобальная катастрофа, многие погибли, но мы принимаем сигналы от выживших по всей планете. Все, кто имеет возможность передать сигнал на этой частоте, свяжитесь с нами, международной космической станцией, для того, чтобы мы могли координировать вас. Позже, мы передадим координаты тех, кто вышел с нами на связь, для того, чтобы вы смогли найти друг друга и объединиться. Не поддавайтесь панике, проявляйте стойкость, вместе мы преодолеем трудности. — Речь сменилась на английскую.

Горбуновы, молча смотрели на приемник, который начал терять сигнал. Это была первая весточка от людей за более, чем полуторамесячное уединение. Егор не мог сказать, вдохновил его этот призыв или нет, но мурашки пробежали по коже, как в торжественный момент. Семья, судя по виду, прибывала в таком же состоянии. Даже Катя замерла и смотрела на приемник, как на выпрошенный у Деда Мороза подарок под елкой.

— Жаль, не сказали, где поблизости люди есть. — Посетовал Матвей.

— Да, по зиме можно было бы попробовать добраться до них, если бы знать, где искать. — Согласился отец. — Интересно посмотреть как там дела, на равнине? Я, наверное, займусь изготовлением катамарана, или что там у меня получится? Испытаю его, да попробую сплавить подальше.

— Не знаю, Егор, может дожждаться зимы, опасно ведь? — Забеспокоилась Тамара.

— Посмотрим, сначала надо сконструировать его, вот этими ручками. — Егор поднял обе руки, сомнительно разглядывая их. — Матвей, поможешь мне?

— Конечно, мне интересно это.

Уровень воды опустился настолько, что больше половины фуры торчало наружу. Егор боялся, что сильно поврежденный прицеп не выдержит, и все содержимое упадет в воду, навечно исчезнув в черном иле перетертого человечества. Чтобы этого не случилось, он стянул кузов автомобильными тросами.

Позабытая на время находка, снова стала объектом разграбления. Егор вырубил в боковой стенке приличное отверстие, через которое передавал сыну свои находки. Из вырубленных листов они смастерили полноценную ванную комнату. Недалеко от входа в пещеру, стояла ванна, под дном которой имелся очаг, разогревающий воду в ней. На стене висела емкость от электрического водонагревателя. Егор прикрутил к ней кран, и она использовалась, как умывальник. Из всего гигиенического ассортимента, у них имелось несколько больших емкостей с жидким порошком, предназначенным для прачечных. Им стирали, умывались и даже полоскали рот. Тамара была в восторге от неслыханной роскоши, мыться в теплой воде.

Егор толком не знал, из чего он хочет смастерить катамаран. Основным условием для его нормального плавания по заросшей водорослями воде он считал плоское ровное дно и маленькое погружение. Ему виделось колесо с лопастями, выполнявшее роль весел. Он знал, что скоро нормально грести не получится совсем. Водоросли уже сейчас наматывались на весла, заставляя отвлекаться на их очистку, и заставляя расходовать намного больше сил.

Ничего подходящего не попадалось. Сегодня он докопался до разбитых унитазов, порезав об острые края все руки. Под унитазами лежали десятки пластиковых труб. Они могли сгодиться на что-нибудь, в будущем. На самом дне, под трубами, лежали радиаторы отопления. Егор отложил их в сторону, решив придумать на досуге отопительную систему на

зимний период.

Ближе к выходу, затянутые грязью лежали несколько неподъемных деревянных ящиков. Егор самостоятельно вынес их на берег. Он тяжело поставил на камни первый ящик. Матвей подсутился и поддел топориком крышку. Под слоем промасленной бумаги, лежали болты и гайки. Матвей взял болт и гайку, и скрутил их.

— Уже что-то. Можно будет скрутить какую-нибудь конструкцию.

— Точно, корыто с мотоциклом. — Иронично заметил отец.

— Ну, ты еще не все раскопал.

Егор устало распрямил спину, потянулся, отер присохшую грязь с колеса грузовика и уселся на него. Сил продолжать работу почти не осталось.

— Возвращаться надо. Еще на себе тащить придется. — Сказал Егор без энтузиазма, глядя на плоды сегодняшнего труда. — Столько всего перелопатили, а все без толку, ничего подходящего.

— Пааап? А у грузовиков резина бескамерная? — Неожиданно спросил Матвей.

— Не знаю, а что?

— Да я подумал, что на его камеры можно поставить плот какой-нибудь, если они есть?

Егор слез с колеса, и уставился на него, как-будто впервые видел. Из оставшихся шести колес прицепа, половина была накачанной, и если в них была камера, значит, она была целой. Егор скрутил ниппель. Воздух со свистом устремился наружу.

— Ты маленький гений, Матвей! — Похвалил отец сына. — Там же точно есть камеры. Я, передние, когда разрубил, видел их, хоть колеса и были размочалены в хлам.

У Егора откуда-то снова появилась энергия. Вместе с сыном им удалось разбортировать одно колесо, и достать целую камеру.

— Тут резина-то, не то, что на нашем матрасе. — Егор теребил камеру в руках. — Ему уже мало осталось, скоро лопнет по швам.

Вторую камеру достать не успели. Начались сумерки, мгновенно переходящие в ночь. Егор нагрузил себя радиаторами отопления, а сыну доверил нести пластиковые трубы. Тамару впечатлила возможность устроить отопление в зимнее время сильнее, чем перспектива кататься по воде на катамаране.

Весь следующий день, Егор и Матвей снимали покрышки с колес. К четвертому колесу они довели свои умения до автоматизма. Теперь у них была основа, на которую можно было громоздить остальную конструкцию. Егор снова полез в прицеп грузовика.

На его удачу оказалось, что болты и гайки шли комплектом к набору для сборки металлических стеллажей. Какая-нибудь фирма торгующая сантехникой перед самой катастрофой решила расширить склад, и заказала этот набор. Металлические уголки с отверстиями, металлические полки и уголки для крепления полок. Егор был в восторге.

— Нам даже придумывать ничего не надо, просто скрутить между собой и получится отличный плот.

— Ты же хотел катамаран? — Переспросил Матвей.

— Ой, подумаешь, я хотел девочку, а родился ты. Папа предполагает, а Господь располагает. Получается плот, значит, будет плот. — Пикировался Егор.

Двое суток ушло на то, чтобы собрать ровную площадку и поместить ее на четыре надутых баллона. Дело в том, что баллоны могли быстро повредиться, если бы по ним терлись головки болтов. Егор никак не мог придумать, чем накрыть баллоны, чтобы они напрямую не соприкасались с собранной из полок металлической площадкой, имеющей

помимо торчащих болтов еще и острые края.

Ему пришлось снова углубиться, в прямом и переносном смысле, в недра фуры, еще таящие много интересного. В итоге, были обнаружены крепкие резиновые коврики, которые положили поверх баллонов. Площадку тоже устлали резиновыми коврикам, чтобы не скользить при ходьбе. К перевернутой вверх ногами площадке примотали шелковыми веревками баллоны и спустили получившуюся конструкцию на воду. Осадка плота была небольшой, из-за общей легковесности конструкции. Он ощущался устойчивым и сильно не кренился, если кто-то становился на угол.

Егор решил проверить его в деле сразу. Плот был квадратным, с шириной стороны в два с половиной метра. Места на нем было хоть отбавляй, и чтобы не таскать на себе тяжести, его решили нагрузить всем, что было выставлено на берегу. Плот глубоко осел, но выдержал тяжесть. Пока никакого движителя на нем не было, погребли по старинке, веслами.

Разогнать плот с грузом было делом не простым. Пришлось изрядно попотеть. Но в движении он был более управляемым и предсказуемым. Тамара и Катя издали увидели приближающихся мужчин. Из-за инерции Егор с Матвеем не рассчитали расстояние, с которого надо было начинать тормозить. Плот глухо вошел в скалистый берег, помяв угол, и чуть не уронив груз в воду.

После разгрузки, Егор, хоть и был уставшим, согласился прокатить Катюшку и Тамару на плоту. Женщины, ни разу не были на воде. Как только плот отошел от берега метров на тридцать, ими овладел суеверный страх, и они хором запросились назад.

— Я теперь вам больше сочувствовать буду. — С пониманием сказала Тамара. — Не по себе становится, когда берег далеко.

— В этом озере черти водятся. — Катюшка осторожно выглянула через край плота.

— Да бросьте нагонять страху, озеро, как озеро. — Успокоил их Егор.

Вдруг рядом с ними на поверхности появился пузырь. Он тихо лопнул, наполнив воздух сероводородным запахом.

— Вонюща! — Катюшка заткнула нос пальцами.

— Точно, черти пахнут серой. — Согласилась с ней мать.

— Никаких чертей, просто органики до черта в этой воде, пора бы уже ей начать кормить микробов. То ли еще будет через год или два. Думаю, что придется перебираться повыше, или искать новое место, если будет совсем немоготу. — Рассудил Егор.

— Ты чего, вы обязательно найдете людей, и мы переселимся к ним. — Утвердительно сказала Тамара, напуганная перспективой такого долгого одиночества.

— Или люди найдут нас и будут жить с нами, в Черной пещере. — Подсказал Матвей.

— А чего, вода упадет еще ниже за пару лет. Весь, более менее чистый горизонт уйдет из долины. Останется только густой нижний слой. Он забурлит, зацветет. Судоходство по нему в принципе будет невозможно, из-за отравления, и того, что поверхность озера превратится в непроходимое болото. Жить можно будет только на вершинах гор, а путешествовать, только зимой.

— Вот, ты, Егор нарисовал перспективу. Я думала, что скоро грязь осядет, и вода снова станет голубой, как раньше.

— Пузырь сероводородный рассказал тебе, о том, что будет вскоре с этим озером.

— Ладно, почему-то я вам верю, хоть и не хотелось бы. Не пойму только Егор, откуда у тебя эти знания? Ты ведь постоянно терялся в торговом центре, не зная куда идти?

— Потому что это мужской мир, а торговый центр — женский.

В этот раз Егор с сыном правильно рассчитали скорость и тихо причалили к берегу.

— Покрышку от красной машины все равно надо будет привязать вперед.

Матвей прыгнул на берег и придержал плот. Егор помог Тамаре сойти на берег. А дочь, он просто взял в охапку и перешел с ней с плота.

— Привет, Пересвет! Как дела?

— Привет Игорь, нормально. Чуть не потонули у берегов Норвегии. Здесь тоже грязь несет с берегов, не подойти. Идем в сторону дома.

— Понятно. Есть новость одна. Мы вышли на связь с метеорологами со Шпицбергена и они рассказали нам интересную вещь.

— Какую же?

— У них на острове есть Хранилище Судного дня. Это посевной материал почти всех сельскохозяйственных культур запечатанный в горе на случай каких-то событий, типа конца света. Хранится он там при низких температурах и довольно неплохо защищен. Большая вероятность, что он не пострадал. Метеорологи говорят, что и у них дуло, но не так сильно. Они сами где-то в центре, вахтами на горе работают.

— Предлагаешь, отправиться на Шпицберген, проверить это хранилище?

— Да. Наша американка недавно выходила на связь со своей лодкой. Она им тоже рассказала об этом хранилище. Боюсь, что американцы захотят использовать это конкурентное преимущество, чтобы стать обладателями самых дорогих активов на планете.

— Да уж, нам только войны сейчас не хватало.

— Это верно, но никто не знает, что у них на уме. А вы уже думали о том, что будете есть, когда запасы еды на лодке закончатся?

— Думали, а как же. Во-первых, это рыба. Попробуем сетями половить. Во-вторых, это водоросли. На мелководье их тьма-тьмуца. В-третьих, гипотетически, мы думаем высадиться на берег, где это возможно и попробовать поискать припасы. На том же Шпицбергене. А вы сами-то, как думаете дальше жить?

— А мы же начали режим максимальной экономии. У нас все просто, мы рассчитали время на которое нам хватит кислорода, разделили продукты питания на этот срок. А потом..., а потом будем садиться. — Голос Кружалина стал тише, наверное, по вине ослабевающего сигнала.

— Удачи, и спасибо за информацию. — Поблагодарил Татарчук космонавта.

Ответ не последовал.

«Пересвет» сменил изначальный маршрут и двинулся на север к острову Шпицберген. Татарчук не воспринял серьезно предупреждение Игоря, о том, что американская субмарина захочет единолично завладеть хранилищем семян, но посчитал, что если такое хранилище действительно существует, то цены его содержимому в новом мире точно не будет.

Гренландское море изобиловало айсбергами. Глубина его позволяла идти под водой, не опасаясь зацепить льдину на полном ходу. До западной оконечности архипелага Шпицберген дошли за трое суток. К тому времени у них уже были координаты Хранилища Судного Дня. Уникальное сооружение, находящееся внутри скалы на глубину ста двадцати метров, находилось неподалеку от столицы архипелага, поселка Лонгйир.

Чтобы снова не попасть в ту же ситуацию, что и у берегов Норвегии, вахтенным отправили офицера капитан-лейтенанта Виктора Гренца. Дело в том, что поселок находился почти в самом конце фьорда, поэтому опасность надо было заметить вовремя, чтобы успеть

развернуться. Терехин по собственной инициативе составил компанию Гренцу.

Показались скалистые берега архипелага и широкий проход между ними. Вода, хоть и казалась темной, но на грязь не походила совсем. Белые бурунчики, разбегавшиеся по сторонам от корпуса лодки только подтверждали это. Берег приближался, но вода, с виду, оставалась без изменений.

— Из космоса было видно, что ветра здесь почти не было. — Сказал Терехин. — Думаю, что опасаться стоит только мелей, которые могут быть во фьорде.

— Честно говоря, Виктор, мне уже не терпится ступить на нормальную твердую землю. Будь это хоть Шпицберген, хоть Новая земля. Хочется быстрее закончить этот поход и остановиться.

— Здесь очень суровый климат. Полгода день, полгода ночь, морозы сильные и ветра.

— Все равно. Ты можешь посчитать меня параноиком, но у меня появился страх, что земли, в смысле — суши, больше нет, и нам придется до конца дней своих скитаться по океанам. Смотрю я на эти скалистые берега и чувствую, как страх уходит.

— Я считаю, что надо попробовать добраться до Мурманска. Если невозможно будет подойти к берегу, то придется селиться на подобных островах. Поближе к Северному полюсу.

Лодка вошла в створ между двух скалистых берегов. Прямо по курсу находилась выступающая из воды скалистая гряда, почти перегораживающая проход во фьорд. Только справа имелся небольшой проток. Лодка замедлила ход и из шлюзового люка вскоре показалась голова Татарчука вооруженная биноклем.

— Пройдем? — Спросил командир, махнув в сторону узкого перешейка.

— Не можем знать, товарищ капитан, мерить надо? — Ответил Терехин.

— Пройдем. — Уверенно ответил командир. — До нас уже прошли.

— Как это? — Терехин не понял, к чему клонит Татарчук.

— Кажется, американцы опередили нас. И если только у нас правильные координаты этого хранилища, то они должны быть уже там.

— Откуда известно?

— Оттуда! — Татарчук ткнул пальцем в низкое темное небо.

Терехин и Гренц рефлекторно посмотрели в направлении указанном пальцем.

— Из космоса. — Пояснил командир. — Они наши глаза и уши. Хорошо, что их Джейн не понимает по-русски. Наш визит будет для американцев сюрпризом.

— Не дольше, чем их акустики засекут нас.

— Предлагаю создать разведгруппу и высадиться на берег, не заходя во фьорд. Как думаешь, капитан? — Татарчук обратился за поддержкой к Терехину.

— А что, логично. Можно будет скрытно понаблюдать, что там американцы задумали.

— Возглавишь? — Спросил Татарчук.

Виктор Терехин понял, что попал в положение, когда инициатива нанимает инициатора.

— Возглавлю.

Группа из пяти матросов и двух офицеров, вооруженных автоматами и возглавляемая Терехиным высадилась на берег. Им пришлось одеть на себя по двойному комплекту одежды, иначе можно было окоченеть под суровым северным ветром. Температура едва держалась на отметке пяти градусов выше нуля.

Став на землю, стало видно, что вся она была скрыта водой еще совсем недавно. Кругом находились следы морской флоры и фауны. На крутых скалистых склонах остались только крупные камни, которые не смогло сдвинуть течением. Зато ближе к кромке воды имелись косы из гальки и щебня, принесенные уходящей водой.

Вода сошла не вся. Где-то зажатая между гор, она образовала озера. Где-то это были лужи и небольшие ручейки. В одной из луж, размером десять на десять метров обнаружилась рыба. Разведгруппа не смогла пройти мимо такого подарка природы. Три рыбешки, по полкило каждая были выловлены и разделаны. Их решено было оставить на месте, предоставив ветру немного подсушить их, и забрать на обратном пути. Терехин сделал из этой находки важное открытие — даже на голых скалах, какие из себя представлял Шпицберген, можно найти источники пропитания.

Группа прошла мимо того места где находился российский поселок шахтеров Баренцбург. От поселка почти ничего не осталось. Фундаментные плиты, плиты которыми были выложены дороги, и немного осталось от пристани. Группа Терехина не стала осматривать развалины подробно. До Лонгйира, рядом с которым находилось хранилище, было еще два дневных перехода.

Каменистые осыпи, реки и ручьи, затрудняли продвижение. Низкое небо, разрождавшееся время от времени сильной грозой, только усугубляли трудности. От дождя прятались в непромокаемых палатках, используя это время для перекусов. К концу вторых суток вышли к окрестностям Лонгйира. С вершины холма открывался вид на бухту, в которой стояла американская субмарина.

Поселок смыло в море, как и Баренцбург. Скелеты некоторых зданий, затянутые каменистыми селями едва проглядывали местами. В стороне от поселка, на берегу сустились несколько человек. Терехин навел бинокль на них. Это были военные. Матросы с американской субмарины готовились куда-то идти. У каждого солдата за плечами был рюкзак, некоторые держали в руках носилки.

— Они нас и приведут к хранилищу. — Сказал товарищам Терехин.

Длинный прямоугольный выступ, служил входом в хранилище. Наверняка, в нем находилось несколько дверей, предотвращающих попадание теплого воздуха внутрь здания. Возле входа уже находились с десятков человек. Они грузили на себя тяжелые рюкзаки, складывали мешки на носилки. Было ясно, что военные присваивали себе семена, которые были предназначены для всего мира.

Из всех военных, оружие имелось только у двух человек, карауливших возле входа. Виктор прикинул, что шансы занять хранилище у них велики. Местность позволяла подойти к нему незаметно, но уж больно не хотелось устраивать стрельбу, до тех пор, пока не попробовали договориться. Было неприятно осознавать, что американцы знали о их подлодке, и не соизволили заранее пойти на контакт, чтобы вместе решить вопрос с семенами. Учитывая, что выживших, заявивших о себе, было не более трехсот пятидесяти человек. Это экипажи двух субмарин, и еще несколько человек, раскиданных по всему миру и имеющих связь.

— Виктор. — Терехин обратился к Гренцу. — Бери трех человек и иди наперерез этой груженной группе. Заворачивайте их к хранилищу. Мы тем временем обезоружим охрану.

Гренц отобрал бойцов и прикрываясь складками местности, выдвинулся наперерез группе американских матросов, тяжело нагруженных семенами растений. С Терехиным

остались два матроса. Американцы не думали, что им может кто-то помешать. Автоматы у караула висели за спиной. Они помогали товарищами закидывать тяжелые рюкзаки на плечи.

Сделав небольшой крюк за скалой, в теле которой находилось хранилище, Терехин вышел в тыл американцев. Они прокрались вдоль высокой серой стены входа, имеющей на себе следы потопа.

— Руки вверх, оружие на землю! — Терехин крикнул на английском.

Внезапное появление вооруженных людей вызвало среди американцев недоумение, постепенно переходящее в осознание, что с ними не шутят. Темнокожий боец, нехотя снял автомат с плеча и положил его на камни. Второй боец, немного помедлил и только когда Терехин заострил свое внимание, направив ему в грудь ствол автомата, опустил оружие. Матрос собрал автоматы и повесил их себе за спину.

— Прекратить работу! — Приказал Терехин.

— Почему? Кто вы такие? — Спросил американец с офицерскими знаками отличия.

— Ты главный здесь? — Спросил его Терехин.

— Да, я.

— Я офицер с русской субмарины «Пересвет». Мы здесь, по той же причине, что и вы. Мы считаем, что будет правильным договориться о совместном использовании хранилища.

— Что вы хотите предпринять?

— Сейчас наша подлодка получит сигнал, о том, что у нас в заложниках американские матросы, и передаст это вашим, чтобы в случае захода в бухту вам не захотелось пустить торпеду. Сколько семян вы уже успели вынести?

— Я не считал. — Американец ответил резко.

— Не стоит так себя вести, офицер. Людей осталось так мало, что нам нужно учиться жить вместе.

— Именно поэтому вы направили в меня свое оружие?

— Именно потому, что ты еще не понял это.

Из хранилища на свет вышли еще несколько матросов. Они замерли в изумлении, когда увидели направленные на них стволы автоматов. Вскоре показалась группа американцев, возвращающихся назад. Их вели четыре вооруженных матроса. Группа подошла скинула с плеч груз и расселась на камни.

— Куда вы собирались их везти? — Спросил Терехин американского офицера.

— К себе. Мы собирались обогнуть Америку, чтобы найти место, где можно нормально пристать к земле.

— Уже пытались это сделать?

— И не раз. Но кругом грязь, как на болоте.

— Мы тоже пытались в Норвегии. Еле ушли.

— Я думаю, что грязь со временем осядет на дно, и тогда можно будет спокойно пристать к берегу.

— Наверно.

Время шло. О том, как обстояли дела на субмаринах, никто не знал. В животе начало урчать. Терехин отдал приказ матросу разогреть еду из сухпайка. Матрос зашел в коридор хранилища, собрал алюминиевую подставку для сухого горючего и поставил на нее разогревать гречневую кашу. Американцы с интересом наблюдали за ним. Один из матросов заметил их любопытство, вынул такое же позолоченное корытце с кашей и показал его

американским матросам.

— Эксчейндж, обмен. Наше на ваше.

Американский матрос выудил из своего рюкзака похожее корытце из толстой фольги.

— Бобы, с говядиной. — Сказал он на английском.

— Давай, посмотрим, чем вас буржуи кормят.

Произошел обмен. Оба матроса с интересом рассматривали этикетки на пайках. Их пример подстегнул и остальных.

— Так парни, только не теряйте бдительности. С оружием к американцам не подходим. — Приказал Терехин.

Темнокожий американец вытащил из кармана пачку сигарет, показывая, что готов махнуть ее на другую. Наш матрос вынул из кармана точно такую же пачку. Американец разочарованно хлопнул себя по ногам. Из-за обмена между матросами возникла непринужденная атмосфера. Тот матрос, что выменял у нашего гречневую кашу, долго нюхал ее, пробовал на язык, наконец, решился и принялся смело орудовать ложкой.

— Они там, что без фасоли жить не могут? У них в лодке, наверное, хорошая вентиляция. — Матрос с «Пересвета» попробовал разогретую фасоль. — Мм, ничего так, есть можно.

Неожиданно у американского офицера сработала рация.

— Всем, вернуться на борт.

— С семенами?

— Нет, семена оставьте там.

— Передай русским, что их лодка уже в бухте, им тоже надо возвращаться. До связи.

— Есть.

Американский офицер опустил рацию.

— Я слышал. — Сказал ему Терехин. — Парни, выдвигаемся.

— Оружие верните. — Попросил американец.

— На берегу. — Сухо ответил капитан.

Игорь все правильно рассчитал. Кислород стал заканчиваться к тому дню, когда они подъели всю еду. Остался только НЗ, который планировалось начать, когда спускаемый модуль окажется на поверхности планеты. Момент, когда облаченные в скафандры, Игорь и Джейн начали отстыковку от станции, был очень волнительным. Они не знали, чем завершится спуск, как аппарат пройдет через атмосферу, полную твердых частичек, как выдержит ее парашют, у куда, в конце концов они приземлятся, или приводняться, что было более вероятным.

Степи северного Казахстана стали одним большим морем. Вряд ли можно было надеяться на то, что там есть суша и они попадут прямиком на нее. Надо было готовиться к приводнению. Еще одним поводом для беспокойства было то, что они пробыли в невесомости довольно большой срок, и теперь, им для реабилитации в условиях гравитации требовалось время.

Спускаемый аппарат мягко отделился от станции и направился к земле. Под ним раскинулась непривычная коричнево-серая поверхность Земли, больше похожая на снимки Юпитера. Она бурлила, двигалась течениями, собиралась в темные спиральные круги. Вряд

ли кто-нибудь из людей, из доапокалипсического прошлого, поверил бы в то, что его родная голубая планета, будет выглядеть из космоса, как безжизненный газовый гигант.

Аппарат нырнул в темную атмосферу. В иллюминаторах потемнело и сразу началась тряска. Для Джейн это был первый спуск, а для Игоря третий. Он точно знал, когда и как должно трясти. Он со страхом ждал, как же будет трясти дальше, если сейчас трясет сильнее. Он был прав, тряска усиливалась. Темная атмосфера была чересчур неоднородной. Прогретые солнцем внешние слои, смешивались с холодными внутренними, вызывая постоянные потоки. Аппарат проносился сквозь эти потоки, судорожно реагируя на них своим стальным телом.

Вибрации стали настолько сильными, что Игорь поверил, что у них остались считанные секунды, после которых спускаемый аппарат разорвет предельными нагрузками. Джейн пыталась посмотреть на Игоря, потому что почувствовала неладное. Но все, что она видела, это мельтешащая, размытая вибрациями картинка, по которой невозможно было понять реакцию более опытного товарища.

Неожиданно вибрации стали стихать. Возможно, аппарат прошел слой, где смешивался воздух и попал в более однородный нижний слой. Игорь напрягся, ожидая срабатывания механизма, выпускающего парашют. Ничего не происходило. В иллюминаторах было все так же темно. Но подсознание подсказывало, что парашюту пора бы уже и открыться. До Игоря вдруг дошло, что датчик, отвечающий за открытие парашюта, ориентируется по атмосферному давлению. Вполне могло оказаться, что более влажная атмосфера могла иметь нужные параметры ближе к Земле. В тот момент, когда он подумал об этом, резкий толчок возвестил о том, что сработал механизм открытия парашюта.

Джейн приподняла голову. Ей захотелось увидеть реакцию Игоря. Полет ее здорово напугал, и она хотела понять, чем был этот толчок. Игорь понял ее опасения. Он поднял большой палец и улыбнулся. Ему стоило сил выдавить из себя улыбку. Но она была искренней, а Джейн умела отличать настоящие чувства от показных. Девушка откинула голову назад в кресло. Ей стало намного спокойнее, и внутренне она решила не дергаться до момента посадки.

Второй толчок случился, когда раскрылся основной парашют. За окном все еще была серая мгла. Она начала проясняться и неожиданно резко исчезла. Сквозь иллюминаторы, в модуль проник непривычный сумеречный свет, хотя в это время на этой долготе был полдень. Краем глаза Игорь увидел бесконечный водный простор, от горизонта и до горизонта.

Вскоре сработал пороховой двигатель торможения, и модуль мягко приземлился на воду. Темные волны на время окатили иллюминаторы, затем на них опустилась ткань парашюта. Внутри стало совсем темно.

— Поздравляю тебя с удачным приземлением! — Произнес Игорь. — Точнее приводнением.

Он успел снять с себя шлем и теперь разминал затекающие от непривычной силы тяжести, мышцы.

— Спасибо, Игорь. Я чувствую себя так, словно меня пропустили через центрифугу. Мышцы болят и тошнит.

— Это от перенапряжения. Расслабься. Впереди у нас много времени. Будем акклиматизироваться потихоньку.

Модуль спокойно лежал на воде. Волнения никакого не было. Игорь решил открыть

люк, потому что воздух уже заканчивался. Ему стоило усилий подняться и повернуть рычаг. В модуль проник непривычный влажный воздух, пахнувший морем. Он освежил внутренности модуля и придал сил космонавтам.

В первое большое плавание на плоту, отправились через день. Егор посоветовался с сыном и они вместе решили разобрать немецкий чоппер. У них была мысль применить часть узлов для создания движителя плота. Они хотели снять цепную передачу со всеми узлами, колесом, цепью и звездочками попробовать пристроить их на плот. А так же они могли захватить большое количество дров, гораздо большее, чем они возили до этого прицепом к надувному матрасу.

Хорошо, что заботливый мотоциклист возил инструмент с собой. Егор, на всякий случай взял еще и инструмент от своего автомобиля. Мотоцикл они вытащили на сухой берег. Отмыли его и принялись разбирать. Буквально каждый узел нес на себе следы ударов. Коробка передач была разбита, но к счастью приводная звездочка пятой передачи цела. С оси выбили шплинт и сняли звездочку. Затем скрутили заднее колесо, отсоединили его от рамы и амортизаторов.

Егор посмотрел на дело рук своих, и снял еще и переднее колесо с мотоцикла.

— Ты задумал еще, чтобы наш плот ездил по суше? — Поинтересовался Егор.

— Нет, я переделал концепцию. Хочу сделать два колеса по краям, и место сэкономим, и отдача будет выше.

Вскоре стукнули первые утренние заморозки. Выходить умываться на улицу не хотелось до самого обеда. Вода в умывальнике была ледяной, и только закаленный человек мог позволить себе такие экстремальные процедуры. Егору пришлось перетащить умывальник в пещеру. Он смастерил из радиатора отопления, небольшой нагреватель, сообщающийся через пластиковую трубу с умывальником. Емкость умывальника работала, как расширительный бочок.

Под батареею он придумал ставить, сделанный из старого термоса, светильник, работающий на смеси бензина и масла. Егор разжигал его рано утром и к тому времени, когда просыпалась семья, в умывальнике вода нагревалась до приемлемого уровня. Эта конструкция навела Егора на идею, как сделать отопление на зиму.

Неожиданные хлопоты отвлекли его от завершения плота. Когда с умывальником было покончено, Егор и Матвей снова приступили к работе. Они сделали из толстого прута, снятого с крыши фуры, ось, на которую насадили звездочку и оба колеса. Для того чтобы управлять плотом, предусмотрели механизм, рассоединяющий ось и колесо. Закрепили ведущую звездочку при помощи уголков на плоту. Приделали к ней подобия педалей. Плот защитили от брызг из-под колес, вырезанными из стенок прицепа щитами. На колеса поставили по восемь штыков от небольших садовых лопаток на каждое. Они должны были играть роль гребных колес.

Теоретически, плот был готов к испытаниям. Для Егора это был волнительный момент. Он как будто отчитывался перед кем-то важным в том, что достиг зрелости, и теперь может содержать семью. Он сам сел на мотоциклетное сиденье. Матвей сел спереди. В руках он держал весла. На всякий случай.

Женщин на борт не взяли. Они и не горели желанием. Егор сделал первый оборот педалями. Лопатки забили по воде. Плот осторожно отошел от берега. Педали крутились с большим усилием, чем ожидал Егор. Это было к лучшему. Плот откликнулся на его работу понятной реакцией. Егор потянул за правый рычаг. Правое колесо остановилось и плот стал поворачивать вправо. Он отпустил рычаг. Плот по инерции еще тянуло вправо. Пришлось подкорректировать левым рычагом. Когда нос, с сидящим на нем сыном, замер, Егор крутанул педали активнее. Плот потянуло вперед с заметным ускорением.

Над щитками взлетала вода и обрывки водорослей. Скорость на плоту не шла ни в какое сравнение со скоростью на утлом матрасике. По бортам журчала вода, расходящаяся волнами в стороны.

— Уууууу! — Крикнул Матвей. — Крутоооо!

Ему в ответ прокричали с берега.

Какая нужда была в том, чтобы плыть невесть куда, не имея четкого представления, зачем это нужно, Егор не знал. Он чувствовал позыв сделать это, как чувствовали его первопроходцы, открывающие новые земли. Было страшно, и ночь, накануне отправления он почти не спал. Мозг подкидывал всякие страшные ситуации, которые могли ждать Егора, заставляя придумывать из них выход.

Утро Егор воспринял с облегчением. Он смастерил завтрак, разогрев вчерашний лягушачий суп и заварив ароматный чай из корней дикой вишни. Семья, почуяв съедобный запах, заворочалась и проснулась.

— Не передумал? — Спросила Тамара.

Она не видела особой необходимости в этом походе и считала, что продуктами и дровами они обеспечены на всю зиму. Опасность же она считала несоразмерной любым находкам. Даже, если бы Егору удалось найти людей, то это, скорее всего, были бы такие несчастные, как и они. Тамара уже привыкла жить своей семьей, и ей не хотелось видеть других людей рядом, тем более, которые не могли чего-то дать. Другое дело, если бы муж нашел поселение, где существовали приемлемые условия для жизни и эти люди знали, как жить в новых условиях. Но это было маловероятным.

— Не передумал. Не беспокойся, Тamar. Ничего страшного не будет. Я тебе уже сто раз говорил, что буду плыть вдоль гор, чтобы не заблудиться. На ночь буду причаливать, а днем плыть. Через неделю вернусь, ну или через восемь дней. Хочу сделать четыре дня в одну сторону и четыре в обратную.

Тамаре ничего не осталось, как вздохнуть. В прошлой жизни, она бы закатила такую истерику, что у мужа и мысли бы не появилось настаивать на своем решении. Теперь она чувствовала, что Егор поступит так, как решил и ничего не изменит его решения.

Проводы были недолгими. Егор с сыном установили на плот ящики с инструментами и запчастями, спальник, палатку, недельный запас еды и воды, и еще кучу разного рода необходимых вещей. Матвей просился с отцом, но Егор его не взял. Один мужчина должен был остаться в семье, на всякий случай.

Тепло простившись со всеми, Егор занял место на плоту. Мягко набирая скорость, плот отправился в первое дальнее плавание. Через час, родная гора была далеко позади, через два она скрылась в дымке. По левую руку высилась гора с отвесной стеной, под сводами которой стояли деревья, пережившие катастрофу.

Егор обогнул ее. Убедившись, что здесь нет бурных потоков, он vyplыл на плоту в

бескрайнее водное пространство равнины. Слева от него, до самого горизонта была только черная водная гладь, затянувшая собой всю многовековую человеческую цивилизацию.

В первый день, Егор посчитал, что преодолел не меньше пятидесяти километров. Ничего необычного, кардинально отличающегося от тех мест, где они жили, он не увидел. Скалы, выступающие из воды, как правило, выглядели безжизненно. Вблизи многих вода образовывала водовороты и бурлящие потоки. На расстоянии километра эти потоки теряли силу, вливаясь в спокойный черный «океан».

Он, к слову, скоро мог изменить свой цвет с черного на зеленый. Водоросли бурно разрастались на его поверхности, и вероятно могли покрыть ее сплошным ковром через некоторое время.

В первую ночь, как назло, вершины закончились. Из воды торчали небольшие острые края скальной породы. Егор побаивался приближаться к ним, из-за вероятности повредить баллоны. Ему пришлось налечь на педали, чтобы найти нормальный ночлег. Небольшая вершина, размером с большой дом, торчала из-под воды. Егор разогнал плот и стал на нос, прощупывая веслом перед собой дно, дабы не напороться на острые камни.

Ему удалось благополучно причалить к скале. Ноги, от перенапряжения тряслись мелкой дрожью. Егор развел огонь в самодельной горелке. Подогрел ужин, плотно поел, и забрался в спальник.

В новом месте он стал прислушиваться к звукам. Где-то далеко шумела вода, над головой кружили мошки, были еще какие-то звуки, но затягиваемый усталостью в омут сна, Егор пообещал себе с утра разобраться с ними.

Мокрый холодный воздух пробирался в спальник. Егор пытался игнорировать его, но он был настойчивее. Пришлось просыпаться. Над водой висел туман, и дальше метров тридцати ничего не было видно. Можно было спать еще час, до тех пор, пока туман не начнет рассеиваться, если бы не осенняя промозглость.

Егор поставил на горелку суп из лягушек, а сам решил пройти по своему небольшому пристанищу. Ему вспомнились какие-то звуки, которые он слышал перед тем, как уснуть. На обратной стороне, сквозь пелену тумана, проглядывало оранжевое пятно. Егор подошел поближе и обомлел. Это был мертвый человек в спасательной жилетке. Жилетка терлась о камни на небольших волнах и издавала свистящие звуки. Лицо покойника, бледное и распухшее, скрывалось до половины в воде. Егору стало не по себе. Он вернулся на свое место. Аппетит отбило начисто. Егор снова сложил все на плот и отчалил, решил не торопиться, пока не развеется туман. Где-то шумела вода и это здорово настораживало.

— Не надо быть таким сентиментальным. — Вслух сказал сам себе Егор.

В глазах еще стоял скелет в оранжевой жилетке.

Воздух стал светлеть и прогреваться. Туман рассеялся, и плот продолжил свое движение. Источником шума оказались пороги. Группа скалистых выступов торчала из воды на пути потока, покидающего водоем, зажатый между гор. Егор обошел их стороной, опасаясь задеть баллонами. Тем не менее, бурный поток подхватил его и понес прочь от гор. Плот завертело, как игрушку. Егор пытался рычагами выровнять его, чтобы пересечь поток, но возникающие на пути водовороты кружили плот, не позволяя из него вырваться.

Егора отнесло километра на три, туда, где поток терял силу. Он вымотался, борясь с течением. Отдохнув и перекусив, мужчина продолжил путь, приближаясь к горам под углом. Там, где гладь воды была спокойной, чувствовался легкий запах болота. Пару раз, вдалеке,

Егор видел, как на поверхности появлялись пузыри газа. Его теория о том, что скоро вся вода станет болотом, подтверждалась и вдали от Черной пещеры.

Второй день больше никаких происшествий не принес. Одинаковый пейзаж повторялся раз за разом. Небольшие вершины Южного Урала можно было считать высокими холмами, если бы ветер не снял с их поверхности все намеки на почву и растения. После катастрофы они выглядели, как пологие скалы. Плот достойно справлялся с нагрузками, но Егор все же решил причалить на ночевку раньше, чтобы провести его профилактический осмотр.

Небольшая гора, с удобной бухточкой идеально подходила для ночлега. Еще задолго до входа в нее, Егор услышал стройный лягушачий хор, приветствующий его. Это значило, что катастрофа здесь, что-то пропустила мимо своего взгляда. Наутро Егор запланировал осмотреть местные достопримечательности.

На этот раз Егор разбил палатку, и заночевал в ней. Морозный утренний воздух не тревожил его и поэтому он проспал гораздо больше, чем планировал. Отдых пошел ему на пользу. Егор чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. При свете дня он подробнее разглядел место, к которому причалил.

То, что на противоположной стороне горы была отвесная стена, позволившая местным лягушкам пережить катастрофу, можно было не сомневаться. Егору не терпелось посмотреть, что же еще там осталось. Он поднялся в гору, чтобы с вершины осмотреть противоположное подножие горы. К его удивлению, обратная сторона горы была такой же полой.

Секрет, почему выжили земноводные, заключался в другом, сразу за горой начиналась «гребенка» небольших скал. Они ослабили ветер, позволив животным выжить. На обратном пути Егор решил внимательнее осмотреть эту достопримечательность. Спускаясь к плоту, он понял, что допустил оплошность. Ему нужно было взять с собой, что-нибудь для составления карты. Нанести на нее примечательные ориентиры, горы, потоки, дать свои названия местам, чтобы было проще ориентироваться в дальнейшем.

Егор вернулся к плоту. Поочередно проверил все баллоны. Один из них показался ему немного мягче остальных. Пришлось его немного подкачать. У левой педали появился небольшой люфт. Егор затянул ослабшую гайку ключом. Заодно проверил механизм, блокирующий колеса. Этот узел, по его мнению, получился самым ненадежным, и ему нужно было постоянное внимание. К счастью, рулями Егор пользовался редко и нашел их в удовлетворительном состоянии.

Тронулся Егор от горы не раньше обеда. Он сразу налег на педали и долго не позволял себе взять отдых. По дороге ему встречались потоки, идущие со стороны гор, но все они были слабее встреченного накануне. Они почти не отнимали времени на их преодоление. Из интересного, Егору попала только группа островков, которые не были скалами. Отмытые дождями от черной грязи, они выставили напоказ свою породу красного цвета. Егор не стал подплывать, чтобы проверить что это, песчаник или глина. В этот день ему хотелось сделать норму в пятьдесят километров.

Горы становились все выше, а погода прохладнее. Здесь Егор видел, что по суше можно пройти почти везде. Хребты, соединяющие вершины, возвышались над водой, как мосты. Егор представил, как человечество вынужденное жить на этих вершинах ставит на них маяки, чтобы заблудшие в ночи путники не свалились в воду.

День закончился одновременно с тем, как Егор пристал к очередной горе. В воздухе чувствовался легкий морозец. Егор поставил палатку, и убрал в нее припасы, чтобы они не

покрылись за ночь льдом. Немного разогрел лягушачий суп, и поужинал. Тамара запретила ему есть этот суп больше трех дней, боясь, что тот может пропасть. Егор решил, что утром доест остатки супа и перейдет на мясо сырокопченых крыс. Что ни говори, а прилагательное к этому блюду звучало ностальгически красиво.

Проснулся Егор от легкого шуршания по ткани палатки. Он осторожно выглянул на улицу. В совершенно неподвижном воздухе, на черную воду, отвесно падал снег. Зрелище завораживало своей гипнотической монотонностью. Егор испытал даже некоторую торжественность от причастности к нему.

Голод, однако, напомнил ему, что не только духовным нужно кормить себя. На завтрак он разогрел остатки супа и заварил чай. В морозной атмосфере, запах вишневых веток был еще приятнее. Чай согревал изнутри и бодрил.

В снегопад, плыть вперед, или куда бы то ни было еще, было делом опасным. Видимость была плохой, и запросто можно было потерять ориентир и уплыть, куда не нужно, или попасть в водную ловушку.

Примерно через час, воздух стал теплеть. Снег пошел крупными мокрыми хлопьями и скоро закончился. Егор снес свое имущество на плот и продолжил плавание. Гряды, вдоль которой он плыл ранее, стала раздаваться вширь. Горы уходили на запад, и Егору показалось, что он почти весь день уходил влево, пока не столкнулся с опасной преградой.

Её он чуть не проглядел. Вначале, Егору показалось, что с управлением стало что-то не так. Плот постоянно отклонялся от прямого курса. Ему даже пришлось остановиться и проверить механизмы. На вид, они были исправны. И только тогда, когда Егор перестал управлять плотом, он понял, что попал в течение. К большому удивлению Егора, течение никак не было видно. Из недавнего опыта он знал, что потоки, выходящие с гор бурливы, изобилуют водоворотами, а этого течения нельзя было отличить от обычной стоячей воды.

Это было что-то новенькое, и Егор заметался между желанием узнать явление поближе и страхом быть наказанным за любопытство. Победило первое, но с оговорками. Егор сам себе пообещал отплыть на расстояние пяти километров вглубь течения, если оно действительно было таким широким, а затем немедленно вернуться.

К исполнению плана он приступил немедленно. Вода бурлила по правому борту. Чтобы выдерживать курс, приходилось пользоваться чаще правым рычагом. Отплыв на приличное расстояние от гор, Егор заметил, что цвет воды поменялся. Он стал коричневым, как будто в составе воды было много песка или глины. И здесь, почти не было водорослей. Егор на минуту бросил управление. Встал и набрал в ладонь воды. Когда она вылилась, в складках ладоней застрял песок. Спокойная вода не могла так долго держать песок на поверхности. Какая-то сила должна поднимать его вверх. Егор подумал, что где-то выше по течению могут существовать пороги, на которых мощный поток должен был закручиваться, поднимая вверх тонны донного песка. Всю наносную грязь, видимо, уже унесло течением вниз.

Егор повернул плот поперек течения и направил его вверх. Буруны поднялись перед его носом. Егор налегал на педали. Справа, почти на грани видимости чернела скала-ориентир. Слева и прямо, до самого горизонта, только вода. Любопытство не порок, но оно может стоить жизни.

Егор крутил педали, почти без передышки. Если за час, до окончания светового дня, он не увидит ничего интересного, то повернет в сторону гор, заночует, и на следующее утро направится домой. Почти сразу, как он принял это решение, ему показалось, что впереди клубится какая-то дымка. Егор скрестил пальцы на удачу, желая, чтобы это был не новый

снеговой фронт.

Течение усиливалось. Было тяжело ему сопротивляться, но дымка росла в размерах, и это подстегивало интерес к ней. Вскоре, Егор различил шум, идущий со стороны дымки. Хотя теперь, это было не похоже на дымку. Почти во всю линию горизонта шла темная полоса, подымающаяся над белесой дымкой, похожей на пар.

Неизвестное явление очень раззадорило Егора. Он пообещал себе повернуть назад, сразу, как только появятся первые признаки опасности. Забыв об усталости, Егор удвоил усилия. Но ровной поверхности воды появились первые водовороты. Они не представляли опасности. Плот проходил через них без всяких последствий. Но чем ближе приближался Егор к загадочному серому явлению, тем беспокойнее становилась вода.

Находясь на приличном расстоянии, Егор уже мог смело предполагать, что видит перед собой обширный водопад. Миллионы тон падающей воды наполняли воздух басом низкочастотного звука. Одной стороной синяя лента упиралась в горы, а другой уходила далеко за горизонт. Егор решил, что пора уже править к горам, когда мимо него проскочило бревно, с диаметром ствола, не меньше его плота. Он проводил мощный ствол с завистью. Мимо него проплыл запас дров на целую зиму. Если бы только он мог взять его на буксир.

Егор взял курс, параллельный водопаду. Дело пошло быстрее, и через час с небольшим, Егор выбрался на сухую поверхность. Плот остался болтаться на привязи, а Егор отправился к природному явлению, принятому им за водопад. Чем ближе он подбирался к нему, тем неистовее становилась природа вокруг. Вода внизу бурлила, как в кипящей кастрюле. Она не могла успокоиться, что ее низвергли с такой высоты. Белая водяная взвесь закрывала обзор, мешая разглядеть природу водопада.

Егор вошел в эту взвесь по самой высокой части хребта. Он сразу покрылся влагой. Она стекала по лицу, как пот, ледяной соленый пот. Воздух дрожал с такой силой, что его колебания массировали все тело. Егор крикнул и не услышал своего голоса. Вперед он продвигался осторожно. Видимости было на один шаг вперед.

И вдруг он вышел из тумана. Прямо под ним, насколько хватало глаз, извиваясь, как змея, тянулась неровная линия, разграничивающая два уровня водной поверхности. Она была похожа на искусственную плотину, сдерживающая воду. Почти по всей длине вода переливалась через край, устремляясь, на не менее чем тридцатиметровую глубину. Зрелище нельзя было передать словами. Океан, над океаном.

Егор мог запросто перейти на противоположную сторону по горе, на которой сейчас находился. Что он и сделал. Воздух сотрясаясь от шума. Казалось, все кости в теле вибрировали в такт звуку, грозя оторвать от себя мышцы. Пальцы рук и ног зудели от этих вибраций, зубы, если крепко не смыкать челюсти, часто стукались друг о друга, передавая звон по костям в уши, отчего последние тоже зудели.

Егор остановился над водопадом. Ему стала понятна причина его образования. Склон горы был завален всяческим мусором, спрятанным под слоем грязи. Сюда его мог выбросить только мощный водный поток, собирающий этот мусор по пути. Егор прошел дальше. Сверху ему было видно, что плотина это не стена, вставшая на пути воды, а огромный вал, длиной может быть, до нескольких километров. Страхи его немного рассеялись. Ему казалось, что стена может в каком-нибудь месте прорваться и по цепной реакции разрушить всю плотину, что могло бы привести к внезапному потопу.

Егор прошел вглубь «высокой» воды еще с километр, до тех пор, до которых позволяла суша. В отличие от мест, где селились они, здесь можно было разжиться чем угодно. Вода

вымывала и выбрасывала на склоны горы многие предметы исчезнувшей цивилизации. Сквозь покрывающую всё и вся грязь, Егор различал остовы автомобилей, автобусов, грузовых и пассажирских вагонов, а так же, ощерившиеся во все стороны размахренными стволами, деревья.

Это был настоящий Клондайк. Если найти здесь пропитание в виде крыс и лягушек, то можно смело переселяться в эти края. Егор даже представил, как он восстанавливает автобус и делает из него летний домик. Переселяться придется все равно, подальше от стоячей жижи, которая скоро станет опасной для жизни.

Темнело, и Егор решил возвращаться, потому, что непредусмотрительно забыл на плоту спальник и палатку. Возвращение через водяную взвесь снова намочило его одежду. До плота Егор добрался в полной тьме. Он был бесконечно благодарен байкеру, за то, что он возил с собой набор с фонариком. Подсвечивая путь, Егор без проблем нашел плот. Ему показалось, что он уснул раньше, чем успел дожевать кусок крысиного сырокопченого мяса. Даже водопад не мешал его сну.

Утро началось со снегопада. Это было еще более фантастическое зрелище, чем днем ранее. Прикрываемый снегом водопад, несколько глух в нем. Слабо различимый в белой пелене, он казался не настоящим, сказочным, нарисованным или придуманным. Эта нереальность снова наполнила грудь Егора торжеством. Он ни разу в жизни не восхищался так природой, как после устроенной ею катастрофы.

— Ты просто хотела привлечь к себе мое внимание. — Егор вслух проговорил свою догадку. — Ладно, я вижу теперь какая ты красotka.

Ему хотелось запомнить и передать сказочный вид своей семье, но он не знал таких слов и сравнений, чтобы передать те чувства, которые он испытывал.

Егор плотно позавтракал и отчалил от берега. Увлекаемый потоком, он значительно перекрывал расчетную скорость. Егор бросил крутить педали и занялся разглядыванием воды. Именно поэтому он заметил неподалеку бревно, несомое течением. Егор подплыл к нему и пристал правым бортом. Бревно, почти лишенное веток и коры, было длиной метров шести и полметра в диаметре. С обоих концов оно было грубо обломано.

Егор обмахнул бревно за толстый конец тросом. Перевесил баллон с носа на корму, чтобы дерево не повредило плот в случае удара. Троса оставил метра три свободным, чтобы иметь возможность в случае какой-нибудь сложной ситуации перерезать его. После этого Егор поднажал на педали. Бревно слегка дернуло плот, а потом, как послушный бычок, последовало за ним.

До наступления темноты, он успел зайти в стоячую воду, и проплыть мимо горы, на которой устраивал ночлег в третью ночь. В помощь ему был и попутный ветер, поднимающий легкую зыбь на безмятежной воде. Заночевать пришлось на горе, у которой с западной стороны не было пологого берега. Егор обогнул ее и там пристал, еще раз поблагодарив немецкого байкера.

Утром он проснулся от холода. Зубы клацали друг о друга, и никаким усилием воли, Егор не мог прекратить это. Дрожащими руками Егор развел огонь и согрел чай, и только после этого смог съесть ледяные куски крысиного мяса. Он еще раз попил чай, перед тем, как отправиться дальше.

На улице было видно невооруженным взглядом, что небо стало темнее обычного. Ледяной ветерок охлаждал спину, заставляя крутить педалями интенсивнее обычного.

— Этак я к вечеру буду дома. — Предположил Егор.

Эта мысль даже порадовала. Ему уже хотелось попасть в теплую уютную пещеру, развести огонь под ванной, и как следует согреться в ней. А потом рассказать семье, за чашкой ароматного чая, о своих приключениях. Егор нажал на педали. Бревно немного осадило его намерения, а потом сдалось и поплыло с нужной скоростью.

Егор пожалел, что не взял с собой хозяйственных перчаток, которые он нашел в фуре с сантехникой. Сейчас они были бы очень кстати. Братся за железные рычаги не хотелось. Руки сразу начинало ломить от холода. Ветер становился сильнее и рабочая роба уже не обеспечивал нужной защиты. Егор встал и вынул из рюкзака палатку, обернулся ею с головой, оставив свободными только руки, и то на время, если потребуется подрулить.

Ветер поднял волны. Они догоняли плот и с плеском ударились о его борта, растекаясь по палубе. Это можно было считать досадной неприятностью, потому что скоро начались совсем другие проблемы. Поднялась метель. Она началась внезапно. Егор сразу понял, что стихия разыгралась не на шутку.

Его толкнул в спину порыв ледяного ветра. Егор обернулся и увидел, что в какой-то сотне метров от него находилась белая стена приближающейся метели. Пришлось срочно править в сторону гор. Плыть вслепую Егор не собирался.

Метель накрыла его, когда до ближайшего пристанища оставалось не меньше километра. Егор выправил курс и был уверен, что доберется до берега, даже если не будет его видеть. Снег закрыл собой всё. Сильный ветер кружил его вокруг плота и бросал в дрожащую воду. Егор был спокоен. Он плотнее затянулся тканью палатки и не переставал крутить педали. Рано или поздно, но он непременно окажется у подножия горы.

Удар обо что-то, чуть не сбросил Егора в воду. Он еле успел зацепиться за рычаг. Ноги соскользнули с мокрого, покрытого коркой льда, пола и очутились в воде. Бревно догнало плот и чуть не придавило ноги. Егор заскочил на плот. Он в страхе огляделся вокруг. Вода бурунами расходилась от углов плота. Его кружило. Егор не мог понять, обо что они ударились. Препятствие не торчало над водой. Возможно, он уже был у подножия горы. Теперь Егор вообще не мог понять в какую сторону править.

Он сел за управление и остановил плот. Вокруг была только белая мгла, тонущая в черной воде. Мозг лихорадочно соображал, как поступить в этой ситуации. Плыть было опасно, потому что можно было сбиться с курса и уплыть так далеко, что горы могли исчезнуть из виду. А в мире, где нет звезд, солнца и прочего, что помогало путешественникам не сбиться с курса, найти правильное направление было делом невозможным.

С другой стороны, пассивно ждать Егор не мог. Мокрые ноги начали замерзать. Штанины, на морозе, стали колом. Приходилось выбирать из двух зол, потеряться или замерзнуть. Егор выбрал первое. Чтобы не удалиться на большое расстояние от гор, Егор потянул за правый рычаг и крутанул педали. По его замыслу, если он будет ездить по кругу, то не отойдет далеко от берега.

Кают-компанию «Пересвета» перед переговорами, украсили, как могли. Командование американской атомной подводной лодки «Монтана» совместно с командованием «Пересвета» решили, что переговоры на высшем уровне помогут уйти от разногласий, вызванных уникальностью семенного хранилища.

Пять офицеров, одетых в парадную форму и благоухающие дорогим парфюмом, вошли в помещение кают-компаний. Их встретил командир «Пересвета» Татарчук, заместитель командира Терехин и еще двое старших офицеров. Виктор Терехин на переговорах выступал в качестве переводчика.

На столе стояли бутылки с минеральной водой и бутылка с разбавленным медицинским спиртом. Татарчук решил, что начатую бутылку коньяка ставить невежливо. Вместо этого они на скорую руку профильтровали спирт, через уголь из фильтрующего элемента противогАЗа, смягчили его сахаром и дистиллированной водой. На вкус все равно получилось достаточно мерзко, но гораздо терпимее, чем просто развести спирт водой.

Из закусок, на столе, были только консервированные фрукты и овощи, из горячего — борщ. Красный, наваристый, заполняющий своим ароматом всю атмосферу рубки.

— Предлагаю, начать наши переговоры с небольшого вступления. — Татарчук сделал знак матросу, чтобы тот разлил спирт по посуде, пластиковым одноразовым стаканчикам.

Матрос разлил очень оперативно.

— Прежде, чем завести разговор о деле, я хочу поздравить вас, коллеги, с тем, что вам удалось пережить катастрофу, аналогов которой не было на памяти человечества.

Терехину с трудом успевал переводить речь командира. Татарчук взял в руки стаканчик и протянул его в середину стола. Американцы, не привыкшие к таким традициям, не растерялись и чокнулись с командиром российской подлодки. Российские переговорщики сразу накинУлись на горячий борщ. Американцы пытались заесть сладкими консервированными персиками, но видя, как русские офицеры уплетают борщ, последовали их примеру. Они обменялись между собой мимикой, признавая, что такая закуска вполне подходящая. «Банкуюющий» матрос снова разлил спирт по стаканчикам.

— А теперь, я хочу помянуть тех, кто погиб в этой катастрофе. Ради памяти о них, мы должны поступить так, чтобы тем, кто уже никогда не будет с нами, не было стыдно за нас. За тех, кто не снами, не чокаясь. — Татарчук выпил одним махом.

Офицеры уже покраснелись, от алкоголя и горячего борща. Командир американской субмарины Джон Коннелли дождался, когда матрос обновит посуду. Он взял в руки стаканчик. Долго смотрел в его дно, как будто там было написано, то, что он хотел сказать. Наконец, он выдал:

— Офицеры, сейчас мы остались без стран, которые защищали, без родных и близких, без всего, ради чего пошли на эту службу. Все, что у нас сейчас осталось, это наши жизни. Нас мало, и надо как-то распорядиться ими, чтобы род человеческий не прервался. Мы хотели начать миссию, по поиску оставшихся в живых. Ведь где-то они есть? Давайте сделаем так, чтобы это хранилище не стало новым яблоком раздора. Давайте станем умнее.

Коннелли протянул руку с алкоголем Татарчуку. Тот встал и чокнулся с американским капитаном. Остальные присоединились к ритуалу следом. На трех тостах решено было пока остановиться, чтобы выяснить позиции сторон и попробовать трезво решить проблему.

... - Семена не зря хранятся при отрицательной температуре, так они дольше сохраняют всхожесть. — Убеждал американцев БурегА, знакомый немного с сельским хозяйством. — Вы не знаете, сколько собираетесь возить их с собой. Нам даже неизвестно, есть ли сейчас почва пригодная для посева?

— Это не проблема. Соль можно выгнать из почвы. Недостаток света компенсировать искусственным освещением. Благо, ядерного реактора при такой нагрузке хватит на десятилетие. — Американский офицер приводил свои аргументы.

— К тому же, это хранилище было построено на американские деньги. — Припомнил один из офицеров «Монтаны». Но на него так шикнули свои, что он самоустранился от беседы.

— Я считаю, что семена трогать пока не надо. Здесь они продержатся намного дольше. Как говорят наши космонавты, полярный круг наименее пострадавшая от стихии территория. По Шпицбергену это заметно. Соответственно, считаю, что ехать далеко не надо. Южнее нам не найти плодородного слоя. Его, скорее всего, сдуло. Для начала, надо обследовать острова Баренцева моря. — Привел доводы Виктор Терехин.

— Возможно, вы и правы. Но посмотрите на нас, мы мужчины, и от нас потомства не дожدهмся, как бы мы хорошо не устроились. Нам надо искать выживших людей, и желательно, чтобы женского пола среди них было больше.

— Верно говорит, американец. — Бурегла качнул головой. По нему уже было видно, что он пьян.

— Так, господа офицеры, предлагаю выйти на палубу, вдохнуть свежего морского воздуха. — Предложил Татарчук.

На американской подводной лодке были резиновые моторные лодки. Они свободно курсировали между субмариной и берегом. Когда офицеры стояли на палубе, разгоняя кислород по сосудам, от берега отчалила лодка и направилась к «Пересвету». Когда она подошла ближе, стало видно, что в лодке сидят гражданские. Совсем приблизившись к кораблю, офицеры увидели двух женщин, на вид которым было лет под сорок.

С обветренными красными лицами, в грязных робах. На лицах женщин читалась радость и одновременно напряжение.

— Это метеорологи, помните, что выходили на связь, через Джейн. Их зовут Ингрид и Нора. — Доложил матрос с лодки.

— Везите их на «Монтану», сводите в душ и накормите. — Приказал Коннелли.

— Есть, сэр.

Лодка с метеорологами уехала.

— Ну, вот, капитан, женщины у вас уже есть. — Сказал Татарчук вслед удаляющейся лодке.

— Шутите? У меня сто тридцать человек мужского пола. Боюсь, что этих красоток придется селить отдельно и брать под охрану.

— Вы знаете, как им удалось спастись? — Спросил Терехин.

— Кажется, они забрались в пещеру, в горе, на которой стояло их оборудование. Но там их все равно затопило. Они выжили благодаря тому, что в пещере образовался воздушный пузырь, в котором они провели семь суток.

— Интересно, а сколько всего людей находилось в пещерах? Это же реальная возможность уцелеть. — Предположил помощник капитана.

— Пока мы сможем до них добраться, они все перемрут с голода. — Сказал Татарчук с фатальными нотками в голосе.

По внутренним часам Егора, метель уже продолжалась не меньше пяти часов. Темнело. Ветер, проходя с силой между Егором и рычагами управления, свистел в них. Волны

поднялись не на шутку и перекатывались через плот, замерзая на нем ледяной коркой. Егор не чувствовал своих ступней. Они промокли и замерзли. Пальцы рук, тоже окоченели, попеременно держась за железные рычаги управления.

Сквозь промерзшее сознание, готовое к тому, чтобы перестать бороться, до Егора дошла мысль, что ветер всегда дул ему в спину. Он выровнял плот по ветру, бросил рычаги, укутался с головой в палатку и, не переставая крутить педали, продолжил движение.

Пришел в себя Егор от невыносимой тишины. Кругом стояла крошечная тьма. Ветра и снега не было. За бортом стучалась о плот вода, да бревно периодически ударяло вдогонку. Ледяного ветра не было и в помине, как будто он примерещился. Воздух был теплым, и пах болотом. Ступни ног ломило. По всей видимости, они немного обморозились. Егор встал и сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь по телу.

Он пытался вспомнить тот момент, когда отключился. Что это было с ним, сон или потеря сознания? Как давно закончилась метель? Ему не терпелось дожидаться, когда наступит утро, и он сможет разглядеть, в какие места его занесло. Пока же он занялся проверкой своего имущества.

В луче фонаря он заметил, что на плоту не хватает его рюкзака, в котором была провизия. Наверное, его выбросило за борт во время столкновения с препятствием. Егору чертовски захотелось перекусить. А в том рюкзаке у него был запас питьевой воды и горелка. Сейчас ему бы к стати пришлись бы лишние калории. От холода трясло, как в лихорадке. Егор снова крутанул педали. Водяная взвесь поднялась колесами. Егор попытался ослабить правый рычаг, но он поддался без усилий. Правое колесо не работало. Егор посветил фонарем. Даже с такого расстояния он увидел, что на оси нет пружины отвечающей за возврат клина в паз.

Егор ругнулся. Трясущимися руками он открыл ящик с запчастями, нашел в нем болт и забил его в паз. Теперь механизм отключения правого колеса должен был работать с постоянным зацеплением, а это значило, что повороты направо теперь будут невозможны.

Из-за холода и какого-то перевозбужденного состояния, Егор не отдавал себе отчета в том, в какой ситуации он находился. Он действовал, как под гипнозом. В глубине души теплела только одна мысль, вернуться домой, увидеть родных.

Все, кто мог бы увидеть его в этот момент, могли бы подумать, что Егор пьян в стельку. Глаза его блестели, но почти ничего не выражали. Они стояли, как у сильно пьяного человека. Губы его шептали бессвязные звуки, которые, как эхо повторяли единственную мысль, что ему надо вернуться.

Горизонт постепенно начал озаряться светом. Егору хватило рассудка сопоставить сторону, откуда начался рассвет с направлением движения. Губы тряслись, как при лихорадке, из-за чего сводило скулы. Егору казалось, что воздух стал еще холоднее. Он проникал в каждую мизерную щель в его одежде, заставляя тело содрогаться в новых судорогах.

Небо становилось все светлее, и вместе со светом приходило осознание того, что гор нигде нет, только бескрайняя водная гладь. Егор выбрал направление движения в сторону более яркого горизонта, накрылся палаткой с головой, чтобы надышаться под ней и согреться. Ноги крутили педали. Теплее Егору не становилось, и до него стала доходить мысль, что у него просто повышается температура. Он заболел.

Самочувствие ухудшалось. Временами Егор терял связь с реальностью и не мог понять, где он находится, и что ему делать. Усилием воли, он приводил себя в более менее

нормальное состояние, и продолжал движение. Он не помнил, сколько прошло времени, когда на горизонте показались горы. Их вид приободрил мужчину. Он нашел в себе сил увеличить скорость.

По дороге он впал в беспамятное состояние. Организм Егора работал только над поставленной и сохраненной в подкорке, задачей. Мужчина ничего не помнил, пока не достиг гор. Здесь у него на миг случилось просветление, необходимое для того, чтобы распознать знакомые места и заново проложить курс.

Наступила ночь. Егор причалил к первой попавшейся горе. Неподалеку от берега нашел в камнях выемку, в которой скопилась дождевая вода. Его трясло от ее холода, но он продолжал пить. Потом упал на камни и, накрывшись палаткой, мгновенно уснул.

К утру ему полегчало. Организм, понемногу перебарывал болезнь. Егор встал и осмотрелся. Он с трудом помнил, как оказался на этой горе. Места казались знакомыми, и если бы не болезнь, которая все еще мешала полностью прочувствовать реальность, Егор понял бы, что находится на соседней, от их Черной пещеры, горе.

К обеду, он нашел в себе силы забраться на плот и продолжить движение. Тяжелое бревно, тянуло назад, и Егор пару раз порывался отрезать трос, и бросить бревно. Но здравый смысл запрещал ему пойти на поводу у своей слабости.

Егор несколько раз бросал взгляд на гору впереди и все никак не мог понять, отчего у него становится тепло на душе, пока не признал в ней свой родной дом. Радости не было предела. Единственное, что его омрачало, это то, что Егор подплыл с «задов», и теперь ему нужно было вернуться и обогнуть гору, на которой он устроил стоянку накануне. Это были пустяки, по сравнению с тем, что он пережил в прошлые два дня. Егор развернулся левым боком и не торопясь поплыл назад.

Непогода не обошла стороной и Черную пещеру. Тамара сильно переживала из-за того, что отпустила мужа в такое опасное путешествие. Они с Матвеем по очереди дежурили на выступе их скалы, с которого было хорошо видна гора к северу от них. Оттуда они ждали возвращения Егора.

Отец появился в дежурство Матвея. Мальчишка сорвался с места и побежал сообщить радостную весть семье. Семья выстроилась на берегу, и не хватало только духового оркестра, чтобы понять насколько радостной была встреча. Матвей сразу заметил, что отец что-то тянет на прицепе.

— С добычей возвращается. — Прокомментировал он.

Егор принялся махать рукой издалека. Жена и дети махали и кричали в ответ. Егор пристал к берегу. Матвей принял трос и привычно зацепил его за вбитый в щель между камнями. Клин. Тамара, опасавшаяся спускаться к воде по крутому спуску, не удержалась и бросилась в объятья мужа. Вдруг она отстранилась и внимательно посмотрела на мужа.

— Ты же горячий, как огонь, и бледный! Ты заболел? — Тамара приложила ладонь ко лбу Егора. — Ну, точно, тридцать восемь, не меньше.

— Да, все нормально, Тамар. Я уже иду на поправку.

Егор с сыном забрали с лодки все, что можно было унести в руках. Бревно оставили на потом. Катюшка обняла отца, когда тот поднялся на площадку. Егору показалось, что за неделю его отсутствия, дочь подросла и повзрослела.

Егора накормили, напоили. Тамара сунула ему несколько таблеток и заставила их выпить. Так желаемую им ванну Тамара не разрешила принимать, объяснив это высокой температурой. Егор попытался рассказать семье, что он видел во время путешествия, но

отхлынувшая от мозга кровь свалила его на полуслове.

Находка женщин-метеорологов придала переговорам большую основательность. Их появление сделало мужские разговоры более приземленными и практичными. Командование российской субмарины больше склонялось к скорейшему основанию поселка у любого подходящего берега, чтобы потом начать поиски людей. Основным аргументом, который приводил Татарчук, было то, что люди должны идти туда, где жизнь уже устроена.

Американцы же, наоборот, ставили во главу угла поиск выживших, а у ж затем, обустройство поселка на берегу. Аргументы были убедительными у обеих сторон, поэтому обсуждение продолжалось три дня. Временами оно достигало накала, что казалось, компромисса уже не достичь. Подлодкам придется разойтись, а хранилище семян использовать по своему усмотрению.

Виктор Терехин после обсуждений подолгу не мог уснуть. В голове кружились разговоры. Мозг усиленно пытался выбрать вариант подходящий обеим сторонам. Он считал неправильным желание американцев набить в свою и без того тесную подлодку, еще и спасенных людей.

— Господа! — Начал Терехин на четвертом дне обсуждений. — Мне видится, что проблему мы создаем себе сами. Мы с командиром пришли к такому варианту: наша подлодка ищет подходящий берег, где и организывает поселение. Мы предлагаем вам часть вашего экипажа оставить здесь, на Шпицбергене. Как только мы найдем подходящее место, мы вернемся и заберем их. А вам, для священной миссии сбора выживших, нужно будет место на корабле. Пока вы будете их собирать, мы соорудим поселение. Его координаты оставим здесь, в хранилище, и передадим на космическую станцию, если к тому времени они еще будут на орбите.

Американцы принялись обсуждать предложение.

— А что если мы сами найдем подходящее место для поселения? Лишние люди нам не помешают?

— Не время сейчас селиться порознь. Вместе держаться надо. — Твердо сказал Татарчук. — Нас и трехсот человек не осталось, если посчитать вместе.

Американцы еще полчаса мусолили новое предложение.

— Окей! Мы согласны. Этот вариант действительно самый подходящий. — Коннелли даже встал, что произнести это.

На следующий день с американской субмарины сошли на берег тридцать матросов. Им оставили пропитание и оружие. Чтобы продержаться здесь, на камнях и холодном ветре, запаса питания было недостаточно. Матросы должны были научиться ловить рыбу в озерах, образованных наводнением. В глазах оставшихся военных можно было прочесть чувство, будто их бросили на голодную смерть.

— Парни, как только мы найдем подходящее место, мы сразу же вернемся за вами. — Пообещал им командир «Пересвета»

— Извини, кэп, но женщин я тебе не оставляю. Это стратегический запас, и делиться им мы пока не намерены. — Сказал перед уходом в дальнее плавание американский командир.

В тот же день оба корабля вышли из фьорда и разошлись по своим направлениям. Американская лодка, прямым курсом через Северный полюс, направилась к Аляске. Её экипаж

хотел пройти вдоль побережья самого северного штата, попытаться через Берингов пролив попасть в Тихий океан и обойти западное побережье США до самой Калифорнии. Расчет делался на Кордильеры. Огромный горный массив мог спасти многих людей.

«Пересвет» отправился к северному побережью России. Как и собирались ранее, начинать решили с полуострова Рыбачий, с заходом к Мурманским верфям. Насчет последнего особого оптимизма не питали. Если там не будет ничего подходящего, маршрут собирались проложить дальше на восток, к Островам Новой Земли. Учитывая, что моря здесь неглубокие, была большая вероятность не подойти к берегам. Лучше всего было убедиться в этом лично.

Месяц прошел с тех пор, как посадочный модуль с двумя космонавтами начал свое плавание по бескрайним просторам нового океана. Готовые к этому зрелищу люди все равно испытали шок, когда изо дня в день вокруг ничего не менялось, кроме погоды. Ветра и течения управляли модулем, неся его неизвестно куда.

Как только Кружалин ощутил в себе достаточно сил, он вытянул из воды парашют и убрал его внутрь модуля. Непромокаемая крепкая ткань могла здорово пригодиться для дальнейшей жизни. Если они, конечно, обнаружат землю раньше, чем умрут с голода или жажды. Припасы подходили к концу. Джейн верила, что Игорь обязательно найдет решение, до того, как они обессилят от голода. Кружалин чувствовал это, но понимал, что от его умений мало, что зависит. Течения играли гораздо более важную роль в их судьбе, чем его умение выживать в сложной ситуации.

Пару раз модуль цеплял мель. Всякий раз, когда это случалось, Игоря одолевал страх, что они навсегда застрянут где-то посреди бескрайнего водного простора. Это сулило только смерть. Но ему пришлось на ум использовать парашют вместо паруса. Отсоединив один из запасных парашютов от общей связки, Игорь использовал его. Подтравливая его настолько, чтобы ветер не давал ему опасть в воду, парашюту удалось создать тягу.

Джейн оценила сообразительность напарника. Её вера в то, что все будет хорошо, укрепилась. Устроив мозговой штурм, они пришли к решению, что модулем можно управлять. У них был компас и парус, а это значило, что они могут самостоятельно выбирать направление. Согласно посадочным расчетам они приводнились в северном Казахстане, восточнее южной оконечности Уральских гор. За месяц их могло унести как угодно далеко, а могло кружить на одном месте. Игорь не знал этого наверняка, поэтому решил держаться северо-западного курса. Ближайшая суша была где-то в той стороне.

Они были немало удивлены, когда через неделю попыток поймать и удержать нужный ветер, на горизонте показались горы. Небольшие, старые Уральские горы. Чем ближе модуль подтягивало к суше, тем заметнее становилась разница между водной поверхностью вблизи гор. Вода здесь была темнее и как бы гуще. И течений на вид не было совсем.

Последние двести метров до ближайшего острова добирались несколько часов. Ветер перед горой ослаб и раздувал самодельный парус только редкими порывами. Наконец, дно модуля заскребло по скалистому дну, и замерло. Игорь спрыгнул в воду. Ее уровень доходил ему до груди. Он схватился за стропы и потянул модуль к берегу. Не дойдя метров десяти, модуль прочно сел на дно и занял вертикальное положение.

— Всё, приехали, Джейн.

Кружалин помог напарнице выбраться из модуля и вместе они сошли на берег.

На дворе уже было начало октября. Воздух был свеж. Выбравшись на берег, Игорь понял, что если он не разведет костер, они могут простудиться. Ему пришлось вернуться в модуль и принести скафандр для Джейн, и самому забраться в этот неповоротливый костюм. Тело в скафандре быстро согрелось. Странно выглядела парочка в скафандрах, слоняющаяся по берегу, в поисках горючего.

Голый, вылизанный ветром до камней, остров-гора не давал никаких надежд обнаружить на нем дрова. Игорь сориентировался по компасу по сторонам света, чтобы яснее представить с какой стороны остров был наиболее подвержен ветру. Они пристали к южному берегу, и теперь им следовало идти по правой стороне, потому что она была с обратной, от направления урагана.

Скафандры сковывали движения. Идти по скалистой поверхности, удобной для передвижения разве что горных баранов, было жутко неудобно и опасно. Игорю пришлось отправить Джейн на берег, под предлогом найти удобное место для ночлега. Восточные склоны изобиловали камнепадами. Они были довольно зыбкой опорой. Игорь старался не наступать на них, после того, как эта лавина камней вдруг пришла в движение и с шумом съехала вниз. Игорю повезло, что он сразу нашел твердую опору и отскочил на нее.

На восточном склоне имелся огромный обвал. Часть горы отделилась от основной и обрушилась. Та часть, что выстояла, отошла от горы и образовала огромный тоннель. С виду, место было защищенное от ветров и удобное для того, чтобы соорудить здесь убежище.

Обойдя всю восточную сторону, Игорь увидел, что их гора является первой из цепочки вершин. До следующей вершины было менее километра, и судя по бурунам на поверхности воды, к ней вело мелководье, бывшее до потопа небольшим хребтом. Если приглядеться, то на горизонте виднелась еще суша. Между ней и цепочкой вершин получался своеобразный залив. Склонность к исследованиям заставила Игоря вписать, следующим пунктом, после создания убежища, разведку этого залива.

Ничего горючего Игорь не встретил. Вершина была слишком пологой, чтобы создавать разрежение с подветренной стороны, и все, что было легче увесистого камня, было сметено в воду. Без всякой надежды Игорь решил, что пора возвращаться назад. Напоследок, он решил подняться на самую вершину, и сверху рассмотреть гору. В скафандре сделать это было очень тяжело. Игорь снял его, потому как обсох уже достаточно и налегке поднялся на самую вершину.

С горы открывалась панорама на безграничную водную гладь, теряющуюся в легкой дымке. Кружалин еще раз поразился тому, каким изменениям подверглась планета. Ни в каких самых невероятных предсказаниях не рассматривался этот вид апокалипсиса. Природа, как всегда, оказалась изощренней и хитрее, подсунув человеку то, к чему он совсем не был готов.

На склоне, отполированном ветром и отмытым дождями до блеска, выделялось еще более яркое пятно. Игорь решил спуститься и проверить. Подойдя ближе, он понял, что это, впечатанная в гору машина. Небольшой грузовичок. Он был вмят в небольшую полость горы и расстрелян камнями. Листовой металл, смятый в гармошку, был испещрен разнокалиберными отверстиями. Кузов автомобиля был нафарширован камнями. Колеса грузовика разорваны в клочья. На мятых дисках еще оставались куски покрышек.

Игорь срезал складным ножом, входящим в набор космонавта, куски покрышек. Это были не дрова, но другого горючего ему не встречалось. Останки машины можно было

разгрести и обнаружить в них еще что-нибудь полезное, но прогулка по горам настолько сильно вымотала Кружалина, что он и думать не хотел об этом. Он вернулся к тому месту, где его ждала Джейн.

— Вот, согреемся немного. — Игорь положил перед ней черные куски покрышек. — Дров нигде нет, да и глупо было надеяться встретить их. Ветер вымел все под метелку. Будем сжигать остатки цивилизации.

Джейн критично рассмотрела находку Игоря. Она уже размечталась разогреть на огне одну из коробочек из сухого пайка. Делать это на коптящей крышке она бы не решилась.

— А много этих остатков ты встретил? — Спросила она.

— Один грузовик, на той стороне. Его впечатало в гору. Если освободить его от камней, застрявших в нем, то можно будет найти еще что-нибудь полезное. Но это пока все, что я нашел.

— Ну, ладно, пока и это сойдет. Мы же не остановимся на этом острове навсегда?

— Как знать, не думаю, что остальные острова будут сильно отличаться от этого. Я тут нашел прекрасное место для того, чтобы создать жилище. Я вообще считаю, что нам надо как-то обустроиться здесь, а потом попробовать обследовать все окрестные горы.

Игорь все-таки согрел банку на куске горячей крышки. Он проделал маленькие отверстия для выхода пара. Едкий черный дым не смог придать вкуса еде. Впервые, как приземлились Игорь и Джейн, они ели горячую пищу. Это было так ностальгически приятно, что на мгновения в голове поселилась мысль, а была ли катастрофа? Горячий обед унес обоих космонавтов в прошлое, в те времена, когда это было совершенно обыденной вещью.

Не откладывая дела в долгий ящик, Игорь и Джейн соорудили из парашютов подобие палатки в ущелье. Все, что можно было снять с посадочного модуля, было снято и перенесено в новое жилище. Игорь освободил грузовик от камней. Из частей выхлопной системы ему удалось соорудить трубу, через которую на улицу выходил дым. Сама печка была собрана из камней и железок, которые удалось снять с машины. Конструкцию ее несколько раз меняли, для того, чтобы дым перестал идти в палатку.

На обогрев палатки шло все, что горело. Пластик, поролоновая набивка сидений, уплотнительные резинки. Они жутко чадили, распространяя нездоровый аромат внутри жилища. Это подвигло Игоря скорее начать исследование окрестностей. Из всего, что могло плавать, был только спускаемый модуль. Он стал немного легче, после того, как его освободили от ненужных вещей.

Джейн, ни в какую не соглашалась оставаться одна. Чтобы не быть для Игоря бесполезным балластом, девушка помогала ему сдвинуть модуль на глубину, и вообще старалась вести себя так, чтобы у напарника не возникало желания обвинить ее в бесполезности. Игорь подозревал, что Джейн панически боится оставаться одна и относился к ее помощи снисходительно, делая вид, что без нее, ему было бы гораздо тяжелее.

К чести обоих напарников, они испытывали друг к другу огромное уважение, еще будучи в космосе. Несчастье сплотило Игоря и Джейн. Но к чувству уважения все больше примешивалась симпатия другого рода. Джейн, когда перед ней замаячила перспектива остаться одной, вдруг поняла, что не хочет не видеть Игоря больше нескольких часов. Его присутствие всегда действовало на нее успокаивающе. Джейн некоторое время считала это принятием авторитета товарища, пока он нечаянно не взял ее за талию, чтобы помочь ей отодвинуться в тесноте нового жилища. В тот момент Джейн почувствовала, как ее пронзило

желание. В голову ударила кровь, губы раскраснелись, дыхание участилось. Игорь ничего не заметил. С того момента девушка смотрела на напарника немного иначе, чем прежде, и ей очень хотелось увидеть ответные чувства в его глазах.

Чтобы не полагаться на непостоянный ветер, Игорь смастерил весло. Пользоваться им было немного неудобно, но это было лучшее из того, что он смог придумать. В первый день они добрались до первого острова. Он ничем не отличался от того, на котором обосновались они. Те же голые скалы и никакого сюрприза. Второй остров оказался щедрее. С западной стороны, под отвесной кручей, вперемишку с грязью и камнями лежало несколько стволов деревьев. Достать их было непросто, поэтому Игорь решил, что лучше будет попытаться вытащить их на обратном пути.

Третий остров начинался вровень с другой грядой островов расположенных восточнее. С этого места начинался залив. Вода здесь была спокойнее и темнее, и даже немного припахивала болотом. Игорь догадался, что между этими цепочками гор было похоронено под водой огромное количество всего, что нес на себе ветер. Он представил себе тысячи людей и животных, покоившихся под водой, деревья, траву и почву. Невольно вспомнились жена, дети и родители, которые тоже где-то лежали на дне.

Третий остров был гол, как и четвертый. Пятый отстоял на приличном расстоянии, и был едва различим на горизонте. На полдороги к нему задул северный ветер. К вечеру полетели первые снежинки, быстро переросшие в настоящую метель. Модуль заиграл на волнах. Игорь накрыл проем люка парашютной тканью, чтобы снег не летел в него. Им оставалось только отдалиться силам природы, потому что править в такую метель было совершенно бесполезно.

Быстро стемнело. В стекло иллюминатора бился снег, то и дело смываемый волнами. Игорь не на шутку испугался, что модуль обледенеет до такой степени, что начнет черпать воду открытым люком. Он пару раз выглядывал наружу, подсвечивая фонарем, но ничего страшного не увидел. Мороз был слабым, и соленая вода не образовывала наледи на корпусе модуля.

Тем не менее ночь прошла в тревоге. Неизвестность пугала. Джейн и Игорь сидели спина к спине, укутавшись парашютной тканью. Под ней было тепло. Джейн клевала носом, но засыпать боялась. Отчасти за компанию, из солидарности с Игорем, который упорно следил за уровнем воды в иллюминаторе.

— Игорь? — Джейн произносила мягкий звук «рь» твердо. — А тебе не приходили мысли, что все, что мы с тобой делаем, все эти попытки выжить, приспособиться, на самом деле нам и не нужны?

— Эй, что за мысли? Я понимаю, что мы с тобой немного в депресняковой ситуации, но свет обязательно будет в конце тоннеля!

— Ты про смерть, про видения тех, кто испытал кому?

— Нет, конечно, я про тех, кого мы слышали, с кем общались, пока были на орбите. Людей намного больше осталось, чем мы думаем. Если тебя будут мучить суицидальные мысли, скажи мне, я проходил немного практики по психологии. Если хочешь, я проведу с тобой несколько сеансов. Возьму недорого.

Джейн неожиданно развернулась лицом к спине Игоря.

— А чем рассчитывать надо? — Спросила она игриво, что у Игоря не было сомнений какой товар предложит Джейн.

Прямота немного смутила Игоря. Он еще считал Джейн товарищем. Но, в то же время понимал, что их совместная жизнь непременно приведет к нормальным отношениям, которые существуют между мужчиной и женщиной. И он не собирался противиться этому, потому что близкие отношения должны помогать выживать.

— Смотри, что у тебя есть? Сейчас самая котируемая валюта это еда. — Игорь выкрутился от прямого ответа.

— Хм, мне кажется, что ты пытаешься демпинговать мою валюту. Испокон веков мужчины охотились, приносили домой еду, а там их ждали женщины..., ну ты понимаешь? — Джейн пропустила руки под руками Игоря, обвив его грудь.

— Я понимаю, что психолог тебе больше не нужен.

Игорь почувствовал, что изображать и дальше из себя товарища ему совсем не хочется. Он начал поворачиваться к Джейн лицом. В этот момент модуль зацепил дном о камни. Металлический корпус заскрежетал, наполнив его внутренности душераздирающим звуком. Он продолжался недолго. Модуль замер на одном месте. Игорь увидел испуганное лицо Джейн в свете фонаря.

— Ничего страшного, я думаю, что мы пристали к берегу. — Успокоил он девушку. — Не знаю только к какому.

Игорь выбрался из люка и посветил фонарем сквозь белую пелену метели. Абсолютно ничего не было видно. Только волны и снег. Игорь плотно закрыл люк парашютной тканью.

— У нас есть прекрасная возможность выспаться, пока не наступит утро.

Джейн была не против. Страх немного успокоил гормоны, и сон был бы прекрасным продолжением тревожной ночи. Игорь смастерил подушку из куска парашюта.

— Попробуй, не жестко? — Предложил он Джейн свое творение.

Джейн легла, покрутила головой по ярко-оранжевой материи.

— Сойдет. А ты будешь спать?

— Конечно. Сейчас нам ничего не грозит.

Девушка легла на «подушку» подложив под голову ладонь, спиной к Игорю. Мужчина немного помялся, явно не решаясь на что-то. Потом, отбросив сомнения, он прижался грудью к спине Джейн, просунул свою руку под ее и прижал ладонью крепкую грудь, и совсем обнаглев, просунул между ее ног, свою, уперевшись коленкой в промежность девушки. Джейн приняла эту наглость благосклонно, но дальше форсировать события не стала. Близость согрела их. Сон налил глаза свинцом и пара уснула.

Игорь проснулся оттого, что свет раздражал глаза через веки, а волосы Джейн щекотали нос. На улице рассвело. Метель, кажется, закончилась. Грязная вода в половину иллюминатора лениво плескалась снаружи. Игорь попытался разглядеть через него обстановку вокруг, но плохой обзор мешал это сделать. В который раз Кружалин ощутил себя гостем на чужой планете, который может чувствовать себя в безопасности, только в привычной обстановке, а именно, внутри посадочного модуля.

Игорь хотел встать и выглянуть из люка, но боялся разбудить Джейн. Девушка сладко сопела, и разбудить ее было бы кошунством. Пришлось ждать, прислушиваясь к тихому шелесту волн. Наконец, Джейн зашевелилась, открыла глаза и зевнула.

— Привет! Выспалась? — Спросил ее Игорь.

— Да. Очень хорошо спала. А ты?

— Тоже.

— Когда проснулся?

— Час назад.

Джейн резко развернулась.

— И все это время ждал, когда я проснусь?

— Ага. А что делать, телевизора у нас все равно нет.

Джейн хмыкнула. Игорь встал и выглянул из-под ткани. Он посмотрел во все стороны, никак не комментируя, что увидел. Наконец, к большому нетерпению Джейн, он опустилсся и сказал:

— Кажется, мы приплыли туда, куда надо. Метель забросила нас в страну Оз.

— Ты увидел сияние Изумрудного города?

— Нет, я увидел большую свалку хлама, оставшуюся нам от прошлой цивилизации.

Заинтригованная Джейн не выдержала намеков и сама выглянула наружу. На фоне черной воды, примерно в трех метрах от застрявшего на мелководье плотa, начиналась, белая от снега, «пустыня» разнообразного мусора. Что именно было спрятано под снегом, было неясно, но очертания явно указывали на искусственное происхождение «пустыни».

— Окучиванием этого добра мы и займемся до наступления зимы. — Сказал Игорь.

Он не знал, когда именно начнется зима, но понимал, что рядом с таким добром прожить будет проще.

День за днем, прошло больше двух месяцев после катастрофы. Полярное лето подходило к концу. Оно и так было мрачным из-за низких и плотных туч, регулярно разрождавшихся невероятными ливнями, и обещало вскоре превратиться в абсолютную тьму. «Пересвет» спешил застолбить место для поселения.

Полуостров Рыбачий не подошел из-за той же причины, что и по всему побережью. Темные потоки выносили столько грязи, что по мере приближения к берегу, лодка начинала в ней вязнуть. То же самое произошло и в Мурманске. Зайти к городу даже и не пытались. Опасность, которая подстерегала их там, была очевидной. Виктор Терехин, как и многие офицеры, оставившие в Мурманске родных, всей душой желали подойти к городу, чтобы убедиться в том, что никто из людей не спасся в нем. Иначе они не смогли бы продолжить поиск, пока не попытались бы найти своих.

Для этого Татарчук разрешил группе офицеров из четырех человек, на моторной лодке проехать в залив и осмотреть то что осталось от верфей, дабы не питать бесполезных надежд. С первого раза группа даже не смогла найти то место, где был судостроительный завод. Абсолютно все покрывало грязное болото. Ни остовов кранов стен цехов, ни массивных стапелей, ничего не проступало наружу. Ровная черная поверхность.

С материка в сторону моря существовал поток грязной воды. Там где он встречался с параллельными потоками, кружились мощные водовороты. Вязкая жидкость закручивалась и шумела, меряясь силами одного потока с другим, пугая экипаж утлой лодки. Офицеры, глядя на то, во что превратилась земля, поняли, что искать кого-нибудь среди этой дикой стихии полная бессмыслица. Не солоно хлебавши, они вернулись на борт субмарины, полные желания скорее пристать к любому подходящему берегу.

Пробираясь по мелям, лавируя между выступившими из воды островками суши, субмарина достигла Новой Земли. Этот остров знаменитый своей секретностью из-за ядерных испытаний сильно походил на Шпицберген. Невысокие голые скалы испещренные узкими фьордами, безжизненный пейзаж. Остров делился на две половины узким проливом, имеющим странное название Маточкин Шар. Северный остров, и особенно северная его половина состояла из гор, с вершинами больше одного километра. С точки зрения обустройства он мало подходил, даже визуально.

Безжизненные каменистые утесы больше всего напоминали пейзажи Марса или Луны. Южный остров выравнивался к южной оконечности. То, что ураган здесь был слабее, было видно с борта корабля в бинокль. Склоны покатых холмов кое-где сохранили зелень. Будь здесь такой же ветер, который застал лодку в Атлантике, прибрежные холмы сточило бы до самого камня. Хотя, действие ветра могло ослабить и наводнение. Массы воды, поднявшиеся к северным широтам, могли закрыть собой чахлую растительность острова.

Решено было пристать к берегу в небольшой бухточке. Гидролокатор показывал достаточную глубину и рельеф дна. Лодка подошла вплотную к отвесной стене скалы. Волнения моря здесь почти не ощущалось, поэтому удалось подойти на расстояние выброса трапа. Это был первый сход экипажа субмарины на землю. Чтобы не устраивать из этого

официоз, на землю сошли все, кроме дежурной смены, без построений и произнесения речей.

Около восьмидесяти матросов и офицеров разбились на группы для разведки территории. Терехин знал про местный поселок Белушью Губу, но из-за сильно изменившегося ландшафта был не уверен, что им сразу удастся его найти. Здесь, как и на Шпицбергене, схлынувшая вода оставила множество озер, ручьев и даже полноценных рек, представляющих препятствия для исследования территории. Поселок должен быть в самом начале Костина пролива по левому борту. Но Белушья Губа могла оказаться под водой, или накрыта слоем грязи или полностью снесена в море.

Кое-где ноги вязли в морском иле, но по большей части под ногами были камни, покрытые лишайниками и мхом. С Терехиным напросился в группу Виктор Гренц, и еще три матроса. По плану им предстояло обследовать местность вдоль берега. Виктор Терехин взял с собой ручку и лист бумаги, чтобы записывать все, что будет достойно внимания.

Было невероятно приятно видеть пучки зелени, перенесшие недельное затопление. Частые дожди, наверное, уже смыли все излишки соли назад в море. Поэтому растения с виду выглядели здоровыми и полными сил. Один из матросов, кажется, это был Саломатин, нагнулся над маленьким ярко-синим цветком. Он вдохнул его аромат, так что лепестки прильнули к его ноздрям.

— Ааааа! — Произнес он довольно. — Какой аромат. Домом пахнет.

— Ты в тундре жил что-ли? — Поддел его товарищ.

— Сам ты, в тундре. Я из деревни. Это у тебя в городе дом бензином воняет, у меня цветами, особенно когда свежескошенное сено на задах лежит.

Природа острова, привыкшая к суровым условиям, достойно пережила конец света. Тут и там попадались яркие пятна цветов, небольшие полянки порыжевших листьев морошки, белые и розоватые полянки колоний камнеломки. Терехин не переставал удивляться жизнеспособности растений выбравших для себя такие суровые условия. Животные были более уязвимы против стихии, и этот фактор мог повлиять на будущую судьбу растительного покрова. Насколько зависимы между собой симбиотические связи между животным и растительным миром архипелага должно было показать время.

Если не считать непрекращающегося холодного ветра, то остров Южный архипелага Новая Земля нравился Терехину все больше и больше. По дороге им попадались мелкие озера, в которых била хвостом рыба, выброшенная наводнением. Голодная смерть не грозила им в любом случае. Пойдя не меньше десяти километров вдоль побережья, они наткнулись на выброшенный на берег рыболовецкий сейнер. Судно с темно-синими бортами и номером вместо названия, лежало в мелком озерце, на левом борте. Палубные надстройки были смяты. Лебедка согнуло пополам и верхняя часть ее, вместе с тросами торчала из воды.

Группа обступила корабль. Неожиданно из-за корабля взлетела стайка потревоженных чаек.

— О! — Удивился матрос из деревни. — А это первые птицы, которых я увидел после этого... урагана.

— Точно, на Шпицбергене я их не видел. — Припомнил Гренц.

— Хороший знак. — Сказал Терехин.

Судно обошли со всех сторон. На вид, его борта почти не пострадали от стихии. Группе вспомнился другой корабль, повисший на скалах, с простреленными насквозь бортами.

— Если обоснуемся здесь, можно попробовать стащить его в воду и снова приспособить

его для ловли рыбы. — Подумал вслух Гренц.

— А пока нужно посмотреть, что можно снять с него для дела. — Виктор Терехин достал листок и ручку, осмотрел приметные места и нарисовал на листке силуэт корабля, обозначив расстояния до берега и ближайших холмов.

Пришло время возвращаться. Интересно было узнать, что обнаружили остальные группы. В кают-компании «Персвета» было шумно. Каждый руководитель группы делился своими новостями с другими. Кают-компания напоминала фондовую биржу в момент обвала акций.

— Так, командиры, можно немного потише! — Татарчук встал и приподнял руку. Он дождался, когда все затихнут. — Спасибо. Давайте по очереди. Начнем с капитана Терехина. Пожалуйста, Виктор Ефимович.

Терехин описал маршрут, которым они добирались. Он рассказал про хорошо сохранившуюся растительность, про озера, полные рыбы, про чаек, оставив корабль на десерт. Когда он упомянул о рыболовецком сейнере и его приличном состоянии, по кают-компании прошелся довольный шепот.

— Ну что ж, отличная новость. Спасибо капитан.

У командира следующей группы были только озера и ручьи. Третий описал отличное место, где было скопление бревен, скорее всего, потерянных каким-нибудь кораблем, перевозившим лес. Это было важно для будущего освоения острова. Четвертая группа наткнулась на поселок. Здания его были смыты наводнением, но фундаменты, дороги выложенные плитами и взлетно-посадочная полоса пребывали в приличном состоянии, разве что немного затянуты илом. Но самым важным в их находке были большие бухты алюминиевых проводов, до которых наводнение не добралось. Когда поселок начнет возводиться провода могли соединить двигатель лодки с поселком, нуждающимся в энергии.

Пятая группа нашла как раз следы поселка. Стены зданий, облицовку, крыши растянуло по огромной площади. Вода уходила с севера на юг и несла за собой разрушенный поселок. Им повстречалось множество бытовых вещей, автомобилей и прочего, что составляло нормальное функционирование жизни в поселке. Из пострадавшего имущества можно было попытаться сделать что-нибудь рабочее.

Шестая группа, двигавшаяся вдоль берега, но в противоположном от группы Терехина направлении, встретила только трактор-кабелеукладчик, наполовину затянутый в прибрежную гальку.

— Итак, подводя итоги ваших исследований, могу заключить, что у нас есть все необходимые основания для строительства поселения на этом острове. Надо будет произвести полную инвентаризацию имеющихся у нас строительных материалов, обмозговать, как следует, что из этого можно построить и приступать. — Татарчук посмотрел на офицеров и встретил в их глазах одобрение.

При всей любви к флоту и приключениям, каждый офицер и матрос мечтал ступить на твердую землю. Строительство поселка было начато на подъеме инициативы, смекалки и высокой отдачи труда.

Осень подарила тепло. «Бабье лето» захватило октябрь. Все усилия семьи Горбуновых были направлены на подготовку к зиме. Егор пытался воссоздать в пещере подобие дома. Он

наконец полностью разобрал фуру. Из ее бортов и крыши он сделал комнату в пещере. Получился такой домик в домике. Стеллажи оченьгодились. Егор собрал из них полки, стол и стулья. Получилось уютно.

Из двух емкостей для электроводонагревателя он сделал печку. В первой емкости была собственно печь, а во второй, верхней, была вода. От второй емкости, вдоль стен, шли пластиковые трубы, подключенные к радиаторам отопления. Воду для отопления, Егор собирал исключительно дождевую. Фильтровал ее и заливал в систему отопления.

Его изобретение заработало не сразу. То воздух в системе появлялся из-за неправильного угла наклона, то трубы текли. Герметики, добытые из фуры, пришлось как нельзя кстати. Наконец, все проблемы были устранены и, Егор продемонстрировал семье свое творение. Небольшое помещение нагревалось быстро. Тепло давало ощущение небывалого уюта, уже забытого напрочь. Топить печь можно было чем угодно, хоть крышками. Тяга получилась хорошей, и дым совсем не попадал в помещение, уходя через трубу в многочисленные ходы пещер.

Матвей, заделался охотником. Ему очень нравилось бродить по тоннелям и лазам пещер, расставляя ловушки для крыс. Он уже сам мог сесть на плот и сплавать в течение дня к двойной горе. Набрать там дров, лягушек и вернуться домой.

Тамара и Катя вместе занимались хозяйством. На их долю приходилась готовка, уборка, стирка и прочие женские радости. Они совсем не изъявляли желания сплавать куда-нибудь. Напротив, их пугали открытые водные пространства.

Прием передач с МКС не прекращались. Они дарили надежду, что скоро люди смогут объединиться и совместным трудом преодолеть трудности. Из передач Горбуновы узнали, что здорово повезло экипажам подводных лодок. Они спасались от ветра, уходя на большую глубину, стремительно мелеющих океанов. Больше всего повезло лодкам с ядерными реакторами. Их автономность позволяла существовать продолжительное время, превратив субмарины в плавучие дома.

Согласно, последним отчетам, нынешние океаны и моря превратились в подобия таких же грязных водоемов, что и везде. Вода с затопленной суши стремительно возвращалась назад, таща за собой весь мусор и грязь. Подлодки, мигрировали к полюсам, наименее пострадавшим от наводнения.

Были сообщения о выживших в горах, так же, как и Горбуновы. И таких людей должно быть намного больше, чем тех, кто смог о себе заявить. Выжили военные, запертые грязью в своих подземных пунктах управления. В общем, человечество не погибло, но сильно проредилось. Теперь, для нормальной коммуникации между выжившими, нужно было ждать много лет, когда вода уйдет в океаны, открыв сушу.

Матвей отправился к Верблюду, двойной горе, которую они сами называли так, за сходство с горбами этого животного. Помимо охоты на крыс и лягушек мальчик отвечал и за озеленение их горы, и за распространение по округе лягушек и личинок мошкары.

Дорога до Верблюда на плоту занимала чуть более часа. И то, если бы не водоросли, время от времени наматывающиеся на колеса, можно было бы проделать этот путь гораздо быстрее. Матвею приходилось останавливаться и очищать колеса, теряя время. Дорогу можно было считать безопасной, если бы не поднимающиеся со дна водоема пузыри газа. Их появление участилось. Отец приказал сыну держать под рукой мокрую тряпку, чтобы дышать через нее, если вдруг пузырь лопнет совсем рядом с плотом. Возможно, в этом не

было особой нужды, но родители есть родители. Им всегда кажется, что их ребенку угрожает опасность.

Матвей благополучно добрался до горы. Припарковал плот к вбитому клину, и отправился набрать земли. Вода покинула уступ, на котором сохранился лес. Настойчивая растительность уже пробивалась из-под корки грязи. Трава, тоненькие стебельки деревьев, тянулись к свету. Матвей избирательно поддевал топориком дерн и складывал его пластами в рюкзак. На их горе, очищенной до блеска ветром, не было и намека, на то, что там появится растительность. Приходилось это делать за природу.

Осень дарила людям последние теплые дни. Лягушки орали как оголтелые, чувствовали, что скоро им придется отправиться в зимний анабиоз. Мошкара донимала и лезла под одежду. Матвей набрал полный рюкзак земли, забрался на нагретый камень скалы и просто уставился в сторону горизонта, на восток.

За Верблюда они еще не плавали. Наверняка, там, за горизонтом, тоже были горы, а может быть, уже начинались степи, покрытые водой. Матвей знал, что родители не одобряют его намерения сплавать в ту сторону, но подростковый максимализм и неподкрепленная опытом уверенность в своих силах настойчиво советовали ему воспользоваться шансом.

Матвей загрузил на плот, рюкзак, и бутылку с собранными в нее головастиками. Справа гору обогнуть было нельзя. Стремительный поток воды покидающей долину мог опрокинуть плот или утянуть его на дно водоворотами. Слева путь был длиннее, но спокойнее. Матвей налег на педали.

Себе он дал зарок, что проплывет вперед на расстояние одного часа и тут же вернется назад, чего бы он там не увидел. Под мерные удары лопаток по воде Матвей не заметил, как гора Верблюд осталась далеко позади. Он обернулся и увидел теряющуюся в дымке испарений двойную вершину. Данное себе обещание вернуться через час как-то потеряло силу. Паскудный чертик нашептывал на ушко продолжить движение. А что может случиться в этой спокойной воде?

Видимость на открытой воде не превышала пяти километров. Матвей с отцом вычислили это расстояние экспериментально. Горизонт терялся в пяти километрах впереди и за дымкой, застилающей его, могло оказаться что угодно. Матвей дал себе второе обещание, что проплывет еще час и точно вернется назад.

Он снова налег на педали. Лопатки подкидывали над плотом все больше водорослей. Запах болота усиливался и Егор решил, что глубина до дна в этом месте меньше, чем у них. Справа вздулся пузырь газа. Он мягко лопнул и через мгновение нос ощутил запах сероводорода. Матвей прикрыл нос влажной тряпкой, как учил отец. Ему показалось, что толку от такого фильтра немного. Вонь все равно чувствовалась.

Левое колесо крутилось в натяг. Стебли водорослей закрутились возле него, и пора было освободить его от них. Матвей остановил плот, достал самодельный нож и принялся обрезать стебли. Он посмотрел назад, горы не было видно совсем. В душе затомилось чувство, что он совершил глупость. Пока гора маячила сзади Матвей чувствовал спокойствие, но как только он понял, что остался один посреди бескрайней водной глади, не имеющей ориентиров, ему стало немного страшно. Он твердо решил, как только очистит колесо, возвращаться назад.

На всякий случай Матвей проверил и правое колесо. На нем почти не было водорослей. Пока он срезал их тугие стебли, глаз уловил какое-то движение в воде. Матвей внимательно посмотрел в воду. Вряд ли могло что-нибудь выжить в ней. Только когда он увидел

переливающуюся радужными бликами сферу, под самым плотом, за секунду до выхода на поверхность, до него дошло, что это поднимается шар газа. Матвей метнулся к мокрой тряпке, но не успел. Газовый шар вышел из воды под самым плотом. Плот ухнул в образованную шаром яму. Матвей не удержался и упал в воду. Перед тем, как свалиться, он успел вдохнуть газ. Мозг, на мгновение, выпал из реальности. Егор слышал шум воды и поднимающихся к поверхности пузырей воздуха, но ничего поделать не мог. Ему казалось, что это происходит не с ним.

Еще немного, и Матвей мог бы пойти на дно. К счастью спазм легких, жаждущих порцию кислорода, вывел мальчика из созерцательного состояния. Егор глотнул воды и закашлялся. Руки и ноги рефлекторно потянули его к поверхности. Он выплыл на поверхность, отчаянно кашляя водой из легких. В груди загорелось огнем. Некоторое время Матвей ничего не соображал, а только кашлял.

Откашлявшись, он стал искать глазами свой плот. Тот оказался метрах в двадцати от мальчика. Естественно, на палубе было чисто. Ни рюкзака с землей, ни бутылки с головастиками, ни ящика с инструментами и запчастями. Матвей поплыл к плоту. Забрался на него. Кашель еще давил его. В горле стоял привкус крови и болотной жижи.

Матвей огляделся по сторонам. Страх сжал холодными щупальцами его сердце. Он понятия не имел в какую сторону ему нужно плыть. Черная вода от горизонта до горизонта. Как назло, в небе началось движение, быстро переросшее в проливной дождь. Матвей сидел, уткнувшись лицом в колени. Дождь хлыстал его по спине и голове, скатывался по лицу и смешивался со слезами.

— Матвей еще не приплыл? — Егор вышел из пещеры и щурясь на свет посмотрел в сторону Верблюда.

Тамара, стиравшая в это время в уличной ванне, тоже обернулась, чтобы разглядеть плот.

— Наверное, ждал, когда дождь пройдет? — Сказала она, хотя материнским чутьем уже начинала переживать за сына.

Егор что-то пробубнил сквозь зубы. Из водного транспорта у него имелась только камера от грузовика и весло. Плыть на камере получалось раза в три дольше, чем на плоту.

— Если через час не появится, поеду его искать. — Твердо сказал отец.

Через час сын не появился. Тревога нарастала. Тамара, сведя брови к переносице, не отрываясь смотрела в сторону двойной горы. Егор сел на баллон, пропустив ноги в отверстие посередине и энергично работая веслом отправился на поиски сына.

Матвей пытался вспомнить, что рассказывал отец о том случае, когда метель так же заставила его потерять ориентир. Ему вспомнилось, что отец рассказывал о том, как он заметил направление, откуда возшло солнце и держался его, чтобы приплыть к горам. Сейчас, солнце находилось где-то посередине небосвода, понять в какую сторону оно пойдет на закат, было невозможно. Матвей решил, что придется ждать заката и плыть на него.

Он живо представил, что творится в его семье, по поводу его долгого отсутствия. Внутренний голос ругал Матвея за легкомыслие, корил его и называл всякими оскорбительными словами. Рядом вышел на поверхность еще один огромный пузырь. Лодку качнуло. Воздух тут же наполнился смердящим зловонием. Матвею захотелось назвать это место Мертвым морем.

Первобытная жизнь уже успела закалить мальчика, он вспомнил, как пропал в пещерах горы. Тогда его захлестнула паника, страх, что он ничего не может сам, и ему придется ждать родителей, чтобы они спасли его. Сейчас же Матвея больше терзала совесть, что он заставил родителей переживать. Страх небольшой был, и он был связан с тем, что газ мог еще раз сыграть с ним злую шутку. Предсказать появление пузырей было невозможно и, поэтому приходилось полагаться только на случай и удачу.

Солнце начало клониться к закату. Солнечный свет, проходя через грязные облака, рассеивался. Направление можно было выдерживать примерно, и шанс промахнуться мимо родной горы был велик. Матвей взял немного севернее, отчего-то считая, что его сместило на юг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Через час горы все еще не появились. Небо стремительно темнело. Мальчику хотелось пристать к любой суше лишь бы не оказаться на воде ночью. Его пугала перспектива попасть под выход газа в темноте. Вероятность этого была ничтожно мала, но обжегшись на молоке, люди привыкли дуть и на воду.

Снова стало подклинивать левое колесо. Водоросли намотались и мешали ему работать. Матвей бросился искать нож, но вспомнил, что держал его в руках, когда упал в воду. Он попробовал снять водоросли руками, но их тугие и скользкие стебли совсем не поддавались на усилия. Тогда Матвей попытался перекусить их. Неожиданно, это удалось. Водоросли имели привкус болота, но на вкус казались съедобными и напоминали отдаленно привкус морской капусты, ламинарии.

Матвей подумал про еду и желудок заурчал. Мальчик поднял перед собой стебель морской травы и, зажмурившись, сунул его в рот. Организм принял необычную еду спокойно. Матвею даже показалось, что он приобрел энергию. Он снова пустился в путь. Солнце уже висело над горизонтом. Сквозь коричневые облака оно отражалось красным отсветом на черном глянце водоема.

Из-за особого преломления лучей, подсвечивающих дымку, рассмотреть что-либо на горизонте не представлялось возможным. Матвей все глаза проглядел, но не мог с уверенностью сказать, есть ли там горы или нет. Он вставал на цыпочки, как-будто это могло помочь ему. Временами ему казалось, что он видит горы, а в следующее мгновение он понимал, что это оптические иллюзии, вызванные напряженным вглядыванием.

Солнце заходило за горизонт, и все, что видел Матвей, это была золотисто-красная полоса заката. От неё красная дорожка шла прямо к плоту, указывая верный путь на запад. Мальчик был уверен, что выбрал правильное направление, и рано или поздно найдет свой дом. Его больше беспокоило, что родители не находят себе места. Ради них он торопился вернуться.

Стемнело. Матвей не остановился. Вырывающийся на поверхность газ, периодически напоминал о себе сероводородным запахом, Матвей, во что бы то ни стало, спешил выбраться на сушу. Через каждые десять минут он останавливался и прислушивался. В природе царил полное безмолвие. Матвей боялся услышать шум водопада, коих было в избытке вокруг их долины.

Он в очередной раз остановился послушать природу, да и на колеса снова намотались водоросли. Матвей подцепил зубами сколький стебель и дернул. Водоросль поддалась. Он очистил одну сторону и собрался перейти к другому колесу. Мальчик не сразу сообразил, что у него над головой шумит рой мошкар. Матвей отмахивался от них, пока до него не дошло,

что насекомые живут вблизи от суши.

Быстро очистив второе колесо, Матвей продолжил движение. На темном фоне неба появилась еще более темная тень горы. Она быстро приближалась. Матвей сбавил скорость и осторожно причалил к берегу. На душе отлегло. За прошедший день он успел почувствовать отвращение к воде.

Спать пришлось на голых камнях. Мошकारа лезла в лицо, кусала в кисти рук и торчащие из-под штанов лодыжки. Но это были пустяки, по сравнению с ночевкой на плоту. Матвей уснул, как убитый.

Проснулся он рано утром, от холода. В утренних сумерках Матвей рассмотрел, что пристал к северной оконечности Верблюда. Это здорово обрадовало мальчика. Он встал. Разогрел немного тело физическими упражнениями и пустился в путь. Матвей так бодро налег на педали, что чуть не проглядел лежащий у берега баллон. Ему сразу стало понятно, что это отец пустился на нем на поиски своего непутевого сына. Матвей повернул плот в сторону баллона.

Отец спал, как и Матвей на голых камнях. Сын бесшумно причалил к берегу, слез с плота и осторожно тронул отца за плечо. Егор резко открыл глаза и сел.

— Ты, ты, где был? — В глазах отца была и радость от того, что сын нашелся и вопрошающая строгость.

— Пап, я, это, я хотел немного за Верблюда сплавать, а там, понимаешь, там вода совсем стоячая и газа много. Прямо подо мной пузырь вышел, плот упал туда, а меня в воду сбросило. — Последние слова Матвей говорил на грани плача.

Отец отвесил звонкий подзатыльник Матвею и тут же обнял его.

— Балбес. — Смог выдавить отец, потому что к горлу подступил ком.

Из неудачной попытки Матвея расширить горизонты территорий вышла одна полезная вещь. Горбуновы теперь добавляли водоросли во все блюда. Они так прижились по вкусу, что спустя пару недель огромные пучки их сушились на веревках перед пещерой. Надо полагать, что скудное питание до этого не могло восполнить потребности организма во многих питательных веществах и минералах. Как только в меню появились водоросли, все члены семьи заметили прибавку энергии и сил, что в свою очередь отразилось на общем самочувствии.

Люди уже давно придумали, как должен выглядеть постапокалиптический мир, а Игорь Кружалин и Джейн Оукленд воплотили их представления в жизнь. Ни в одной из гор в округе не было пещер, поэтому пришлось создавать себе жилище из всего, что было под руками. В достатке были кузова мятых автомобилей, вырванные с корнем деревья, листовое железо, в первую очередь сорванное с крыш домов, и в самом конце свалки лежали железнодорожные контейнеры, неплохо перенесшие катастрофу.

Неподалеку от свалки, Игорь нашел неплохое место, где небольшой уступ нависал над ровной площадкой. Это место бывшие космонавты в течение месяца превращали в жилье. Со стороны, результат их усилий здорово напоминал домик жителей Мегатоны. Куски листового железа соседствовали с частями автомобилей, а щели между ними были заложены камнями. Стены были толстыми, а все щели в них были выявлены и замазаны черной грязью.

Внутри этого домика было просторно. Пол был утеплен коврами из железнодорожных контейнеров. Содержимое контейнеров и послужило основной меблировкой жилища. В домике было все, к чему привыкли люди, и даже гардероб. В контейнерах было много зимней одежды, поэтому предстоящая зима совсем не страшила.

Жилище было разделено на комнаты. Они были условными, без стен. С порога начиналась кухня и соседствующая с ней душевая. Они делили тепло печки между собой, поэтому и были рядом. Напротив душевой была спальня. Она состояла из старой панцирной кровати и небольшой тумбочки рядом с ней. Перед сном Игорь любил разглядывать Джейн принимающую душ. Джейн специально принимала его после Игоря, чтобы тот успел нагреть постель. Игорь был не против этого, получая заряд бодрости от созерцания красивой женской наготы. Напротив кровати висели два скафандра, напоминая молодым людям об их космическом прошлом. Кроме этого, они могли бы пригодиться на случай сильных морозов, если случатся перебои с дровами.

В самом конце жилища было прохладнее, поэтому там находился склад вещей и продовольствия. Раскопки на свалке, время от времени, дарили настоящие сюрпризы. Совсем недавно Игорь раскопал остатки грузовика, в котором нашлись два мешка ячневой крупы. Случай сделал так, что они оказались в воздушном пузыре, и грязь не попала в них. Легкий запах плесени присутствовал в крупе, но Джейн перебрала ее, выбросив испорченную часть. Оставшуюся крупу хорошую прогрели на огне и ссыпали назад в мешки. Получилось полтора мешка. Это было хорошее дополнение к консервам, которые периодически попадались на свалке.

На первый взгляд причина свалки в этом месте казалась непонятной. Игорь предположил, что между двумя цепочками гор, во время урагана возникли аэродинамические завихрения, которые вырвали из потока блага цивилизации. Трудно было представить, как бы Игорь и Джейн себя чувствовали, если бы не этот подарок судьбы. Еда из космоса, как ни пытались ее растягивать, быстро закончилась. Рука судьбы как будто привела их сама в это место, устроив метель.

К тому времени, как стукнули сильные морозы, в поленнице уже было достаточно дров. Мачете, входившее в состав НАЗ-7, работало без устали. Постоянно затачивая и оттягивая его на камне, Игорь сточил четверть толщины лезвия. Следовало поберечь этот ценный инструмент. Игорь стал использовать мачете только для разрубания бревен на полена и обрубания веток. Полена он разрубал на чурбаки самодельным механизмом, благо железа было навалом.

Заготовка дров была самым трудоемким процессом. Бревна были сырыми, кололись на чурбаки плохо, правда пока не пришла зима с морозами. Мерзлые полена раскалывались только одной силой мысли. Затем, мокрые чурбаки нужно было высушить, для того, чтобы они нормально горели. Делалось это на печке, и рядом с ней. Иногда Игорю так надоедало это занятие, что он бросал все и топил печь автомобильными покрышками. Получалось нагреть жилище гораздо быстрее, и с меньшими затратами сил. Но печка работала не идеально, и немного дыма попадало в помещение. Джейн не одобряла этого.

Зима сразу взяла в оборот. Она долго собиралась, но как только наступила, мало не показалось никому. Первая метель бушевал три дня. В пещеру долетали звуки вьюги, но в импровизированном домике было тепло, светло и уютно. Горбуновым не хватало книг. Ими

можно было бы себя развлечь в свободное время, которого было очень много. Матвей и Катюшка терзали телефон, но он вскоре сел и они тоже загрустили.

Егор пытался пересказывать книги или фильмы, но рассказчик из него был никакой, и семья каждый раз засыпала под его монотонный пересказ. Тамара находила себе занятие в готовке еды, тем самым избегая уныния. Ей приходилось включать воображение, чтобы каждый раз удивлять семью.

Сразу после метели наступили трескучие морозы. В новом мире воздух был намного влажнее, чем прежде. Низкая температура вымораживал влагу, покрывая все инеем. Когда Горбуновы в первый раз вышли на свежий воздух, они были изумлены переменами в природе. Все вокруг было белым. Горы и вода. Скалы были покрыты узорчатым рельефным инеем, похожим на рыбы плавники. Дети проводили по нему рукой, и он осыпался со стеклянным звоном. Морозы успели сковать воду льдом и покрыть слоем снега. Лед еще был тонким, и ступать на него было страшно. Он проминался под ногой и подозрительно трещал.

Чем занять себя зимой Егор не представлял. Для задуманного им путешествия лед был тонок, а там, где были течения, его могло еще не быть. Теплой одежды у них не было, а идти куда-то в морозы налегке самоубийственно. А Егору, да и всей семье еще хотелось пожить. Никто не представлял, какую цель преследует их жизнь. Воспитать достойных детей? А кто это оценит? Для родителей дети всегда будут достойными, а других людей они пока не встречали. Материальные блага, считались таковыми только в сравнении с соседскими. Сейчас Горбуновых можно было назвать нищebroдами, сравнимыми с бомжами, но их мало волновало такое сравнение. Проплыви мимо их пещеры контейнер с отходами, они бы непременно поковырялись в нем, чтобы найти что-нибудь полезное. И были бы счастливы, если бы действительно нашли. Карьеры не было, и никого это не расстраивало. Напротив, Тамара, что было очень удивительно, чувствовала себя счастливой. По утрам она просыпалась с удовольствием, планировала свой распорядок и вдохновенно отдавалась ему. Такого не было с ней еще со школьной скамьи. Подсознательно Тамара чувствовала, что именно в школьном возрасте ее сломали, заставив принять чуждые ей правила жизни. Она их приняла, потому что безоговорочно верила взрослым и сама стала поступать так же, пытаясь «осчастливить» мужа и детей.

Хотя, до сих пор, Тамара, да и Егор, воспринимали настоящую жизнь, как затянувшееся приключение. Инертная часть сознания ждала, что, в конце концов, все вернется к нормальной жизни. «Нормальной», значило привычной прошлой жизни, но голос разума все настойчивее глушил инертное сознание, убеждая его принять эту жизнь, как единственную нормальную.

— А ты знаешь, мой расчет оправдался. — Сказал как-то Егор жене, имея в виду семейное путешествие к Черной пещере. — Правда, для этого пришлось убить человечество.

— А по-другому никак. — Согласилась Тамара. — Они нам давно мешали.

Лед становился толще, и ходить по нему стало совсем не страшно. Егор с сыном для добывания водорослей рубили лунки во льду и вынимали их самодельными крюками. Один случай навел Егора на интересную идею. Как-то прорубая очередную лунку, он попал на место, где подо льдом находился огромный пузырь газа. Егор не видел его и догадался о его существовании, только когда газ засвистел в прорубленное отверстие, и завоняло серой.

Спустя день, Егор смастерил из ставшей бесполезной газовой плитки и трубы газовую горелку. Он нашел еще один пузырь подо льдом, пробил в нем аккуратное круглое отверстие

и когда из него пошел газ, заткнул его трубкой. Плитка щелкнула пьезо розжигом и подожгла газ.

— Вот вам и цивилизация. На этом халявном газе можно и готовить и палатку обогреть в походах.

Изобретение на самом деле было очень необходимым. Егора не покидала мысль, отправится в те места, где раньше были населенные пункты. Он рассчитывал, что часть их могла показаться из-под воды. Горбуновы начали испытывать затруднения с солью. Без нее их скромное меню становилось совсем безвкусным. Егору мечталось найти хоть какую-нибудь крупу. Он несколько раз видел во сне, как с огромным удовольствием наворачивал за обе щеки гречневую кашу и запивал ее горячим кофе.

Еще Катюшка требовала книжки, да и Матвей не прочь был занять себя чтением. А Егору и Тамаре достаточно было клочка старой газеты, чтобы уронить ностальгическую слезу об ушедшем прошлом.

Таким образом, придуманная идея с горелкой была как нельзя кстати. Она и подстегнула процесс подготовки к путешествию. На этот раз Егор решил взять сына с собой. В случае удачи, возвращаться назад они должны были с грузом, а вдвоем они могли принести гораздо больше.

Тамара утеплела одежду, подшив подкладку из обшивок сидений автомобилей. В обувь сделали стельки из крысиных шкур, а подошву нарастили вырезанными из покрышек кусками резины. Одежду проверили на морозе. Она показала себя неплохо. В отапливаемой палатке в ней можно было спать поверх спального мешка.

Дыру для газа из соображений безопасности решили пробивать не внутри палатки, а в стороне. Газ подводился по гибкой трубке внутрь палатки. Среднего пузыря хватало на ночь, если открывать вентиль на одну четвертую мощности. Этого хватало на поддержание плюсовой температуры. Днем, для приготовления или разогрева еды, можно было не экономить.

Для похода Егор соорудил два корыта, в которых на обратном пути они должны были везти добычу. Это были смелые надежды. Но даже в случае, если они вернуться с пустыми руками, Горбуновым не грозила голодная или холодная смерть.

День выхода перенесли на пару дней из-за разбушевавшейся метели. Сразу за ней установилась спокойная погода с небольшим морозцем. Снега успело подвалить немало. Перед входом в пещеру появился сугроб полностью закрывающий его. Матвеем и Катюшке это было в радость. Сугроб тут же обзавелся ходами и пещерами.

Ранним утром мужская половина Горбуновых отправилась в поход. Они сразу спустились на лед и направились на запад, в обход горы. Чтобы не провалиться одновременно под лед, они решили идти следующим образом: отец шел впереди, и тащил за собой оба корыта, вставленные одно в другое. Матвей шел позади, так же привязанный к корытам. Если отец проваливался под лед, то у Егора было время среагировать и вытянуть отца.

Метель сдула снег с ровной поверхности. Идти было легко. Протекторная подошва хорошо цеплялась за лед. Егор совсем не ощущал груза, громыхающих позади него, корыт. В прошлом, Егор немало поколесил по этим местам и с закрытыми глазами знал все дороги и деревушки в округе. Он вспомнил некоторые из них, которые вполне могли находится над поверхностью.

Идти им надо было строго на запад, примерно так, как шла дорога к Черной пещере. Дорогу, разумеется, не было видно, поэтому приходилось использовать солнечный ореол, немного проглядывающий из-за низких туч, как примерный ориентир.

К зиме тучи не стали светлее. Они даже немного потемнели и приобрели серый оттенок. Из-за этого снег не казался белым. От горизонта до горизонта простиралась серая равнина, местами упирающаяся в подножия таких же серых скал.

Местами, метель вымела снег до самого льда, и тогда лед, на фоне серого снега, казался почти черным. Под прозрачной поверхностью льда скрывался рисунок из трещин и вкраплений пузырьков газа. Кое-где это были не вкрапления, а настоящие газовые хранилища, пятном до нескольких десятков метров в диаметре.

Через пару часов похода гора с Черной пещерой скрылась из глаз. От нечего делать, Матвей разглядывал лед под ногами. Во всем однообразном окружающем пейзаже, только его рисунки из трещин и пузырьков не повторялись. Матвей развлекал себя игрой, представляя на что похожа та или иная комбинация трещин и пузырьков. Ему виделись дома, машины и даже слоны. Так они протопали половину дня.

Отец остановился. Под ними находился небольшой газовый пузырь. Пока отец проделывал дыру во льду, Матвей собрал палатку. Они по-быстрому разогрели обед и приготовили чай на вишневых ветках.

— Как хочется нормального чая попить. — Посетовал отец, отпивая красноватой жидкости, пахнущей компотом.

— А я бы кофе выпил, или какао. — Сказал Матвей.

— Я помню, как на одном крутом повороте магазинчик стоял, недалеко отсюда. Он, то ли «Ручеек», то ли «Солнышко» назывался. Его-то, скорее всего, нет уже, но за дорогой у них склад был, его могло немного прикрыть от ветра. Думаю, начать с него.

— А сможем найти?

— Там местность холмистая такая, дорога идет, то вверх, то вниз. Думаю, что те холмы выше уровня воды. А магазинчик был почти на самом верху. Если не найдем, то севернее можно попробовать найти село Никольское. Там у них турбаза была с подъемником. Они тоже выше должны находиться.

— Мне даже и не верится, что над водой есть что-то кроме гор. — Поделился сомнениями Матвей.

— Вот и посмотрим.

Мужчины двинулись дальше. Спустя пару часов после обеда Матвей разглядел раньше отца непривычную линию горизонта. Вымороженный от излишней влаги воздух, зимой, позволял видеть горизонт раза в два дальше, чем летом. Горизонт стал неровным.

— Кажется, впереди холмы! — Матвей перекричал скребыхающие по голому льду корыта.

Отец остановился, приложил ладонь ко лбу и всмотрелся в горизонт. Так и было. Он тоже сумел различить неровный горизонт. Егор дернул повозку вместе с сыном и ускорил шаг. Через час холмы было видно совсем отчетливо, а еще через час они стояли подле небольшого холма, не меньше, чем на две трети скрытого в воде.

— Осталось вспомнить, на каком из холмов находился этот «Ручеек» или «Солнышко»? — Задумчиво произнес Егор.

Под холмом лежал снег. Егор решил оставить корыта внизу, потому что забраться с ними наверх было намного труднее. Утопая по пояс в снегу, Егор с сыном пока забирались

на холм, вымотались больше, чем за весь день похода.

— Ну, что, похоже это на то место? — Спросил Матвей отца, имея в виду, тот поворот, где стоял магазинчик.

— Да, хрен поймешь. Тогда лес был и дорога, а сейчас что? Ни того, ни другого.

Егор осмотрелся. Позади них было серое поле, а впереди, меж серых полей льда еще несколько холмов. Он закрыл глаза и постарался восстановить в памяти все подъемы и повороты. Первый подъем, затем спуск, в нижней точке которого был родник, обложенный камнем, затем снова подъем и спуск, и на третьем подъеме дорога резко поворачивала вправо. Там стояли ограждения, а за ними небольшое расчищенное пространство, на котором стоял магазинчик, а летом еще и открытая терраса кафе.

Егор открыл глаза и попытался наложить свои воспоминания на рельеф.

— Выходит, что вон тот холм. — Он показал на холм правее.

— Эх, надо было затащить корыта наверх, сейчас бы съехали с ветерком.

Матвей, чтобы не пропадать развлечению, спустился с горы кубарем. Отец смотрел на его прыжки и крики восторга и удивлялся, как дети могут абстрагироваться от прошлого, которое создало определенный набор ценностей, казавшийся неотъемлемой составной частью осознания себя в мире. Как виделось Егору, наблюдавшему за сыном, не такой уж это был ценный набор.

Игорь и Джейн больше не были напарниками, или товарищами по несчастью. Они были семейной парой, и цементировало их отношения то обстоятельство, что Джейн забеременела. Долгие зимние ночи, отменное здоровье не оставили шанса неосторожности. Первое время Джейн очень надеялась, что причиной задержки стало какое-нибудь воспаление, вызванное сквозняками в их лачуге. Она ничего не говорила Игорю, надеясь, что скоро все обойдется. Она молчком пропила антибиотики, но месячные все не приходили.

Игорь заметил странности в поведении Джейн, когда прошел второй срок для месячных. Нервы у девушки стали сдавать. Она приходила в ярость от любого не понравившегося ей ответа Игоря. Могла накричать, оскорбить, а потом так же эмоционально разреваться и просить прощения. Для Игоря подобное женское поведение было не в новинку.

— Эй, подруга, а не беременна ли ты? — Как-то зимним днем выдал Игорь, интуитивно почуяв причину крайних настроений Джейн.

Девушка чуть не швырнула в Игоря чурбаком, который собиралась засунуть в печь. Силой воли подавив злость, она села на пол и разревелась. Игорь поднял ее и отвел на кровать.

— Не пристало тебе попу морозить на холодном полу. — Приговаривал Кружалин.

— Как ты догадался? — Сквозь слезы спросила Джейн.

— Что я, баб беременных не видел? Все вы до беременности разные, а как забеременеете, так все под одну кальку сделанные становитесь. Ты сама давно заметила?

— Два месяца уже. — Сквозь слезы проговорила девушка.

— Поздравляю! Теперь тебе надо беречься.

— Ты дурак! С чем? Для чего нам рожать ребенка? Какую судьбу мы ему уготовим? Это вторая катастрофа, после урагана, которая случилась с нами.

— Джейн! Не говори ерунды. Как случилось, так случилось. Значит, так надо было. Мы же с тобой старались не допустить этого, но судьба решила за нас.

— Я не знаю Игорь, как ты там старался, но святой дух во сне ко мне не приходил. Ты же рад, я вижу. Ты специально это сделал! — Догадка, хотя и неверная, осенила Джейн. — Это была диверсия!

Её глаза снова наполнились слезами. Она по-другому посмотрела на Игоря, будто впервые его увидела. Она уперлась взглядом в глаза Игоря, ожидая оправдания на только что озвученную догадку.

— Джейн, клянусь, что я делал все, что было в моих силах, но возможно их чуть-чуть не хватило. Но я до сего момента пребывал в блаженном неведении относительно твоего положения.

— Это все твое русское «авось».

— А вы, американцы, все набожные, так что прими беременность, как божью благодать!

Джейн метнула глазами молнии, и молчком отвернулась. Игорь пошел топить печь, про которую забыли на время. Он не мог понять, что творилось у него в душе. С одной стороны они нажили себе жуткую проблему, но с другой ему было радостно оттого, что у них будет ребенок. Как бы ни было тяжело, но дети это еще один мотиватор для того, чтобы не заикливаться на имеющемся положении. Игорь еще помнил своих детей, и те чувства, которые они дарили ему. Он решительно бросил чурбак в светящиеся угли. Его быстро охватило огнем. Дерево защелкало. Нет, ребенок, это хорошо, решил для себя Игорь.

— Я ананасов хочу. — Раздался с кровати голос Джейн.

Слово беременной от тебя женщины, закон. Игорь пошел в кладовую, разгребать запасы. Где-то в глубине их хранились несколько баночек консервированных ананасов.

К следующему холму добрались минут за сорок. День клонился к закату. Посовещавшись, мужчины решили не забираться на холм, а поискать подо льдом достаточный газовый пузырь. Спать на морозе, не поужинав горячим, совсем не хотелось. И Егор, и Матвей, могли по стуку определить, где подо льдом находится пузырь, если его нельзя было увидеть визуально.

Они разделились и принялись обстукивать лед. Темнело стремительно. Матвей первым закричал:

— Иди сюда, здесь газ.

Отец приволок корыта со сложенным в них, всем необходимым. Он достал полую трубку и принялся пробивать ею лед. Матвей в это время ставил палатку. Уже в ночи пыхнуло синее пламя газа, еле просвечивая сквозь ткань палатки.

В палатке сразу стало тепло и уютно. А когда запахло съестным, то и вовсе шикарно. Матвей с отцом поужинали. Тяжесть перехода сразу дала знать о себе. Сон сморил их мгновенно.

К утру, пузырь газа выгорел полностью, заставив спрятаться в спальнике с головой. Егору надоело трястись от холода. Он решительно выбрался из палатки и размялся. Обошел округу, чтобы найти еще одно место, где скопился газ. Оно нашлось метрах в ста от холма, на который они собирались забраться. Егор вытянул трубку изо льда. Мороз немного прихватил ее. Пришлось постучать по ней обухом топора, чтобы сорвать с места.

Когда проснулся Матвей, отец ждал его, чтобы перенести палатку на новое место и хорошо позавтракать. День обещал быть прекрасным. Легкий морозец при полном

отсутствии ветра хорошо подходил под задуманные планы.

Позавтракав, отец с сыном собрали палатку и отправились покорять холм. Так как Егор был почти уверен, что это именно то место, где когда-то стоял магазинчик с незапоминающимся названием, решено было затащить с собой корыта. Сделать это по глубокому снегу было тяжело. Матвей взмок, пока забрался на вершину.

На плоской вершине холма, как напильником выровненной сильным ветром, снега почти не было. Обледеневшая поверхность скрывала под собой красный песчаник. Егор снова представил, как шла дорога по этому холму в прежние времена. Он обошел вершину, примерился на разные стороны света и уверенно встал на одном месте.

— Здесь был магазин, а за ним склад.

Никаких примет указывающих на то, что здесь когда-то что-то стояло, не было. Матвей прошелся и не обнаружил ничего приметного.

— Фундамент, наверное, должен был остаться? — Предположил он.

— Не знаю, домик был небольшим, может быть и фундамент унесло ветром. Видишь, почвы совсем не осталось, и даже корней деревьев. Но у них склад был тут, как погребок такой. В нем пиво хранилось, напитки. Всегда в холодке.

— Так мы за пивом, что ли карячились сюда? — Удивился Матвей.

— Ну, нет, конечно. Может быть, там еще осталось что-нибудь? Предлагаю обстучать вот этот квадрат. Наверняка, там где был склад звук будет другой.

— А что, если его затянуло водой и грязью?

— Скорее всего, так и есть. Но нас, же это не остановит, правда? Для чего я ведро с собой взял. Всё, не теряем время. Держи железку, стучи.

Как два дятла, Егор с сыном принялись стучать по мерзлой земле. Она отзывалась звонким стуком. Егор стучал обухом топорика. Его слух, стал подобен слуху музыканта, улавливающему малейшие нюансы мелодии, только вместо музыки было эхо, издаваемое замороженным песчаником. Внутри себя Егор был почти уверен, что ветер мог снять с поверхности холма столько, что и склад могло унести.

Вдруг его топорик стукнул звонче обычного. Егор сделал еще несколько ударов рядом. Дзынь, топорик ударил металлом о металл. Матвей тоже услышал этот звук, бросил стучать и подошел к отцу. Под разбитым куском мерзлой земли торчало железо. Егор расковырял лезвием топора мерзлую землю вокруг. Их удивленному взгляду предстала проушина для навесного замка, приваренная к железной раме, скрытой пока пол слоем мерзлой земли.

— А вот и погребок! — Сказал довольный Егор. — Помнит, папка-то у тебя, где отдыхал от трудов праведных.

Крышку, похоже, сорвало ветром, а следовательно погреб был полон жижи. Егора это не могло остановить. Он был рад тому, что вообще смог найти этот погреб и любой продукт, который там мог находиться в приемлемом состоянии, был очень ценен. Его усилия, не шли ни в какое сравнение с тем, что он мог там найти.

Егор принялся прорубать проход в мерзлой земле. В отличие от окружающего песчаника, проход в погреб был забит мерзлой грязью. Чем глубже он пробивался, тем мягче становилась грязь. В очередной раз, ударив топором, Егор пробил щель в земле, из которой полезла черная жижа.

— Классический случай, описанный во всех постапокалиптических источниках. — Пошутил Егор, когда его догадка подтвердилась.

Он раздал дыру в размер творила. Из своего скарба они взяли ведро, и пока хватало

длины руки, опускали ведро без веревки. Затем им пришлось привязать трос и бросать ведро вниз. Нормально поднимать ведро мешала железная лестница. Егор поднапрягся и вытянул ее наружу.

Дело продвигалось неспешно. Рядом с мужчинами стала образовываться черная лужа, прихватываемая морозом. Жижа становилась все гуще. Но погребок был небольшим, и результат усилий прогрессировал на глазах. Ведро застучало по твердому предмету. Егор стал осторожнее забрасывать его. Через некоторое время стали проступать очертания стеллажей, на которых стояли ящики с бутылками.

— Вот это подарок судьбы. — Обрадовался Егор.

Погреб был глубиной метра в два с половиной. Ведро уже стучалось о дно, и можно было опускаться в него.

— Матвей, я полез вниз. Буду складывать в ведро всё, что найду хорошего, а ты поднимай. — Егор опустил лестницу назад в погреб.

— Ага, найди что-нибудь вкусное, кроме пива.

— Посмотрим.

Егор спустился в погреб. В руке у него был старый советский фонарик. Под его жиканья Егор принялся осматривать погреб. Три стеллажа было в нем. Два у стен и один посередине. На всех стояли полиэтиленовые упаковки с бутылками, пластиковыми и стеклянными. Ближе к выходу часть упаковок была разрушена от попадающих в склад твердых предметов. Егор взял в руки самую ближнюю к себе бутылку. Она чуть не выпала у него из рук. Грязь на ней была очень скользкой. Егор оттер с бутылки грязь. Этикетка слезла вместе с ней. По виду это была обычная пивная бутылка.

Егор поддел грубой рукавицей пробку и сорвал ее. Пиво хлопнуло дымков и вышло немного пены. Егор почувствовал, как у него ностальгически свело скулы. Запах пива наполнил небольшое помещение погреба.

— Я проверю, не пропало ли пиво? — Сказал Егор сыну.

Он сделал осторожный глоток. Ароматная жидкость растеклась по рту. Постороннего привкуса не было. Егор смело сделал большой глоток. Пиво разошлось по желудку приятной истомой. Это было наслаждение. Чтобы добру не пропадать, Егор допил бутылку до конца. Затем он наложил пива из этой коробки в ведро до верха.

— Вира! — Крикнул он Матвею.

Алкоголь уже начал действовать.

Пиво не было предметом первой необходимости, и даже второй и третьей. Оно было, как мостик в прошлое. Егор проверил еще несколько ящиков. В некоторых оказалась водка, коньяк, настойки. Это тоже не было первой необходимостью. Водка могла пригодиться, как антисептик. Егор загрузил следующее ведро водкой и коньяками. На стеллаже у стены стояли упаковки с минеральной водой и газированными напитками. Минералка и так текла в пещере, а вот лимонад для детей был настоящим подарком. Егор отправил наверх несколько упаковок. Теперь нужно было найти что-нибудь стоящее. Егор посветил на нижние полки стеллажей. Там лежали бесформенные предметы, почти полностью уничтоженные грязью. Егор поковырял их ногой. Грязь захлюпала под ним.

Тогда он сунул руку в грязь, схватил что-то твердое и поднес к свету. Это был шоколадный батончик с орехами. Отличная вещь. Батончики стоило забрать все. Что было в соседней коробке, Егор не разобрал. Скорее всего, печенье в бумажных пачках. Грязь полностью растворила их. В следующей коробке оказалась закуска к пиву. Ей ничего не

стало, и Егор собрал все пачки и сложил их в ведро. В бесформенной куче у самой стены, которая тоже когда-то была коробкой, Егор нащупал пачки лапши быстрого приготовления. Это самая первая еда для путников со скромным бюджетом, которым не хватает денег на шашлыки и прочие не дешевые придорожные радости. Коробку размыло и пачки лапши растеклись по всему полу. Егор осторожно, чтобы не подавить их собрал в ведро и передал наружу.

Он перешел к последнему стеллажу. На его верхних полках, так же, как и на остальных, хранилось пиво. Егору было жалко оставлять его тут. Теперь мороз проникнет в склад и разморозит бутылки. Но тащить на себе этот тяжелый, и по большому счету, ненужный груз, было излишней тратой своих сил. Егор протер стекло на бутылке. Открыл пробку и втянул запах пива. Попробовал на вкус. Оно оказалось кислым. Егор сплюнул и мысли о пиве покинули его.

Чуть ниже стояла водка. Ей на морозе ничего не сделается, и ее можно было спокойно оставить на хранение здесь. Егор переключился на нижние полки. К его неопишуемой радости на нижней полке стояли банки с растворимым кофе. Еще до того, как Егор понял, что именно находится в банках, сердце его забилось от тайной надежды. А вдруг? Егор провел рукавицей по банке и увидел знакомое название. Слезы радости брызнули из глаз. Задумывая поход, Егор не раз думал о том, чтобы раздобыть кофе или чай. А сейчас он держал в руках банку и не мог в это поверить.

Банок было семь. Дальше на полках лежали бесформенные размокшие кучи, в которых невозможно было понять, что это за продукт был ранее. За ними, почти у стены, от одной полки до другой, высилась грязная гора. Егор тронул ее, гора накренилась и рассыпалась по частям. Он поднял пачку и прочитал информацию. В пачках был лагман, скрученная в гнезда лапша. Востребованная в придорожных кафешках еда. Это было не менее великолепно, чем кофе. С тех пор, как крысятина, лягушатины и водоросли заменили им все блюда, Егор просто тосковал по прошлой еде.

Наконец, у самой стены возвышалась еще одна грязная горка. Фонарик не пролил свет на ее происхождение. Егор смело вошел в нее рукавицей. Гора, на ощупь напоминала мешок. Егор потянул за что-то, «мешок» потянулся за ним и упал в грязь. В руках Егора осталась часть «мешка». Егор поднес рукавицу к свету. Он долго смотрел на это что-то, пока не понял, что у него в руках пучок волос. Егор отскочил в сторону и со страхом и отвращением уставился на предмет на полу.

Набравшись храбрости, провел по голове покойника. Из-под грязи показалась мертвенно бледная кожа. Она сорвалась от легкого прикосновения и потянулась за рукавицей. Алкоголь тут же испарился из крови. Желудок скрутило в спазме. Егор стремглав выскочил наружу. По его бешеному взгляду сын сразу догадался, что отец напуган.

— Там покойник. — Проговорил Егор.

Матвей глянул в темный проем погреба. Его передернуло, и он отошел в сторону. Отец с минуту приходил в себя. Он осмотрел, как Егор разложил груз.

— Надо будет пиво и лимонад укрыть чем-нибудь, иначе они замерзнут.

— Снегом и укрыть всё. — Предложил Матвей.

— Молодец, точно. Так и сделаем. А покойник, или покойницу придется вытаскивать, иначе она нам все припасы протушит.

— А можно, без меня. — Матвей выпучил глаза, всем видом показывая, насколько ему неприятно это занятие.

— Тогда иди могилку в снегу копай.

Матвей облегченно выдохнул. Егор взял трос и спустился в погреб. Подсунул его под покойника, прихватил через проушину, затянул и выбрался наружу. Покойник был тяжелым. Его тело цеплялось за лестницу. Наконец, Егор вытянул его наружу. Стараясь не смотреть на покойника, Егор отволол его к яме, которую приготовил Матвей.

Они присыпали мертвеца снегом.

— Пусть снег ему, или ей, будет пухом. Царствие небесное. — Егор знал только эти расхожие фразы.

— Да прибудет с вами сила! — Вставил реплику из собственных знаний Матвей.

Чтобы напитки и пиво на складе не замерзли, его решили закрыть снегом. Егор снова слез в погреб, убрал все коробки с двух стеллажей на третий. Сами стеллажи подтянул к выходу. Выбрался сам, вытянул лестницу и поправил стеллажи, чтобы они закрывали собой творило. С Матвеем они спустились на западный склон. Снег там был наметен плотнее. Они нарезали куски снега, сложили его в свободное корыто и вернулись. Крупными кусками забили творило. Затем еще раз набрали снега и им закупорили погреб.

— Даст бог, не промерзнет. — Егор осмотрел дело рук своих. — За зиму сюда можно несколько раз наведаться, пока все не вывезем. Хотя, — Егор задумался, — мама будет не в восторге. Оставим этот склад на всякий стратегический случай.

Они разделили груз пополам. Прикрыли его снегом и собрались отправляться.

— Домой? — Спросил Матвей отца. — Или на лыжную турбазу, про которую ты рассказывал?

— На турбазу. Тут крюк всего-то пять километров. Глянем, есть там чем поживиться и сразу домой.

На турбазу нужно было идти на запад. Из-за холмистого рельефа на пути постоянно попадались снежные переметы. Матвей, с отцовского разрешения, съел шоколадный батончик, поделившись с отцом. Углеводы придали сил. Мужчины сделали рывок, и дошли до высоченного холма, у которого в центре была складка, которую зимой использовали как лыжный спуск.

До катастрофы, для подъема на вершину лыжников существовал подъемник. Сейчас от него не осталось и следа. Место для трассы было завалено снегом. На остальной части холма снега было немного, и подниматься без груза было легко.

— Представляю, как будет трудно тащить за собой корыта. — Представил Матвей.

— Переложим в одно и поднимем пустое.

— А что здесь было раньше?

— Внизу, теперь под водой, была турбаза. Домики, магазинчики, столовая. А наверху был прокат лыж, экипировки и небольшой бар. Но это только в зимнее время. Куда они девали лыжи на зиму, не знаю. Хотелось бы, чтобы закрывали в том домике, наверху.

— Да, лыжи нам бы не помешали по снегу топать. А почему ты думаешь, что тот домик, мог остаться?

— Видишь, какая здесь складка? Как будто два холма прижались друг к другу. А домик был в аккурат между ними. Можно рассчитывать, что хоть по половины стен здание сохранилось. Хотя и в нем должно быть грязизи под самый верх. Не будем гадать, лучше один раз увидеть, чем сто раз предполагать.

— Стихи, прям. — Заметил рифму Матвей.

— Ну дык, такая красота кругом.

Егор и Матвей стояли на вершине и смотрели вниз. Перед ними, на лыжном спуске, лежал ровный снег, без всяких намеков на скрывающийся под ним домик с лыжной экипировкой.

— Как будем искать? — Спросил Матвей.

— Он где-то здесь. — Егор махнул рукой. — В самом начале трассы.

— Ну, здесь толщина снега, точно не пять метров.

— Значит, от домика осталось меньше, чем я думал.

Егор решительно направился вниз и тут же провалился по пояс. Сделал еще шаг с тем же результатом. Мягкий, впушенный снег не держал человеческий вес. Егор настойчиво, как поплавок, то выскакивал на поверхность, то снова тонул. Он остановился, выпрямился, и показал сыну, что стоит на ногах.

— Он здесь! Я нашел его! — Крикнул Егор.

Он подпрыгнул и скрылся в снегу с головой. Матвей с испугом уставился на то место, где мгновение назад стоял отец. Егор показался над снегом.

— Все в порядке! Крыши нет, это была стена и я соскользнул. Иди сюда!

Матвею стоило сил пробиваться через толщу снега, который совсем не держал. Отец подал ему руку и помог забраться на стену. В том месте, куда провалился Егор, чернела яма.

— Внутри все залито жижей, как и везде. Смотри, из-за того, что стены армированы железными прутьями, они выдержали ветер.

Конечно, здесь он был не таким сильным, но, тем не менее, сдуло только крышу. Жижя, по самые окна, вытекла. Ее уровень был даже ниже окон на полметра. Из замерзшей грязи торчали лыжи, палки, какое-то тряпье вперемишку с выбитыми оконными рамами.

Матвей заметил, что из той комнаты, в которой они находились, в соседнюю вела дверь.

— Интересно, а там что?

Егор снова забрался на стену и перелез в соседнюю комнату. Маленькое помещение, скорее всего, использовалось как подсобка. Окон в нем не было. Но часть стены, смотрящая на спуск, была разрушена полностью. Грязи в помещении было немного, как и вещей, которые смыло грязевым потоком. Только в углу стоял сейф, высотой с человеческий рост. Егор толкнул его, но тот не пошевелился. Его основание, видимо, было прикреплено к полу.

— Матвей, иди сюда, у нас тут крепкий орешек.

Сын перелез через стену и плюхнулся с нее рядом с отцом.

— Ого, здоровый. — Удивился он размерам сейфа. — Интересно, что в нем?

— Интересно, как его открыть? — Егор заглянул на обратную сторону сейфа и постучал по ней. — Не думал я, что когда-нибудь мне придется взламывать сейфы.

Сейф, хоть и выглядел солидным, но закрывался только на ключ. Егор понятия не имел, как открыть сейф без ключа.

— Ладно, давай, пока попробуем поколоть лед, и вытащим из него лыжи, палки. Может быть, нам придет какая-нибудь идея насчет того, как вскрыть сейф.

— Давай.

Отец с сыном вернулись назад и принялись рубить лед. Черные куски его разлетались в стороны, освобождая из плена упругие пластиковые лыжи. Егор рубил топором. Дело у него спорилось. Лед откалывался крупными кусками. Матвей стучал заточенной монтировкой. Та звенела у него в руках, и отскакивало ото льда без всякой пользы.

— Не могу. — Не выдержал Матвей бесполезной траты усилий. — Ничего не получается.

— Ладно, отдохни, подумай, как открыть сейф, а пока поработаю.

Матвей перебрался в соседнюю комнату. Егор продолжил выбивать из ледяного плена лыжи. Через пару десятков минут он уже прислонил к стене две пары лыж. На них еще держался кусками лед, но его нужно было сбивать осторожно, чтобы не повредить лыжи. Теперь Егор собирался выбить изо льда палки.

— Пап, я сейф открыл. — Голова Матвей показалась над стеной.

— Да, ладно? — Егор аж замер от неожиданности. — И что там?

— Там ботинки крутые, очки и еще чего-то.

Егор перепрыгнул через стену.

— Как тебе удалось его открыть?

— Да я заметил, как в этой стене кирпич отходит, потянул за него, а там ключи.

— Ну, ты Шерлок Холмс!

Егор заглянул внутрь сейфа, почти нетронутую стихией. На полках были аккуратно расставлены пестрые ботинки известных брендов, над ними лыжные очки в яркой оправе и не менее яркие перчатки, и на самом верху лежали лыжная мазь, и элементы лыжных креплений.

Егор вытянул ботинки своего размера. Просунул в них руку, ощупывая материал из которых они изготовлены. Затем скинул с ноги свой страшный туфель с ноги, усиленный крышкой. На фоне жуткого одеяния, в котором был Егор, ботинок смотрелся чересчур нарядно.

— Это самая модная обувь, которая у меня была. — Егор повертел перед собой носком ботинка. — Беру.

Он снял и вторую туфлю и надел другой ботинок. Сделал несколько шагов, подпрыгнул на месте.

— Годится. Теперь подберем обувь тебе.

На Матвея тоже нашлась обувь. Высокие ботинки с красными вставками смотрелись на мальчишке, одетом в раздутую рабочую робу, инородно. Но кому сейчас было оценивать стиль? Практичность, единственное, что имело значение.

— Забираем все. — Решил отец. — На наших дам не угодить сразу, им нужен гардероб, чтобы выбор был.

Матвей натянул на руки перчатки, не в пример более теплые и удобные, чем рукавицы сшитые матерью из куска робы. На лицо натянул очки.

— Как я тебе? — Спросил он отца.

— Олимпиец. Член сборной сантехников.

Матвей усмехнулся. Отец тоже натянул перчатки и очки.

— В метель самое то в очках ходить. — Решил он. — Жмуриться на ветер не придется.

Ботинок и перчаток набралось по двадцать пар, очков двенадцать штук. Груда получилась немаленькая. За раз не унести.

— Как мы не хотели, но корыто придется тащить вверх. — Сказал Егор. — Выноси все наружу, а я пока сгоняю вниз. Заодно, лыжи проверю.

Вместо того, чтобы стать на лыжи, Егор сел на них. Оттолкнулся и понесся вниз. Он покатился не по лыжной трассе, а по той части холма, где снег был тонким и плотным. Скорость он набрал фантастическую, и если бы на его пути повстречалось препятствие, он непременно расшибся бы через него. Все обошлось. Егор выкатился далеко за пределы холма. По голому льду лыжи и не думали останавливаться.

Из двух корыт пришлось все сложить в одно. Обратно Егор планировал спускаться на корыте, поэтому лыж не взял. Даже пустое корыто тянуло вниз. Подъем занял гораздо больше времени, чем спуск.

Матвей выбросил все наружу и перетаскивал на твердое место. Он вместе сложили свою добычу в корыто.

— Это мы с тобой удачно в поход сходили! — Егор был доволен собой, разглядывая содержимое корыта.

— Как спускаться будем? — Спросил Матвей, явно рассчитывая проехать верхом.

— На корыте и поедem. Давай его на лыжи поставим.

Они водрузили корыто на оставшуюся пару лыж. Отец направил транспорт впритык к лыжной трассе. Матвей сел к носу, а отец оттолкнулся и запрыгнул следом. Импровизированные сани сразу набрали ход. Их мелко трясло на неровностях, морозный ветер обдувал часть лица, неприкрытую очками. Матвей никогда в жизни не испытывал такого адреналинового наслаждения. Он кричал, смеялся.

Корыто подскочило на крупной кочке и поменяло курс, направившись в сторону лыжного спуска. Егор попытался подправить траекторию телом, но было поздно, оно попало под уклон. Корыто со всего маха влетело в снег, подняв перед собой снежную волну, но не остановилось, а лишь чуть замедлилось. Егор перепугался не на шутку, но видя, что ничего страшного не произошло, успокоился. Сын захлебывался от восторга.

Лыжи они потеряли во время удара о снег. Одна лыжа катилась параллельным с ним курсом, а вторая где-то затерялась. Вдруг, снег на склоне двинулся. Вся масса, от вершины до основания. Он, стал как жидкость, потек вниз. Матвей увидел это и замолчал. Он с тревогой посмотрел на отца.

— Все под контролем. — Неуверенно сказ Егор.

Он вынужден был обернуться назад, потому что сын с ужасом в глазах смотрел мимо него, за спину. Снег с самого верха съезжающей лавины стал догонять нижние слои и образовывать вал, который стремительно догонял их.

— Поворачивая вправо! — Крикнул Егор сыну.

Он сам выставил ногу по правому борту, чтобы заставить корыто сменить курс. Матвей сделал то же самое. Лавина приближалась с нарастающим гулом. Корыто тоже медленно, но верно уходило на край. Но оно не успело его достигнуть. Егор схватил сына и прижал его к себе. В спину ударил снежный вал и закрутил. Егор держал сына изо всех сил боясь потерять.

Через несколько секунд круговорот остановился. Егор открыл глаза. Кругом был снег. За шеей, во рту, под штанинами. Матвей зашевелился в руках.

— Отпусти меня! — Глухо, сквозь снег раздался его голос.

До Егора дошло, что он держит сына с такой силой, что может переломать тому ребра. Он отпустил Матвея, и тот сразу же куда-то исчез. Через полминуты Егор почувствовал, как его тянут куда-то. Он не стал сопротивляться.

Матвей откинул снег, и Егор увидел хмурое небо над головой.

— Мы живы? — Спросил отец и услышал свой голос, как издалека.

Матвей помог отцу сесть и вытряхнул у него из ушей снег. Звук восстановился. Егор огляделся.

— Ни хрена себе, прокатились.

— Ты меня чуть не раздавил. — Сказал Матвей. — Но было весело. Страшно и весело.

Ботинки и очки яркой дорожкой стлались за ними и немного впереди. Лавина была не настолько опасной, насколько она выглядела. Бывшая трасса, очищенная от снега, открыла им переломанные ветром столбы, на которых крепились тросы подъемника.

— А корыто-то наше где? — Вдруг вспомнил Егор

Они завертели головами. Их корыто скатилось вниз и почти не выделялось на сером фоне снега.

— Хорошо, хоть не тащить на самый верх. — Вздыхнул отец.

— Не ходи пап, я сам сбегаяю.

Егор посмотрел вслед сыну набирающему ход по крутому склону и подумал, что Матвей испытывает удовольствие от прогулок по природе, которого не испытывал никогда в жизни. Сын ловил настоящий кайф.

Когда были созданы первые времянки и баня, «Пересвет» отчалил на Шпицберген. Через две недели он вернулся, привезя американцев и кое-какие семена растений. Для столь сурового климата выращивание растений казалось рискованной затеей, но Бурега убедил всех, что сможет сделать теплицы, в которых можно будет выращивать отличный урожай.

За ударным трудом не заметили, как приблизилась зима. Первый снег сразу перерос в метель, парализовав всю работу. Люди попрятались в лодку и в те здания, которые успели довести до ума. Два дня завывал ветер. Метель выявила все дыры в домах, которые были просмотрены во время отделки. К счастью, мороз был не сильным, иначе непродуманная, как следует, система отопления, могла бы подкинуть проблем. Дома, собранные из плит с аэродрома отапливали «буржуйками», которые делали из обнаруженных во время обследования острова, бочек из под топлива. Эта находка позволила реанимировать трактор кабелеукладчик. При помощи его пилы, приспособленной для вырезания в грунте каналов для укладки кабеля, пилили бревна.

Среди американцев оказались специалисты по срубам, которые занялись их проектировкой и изготовлением. Старый дизель молотил круглыми сутками. Благодаря его работе новые дома появлялись каждые трое суток. Снятая с корабля лебедка послужила подъемным краном. С ее помощью на сруб укладывали плиты перекрытия, а так же собирали панельные дома из этих же плит.

Еще в самом начале освоения острова были обнаружены следы котельной. До катастрофы она топилась мазутом. Рядом с остатками ее стен обнаружилась закопанная в вечную мерзлоту бочка. Внутри нее была густая и черная, как смоль густая масса жидкого топлива. Вместе со стенами, вытянувшимися своими кусками на юг, вода унесла и стратегические запасы угля. Понадобилось несколько субботников, чтобы собрать уголь по кусочкам.

Топить мазутом дома было не с руки. Он плохо горел и не держал тепло. Уголь и дрова подходили намного больше. Да и жило в домах не более сорока человек одновременно. Большая часть жила в подводной лодке. Смены дежурств существовали, как в прежние времена. Поэтому был некий круговорот жизни: лодка-отдых-поселок-отдых-снова лодка, и так по кругу. Поначалу жизнь в новостройках воспринималась как необходимое зло, но постепенно люди привыкали и улучшали условия своего существования. Постепенно дома стали восприниматься, как гражданская жизнь после службы.

Не хватало только женщин для полноценного восприятия жизни. Именно это занимало Терехина больше всего в последнее время. Не видел он будущего у поселка без женского пола. Сейчас он больше походил на мужской монастырь с суровыми солдатскими законами и аскетизмом. Мужская энергия нередко находила выход в агрессии. Несколько раз случались такие жестокие драки, после которых пострадавших приходилось надолго убирать в санчасть, а зачинщиков отправлять на самый тяжелый труд. Виктор предвидел, что эта проблема не исчезнет сама собой. Будут и драки и убийства. Он уже видел, как пятеро темнокожих матросов с американской субмарины стараются держаться вместе. Не особо одаренные разумом парни питали к ним острое неприятие. И это при том, что известных выживших в мире людей было не более трех сотен.

Где искать женщин, а заодно и прочих выживших, Терехин не знал. Суша представлялась ему, как один сплошной океан грязи. Постепенно Терехин стал готовить Татарчука к тому, что надо по льду устроить небольшой поход на материк. Единственной проблемой было отсутствие нормальной зимней одежды, без которой было не обойтись.

Где и как искать мнения расходились. Кто-то считал, что необходимо направляться к большим городам, потому что на их останках еще можно было хоть как-то прокормиться. Другие считали, что все города на дне и искать там людей бесполезно. Практичнее попытаться найти их в горах. Только там имелась хоть какая-то защита от ветра и воды. Проверить оба предположения могли только практические действия. Татарчук отдал приказ продумать маршрут, как следует подготовиться, чтобы к следующей зиме быть во всеоружии. А пока дел в строящемся поселении было невпроворот.

Меняющийся климат привел к одному неожиданному фактору. Зима оказалась не такой суровой, как все ждали. Атмосфера, закрытая от солнца, равномерно распределяла температуру по всей планете. Снега было много, были ветра, но неистовых морозов под пятьдесят не было. Тем не менее, мелководные озера лед сковал почти до дна. Жители поселка вырубали лунки и собирали, идущую на кислород рыбу.

К Новому году поселок стал похож на ровное снежное поле, из которого тут и там курился дымок, да были протоптаны извилистые тропинки, сходящиеся в одну широкую, которая вела к подводной лодке. Домики занесло снегом под крышу. Снег был не чистым, с коричневатым оттенком из-за вкраплений мусора, которым была забита атмосфера. Низкое темное небо, лишённое солнца, на полгода спрятавшегося за горизонт, сливалось с бескрайней снежной равниной. Было совершенно непонятно, где проходила граница слияния. Поселок, казался подвешенным в темной бесконечности.

Передвигаться по снегу без специальных приспособлений было невозможно. Смекалистые парни из подручного материала соорудили снегоступы. Удобные приспособления для ходьбы по рыхлому снегу меняли походку человека. Чтобы нормально передвигаться в снегоступах, приходилось шире расставлять ноги и делать более длинные шаги. Со стороны это напоминало ходьбу по земле в лапах.

Российские и американские матросы, в основном из-за языкового барьера, держались отдельно друг от друга. Команда «Пересвета», считая себя большинством, не хотела утруждаться изучением английского. Американцы тоже имели некоторую гордость и особо не спешили вникать в особенности русского языка. Они еще надеялись, что по возвращении «Монтаны» их будет большинство, и язык придется учить русским. Общение происходило при помощи тех, кто понимал по-английски. Виктор Терехин был одним из таких людей. Из-за этого он был освобожден от всякого труда на борту субмарины, участвуя в тех операциях, где американцы и россияне трудились совместно.

Долгая беспросветная ночь, вкупе с мыслями о погибших родных и близких вгоняла в тоску и уныние. Вскоре после празднования Нового года и Рождества двое матросов попытались покончить жизнь самоубийством. Один из них выстрелил себе в рот из автомата, а второй в грудь. Первый погиб на месте, а второго удалось спасти. После этого случая оружие было убрано назад в оружейку и поставлено под охрану. Из этого случая Виктор Терехин сделал вывод, что мужской компании помимо ежедневного труда требуются хоть какие-нибудь развлечения. Он долго думал, чем можно занять молодые организмы, депрессирующие от монотонного однообразия и придумал занять их спортом. Командным, таким, как хоккей. Ровного льда вокруг было навалом. Дело оставалось за малым:

клюшками, коньками и светом, потому как в темноте играть не представлялось возможным.

С первой и второй проблемой справились относительно быстро. Весь хлам, который собрали еще до выпадения снега, хранился в самом первом построенном здании. Там было много типовых кроватей с панцирной сеткой. Дужки от спинок расплющили и сделали перья клюшек, а из металлических уголков, составляющих корпус кровати, сделали лезвия коньков с опорой под обувь. Получилось все немного топорно, но вполне пригодно для игры. Со светом было тяжелее. Пришлось восстановить карбюраторный двигатель утопленной «Газели», чтобы использовать его, как генератор.

Усилиями смышленных парней, как наших, так и американских, мотор восстановили. Над площадкой повесили кабель, к которому были прикреплены лампочки от фар, задних фонарей, плафонов освещения, добытых со всех обнаруженных машин на острове. Получилась длинная гирлянда из слабых лампочек, которые в сумме, кое-как освещали хоккейную площадку.

Терехин наотрез отказался формировать команды по национальному признаку. Команды были смешанными, что должно было привести к улучшению взаимопонимания между нациями, без особой необходимости учить язык. Болельщики так же не могли болеть за конкретно свою нацию, что обязательно приводило бы к противостоянию. Темнокожие матросы, вообще являющиеся как бы третьей стороной, не желали играть в хоккей. Следовало придумать, как их привлечь к чему-то общему. Идеи с баскетболом не получили поддержки из-за сложности реализации этой игры в суровых условиях. Американцы предложили Терехину создать команды для американского футбола.

Спустя пару недель, еще одна площадка была расчищена от снега. Две смешанные команды, включая и темнокожих матросов, в солдатских касках и самодельной защите, сошлись в борьбе.

— Молодец, Виктор! Уж лучше пусть дурь выбивают из себя таким способом. — Похвалил Татарчук Терехина Виктора, глядя, как молодежь самозабвенно предается игре. — Все меньше в голове мыслей дурацких будет.

— Спасибо, командир. Но это временная мера. Игры их отвлекут ненадолго, а потом все равно придется что-то предпринимать для поиска людей.

— Естественно, Виктор. Что-нибудь уже придумал?

— Как только сойдет снег, попробую взять нескольких парней и пройти вдоль побережья острова. Хочу найти что-нибудь подходящее, для того, чтобы попасть на материк.

— Например, корабль что-ли? — Удивился Татарчук.

— Нет, корабль вряд ли нам нужен. Шлюпку или лодку, такую чтоб на пару десятков человек. — Ответил Терехин. — А еще, у меня есть идея, отправится в сторону Полярного Урала, и там на каждой высокой вершине установить передатчик, чтобы люди, которые доберутся до них, могли посигналить нам, чтобы мы за ними приехали.

— Не знаю, ты вообще представляешь, как это реализовать технически?

— Что-нибудь придумаем. У нас половина офицеров инженеры, пусть напрягут мозги. Если бы нам удалось найти подходящее место в горах, можно было бы сделать там небольшой сезонный поселок, который бы занимался тем, что искал людей по окрестностям и устанавливал метки, для тех, кто случайно наткнется на них, чтобы они все направлялись к нам.

— Виктор, вот ты и нашел себе занятие в новой жизни. Подбирай себе команду, готовь ее, как только снег сойдет, принимайтесь за дело.

День за днем проходила зима. Метели сменялись морозами. Небо светлело и казалось, что еще чуть-чуть и сквозь облака проглянет солнце. Но этого не происходило. Снег до сих пор был с вкраплениями атмосферного мусора, не позволявшего солнцу осветить землю прямыми лучами.

Жизнь в Черной пещере шла своим чередом. Егор с Матвеем еще два раза навещали склад, чтобы забрать оттуда все бутылки. Тамара дала согласие забрать все, так как считала, что со временем, когда они встретят людей, алкоголь может стать отличной валютой.

Как положено, Горбуновы справили Новый Год. Тамара украсила их уютный домик гирляндами, вырезанными из различного мусора, собранного по пещере. Елку смастерила из куска пластиковой трубы и остатков рабочих роб, из которых она прежде наделала рукавиц. Для детей были подарки под елку. Все те же шоколадные батончики, а для себя они устроили небольшую пьянку.

Егор пробовал использовать для питания летучих мышей, вместо осточертевшей крысатины. Водившиеся в пещере, выше по горе, летучие мыши, по вкусу Горбуновым совсем не пришлись. Лед, становившийся все толще, затруднял добычу водорослей. Тем не менее, время шло.

В один из дней повеяло весной. На южных склонах снег покрылся корочкой и стал расползаться в стороны от темных камней. Ветер с юга приносил влажные ветра, постепенно переходящие в сильный снегопад. Всем уже порядком надоело ходить по колено в снегу.

К этому времени Горбуновы уже не задавались вопросом, когда все закончится. Сознание полностью восприняло новую реальность и понимало, что все только начинается. Егору взбрело в голову сходить на то место, где была плотина. Думая о ней, он чувствовал непонятную тревогу, которая червоточинкой своей заставила его принять решение отправиться в экспедицию.

С собой Егор взял сына. Матвей настолько вжился в новый мир, что Егору казалось, будто его сын был рожден в новом мире. В своем путешествии они дополняли друг друга. Егор был силой, а Матвей — смекалкой.

Нападавшие за зиму сугробы, присели под теплыми ветрами. Идти на лыжах было легче обычного. По примерным подсчетам Егора до природного феномена было не менее двухсот километров. Это четыре дня в одну сторону. Шли налегке. За плечами висели только рюкзаки с запасами еды, палаткой и оборудованием для добычи природного газа.

Первые два дня шли вдоль гор. Подо льдом здесь была стоячая вода, и проблем с ночевками и разогревом еды не было. На третий день ступили на лед, под которым было течение. Это сразу бросалось в глаза. Лед здесь был неровный, с гребенками замерзшей воды. И подо льдом не было никаких пузырей газа. Так что ночи были прохладными, и согреться приходилось в спальнях мешках, закрывшись в них с головой.

На исходе четвертого дня впереди показалась плотина. Более зоркий Матвей заметил ее раньше и не мог поверить в ее размеры. Темная полоса протянулась во весь горизонт.

— Я тоже не мог в это поверить сначала. Как-то искусственно она выглядела, рукотворно. Но потом, подумал и решил, что препятствие в каком-то месте запустило цепную реакцию. Мусор стал цепляться друг за друга и в итоге скатался в такую «колбаску»,

которая разделила воду на два уровня.

Вблизи, плотина впечатляла еще больше. Даже больше, чем осенью. Струи воды пробивались сквозь трещины во льду и образовывали ряды ледяных колонн. Колонны шли по всей длине водораздела. Егор и Матвей стояли, задравши вверх головы. Они выглядели, как маленькие черные точки рядом с гигантским колоссом.

— Я жалею, что не взял телефон. Мама и Катюха должны это видеть. — Матвей сказал это, не отрывая взгляда от величественных ледяных стен.

— А представь, как будет выглядеть это все в ледоход? Гигантские куски льда будут налезать на край, падать вниз, освобожденная вода устремиться вниз по течению...

— А до нас не достанет? — Вдруг догадался Матвей.

— Хм, не думаю. Мы же в стороне от течения. Хотя масштабов я не представляю. — Отец замолчал на время. — Ты зародил во мне зерно сомнения. Нам надо будет что-то предусмотреть на случай поднятия воды.

Егор посмотрел на барьер другими глазами, не как на природный феномен, а как на источник опасности. Силища аккумуляировавшаяся за барьером могла быть настолько разрушительной, что могла доделать с Горбуновыми то, что не смог сделать ветер.

— Пойдем наверх, посмотрим, что там, за плотиной.

Они поднялись на гору, и перешли водораздел. Это было удивительно. Это был тот же мир, только на несколько десятков метров выше. Погода благоприятствовала, и мужчины решили сделать вылазку вглубь неисследованной территории.

Вначале, они шли по горе, затем спустились и снова стали на лыжи. Вода у самого барьера местами не замерзла, образуя полыньи. Темная водная поверхность в них была беспокойна. Над ее поверхностью поднималась испарина, растворяясь в морозном воздухе. Водовороты у самой границы водораздела, замерзали, намывая лед слоями, один поверх другого, отчего поверхность в этих местах была неровной и неудобной для лыжников. Лишь в полукилометре от нее удалось набрать нормальный ход. Чем дальше они уходили от водораздела, тем больше убеждались, что отличий между двумя уровнями нет никаких. На севере и востоке виднелись горные вершины. На запад, только серая снежная пустыня. Матвей пытался найти газовый пузырь, но бесполезно. Лед под ногами переходил в черную водяную бездну, не производящую ничего, кроме суеверного страха.

— Просто здесь еще не пришло время. Как только основная вода сойдет, наступит некоторый застой, и здесь тоже начнутся процессы, что и у нас. Скоро весь мир превратится в болото производящее метан и сероводород.

— И углекислый газ. — Добавил Матвей.

— Наверно.

— А знаешь, что я думаю об этом? — Интригуяще спросил Матвей отца.

— Что же?

— Что на Земле скоро наступит парниковый климат.

— Я думал наоборот, что-то типа ядерной зимы. Сейчас апрель, а мы только почувствовали первое потепление. В этом году лед растает не раньше начала июня, а осень начнется в конце июля, начале августа.

— Может и так, но все будет зависеть от того, как скоро очистится небо от пыли. Как только солнце начнет припекать и нагревать черные водоемы, процесс газообразования ускорится геометрически.

— Я бы хотел с тобой поспорить, но ты частенько оказываешься правым в таких делах.

— Потому что тут жизненный опыт не имеет значения. А сложить несколько очевидных фактов в одну кучу не так-то сложно.

— Ну, и каков, по-твоему, дальнейший план наших действий?

— Нам придется переселяться на север. Каждую зиму переходить на несколько сот километров севернее. Я думаю, что лет через пять у Черной пещеры будут невыносимые условия жизни для нас.

— Посмотрим. А я собрался огородик развести, земли с Верблюда навозить, обжиться, как следует.

— Ну, это теория. К тому же время у нас есть проследить тенденции.

— Мудёр не по годам. Вот что с людьми жизнь без интернета делает. — Егор сказал это с иронией, но внутри себя он был горд сыном.

Незаметно, за разговорами о будущем, они достигли скалы метров на тридцать торчащей из подо льда. Они объехали ее кругом. Скала не была ничем примечательной.

— Пожалуй, дальше можно и не ехать. Давай, отдохнем здесь и повернем обратно? — Предложил отец Матвею.

Сын согласился. Они подъехали к скале, сбросили лыжи и забрались на камни. Теплое солнце пригрело их. Между выступами скалы ветра не было совсем, и неподвижный воздух прогрелся до плюсовых температур. В этом месте пахло весной. Отец вынул из своего рюкзака нехитрую снедь.

Егор почувствовал, как тепло и еда начали клонить его в сон. В природе все было так безмятежно и тихо, что ему казалось, будто у него есть неотъемлемое право слиться с природой и впасть ненадолго в забытие.

— Я, пожалуй, вздремну немного. — Доложил Егор сыну.

— Ладно, поспи, а я пока полазаю по скале.

Егор нашел удобную позу и тут же провалился в сон. Матвей стряхнул с себя точно такие же позывы поспать. Вначале, он немного походил по льду, обстукивая его в надежде нащупать газовый, затем бросил это бесполезное занятие и забрался на скалу.

Ветер не пощадил ее. Повсюду были следы удара твердых предметов о камни. Их как будто расстреливали из болванок в упор. В тоже время острых граней у камней не было. Пескоструй выровнял и зализал все углы и неровности.

Матвей перебрался через вершину, на подветренную сторону. Здесь следов разрушения почти не было. Для мальчика перепрыгивать с камня на камень стало настолько привычным занятием, каким оно было и для горных животных, умеющих задержаться на скромном пятачке.

Матвей прыгнул на выступ, но немного не рассчитал сил и чуть не свалился с него, после приземления. Он крепко ухватился руками за камни. Прямо перед ним, из щели между камнями торчал кусок пленки, в которую было что-то завернуто. Егор потянул за край пленки, и ему в руки вывалилась записная книжка. Он вынул ее из целлофанового пакета, сгорая от любопытства.

На первой странице, ровным почерком были расписаны какие-то мероприятия и напоминания. Матвей быстро перелистал страницы, пока не наткнулся на место, где крупно была написана дата, когда началась катастрофа. Матвей жадно впился глазами в текст под ней:

«Меня зовут Гуфаров Ринат. Я и еще пятеро моих коллег прячемся в небольшой пещерке от урагана. Нас было двенадцать, но шестеро пропали почти в самом начале урагана. Мы

думаем, что они уже погибли. Ураган невероятной силы и нам кажется, что с природой что-то не так. Прямо перед входом в пещеру упал камень и разлетелся на куски, как от взрыва. Грохот был соответствующий. Сергею пробило ногу в двух сантиметрах от..., впрочем, пронесло. Он лежит и стонет. Мы все ждем конца урагана.»

Матвей пробежал глазами по следующим страницам. Там была описана паника связанная с тем, что в пещеру пошла грязь. Описаны были истерики и дразги товарищей, и их попытки сопротивляться стихии. В отличии от Черной пещеры, тоннелей в этой не было и люди реально боялись захлебнуться в жиже. К счастью в пещере имелся уклон, и жижа поднималась только до определенного уровня.

«Ураган, который уже казался, будет всегда, наконец, закончился. Мы вышли на улицу и не узнаем мир. Кругом черная вода и голые скалы, и коричневое небо, висящее над самой головой. Мы думаем, что миру пришел конец. Как выбираться со скалы, мы не знаем, да и стоит ли. Я считаю, что выживших, подобно нам, единицы, и те, кто был внизу теперь покоятся под толщей черной соленой воды.»

Записи вскоре заканчивались. Их концовка удивили Матвея.

«Вода внезапно опустилась метров на пять. На горизонте показалась черная полоса. Полоса приближается и она похожа на высокую волну. Мы с товарищами поднимаемся на самую вершину, надеясь, что там вода не достанет нас. Теперь я отчетливо вижу, что это огромная волна, подобная цунами. У меня нет времени, я прячу книжку в расщелину и бегу наверх. Если вы читаете эти строки, значит нам не повезло»

Матвей представил, как волна, несущая перед собой весь мусор, собранный по дороге, налетает на скалу и сметает с нее всех шестерых человек, сумевших чудом спастись от урагана. Если бы товарищи укрылись южнее барьера, то могли бы выжить, так как это цунами потеряло силу всего в нескольких километрах отсюда.

Матвей сунул находку под куртку и поспешил к отцу. Егор проснулся от шума, который производил Матвей.

— На, почитай. — Сын с ходу, не объясняя, сунул записную книжку отцу в руки.

Егор заинтересованно пробежался по страницам.

— Где нашел?

— На той стороне, в расщелине.

— А пещеру нашел?

— Нет. Даже и не догадался.

— Пошли.

Отец попрыгал на месте, постучал себя по щекам, сделал пять приседаний. Через гору они не полезли, решив обогнуть ее по ровному льду.

Внимательно разглядывая скалу, они заметили инородное по цвету место на ней. Местом оказался закупоренный вход в пещеру. Мерзлая грязь, из которой торчал различный мусор человеческого и природного происхождения, занимала почти половину пещеры. Ничего интересного от тех шестерых товарищей в пещере не осталось. От благодарного человечества были только росписи по стенам.

— Хотя что-нибудь бы осталось, помянули бы их этим. — Посокрушался Егор, надевшийся пожить имуществom погибших людей.

— Только книжка осталась. — Сказал Матвей.

— Последняя бумажная книжка. — Печально произнес Егор. — Остальные будут на бересте.

— И глине, и росписи по стенам пещер.

— Про охоту на саблезубых лягушек.

Матвей хихикнул, представив себе больших саблезубых земноводных.

— Пап? — Матвей вдруг спросил серьезно.

— Что?

— А нам ведь теперь не обязательно носить фамилию Горбуновы? Теперь паспортов нет.

— А с чего это ты вдруг стал стесняться нашей фамилии? — Егор живо представил, как одноклассники дразнили сына. — И какую же ты хочешь фамилию? Иванов? Кутузов? Наполеонов?

— Сколиозов. Это почти как Горбунов, но благороднее.

Егор на секунду впал в ступор, не понимая, как отреагировать на слова сына. Матвей заметил это.

— Да пошутил я! — Сын хлопнул отца по спине. — Ты бы еще на Остеохондрозова повелся?

— Ты меня провел. Я подумал, что ты серьезно стесняешься нашей фамилии.

— Да, брось. Ной же не стеснялся, что его как коньяк зовут. Никого же не было вокруг.

— Ладно, Сколиозов, пора возвращаться назад, иначе, наши дамы начнут беспокоиться.

Перебираясь по горе через барьер, Егор еще раз убедился в том, какая сила аккумулируется подо льдом. Вода, своим давлением, ломала лед, выбиваясь наружу фонтанами. Они снова замерзали на морозе, наслаиваясь поверх старого льда, делая плотину еще выше. Когда лед тронется, здесь будет ад. Ледяное крошево, несомое волной освободившейся воды сметет все на своем пути. Вопрос был в том, насколько широко пойдет ее фронт и достанет ли он до Черной пещеры?

— Когда тепло наберет силу, придется устроить постоянное дежурство на горе, чтобы не проспять наводнение. — Решил Егор.

Игорь хотел понять, каким будет весенний разлив. В прежние времена, вешние воды питали реки и те выходили из берегов. Собственно разлив был опасен тем, кто жил возле рек. По новым правилам разлива быть не должно было. Снег и лед должны были медленно и равномерно стаять, оставив уровень воды на том же положении. Жидкие ручьи с гор были не в счет. На том острове, где обосновались Игорь и Джейн, снег сошел гораздо раньше, чем он начал таять на поверхности воды. У них даже не было ручьев. Нагреваясь от камней, снег медленно таял, образуя сосульки над скалистым навесом домика.

Игорь был уверен на девяносто девять процентов, что бояться весеннего половодья не стоит, но подтащил посадочный модуль поближе к дому. Возможно один процент, а возможно и интуиция заставили сделать его это. Модуль ассоциировался у них с территорией безопасности, как сумка у кенгуру, для ее детеныша.

Пока держался лед, Игорь успел обойти все окрестные острова. По его расчетам он удалялся от дома максимум на пятьдесят километров. Помимо каких-то новых припасов он надеялся встретить следы человека. Но напрасно. Больше таких подарков судьбы, как их свалка, или живые люди ему не встречались. Кругом был бескрайний коричневатый снег, или же черный лед, кое-где проступающий из-под снега, и темные скалы на горизонте. Мир как будто вымер.

Джейн тяжело переносила одиночество, и этот поход на пятьдесят километров был единственным, когда Игорь переночевал в расщелине скалы, облачившись в космический шерстяной костюм и укрывшись парашютной тканью. Ему и самому было тревожно. Всю ночь слышались звуки, природу которых Игорь не смог объяснить. То ли лед трещал, то ли сами скалы, то ли это были атмосферные звуки. По возвращении домой, его ждал плач Джейн, которая не спала всю ночь от страха за себя и Игоря. Было решено больше не испытывать нервы супруги. Следующие вылазки Игорь успевал совершить за один день.

Однажды и Джейн напросилась с ним, но через пару километров она сильно устала и запросилась назад. С тех пор она решила, что ждать мужа это более женское занятие.

К концу апреля лед истончился настолько, что ступать на него можно было с большой опаской. Он продавливался и подозрительно трещал под ногами. Но недостаток дров заставил лезть на него, чтобы добраться до очередного бревна, торчащего из льда. На поверхности льда, примерно двадцати сантиметров толщины лежал слой талой воды. Из-за этого лед под водой сделался еще более скользким. Игорь падал в воду бесчисленное количество раз, промокая до нитки. В конце концов, он подцепил простуду и свалился с температурой.

Джейн, к тому времени животик у нее уже хорошо обозначился, взялась за лечение мужа. Игорь провалялся в кровати больше недели. Он пил таблетки, компоты, Джейн не пожалела на него такой деликатес, как кабачковая икра. За это время лед растаял совсем. Свалка напоминала болото, в котором догнивали остатки продуктов человеческой цивилизации.

Как только Игорь почувствовал себя лучше, он сразу встал, чтобы проверить запас дров. На улице дул теплый и влажный ветер. Уровень воды поднялся гораздо выше, чем он предполагал. От порога дома до водяной кромки было метров пять, хотя прежде было не меньше пятнадцати. Игорь прикинул, что по вертикали это было не меньше двух метров. Он прошел к поленнице и был удивлен тем, что там были наколоты новые дрова. Джейн стояла позади и хитро улыбалась.

— Джейн, ну зачем ты напрягалась? Тебе же нельзя.

— А чего ты всю дорогу говорил мне, что мерзнешь. Вот дрова быстро и закончились. Пришлось самой. Но мне не тяжело было, у тебя же все механизировано.

Игорь обнял Джейн и поцеловал ее в ушко.

— А хочешь, я тебе кое-что покажу? — Интригуяюще спросила Джейн.

— Что?

— Пойдем со мной.

Джейн взяла Игоря за руку и потянула его вдоль кромки воды. Она обошла небольшой выступ и остановилась. Из небольшой трещины в камнях пробивался росток. Пока еще было не ясно, что это, дерево или кустарник, но один вид его заставлял умиляться. Игорь провел по изумрудным листочкам, еще не развернувшимся до конца.

— Жизнь найдет способ выжить. — Сказал он.

— Я имя ему дала.

— Какое же?

— Джига. Оно образовано от моего и твоего имени, потому что он ровесник нашим отношениям, а еще это красивый танец.

— Джига, я Игорь, очень приятно. — Игорь сделал вид, что пожал невидимую руку

ростку.

— Я подумала, что это очень удивительно давать всему свои имена. Как я придумаю, так это и будет называться. Прямо как Карл Линней.

— Хоть у меня и нет с собой паспорта, но я хотел бы оставить за собой имя, данное мне с рождения. — Пошутил Игорь.

— Ой, не преувеличивая, тебя я не собиралась переименовывать. Хочешь, я еще кое-что тебе покажу?

— Ого, я что болел целый год?

— Нет, просто ты не биолог, замечаешь не то, что я.

Джейн провела Игоря еще немного и показала в лужу, оставшуюся после таяния снега в камнях. Вода в ней была мутной, но через муть можно было разглядеть движение в ней.

— Кто там? — Спросил Игорь удивленно, и с неким отголоском страха и брезгливости.

Джейн запустила руку в воду. Движение в ней усилилось. Она подняла ладонь в которой было несколько головастика.

— Смотри, мы не одиноки на планете. Скоро нам будут петь лягушки. Угадай, что они едят? — Джейн была в таком торжественном состоянии, ее голос дрожал, а глаза блестели, словно она говорила не о головастиках, а о чем-то великом. — В этой луже тьма личинок насекомых!

— Это замечательно Джейн. Теперь нам будет не так одиноко.

— Не иронизируй, я серьезно. Это же будет так уютно, слушать по вечерам лягушачий хор. Я бывала у родственников в Висконсине, в детстве, они жили возле небольшого заболоченного озера, и мы там, сидя вечером на веранде, попивая чай со сладостями, слушали, как заливаются песнями лягушки. — Джейн задумалась, отправившись за воспоминаниями. — Чудесное было время. Но это еще не все.

— Не может быть? Скажи мне честно, сколько я был без сознания? — Шутя, спросил Игорь.

Джейн закинула в воду металлический тросик, обнаруженный еще в прошлом году на свалке. Один конец его был сильно размахрен и мог поранить руки. Игорь так и не придумал ему применения. Джейн покрутила трос в руках, поводила им из стороны в сторону и потянула к себе. Игорь с любопытством следил за ее действиями. Вместе с тросом из воды потянулись темно-зеленые стебли водорослей. Джейн подтянула их скользкие стебли к себе. Оторвала кусок и протянула Игорю.

— Это водоросли? — Спросил он.

— Ты наблюдательный. Это источник витаминов, которых нам может остро не хватать в связи с нашим неполноценным питанием и мощный источник йода. Сегодня я приготовлю тебе новое блюдо, и будет оно из водорослей.

— Скажи, как быстро они размножились? — Удивился Игорь, разглядывая плоский стебель.

— Их, скорее всего, разнесло ветром, и здесь они попали в хорошую среду, вот и размножаются.

— Прямо, как мы. — Неуместно сравнил Игорь.

Джейн надула губы.

— Прости, само вылетело.

— Осложнение на голову, после болезни?

— Прости, Джейн, ассоциация сама напросилась.

— Ты дошутишься, диверсант. Я тебя быстро на одни водоросли переведу.

Игорь прижал Джейн к себе и поцеловал.

— Только не это.

Весна входила в свои права. С каждым днем становилось все теплее и теплее. У берегов лед отошел и покрылся водой. Природа пробуждалась. Ей не хватало щебета перелетных птиц, карканья грачей, бегущих по дорогам ручьев. Новая весна заявляла о себе шумом пузырей, с сероводородным запахом, выбивающихся из-под льда, регулярным снего-градо-дождем, и теплым ветром, несущим странные и непривычные запахи с юга.

Егор все ждал, когда настанет тот момент, когда нужно будет наблюдать за горизонтом, чтобы не пропустить ледоход. Чтобы не жить в постоянной тревоге, они решили перебраться в верхнюю пещеру. Катюшка здорово сопротивлялась этому, потому что была напугана рассказами брата о летучих мышах вампирах, водившихся в той пещере.

Домик переносить не стали. Это было чересчур трудоемко, и Горбуновы не собирались селиться в самой пещере, надеясь переждать трудное время в небольшом утолщении входа в пещеру. Чтобы не потерять имущество в Черной пещере, ее запечатали. Егор заложил вход камнем, замазывая щели грязью. Но, как случается во всех нормальных семьях, из Черной пещеры приходилось постоянно что-то доставать, о чем не подумалось сразу. Так и проходила весна у Горбуновых, состоящая из перемещений из одной пещеры в другую и бдений на вершине горы.

По календарю, со дня на день, должно было наступить лето. Водоем очистился ото льда. Уровень воды поднялся метра на три, но все равно был ниже, того, который был прошлым летом. Не отплывая далеко от берега, Егор добывал водоросли. В теплых лужах, прогретых рассеянным солнечным светом, появились первые головастики, а скоро должна была появиться и мошकारа.

Егору не терпелось отправиться к Верблюду, на котором, наверно, начала пробиваться трава и распускаться почки на деревьях. Мысль, о собственном небольшом садике рядом с Черной пещерой, не давала ему покоя. А наводнения все не было. Егор многое бы отдал. Только бы увидеть, что творится на том водоразделе. Вполне возможным было то, что вода постепенно подтачивала лед, и, теряя силу, потихоньку ушла вниз по течению. Лед мог осыпаться и спокойно отправится себе туда, куда его несла вода, не причиняя вреда. Эта догадка настолько убедила Егора в том, что опасность миновала, что он решил отправиться к Верблюду.

С сыном они решили подстраховаться. Матвея поставили на дежурство. На самой вершине в каменную нишу накидали резаных кусков резины. В случае начала наводнения Матвей должен был их залить горючей жидкостью и зажечь. Отец должен был увидеть дым и соответственно принять решение, доплыть до Верблюда или вернуться назад. Тамара пыталась отговорить мужа и подождать с недельку, когда точно будет ясно, что наводнение обошло их стороной.

— Лета сейчас короткие. Один день год кормит. Так говорили в старину. Все хорошо будет, нам всегда везет. — Ответил ей на это муж.

Тамара не стала спорить. Ее мужчины за этот год были в стольких переделках, что убеждать их быть осторожнее она, «домашний цветок», не могла. В душе она переживала, но так было каждый раз, когда ее мужчины покидали дом. Внешне, все выглядело спокойно, и

Тамара перестала себя мучить переживаниями.

Егор смазал все механизмы и подтянул все гайки на плоту. Накачал баллоны и спустил его на воду. До чего было приятно иметь в помощниках такой плот. Егор помахал семье рукой и отчалил от берега. Плот набирал скорость. Вода перед ним расступалась, оставляя позади белый бурлящий след.

Матвей выставил зарядное устройство на солнечных батареях на свет. Телефон его разряжался, и мальчику было скучно без него. Чем он будет заниматься, когда телефон сломается совсем? Не хотелось даже думать о том времени. Было бы здорово вернуться в свой город, найти магазины, торговавшие телефонами и планшетами и попробовать отыскать там работающий экземпляр. Матвей вздохнул. Он знал наверняка, что город их сейчас покрыт толщей воды, и ничего годного там не осталось. Мальчик осторожно погладил свой телефон. Открыл галерею, нашел фотографию Юли, провел по экрану пальцем, снова глубоко вздохнул и отключил телефон.

В спину дунул порыв холодного ветра. Матвей подумал, что скоро может начаться регулярный дождь со снегом. Он поднял голову к небу. Там все было спокойно. Тяжелые темные облака молча висели над головой, сохраняя спокойствие. Да и не по времени был дождь. Матвей уже привык к новому расписанию природы и знал, когда и что у нее происходит.

Взгляд его отвлекся на непривычный горизонт. Сквозь дымку, снова появившуюся в воздухе, ему показалось, что на горизонте что-то происходит. Матвей присмотрелся внимательнее. Вроде бы все было спокойно. Мальчик обернулся, чтобы увидеть плот с отцом. Тот уже пересек половину водоема. Тогда он присел на камни, обнял колени, уперся на них подбородком, и уставился в сторону горизонта. У него есть задание наблюдать за горизонтом, и он будет это делать.

Спустя пять минут, как Матвей принял решение наблюдать, он заметил, что горизонт как будто движется ему навстречу. Спустя еще минуту он понял, что это никакой не горизонт, а огромная волна, приближающаяся к их горе, и шла она под углом. Матвей оглянулся и увидел маленькую точку плота, почти достигшую Верблюда. Он залил смесь из бензина и масла в нишу с кусками крыши и чиркнул зажигалкой. Она выпал из трясущихся рук и упала в жидкость. Матвей вынул ее и крутанул колесико. Кремний не высекал искры.

— Ах, ты ж, давай, гори! — Матвей подул на механизм и потер его об одежду. Одним глазом он смотрел на приближающуюся волну. Она все еще была далеко, чтобы рассмотреть ее в подробностях. Слабые искринки отлетели в сторону. Колесико и кремний все еще были в масле. Матвей снова подул на них изо всех сил, и снова потер об одежду. Раз, два, три. Пламя выскочило из сопла зажигалки. Егор приложил к нему кусочек смоченной в горючей жидкости крыши. Та сразу занялась огнем. Егор бросил ее в нишу. Пламя сразу занялось и закоптило черным дымом.

Матвей стремглав бросился вниз, чтобы предупредить мать с сестрой.

— Мам! Мам! Катюха! Бегом наверх! Там волна идет!

Мать и сестра слышали его крики раньше, чем он успел добежать до пещеры. Они с испуганными лицами выбежали наружу. Матвей подбежал к ним и ничего не объясняя, схватил за руку сестру и потянул ее за собой вверх.

— Отец доплыл? — На ходу спросила мать.

— Почти. — Ответил Матвей.

Над вершиной поднялся черный столб дыма, сносимый ветром в сторону Верблюда. Все трое, изрядно запыхавшись, поднялись на гору. Они замерли в оцепенении, когда увидели водно-ледяной вал, приближающийся к их горе.

Егор насвистывал мелодию, и в самом благодушном расположении духа управлял плотом. Он даже позабыл время от времени бросать взгляд назад, чтобы проверить сигнал опасности. Егор и не верил уже, что плотина до сих пор стоит, поэтому относился к возможной опасности формально, как бы для порядка и дисциплины. Когда до Верблюда оставалось около пятидесяти метров, он вдруг почувствовал, что вода резко пошла назад от горы. Егор не сразу сообразил, чем могло быть вызвано такое ее странное поведение. Он обернулся назад и замер. Над их горой поднимался черный дым.

Вот тогда Егор понял, что опасность совсем рядом. Он налег на педали плота, стремительно удаляющегося от горы. Течение, к счастью скоро остановилось и даже повернуло в обратную сторону. В этот миг до него долетел гром. Егор обернулся и увидел, как огромная волна ударилась об их гору. Миллионы тон воды и льда подлетели в воздух и обрушились на гору. Вся округа содрогнулась от такого удара. Вода заколыхалась под плотом. Егор надеялся, что его семья оказалась расторопнее его и успела спрятаться.

Матвей, когда увидел высоту волны, приблизившуюся к горе, решил спрятать своих женщин под каменным навесом с противоположной стороны, и не прогадал. Сильный удар обрушился на их гору. Гора дрогнула под ним и на время скрылась под волной. Она обдала собой гору до самой вершины, обрушив на нее черную массу воды и серые льдины.

Льдины, с грохотом дробясь о камни, пролетели перед взором спрятавшейся семьи. Вода еще некоторое время текла по стенам, но Тамаре не терпелось выбежать на улицу, чтобы увидеть, что произойдет с Верблюдом.

Егор еле успел подняться на сотню метров вверх, когда до него дошла волна. Он кинулся в первую попавшуюся расщелину. Он смотрел на падающую волну открытыми глазами до последнего. Перед тем как удариться в гору, поднявшаяся над ним, как кобра распутившая капюшон перед броском, волна, как будто замерла. А затем ударила со всей силой. Егор почувствовал ее ледяное дыхание, зажмурился, уперся руками и ногами в стену и стал ждать.

Удар был невероятной силы. Егора вдавило в скалу как прессом. Ему показалось, что сейчас его раздавит. От удара в грудь, он выдохнул, потратив драгоценный кислород. Вода все не сходила, а дышать уже было нечем. В глазах закружились яркие круги, сознание стало постепенно уходить из тела. Егор знал, что как только оно совсем покинет тело, то оно сделает произвольный вдох, и тогда он точно погибнет. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде, чем он почувствовал на теле, прикосновение ветра.

Егор глубоко вдохнул. В ушах стучало, картинка перед глазами ехала, как с сильного перепоя. Он минут пять приходил в себя. Если бы он знал, что с там с его семьей, то мог бы считать себя самым счастливым человеком. Сколько раз судьба покушалась на него, а он все живой.

Водоем, между их горой и Верблюдом был полон крупных и мелких льдин. Течение понемногу сносило их к краям. Уровень воды поднялся метров на пять. У Егора отлегло от сердца. Их пещеру не должно было затопить. Плот их унесло неизвестно куда. Наверняка его переломало льдинами и сейчас он находится где-нибудь на илистом дне. Та сторона Верблюда, что приняла удар стихии, вся была во льду. Льдины, таили опасность, готовые в любой момент скатиться вниз, увлекая за собой остальные льдины и все, что попадет на их

пути.

Егор перешел на другую сторону горы, осторожно обходя льдины. Как только он перебрался, с обратной стороны горы послышался грохот. Льдины все-таки не пролежали долго. Егор поднялся на гору. Склон почти очистился. Огромная груда льда качалась у берега, понемногу двигаясь влево, к водопаду.

Как ни всматривался Егор в сторону Черной пещеры, никаких признаков того, что его семья удачно пережила наводнение, он не увидел. Да и как можно было что-то разглядеть с такого расстояния. Егор задумался над тем, как ему вернуться назад. Все плавательные средства, а это надувной матрац и еще один баллон с грузовика остались в пещере. Если с Матвеем все в порядке, то он непременно приедет за отцом.

Егор не заметил сразу, как над горой, где была Черная пещера, снова показался дым. Ему давали знак, что с семьей все в порядке. Егор, пока его никто не видел, растрогался до слез. В этот момент он любил свою семью сильнее всего на свете. В дополнение к этой радости, он увидел свой плот, лежащий вверх баллонами метрах в двухстах ниже.

Не помня себя от радости, Егор кинулся к нему. Немного помятый, с отсутствующими рычагами и сиденьем, с одним порванным баллоном, плот, тем не менее, годился восстановлению. Десять минут назад Егор был готов принять любой удар судьбы, но теперь он осознал, что вышел из переделки с гораздо лучшим результатом, чем можно было надеяться.

Матвей не стал сразу бросаться разбирать вход в пещеру, чтобы достать баллон и отправится на поиски отца. Вместо этого он снова разжег огонь, чтобы предупредить отца о том, что с ними все хорошо. Мать и сестру он оставил сидеть на горе. Матвей опасался, что может быть вторая волна, и предупредил мать, что если она увидит ее, то знаком станет отсутствие дыма на вершине.

Ледяные глыбы, как айсберги, приходилось объезжать стороной. Скорость и так была небольшая, так еще эти препятствия не давали выбрать прямой маршрут. Матвею очень хотелось затемно попасть на Верблюда. В душе мальчика жила тревога по поводу судьбы отца. Он видел, какой силы была волна, и если отец не успел попасть на гору, то шансов выжить у него не было. А если он все-таки достиг горы раньше, то времени поднять плот, у него точно не было. Матвей очень рассчитывал на второй вариант.

Устав махать веслом, Матвей затемно причалил к берегу. Он достал фонарик на аккумуляторах и помигал светом во все стороны. Возле Черной пещеры горел огонь. Мать должна была принять сигналы от Матвея. Свет оттуда замигал в ответ. Матвей понял что его увидели.

— Как добрался? — Рядом неожиданно раздался голос отца.

Матвей чуть не выронил фонарь от неожиданности. Он посветил в сторону отца и сразу бросился на шею.

— Живой. — Довольно сказал он.

— Живой. Куда я денусь? И даже плот почти целый.

Егор пересказал сыну в двух словах о своих приключениях.

— Я тут костерок собрал, одежду просушить да согреться немного, да вот зажечь нечем, тебя ждал.

— Это мы поправим. Заодно мать успокоим, что у тебя все хорошо.

Через минуту, треща дровами, разгорелся костер. Егор протянул куртку и штаны к нему.

От них пошел пар.

— Был на той стороне? — Спросил Матвей отца, имея в виду поляну прикрытую хребтом.

— Да, там все зеленеет. Вода не достала до нее. Там сейчас лето начинается. Слышишь?

Егор замолчал и сквозь потрескивания костра до них донесся хор тысяч лягушачьих плотов. Наступил такой момент, который иногда хочется законсервировать. Костер дарил свет и уют, ночь — тишину, а осознание того, что снова обманул смерть и можешь продолжать жить, радость полноты жизни. Было хорошо, просто хорошо, что не хотелось говорить, чтобы не спугнуть это приятное чувство.

На следующий день, мужчины загрузили полный плот земли и саженцев. Егор примостился крутить педали, а Матвей сел на носу, править веслом. Порванный баллон сменили на тот, на котором приплыл Егор. Во второй половине дня причалили к дому.

Радость женской половины была неопиcуемой. Тамара не удержалась и разрыдалась на груди Егора. Матвей и Катя стояли в стороне, смотрели на родителей и испытывали некоторую неловкость за их поведение.

— Если бы вы костер не развели, я бы с ума сошла. Так страшно было и одиноко как-то. — Глядя на Егора зареванными глазами, произнесла Тамара. — Черти вас вечно надирают пускаться туда, где опасно.

— Ну, все Тamarочка, теперь до следующего лета никаких наводнений не будет. Теперь все будет спокойно. — Егор поцеловал жену в лоб. — А теперь, я бы съел с десятков крыс.

Джейн готовила обед на улице. Когда стало совсем тепло, и можно было больше не топить печь, девушка решила, что готовить еду на улице будет уместнее. Игорь собрал из камней полукруглую печь, которую назвал тандыром, и вставил в ней чугунную кастрюлю, названную им казаном. Джейн приняла эти названия и тоже использовала их. В этот раз она готовила кашу из ячневой крупы с небольшим количеством какой-то рыбной консервы. Игорь называл такие блюда, хорошим закусоном для холостяка. Джейн подозревала, что холостяки не заморачиваются над тем, что есть, но их запас провизии заметно оскудел к весне. Не в последнюю очередь по ее вине. Первую половину беременности ей до смерти хотелось съесть то одного, то другого, то всего сразу.

Игорь лазил по свалке, пытаясь добыть из нее еще чего-нибудь годного к использованию. Если применить настоящие понятия о погоде, то день был теплым и ясным, если воспользоваться прошлыми понятиями, то день был теплым и пасмурным. Но в любом случае он не предвещал ничего плохого. Джейн, время от времени, бросала взгляд на мужа, лазающего среди опасных конструкций из железа, камней и прочего. Возможно, поэтому она первой увидела, как на противоположной стороне залива, между двумя островами показалось что-то темное, как если бы это были грозовые тучи, или высокая волна.

— Игорь! Что это там! — Крикнула она мужу, показывая рукой в сторону природного феномена.

Игорь услышал ее. Бросил работу и посмотрел туда, куда указывала Джейн. Он секунду смотрел, а потом со всех ног побежал к берегу.

— Беги к модулю! Скорее! — Крикнул он.

Джейн чуть-чуть помедлила, чтобы оценить угрозу. По всей линии горизонта шла темная полоса, здорово напоминающая огромную волну. Джейн со всех ног пустилась к модулю.

Игорь бежал наискосок, все время оглядываясь назад. Джейн первая забралась в модуль по лесенке, которую нашел на свалке муж и приставил ее модулю. Она не стала забираться внутрь, ожидая когда добежит Игорь. Волна за его спиной стремительно приближалась. Она скрыла за собой горы на горизонте. Тревога и страх зависли на пути волны, спрессовываясь перед ее приближением.

Мусор мешал Игорю развить приличную скорость. Он падал и спотыкался. Джейн не на шутку испугалась, что волна сможет настичь его раньше, чем он добежит. Игорь ступил на твердый берег и добавил скорости. Он стремглав поднялся на лестнице, схватил за руки Джейн и опустил ее внутрь модуля. По правой руке у него текла кровь. Он поранился, пока пробирался по свалке. Но Игорь не обращал на это внимания. Он нырнул следом. Нашел в недрах модуля заранее приготовленный из парашютной ткани и жгута клапан для входного люка. Помогая себе матерным словцом, он надел его на основание люка.

В это время Джейн, через маленький иллюминатор наблюдала за тем, как темная волна приближалась к их острову.

— Игорь, а модуль выдержит? — Спросила Джейн, ожидая только положительного ответа.

— Конечно, он и не на такое рассчитан. В любом случае, нам только волну выдержать. Если вода пойдет внутрь, выплывай и гребь вверх. Не паникуй, не бойся. Нам выдержать первый удар, остальное уже не так опасно. Накинь жилет.

В случае приводнения у космонавтов имелся свой спасательный набор. Игорь вынул жилеты раньше, но потом решил, что в модуле они будут нужнее. Он натянул свой жилет после Джейн. С улицы приближался гул, тяжелый низкий, тревожный. Джейн смотрела в иллюминатор, и по ее лицу Игорь понял, что пора сгруппироваться. Он схватил Джейн со спины, плотно прижав ее к себе, взявшись под грудь. Ногами уперся в стенки модуля. Джейн сделала то же самое. Модуль качнуло, а потом со всего маху ударило о скалы и закрутило.

Игорь про себя молился за то, чтобы его крышка выдержала. Он не сводил с нее глаз. Она была не герметичной и из-под нее пошла вода. Модуль еще пару раз приложился к скале. Удар был сильным. Игоря и Джейн бросало в стороны, но они держались. Безопасная конструкция внутреннего пространства модуля была рассчитана на перегрузки. Единственным элементом, не рассчитанным на большие нагрузки, была самодельная крышка. Ее, как мембрану, дергало туда-сюда.

На мгновение Игорю стало страшно от мысли, что их модуль застрянет на гребне волны, и их будет нести далеко вперед. Но постепенно центробежные силы ослабли, модуль выровнялся и буквально сразу сел на скалы. Игорь подождал несколько секунд. В иллюминаторе появился свет.

— Ты как? — Спросил Игорь Джейн.

— Нормально, только тошнит.

— Игорь отстранился от Джейн и увидел ее бледное лицо.

— Ну, всё, дуреха, самое опасное позади. Мы спаслись. Сейчас выберемся наружу и домой пойдем.

Игорь разжал объятия. Только сейчас он понял, как крепко сжимал жену. Игорь сделал движение, чтобы посмотреть в иллюминатор. Модуль покачнулся. Опора на которой он застрял, была неустойчивой, а это грозило возможностью сверзнуться с горы. Этого они могли уже не перенести.

— Джейн двинься сюда для противовеса, я в окошко гляну.

Джейн двинулась. Игорь посмотрел в иллюминатор. Модуль был наклонен в одну сторону, отчего больше половины обзора занимала скала. Но в остальную часть было видно, что вода внизу успокоилась.

— Джейн, я подсажу тебя и ты выберешься первой. Найдешь камень и подложишь его под модуль примерно в этом месте. Хорошо?

Джейн согласно кивнула. Игорь нащупал то место, в котором модуль сохранял устойчивость. Поднялся и при помощи перочинного ножа срезал крышку.

— Выбирайся на эту сторону, а то покатымся. — Предупредил Игорь жену, подтягивающуюся в проеме модуля.

Он помогал ей до последнего. Он услышал, как она скатилась по стенке модуля. Игорь не понял, что произошло дальше, он только почувствовал на мгновение знакомую невесомость, а потом удар. Все закружилось, удары стали частыми. Потом все померкло.

Джейн кинулась к покачивавшемуся модулю, но только успела дотронуться до него рукой. «Бочонок» немного прополз вниз и ухнул со скалы. Джейн вскрикнула и беспомощно уставилась на жуткое зрелище падающего по скалам модуля. Модуль ударялся о выступы, отлетал от них и ударялся о другие. Он сделал несколько сальто от очередного выступа и наглухо засел между двух стенок. Ноги у Джейн подкосились и она села на мокрые камни.

Волна ушла далеко вперед. Вода, оставшаяся после прохождения цунами, стекала по скалам. Джейн не могла отвести взгляда от застрявшего в трех метрах от уровня воды, модуля. Ей хотелось встать и пойти туда, но ноги отнялись.

— Игорь! — Крикнула она, очень надеясь, что с ее мужем все обошлось.

Ответа не последовало. Джейн стало страшно, что она осталась одна, просто до паники, до зубного скрежета. Она не могла принять эту мысль, потому что она была чудовищно несправедливой. Они с Игорем прошли через такое количество опасностей вместе, которые сплотили их, сделали супругами и подарили ребенка. Нет, такого не могло быть.

Эта мысль взбодрила Джейн. Она снова почувствовала свои ноги и способность держаться на них. Осторожно, девушка стала спускаться к подножию скалы, туда, где застрял модуль с Игорем. Ватные ноги тряслись и норовили подогнуться. Джейн часто отдыхала, и в моменты отдыха звала мужа. Из модуля не доносилось ни звука.

Сильный удар погнул стенки модуля. Спускаемый аппарат намертво застрял между двумя стенками. Его выходной люк, под небольшим углом был наклонен в сторону от острова. Джейн понимала, что Игорь, скорее всего, без сознания, потому и молчит. Она наступила на обгорелую стенку модуля и проверила его устойчивость. Модуль не шелохнулся. Джейн встала на корточки обеими ногами и подползла к люку.

То, во что ей не хотелось верить, случилось. Она сразу поняла, что Игорь мертв. Голова его была рассечена и залита кровью. Кровь залила половину лица. Чистый он нее глаз, безмятежно смотрел на мир, не мигая. Джейн легла возле люка, свернувшись как собака на могиле умершего хозяина, и тихо заплакала.

Вынимать из модуля Игоря Джейн не стала. Она засыпала модуль мелким камнями и воткнула в люк крест, на котором выбила имя мужа и даты рождения и смерти. Модуль символически хорошо подходил на роль могилы. Он спас их, но забрал Игоря. Джейн казалось, что мужу будет приятно покоится в этом привычном месте.

Джейн не смирилась с потерей мужа. Для нее он незримо присутствовал рядом всегда.

Она разговаривала с ним, советовалась, или делилась воспоминания. Джейн не сошла с ума. Она отдавала себе отчет, что мужа нет, но это был способ ее защиты от того вселенского одиночества, в котором она оказалась.

Цунами разрушило дом. Волна не разметала его, а просто вдавила вглубь скалы, приплюсвив одну стену к другой. Ежедневно, Джейн занималась тем, что восстанавливала дом. Она делала это по памяти, стараясь воспроизвести его в первозданном виде, каким его создал Игорь.

Цунами, при всех своих негативных последствиях, сделало одно полезное дело. Оно подняло свалку и обрушило ее на скалы острова. Теперь поиски полезных вещей был гораздо легче. Все лежало, как на ладони, в том числе и стволы деревьев. Джейн вспомнила о том, что пора задуматься о зиме, когда по утрам стал выпадать иней.

Тамара, не без помощи Кати, ставшей за год намного взрослее и самостоятельнее, поставили на огонь тушиться несколько крысиных тушек с водорослями. Егор осторожно предложил достать из запасов бутылочку, на что Тамара согласилась без лишних разговоров.

Семья обедала на свежем воздухе. Дым костра доносил до них приятный аромат горящей древесины, ветер слабо колыхал над их головой импровизированную крышу, сделанную их куска тента и труб пластикового водопровода. Тамара чувствовала, что сейчас они семья. Настоящая неделимая ячейка общества, целостная и самодостаточная. Она представила, как все вернулось назад, к тому моменту, когда они почти год назад ехали к Черной пещере. Что было бы с ними, если бы не этот ветер? Скорее всего, ничего хорошего.

Тамара вернулась к настоящему моменту, вытряхнув из головы дурацкие мысли. В конце концов, какая разница, как было бы если..., важно, как сейчас. Она посмотрела на довольные мордахи детей, на жующую и немного пьяную физиономию мужа, и испытала прилив счастья, какого у нее не было с самого детства.

— Кто-нибудь помнит поселок Каргалинский? — Спросил Егор, по большей части у жены.

— Помню, а что?

— Помнишь, как он высоко находился?

— Егор, я догадываюсь, куда ты клонишь. Ты только день назад чуть не угробился, и снова хочешь попасть в очередную переделку. — Тамара с укоризной посмотрела на мужа.

Егор деланно выпучил глаза.

— Тамар, не ругайся, очень хочется еды раздобыть человеческой, и еще думаю найти семена разные. Помидоры, огурцы, редиску, картошку. Водоросли у меня уже вот где. — Егор провел по шее. — Все будет нормально, не переживай.

— Но Каргалинский отсюда километрах в трехстах? Это же очень далеко?

— Тамар, не трехстах, а в двухстах пятидесяти, и это по дороге, а по прямой еще ближе.

— Егор, я только порадовалась тому, что у нас все хорошо, все живы и здоровы, счастливы.

— Мам? — Вмешался Матвей. — Я с папой согласен. По дороге нам ничего не грозит. А представь, как будет здорово, если у нас будет огород. Представила?

Тамара вздохнула. За нее уже решили, и какое она имела право указывать где опасно, а где нет, если за все время ни разу не сошла с этой горы.

— Ладно, черт с вами, езжайте куда хотите, только научите меня ловить крыс. Так, на

всякий случай.

Подготовка к новому путешествию заняла две недели. За это время Егор восстановил плот и навозил дров на год вперед. Матвей наловил крыс и научил своему искусству мать. Тамара оказалась смышленной и смогла перенять опыт.

Лето подошло к своему пику. Было жарко и душно. Дождь случался ежедневно, как в тропиках в сезон дождей. Часть саженцев с Верблюда прижились, и возле пещеры появилась зелень, радуя своим видом ее жителей. Лягушки тоже размножились в геометрической прогрессии. Каждый вечер округа наполнялась их разнобойным кваканьем. Брачный сезон у земноводных был в самом разгаре. В отсутствии естественных хищников популяция лягушек грозила превратиться в доминирующую. Грязь была для них любимой средой обитания. А неограниченное количество водорослей убирало проблему питания. В ближайшем будущем лягушачьи лапки обещали превратиться из деликатеса в рядовое блюдо.

Отчасти, приевшаяся крысятина и лягушати́на в гарнире из водорослей, была причиной, побудившей Егора отправиться в далекое путешествие. Кто знает, что могло из продовольствия сохраниться в каких-нибудь складах многочисленных магазинов? Второй причиной было любопытство. Посмотреть, что случилось с большим поселком, перенесшим страшную катастрофу, было познавательно и интересно.

Оставшиеся пустые бутылки Егор пустил на создание прицепа. Ожидая крупную добычу, он решил увеличить грузоподъемность своего плота. Тамара смотрела на его приготовления и тяжело вздыхала. Ей с Катюшкой придется снова полмесяца провести одним.

— Зато, всю зиму будем в ус не дуть. — Успокаивал ее Егор. — Обещаю привезти тебе чего-нибудь такого эдакого.

— Цветочка аленького?

— Ну, специи какие-нибудь, масло растительное, может, и сахарком разживемся?

— Да пропало уж все давно, поди?

— Пропало, не пропало, а проверить надо. От этого зависит, стоит ли вообще ходить куда-нибудь или нет. Вот ты хотела бы вернуться и посмотреть, что стало с нашим городом?

Тамара на мгновение задумалась. Ее передернуло.

— Бррр, нет, не хотела бы. Там теперь кладбище не упокоенных душ.

— Как знаешь. По мне, так там огромные запасы продовольствия и вещей, которые могли бы нам пригодиться. И еще немного ностальгии. Хотелось бы посмотреть, что случилось с нашим домом, с городом вообще.

— Странно, Егор, вспомни, до этой катастрофы тебя с места сдвинуть нельзя было. Не пойму даже, как тебе в голову пришло ехать к Черной пещере? А теперь тебе дома не сидится.

— Это потому что мы пришли к истокам. Мужчина — добытчик, женщина — хранительница семейного очага. Мы, сейчас, находимся в естественном равновесии с окружающим миром и занимаемся тем, чем нам предназначено.

— Чем же?

— Просто живем и не паримся. Давно ты заглядывала в свой гардероб?

— Куда? — Со смехом спросила Тамара.

Она рефлекторно одернула на себе ужасную робу.

— Вот, ты не паришься над тем, что тебе одеть.

— Это потому что не перед кем наряжаться, а если бы нас было больше, то я бы давно себе наряды пошила.

— Ну, хорошо, моя теория верна для небольшого количества людей. Будь сейчас на этой горе несколько мужиков, мне тоже пришлось бы как-то выпендриться перед ними.

— Ладно, Егор, езжайте. Верю, что все будет хорошо. От себя и Катюшки прошу, чтобы вы не забывали о нас. Если встретите какую-нибудь одежду в приемлемом состоянии, привозите. Не могу уже в этой робе ходить, жарко и трет везде.

— Хорошо. Какая ты у меня понятливая.

Глава 4 Первые десять лет.

Лодка двигалась почти на холостом ходу мотора. Сильный туман не позволял разглядеть перед собой путь. Вчера команда, которую возглавил Виктор Терехин, благополучно вошла на материк. «Пересвет» отбуксировал их к северной оконечности Югорского полуострова. Далее начиналось мелководье, и команда Терехина пустилась в самостоятельное плавание. На первый взгляд разницу между открытым морем и затопленной сушей трудно было заметить. Просто из воды стали чаще попадаться выступающие холмы и появились различные течения, огибающие неровности рельефа.

Команда везла с собой много различного оборудования, для того, чтобы облегчить свою жизнь и тем несчастным, кто натолкнется на метки, оставленные командой Виктора Терехина. Обход Новой Земли позволил совершить неожиданные открытия. Вдоль западного побережья на берег было выброшено невероятное количество различных судов. Для того, чтобы снять с них все необходимое, понадобится много лет. Для своих целей Виктор нашел целую лодку с исправным мотором и массу всяческого оборудования, способного помочь им в достижении поставленной цели.

Туман глушил звуки. Звук работающего мотора тонул, как в вате. Временами казалось, что туман настолько густой, что создает сопротивление движению лодки. Мотор и действительно работал все натужнее. Виктор перевалился, через борт, чтобы выяснить причины. Темная вода разбегалась желтой пеной от бортов. Виктор ухватился за борт, а второй зачерпнул воду в ладонь.

На вид, грязноватая вода была вполне обычной. Виктор принюхался и ощутил исходящий от воды болотный запах. Это могло говорить только о том, что вода здесь не была проточной. Командира экспедиции испугала вероятность попадания в болото.

— Стоп машина! — Приказал он. — Вынимай винт.

Матрос заглушил мотор и поднял из воды винт. К большому удивлению команды на лопасти и вал были намотаны грязно-зеленые водоросли. Они-то и создавали большое усилие для его работы.

— Дождемся, пока рассеется туман, а то засадим лодку в самом начале нашей благородной кампании. — Предложил Виктор.

Команда согласилась. Никому не хотелось сгинуть неизвестно негде по глупому поводу.

— Используем вынужденную остановку с пользой. — Предложил Гренц. — Ляжем спать.

— Хорошо. Оставь одного дежурного, пусть кашеварит и посматривает по сторонам.

Гренц выбрал дежурного.

— Смотри в оба, особенно за борт. — Напутствовал он матроса. — Если засыдем, тебя

первого за борт выбросим.

— Да куда здесь смотреть, товарищ капитан, я вас-то еле различаю, в том конце лодки? А мне еще готовить.

— Верно говорит боец. — Согласился Терехин. — Посади еще на нос кого-нибудь, пусть дно перед лодкой веслом прощупывает.

Когда все остались при деле, лодка превратилась в настоящий спальный отсек. Храп разносился по округе. Солнце, которому с трудом удавалось прогревать землю через плотную облачность, разогнало туман ближе к полудню. Команда принялась просыпаться один за другим. Чаще всего по причине запаха готовящейся еды.

Дымка от тумана все равно не позволяла увидеть далеко вперед, но того, что было видно, было достаточно, чтобы понять, чем отличается открытое море от затопленной суши. Водная поверхность была темнее и гораздо спокойнее. Кое-где из воды выступали скопления водорослей, блестящих каплями утренней росы. И запах здесь был другим. Морской свежестью здесь, как говорится, и не пахло.

Терехину и в голову не могло прийти, что разница будет настолько сильной. Из-за водорослей экспедиция могла здорово потерять в скорости. Грести веслами до ближайшей горы они не собирались. Но по-другому, они могли угробить винт или мотор. Выбора не было. Придется поднапрячься.

То ли позавтракав, то ли пообедав, команда села на весла, за исключением двух матросов, которые бодрствовали раньше.

Ииии, раз! Ииии, раз! — Виктор давал отмашку, чтобы команда не действовала вразнобой.

— Как рабы, на галерах. — Заметил Гренц.

— Что-то я надсмотрщиков не вижу. У нас все добровольно, а не по принуждению. Не хочешь грести со всеми, вот тебе ложка, вот тебе свисток, плыви самостоятельно. — Ответил шуткой Терехин.

Команда прыснула от смеха. С непривычки, грести веслами было действительно тяжело. На первом привале у всех появился тремор в руках, а мышцы стали словно ватные. Уставшая команда взмолилась о продолжении отдыха. Терехин вынул старую бумажную карту, на которой пунктиром были отмечен маршрут с указателями предполагаемыхточных переходов.

— Парни, мы и так немного задержались в тумане. Если мы еще будем отдыхать каждые два часа, то у нас все лето уйдет на то, чтобы добраться до цели. — Попытался вразумить команду Виктор Терехин.

— Давай, командир поделимся пополам, и будем грести по очереди. Одна половина десять минут, потом вторая. Скорость будет меньше, но хоть уставать не так быстро будем?

Терехин признал, что это будет подходящий вариант. Лодка вновь тронулась в путь. Во время своего отдыха, Терехин сверялся по компасу и по карте. Всмотривался в горизонт, надеясь разглядеть ориентиры, указанные на карте. До ночи, так и не появилось ничего. Команда с огромным облегчением бросила весла, и наскоро поужинав, тут же отключилась.

Терехин не смог уснуть сразу. Он долго вслушивался в звуки ночи. Было слышно только, как вода лениво плескалась за бортом, да команда храпела на разные лады. Храп тоже можно было считать звуками ночи, но они немного диссонировали с замершей и бесшумной природой. Сон стал смаривать командира экспедиции. Сквозь обрывки ускользающего сознания до него донесся комариный писк.

На следующее утро вся команда проснулась со следами комариных укусов. Утомившиеся люди не смогли проснуться, чтобы отогнать живность. Лица, шеи и ладони у большинства были похожи на симптомы начала бубонной чумы.

— Чувствуется, что к земле подплываем. — Проговорил один из матросов.

Действительно, когда разошелся туман, справа показалась вершина.

— Хребет Пай-Хой. — Пояснил команде Терехин. — Любопытно, что с вечера его видно не было.

Он сунул весло в воду. Вода перед ним немного забурлила, обтекая препятствие.

— Поздравляю, течение сделало за вас работу. — Сказал он, забирая весло назад в лодку.

Веснушчатый матрос перегнулся через борт и поплескался водой. Он обнюхал свою ладонь, вынув ее из воды.

— Вода здесь чистая, не пахнет. Смотрите, и водорослей не видно.

К радости всей команды винт снова опустили в воду, и лодка стремительно отправилась к цели своей миссии. По пути чистая вода еще несколько раз сменялась стоячей. Тогда приходилось снова налегать на весла. К исходу третьих суток на горизонте показались первые отроги начинающихся Уральских гор. Переночевали у самого подножия первой крупной вершины, боясь во тьме ступить на берег.

Когда рассвело, нашли удобную бухту и пристали к скалистому берегу. Команда разошлась по скале, с удовольствием ощущая твердую землю под ногами. Виктор Терехин сразу обратил внимание, что на скале полностью отсутствует всякая растительность. Мало того, скалы были словно вылизаны. Не было видно ни осыпающегося, столетие за столетием щебня, ни даже булыжников. На стенах скалы повсюду присутствовали следы ударов и оставленные ими воронки. Края воронок были не заостренными, а отполированными.

— Виктор, обрати внимание, какой силы здесь был ветер. — Терехин указал Гренцу на воронки в камнях. — Как будто снарядами било.

— Невероятно! Не могу поверить. — Гренц провел ладонью по внутренней стенке выбоины. — В голове не укладывается. Я сейчас понимаю, как наивно было надеяться на то, что кто-то мог выжить в городах или деревнях.

— Это получается, наветренная сторона была. Интересно обойти и посмотреть, что случилось с подветренной стороной?

Терехин с Гренцом отдали распоряжение обследовать гору, чтобы выяснить, где удобнее расположить на ней передатчик, а сами, по основанию горы, отправились обследовать восточную часть.

Основание горы оказалось намного длиннее, чем они себе представляли. На протяжении всего пути они замечали, как менялся вид горы. Стали появляться осыпи щебня, смешанные с грязью. Следы от ударов были скользкими. Не было видно ни одной острой грани. Ветер и все, что он нес в себе, обтесали все выступы. Чем ближе они подходили к восточному склону, тем разительнее были перемены.

В воздухе появились стайки мошкар, лезущие в глаза, рот и уши. Возможно, они, таким образом, выражали свою радость по поводу того, что еще кто-то, кроме них, смог выжить. Стали чаще появляться каменные обвалы, преграждающие дорогу. В некоторых местах на пути повстречались большие лужи черной жидкости, над которыми висели облака мошкар. Видимо, эти лужи и были фабриками по производству мошкар. Терехин и Гренц держались от них подальше.

Наконец, в самых укромных местах, там, куда не добрался ветер и вызванные им камнепады, зеленели кусты растений. Мужчины не поленились и поднялись к одному из таких мест. Под нависшей скалой образовался небольшой оазис зелени. На вид она была чахлой и больной. Сказывалась нехватка света и тепла, а так же перенесенные лишения во время катастрофы.

В этом местечке почти не было движения воздуха, и запах зелени концентрировался, вызывая приятное головокружение и наслаждение ароматами.

— Не все потеряно, командир. — Заметил Гренц. — Растения выжили, значит и люди выжили.

— Я тоже об этом подумал, когда кусты увидел. Я даже загадал перед этим, что если с подветренной стороны что-то осталось от растений, значит и люди остались.

Вскоре команда доложила, что нашла небольшую пещерку, в которой можно спрятать передатчик, провиант и немного лекарств, на случай если кто-то из последних сил доберется до этой горы. На самую вершину водрузили красную тряпку на небольшой палке. Отсюда ее было видно со всех сторон.

Это был первый настоящий выезд на «большую воду» в этом году. Жара спровоцировала более интенсивный рост водорослей и там, где была стоячая вода, они основательно мешали движению плота. Матвею приходилось стоять на носу и разгребать водоросли в тех местах, где их было особенно много. Из-за них, в первые два дня путь проделали гораздо меньший, чем рассчитывали.

На третий день, когда почувствовалось начало течения, водоросли стали пропадать с каждым пройденным метром. Поселок Каргалинский находился северо-западнее Черной пещеры. Егору хотелось, чтобы он находился перед линией водораздела. Так бы им не пришлось тащить через него плот на себе и вероятность того, что остатки поселка окажутся над водой, была выше.

Горы давно скрылись на горизонте. Вокруг, куда ни кинь взгляд, была бескрайняя водная гладь, слегка подрагивающая под легким ветерком. Чтобы ночевать на плоту, Егор придумал якорь. Примерно, килограмм в тридцать, каменюка, похожая на восьмерку, была обхвачена посередине верёвкой. Она свободно удерживала плот на одном месте, даже при нормальном течении. Длина веревки была тридцать метров. В половине случаев якорь не доставал дна, и от осознания глубины было не по себе.

Иногда, посреди нового океана из воды выступали участки суши. Вершины холмов были промыты от грязи дождями и недавним наводнением, что делало возможным стоянку на них.

— А ты знаешь, пап, что из песчаника можно было бы сложить жилище? — Сказал Матвей, разглядывая очередной остров.

— Это как же?

— Песчаник легко поддается обработке. Можно было бы напилить из него кирпичей и сложить дом.

— Хорошо, как только соберемся строить дом, непременно воспользуемся твоим советом. — Егор верил, что Матвей, в плане хозяйственности, переплюнет его в будущем.

Можно было рассчитывать на то, что в старости они не останутся с Тamarой на руках у повзрослевших, но не самостоятельных детей.

— Так, кум Тыква, покрути педали немного, а то я ног не чувствую. Держи курс вон на тот островок.

Матвей пересел за педали, а Егор сел на край плота. Он разулся и опустил натруженные ноги в прохладную забортную воду. Это была нега. Вода массировала и охлаждала ноги. Вдруг, ему в ногу что-то стукнулось. Егору даже показалось, что не стукнулось, а попыталось схватить за ногу. Он чертыхнулся и испуганно вскочил на ноги.

— Что случилось? — Удивился сын.

— Меня, кажется, кто-то пытался за ногу цапнуть? — Ответил отец, пытаясь разглядеть в темной воде того, кто его напугал.

— Да ладно тебе, кто выживет в этой воде? Палка, наверное, проплывала.

— Да, не похоже на палку. — Егор сел на плот и подтянул ногу к глазам.

Осмотр ничего не дал.

— Ну не палка, может, покойник проплывал.

— Тыфу! Типун тебе на язык.

— Шучу, пап. Не обращай внимания.

Несмотря на подколки сына, Егор остался при своем мнении. Сколько раз, в детстве, с товарищами они забредали по камышам, и сколько раз ему в ногу стукались напуганные рыбы. Прямо, как сейчас.

— А чего бы им не быть тут? Еды всякой — море. Может быть, они мигрировали из Северного Ледовитого океана вместе с течением. Представь, как было бы здорово, еще один источник питания. И никакого Рыбнадзора. Хоть сетью лови, хоть электроудочкой.

— Да, я бы поел жареной рыбы, да еще с лучком. А чем ловить-то ее? У нас и снастей нет никаких.

Егор задумался.

— Веревка тонкая есть, можно попробовать «телевизор» смастерить. Можно гарпун сделать и ночью с фонариком охотиться.

— А я читал в хрониках, что до революции, на Урале, зимой, люди ловили рыбу в лунках. Специально прорубали их, и рыба идущая на кислород, прямо кишела в них, и ее собирали голыми руками.

— Посмотрим. — Егор присел на колени и уставился в воду.

Он сунул руку и потряс ею в воде и с криком выдернул ее из воды. Следом за рукой, по воде шлепнул серебристый рыбий хвост. Матвей успел заметить его немаленький размер. Отец, подвивая, дул на палец, ставший красным от крови.

— Убедился? — С досадой в голосе спросил отец, как будто это Матвей цапнул его за палец.

— Убедился. Сильно болит?

— Пустяк. Сейчас водкой протру, чтоб заразу не занесло.

Егор достал аптечку. В ней всегда лежала дежурная бутылка водки. Плеснул на палец и сделал большой глоток из горлышка.

— Это для анестезии и дезинфекции изнутри.

— Покажи палец. — Попросил Матвей.

Егор протянул палец, начинавший снова покрываться кровью. Следы укуса были оставлены мелкими и острыми зубами.

— Поздравляю, наше меню можно будет разнообразить рыбой, богатой полиненасыщенными кислотами и фосфором. — Глубокомысленно заключил Егор.

— Осталось только изловить.

— Думаю, с этим проблем не будет. Рыбина на руку бросается, как на приманку. Эта, похоже, была хищной. Я думаю, что они пришли следом за травоядной, или как там рыбы делятся? Хотя, какая разница, наука умерла, и мы сами вправе придумывать названия всему. Пусть будут водорослеядные и хищные.

— А ты заметил, какой у этой рыбы хвост был?

— Не успел. Какой?

— Здоровый, в рыбине килограмм пятнадцать, не меньше.

— Прекрати, у меня слюни текут и желудок сводит. Я бы сейчас такую рыбу один съел и косточкой не подавился. Может, перекусим?

Весь оставшийся день Егор придумывал снасть для ловли рыбы. Из имеющегося на борту инструмента собрать ничего стоящего не получалось. Егор пытался подманить рыбу

небольшими кусочками крысятину, чтобы оглушить ее веслом. В итоге, у рыбы получилось молниеносно утащить подкормку. Удары веслом каждый раз приходились по пустому месту.

— Шустрая, сволочь. — Негодовал Егор. — Ужин мой сожрала. Вернешь в десятикратном размере!

Ответом ему было молчание.

На пятый день путешествия Егор принялся сосредоточенно искать приметы, по которым можно было бы определить местоположение поселка. Торчащие, местами, из воды островки, не давали полного представления о том, где искать Каргалинский. Самым явным признаком могли стать высоченные отвалы переработанной породы, из которой добывали медь. И то, если их не смело ветром.

Как не хватало бинокля. Иногда, из-за долгого и напряженного всматривания в горизонт, начинались чудиться горы, холмы и даже дома. Если подумать про корабль, вполне можно было увидеть и его. Егор старался выдерживать направление на северо-запад. Шанс, промахнуться мимо поселка был велик, поэтому Егор пытался соотнести все приметы, встречающиеся ему на пути, с теми, что он знал до катастрофы.

В это путешествие Егор взял с собой карандаш и листы бумаги, разлинованные прежде квадратиками, с длиной стороны в один сантиметр, соответствуя десяти километрам в действительности. Сейчас, лист бумаги пестрел цепочкой холмов, обнаруженных по их маршруту.

На педалях сидел Матвей. Он меланхолично крутил их и водил сонным взглядом по сторонам. Без необходимости чистить колеса от водорослей, работа превращалась в монотонный труд. Матвей уставился на черную точку выступившую из дымки. Вначале он принял ее за очередной обман зрения. Но чем ближе она становилась, тем натуральнее выглядела.

— Пап, смотри, что там? — Матвей указал рукой вперед.

Егор оторвался от бумаг и посмотрел туда, куда показывал сын.

— Не понятно, на глюк не похоже. — Егор привстал и приложил ладонь ко лбу. — Правь на нее.

Чем ближе становилась точка, тем грандиознее она выглядела. Но определенно сказать, что это пока было нельзя. Когда до объекта осталось меньше трехсот метров и отец и сын, ахнули. Перед ними из воды торчал корабль. Он лежал на боку, во всю свою исполинскую длину. Несмотря на снесенную с палубы надстройку, в нем можно было опознать океанский лайнер или огромный паром.

Плот, приблизившись к огромной машине, наполовину утопленной в воде, смотрелся как микроб рядом с яблоком.

— Вот это размерчик! — С придыханием сказал Матвей.

— Даа! Всю жизнь мечтал поплавать на таком.

Судно было очень сильно повреждено. Ветер, возможно, не мог поднять его в воздух и кувыркал по земле, а потом нес по воде. Борта были замяты внутрь, палуба выдавлена наружу. Все было покорежено, пробито насквозь и разломано.

— Полезем? — Матвей махнул головой в сторону корабля.

— Опасно, но пройти мимо точно нельзя. Надо будет подстраховаться.

К счастью, с собой были тросы и фонарь. Егор обогнул корабль со всех сторон, чтобы найти подходящее место для подъема. В итоге, они с сыном пришли к мнению, что лучше всего подняться со стороны носа, пройти до иллюминаторов и забраться через них внутрь

корабля.

Когда-то белые борта лайнера, были теперь покрыты ржавчиной и напоминали лунную поверхность, испещренную ударами метеоритов и астероидов. Все стекла в круглых люках иллюминаторов были выбиты. Наружный осмотр показал, что помещения внутри сильно забиты грязью. Егор выбрал каюту, которая показалась ему наименее безопасной. Он привязал Матвея тросом и спустил его в люк.

Внутри каюты было душно и воняло затхлым. Смешанное с грязью имущество каюты лежало на стене, в которой была дверь. Матвей принялся разбирать его, чтобы проникнуть в коридор. Кровати и столы, разбитые на части, смешанные с грязью и постелью, создали трудноразбираемый хаос. Матвей от досады пнул кучу, и она с шумом ушла вниз, провалившись в дверной проем. Дверь, как оказалось, была открыта.

Матвей выглянул в проем и увидел грязный коридор, полный мусора. Почти во всех каютах двери были открыты. В каютах напротив, двери были закрыты мусором и понять, открыта дверь или нет, не разобрав ее, было нельзя.

— Я спускаюсь ниже. — Матвей уведомил отца.

Для этого ему нужно было отвязаться от троса. Конец троса доставал почти до противоположной стены коридора.

— Подожди, я с тобой.

Егор протиснулся в иллюминатор и как заправский матрос спустился по тросу. Вездесущая грязь была повсюду и здесь.

— С чего начнем? — Спросил сын.

— Предлагаю, разобрать эти завалы, чтобы найти каюту с закрытой дверью. Может быть, там что-то сохранилось в целости. Постель, одеяла, хоть, что-нибудь?

Они приступили к разбору завалов. Матвей сразу предложил проверять, открыта дверь или нет, ударяя по куче вороха ногой. Напротив открытой двери куча проминалась, а напротив закрытой нет.

В первой открытой каюте обнаружился полный беспорядок, как и в остальных. Грязи в ней было намного меньше, чем в верхних каютах, но было так же сыро. Егор попробовал воду на вкус. Она была почти пресной. Это значило, что вода была дождевой. Следовательно, до уровня поверхности водоема, еще не доставало.

Свет фонарика выхватил переломанную мебель и всевозможные тряпки, которыми она была заправлена. Егор потянул за ткань. Та, почти без усилий порвалась.

— Не годится. — Посетовал Егор. — Давай, пройдемся по коридору. Похоже, здесь мы не найдем ничего полезного. Вода и время сделали свое черное дело.

Вторым тросом, который до этого был обмотан вокруг тела Егора, отец привязал Матвея к себе и пустил его вперед. Грязь и мусор, местами сделали коридор настолько узким, что приходилось становиться на четвереньки, чтобы протиснуться.

— Здесь, лестница! — Вскоре раздался крик Матвея.

Он дождался, когда отец подберется ближе, чтобы осветить фонарем находку. Лестница соединяла верхние и нижние палубы. Это был не тупик, коридор шел дальше. Егор примерился, чтобы понять, куда идти вниз, а куда вверх.

— Куда пойдем? — Спросил отца Матвей.

— Думаю, надо идти вниз. Меня интересуют больше всего хозяйственные каюты, для персонала. Там, где можно разжиться чем-нибудь.

Егор забрал фонарь у сына и сам пошел впереди.

— Не подходи близко, будь готов упереться во что-нибудь, если я провалюсь.

— Хорошо.

Грязная и влажная лестница была чище, чем коридоры. Потоки воды промыли ее, стащив весь мусор вниз. Отец с сыном попали на нижний уровень. Коридор был захламлен, но не так сильно, как верхний. Двери кают были открыты. В них не было иллюминаторов. Егор отвязал от себя трос и отдал фонарь сыну.

— Посвети мне.

Сам подпрыгнул, ухватился за края проема и, сделав выход силой, оказался внутри каюты. Матвей подсвечивал ему снизу.

— Чего там? — Спросил он.

— Грязи почти нет, но все трухлявое. Даже не знаю, что и взять здесь.

Егор спрыгнул вниз.

— В каютах нам ничего не найти, пошли дальше.

Они прошли до конца коридора, периодически заглядывая в каюты. Но это все были номера. Они дошли до следующей лестницы, но миновали ее и дошли до помещения с надписью на латинице «SAUNA».

— Это то, чего мне сейчас очень не хватает.

Дверь была заперта. Егор ударил по ней ногой. Поднажал плечом. Дверь не шелохнулась.

— Кажется, она вообще открывается навстречу. — Догадался сын. — А чего нам искать в сауне, кроме тазиков?

— В самом деле, пошли назад.

В лодке был инструмент, при помощи которого можно было вскрыть дверь, но для этого нужна была острая необходимость. Они вернулись к лестнице, которую проигнорировали недавно. Снова спустились вниз на следующую палубу. Здесь тоже были номера, а там где этажом выше была дверь в сауну, здесь был тупик. В каютах, которые были под ногами, плескалась черная вода. Спускаться ниже было не зачем.

Тогда Егор с сыном решили проверить коридоры по всей длине. Они шли, пока Матвей не заметил на двери каюты, находившейся над их головами, вместо номера надпись «service room».

— Это надо проверить. — Довольно произнес отец. — Ну-ка, отойди.

Отец подпрыгнул и крутанул ручку двери. Она тут же распахнулась под тяжелым весом всего, что на ней держалось. Столовая утварь чуть не убила Егора. Он еле успел отскочить от града падающих ножей, вилок, тарелок и кастрюль.

— Так, хоть что-то нормальное на этом корабле.

— Наконец-то будем, как нормальные французы, лягушек ножом и вилкой есть. — Пошутил Матвей.

— Уи, месье. Ля кленуль ням, ням, карашо.

— Чего? — Не понял Матвей.

— Да так, французский из школьной программы. Посвети мне, заберусь внутрь.

Каюта, по виду, предназначалась для работников многочисленных баров и ресторанов на борту лайнера. Здесь хранилось все, что так или иначе было связано с едой. Начиная с зубочисток и заканчивая трехведерными кастрюлями. Егор рассудил, что такие кастрюли им ни к чему, но маленькие вполне могли сгодиться, как и столовый инструмент, особенно ножи и ложки. Тарелок целых не осталось, потому что все они были сделаны из фарфора

или глины. Зато нашлись несколько сковородок, которые здорово могли пригодиться в хозяйстве.

Все хозяйство хранилось в шкафчиках, которые сорвало с навесов и разбило о стены каюты. Егор порылся в этом бедламе. Он нашел большой нож для колки льда, нож для разделки мяса. Взял их с собой и спустился вниз. С собой решили взять три кастрюли, набив их столовым добром. Добычу вынесли на первую палубу, поставив под свет, идущий из иллюминатора. С собой Егор взял крепкий нож для колки льда.

Они снова вернулись на среднюю палубу, решив дойти ее до конца. Дверь в конце коридора уведомила их о том, что далее находится док с автомобилями. Дверь была заперта, но Егор просунул в щель нож и немного поднатужившись, открыл ее. В нос ударил запах бензина.

Матвей посветил в помещение. Оно оказалось огромным. Вода плескалась метрах в трех под ними. Вся поверхность ее была покрыта разноцветными разводами бензина и масла. Пары их в воздухе были настолько концентрированными, что стали раздражать слизистую носа.

— Пошли отсюда. — Егор развернулся. — Здесь нездоровая атмосфера.

Они снова поднялись на верхнюю палубу и прошли в ту сторону, до которой не добрались вначале. Конец коридора был совсем разрушен и дверь, сорванная с петель, лежала на полу. Егор заглянул в помещение первым. Поводил по сторонам фонариком. В его свете на стенах сверкнули яркие искры отражений. Над головой пятно света выхватило конструкцию, похожую на барную стойку. Нечто, похожее на аппарат для розлива пива, свисало на шланге сорванное со стойки. Егору захотелось осмотреть это помещение, но это нельзя было сделать, потому что внизу была вода.

— По-моему, это бар? — Уверенно предположил Егор.

— Не знаю, я по барам еще не шастал. А теперь и не пошастаю.

— Вот шанс, перед тобой.

— А что нам здесь искать. Виски? У нас и так полно алкоголя. Зачем мамку лишний раз тревожить?

— Так-то оно так, но пройти мимо я не могу. Вдруг, еда какая-нибудь осталась долгохранящаяся? Мне бы только до стойки добраться, а там я перескачу. Видишь, там пол неровный, по нему можно как по лестнице пройти до конца, а там могут быть подсобные помещения. Для нас — это самое интересное.

— И как же ты доберешься? Здесь метра три до стойки.

— По ножам. Не зря же мы их нашли. Поди, принеси еще пару больших ножей.

Матвей забрал фонарь у отца и отправился за ножами. Когда затихли его шаги, стало так тихо, и вкупе с темнотой, еще и жутко. Егор прислушался к тишине. Он различил слабый гул, расходящийся по корпусу корабля от удара небольших волн. Разобрал свист сквозняков, цепляющихся за углы и узкие проемы. Скрип прогнивающих и деформирующихся под собственным весом железок корабля. Егор на секунду представил, как они живут в недрах этого корабля, вместе с его звуками и призраками погибших на нем людей, и его передернуло. Нет, в Черной пещере он чувствовал себя, как дома.

Вернулся Матвей с ножами. Егор взял один и вогнал его в стену. Нож вошел сантиметров на пять и крепко сел. Держась за косяк, Егор встал на нож. То выдержал его вес. Он взял второй и вогнал его примерно на уровне поясницы. Перенес на него вес и осторожно поднялся. Теперь требовалось вогнать нож наверху, чтобы держаться за него

руками.

— Матвей, попробуй, вытащи нижний нож и подай его мне.

Матвей раскачал и выдернул нож. Отец вогнал его в стену над головой. Еще один нож он снова забил в стену на уровне поясицы и перенес вес тела на него. Матвей выдернул освободившийся нож и протянул отцу. Егор перебрался еще на метр вверх и уцепился за край барной стойки. Проверил ее на прочность. Она показалась ему достаточной. Тогда Егор ухватился за нее как следует, подтянулся и забрался.

Внутренняя стена стойки находилась в приемлемом состоянии. Дверцы некоторых шкафчиков, пережили катастрофу, не открывшись. Егор выдернул из стены верхний нож и вскрыл им по очереди все дверки. В одном, стопкой лежали салфетки, для протирания стойки. Они были грязными от попадания воды, но постирав, могли пригодиться в хозяйстве для тех же целей. Егор кликнул сына и бросил ему в руки стопку салфеток. В других шкафчиках был различный инструмент для работы бармена. Егор не придумал ему применения, и проигнорировал.

За стойкой начинался танцпол. Он был сделан на ступенчатом возвышении. Егор собирался использовать ступени для того, чтобы пробраться в противоположный конец. Он наступил на край. Под ногой хрустнули битым стеклом кожухи, закрывающие лампы подсветки. Хорошо, что корабль лежал горизонтально, идти можно было не боясь поскользнуться. Егор светил перед собой и осторожно продвигался вперед.

Впереди показалась сцена. Прямо вдоль стены, которая сейчас была потолком, на сцену вели ступени. Егор забрался на ступени и остановился, разглядывая дальнейший маршрут. За сценой, за сваленными на одну сторону кулисами, и порванными канатами, на которых менялись декорации, находились две двери. Деревянный настил сцены был поломан, и по нему можно было перебраться к этим дверям.

Осторожно, пробуя перед собой каждую доску на прочность, Егор добрался до двери. Косяк у нее был поведенный. Хватило одного удара, чтобы выбить дверь внутрь помещения. Егор забрался внутрь. Первоначальный осмотр, сразу же убедил его в том, что это была гримерка. Стол, длиной во всю стену. Прямо перед ним сплошное зеркало, почти не сохранившееся и мягкие пуфики, на которых сидели артисты.

С противоположной стороны находились шкафы-купе, с вывалившимися дверями. Зато гардероб артистов, висел в этих шкафах. Егор быстро осмотрел костюмы с блестками, вечерние платья, зауженные к низу, как рыбий хвост. Это то, чего им сейчас здорово не хватало. Как капризная девица Егор вытаскивал наряд из гардероба и если считал его не нужным, бросал на пол. Его внимание привлекли черные брюки, с виду почти обычные, если не считать лампасы по всей длине. Ну, да бог с ними, с лампасами, лишь бы не терли. Не обращая внимания на размер, Егор отложил их в сторону, как и кожаные ковбойские куртки, с нагрудными карманами, отделанными бахромой. Для своих женщин, Егор собрал платья, и комбинезоны, похожие на те, в которых выступают дрессировщики касаток и дельфинов. Материал был обычный, не латекс или резина, но по виду очень походил на них. Егор решил, что такая одежда очень подойдет, как нижнее белье в холодный период.

Он срезал канат, обмотал гору белья и вернулся к барной стойке. Потравив канат, Егор передал сыну кучу белья. Вернувшись, он решил открыть вторую дверь. Немного поковырявшись с замком, Егор открыл ее и оказался в царстве музыки. Здесь хранились музыкальные инструменты, которые сейчас лежали одной большой кучей на дне комнаты. Нужны ли они были сейчас? Егор почесал в затылке. Свет фонаря выхватил саксофон на

самом верху. Он вспомнил, как заслушивался саксофонной музыкой по молодости. Тогда она казалась ему той самой музыкой, которая здорово передает отношения между влюбленными. После секундного колебания, Егор спустился в комнату и вытащил из кучи саксофон. Мало ему завываний ветра в тоннелях.

На обратном пути, Егор нарезал несколько мотков канатов, для декораций. В хозяйстве они обязательно пригодятся. Спустился на одном из них, по пути собирая ножи.

— Хорошую добычу мы собрали, но хотелось бы еды какой-нибудь раздобыть. Я бы сейчас за банку консервов..., не знаю чтобы сделал. — Посетовал Матвей.

— Ты, верно, проголодался? — Егор вспомнил, что ели они последний раз довольно давно.

— Проголодался, вроде, но от крысятины с водорослями уже тошнит.

— Куда деваться, гурманам сейчас тяжело.

Свой «улов» Егор привязал к плоту, чтобы на случай непредвиденных обстоятельств не потерять его. На корабль решили больше времени не тратить. Если бы на нем действительно нашли провизию в съедобном состоянии, то экспедицию к поселку можно было отменить совсем. Егор поставил знак на карте в виде кораблика с парусом. Огромный корпус корабля был виден издали и мог служить прекрасным ориентиром для следующих походов.

Отец с сыном бросили прощальный взгляд на корабль и отправились дальше. Вечерело. Можно было остаться и переночевать возле корабля, но, ни Егор, ни Матвей этого не хотели. Корабль казался им немного зловещим, и суеверный страх заставил их удалиться от корабля на приличное расстояние. Заночевать пришлось посреди бескрайнего водного простора. Искать сушу было поздно. Егор бросил якорь в воду. Веревки осталось метра два.

— Если завтра не найдем поселок, то на следующий день повернем обратно. У нас есть, что представить семье, результата кое-какого мы достигли, ничего страшного не случится, если мы вернемся без того, чего они от нас ждут.

— Да, нарядов у нас теперь навалом. Девки точно обрадуются. А посуда, с круизного лайнера, звучит.

— Знаешь, я как иногда представляю, сколько людей погибло, какой ад творился тогда, когда мы сидели запертыми в пещере и даже не понимали, что происходит, не по себе становится. Какой страх они испытывали, когда все это началось. У кого дети были на улице, а родители пред своей скорой кончиной мучились страхом за них. У кого наоборот. Кто-то видел, как погибают родственники и ничего не мог поделать. — Егор замолчал. — Как нам повезло.

— Не говори. А все ты со своим путешествием. С чего ты решил свозить нас в Чернук пещеру?

— Да, как тебе сказать? С матерью вашей проблемы у нас были, вот и решил взбудоражить ее воспоминаниями молодости.

— А я видел, что у вас что-то не так, но думал, что это в пределах нормы. У моих двух товарищей родители давно развелись, и мне казалось, что у нас все нормально.

— Мы были в шаге от развода, Матвей. Черная пещера была нашим последним шансом.

— Точно, последним шансом. И ты им воспользовался. Как сейчас-то у вас с мамой?

— Все отлично! Лучше некуда. Соседей на иномарке из трехэтажного коттеджа нет, подруги из Таиланда больше не приезжают, про дни рождения никто не забывает. Теперь все, как надо.

— Вот и хорошо. Я рад за вас. А теперь пора и баньки. Глаза закрываются.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, пап.

Матвей почти сразу захрапел. Егор достал из аптечки бутылку водки, сделал глоток и тоже лег спать. Тепло приятно расплзлось по желудку. В голову ударил алкоголь. Мир стал добрым и пушистым.

На это лето Терехин запланировал уставить передатчиками все заметные вершины на расстоянии трехсот километров от начала Уральских гор. Больше и не требовалось, так как мощность передатчиков позволяла передать сигнал именно на такое расстояние. На следующее лето Виктор решил отправиться на поиски людей на юг, до самой оконечности Южного Урала.

Установив пять передатчиков, команда Терехина вернулась за следующими, которые надо было сделать, пока они отсутствовали. К сожалению, те кто занимался этим не успели вовремя из-за нехватки запчастей. За ними требовалось идти на север Южного острова. Там в проливе, на мели сидел небольшой корабль, груженный китайской техникой. Пробираясь пешком было тяжело из-за большого количества рек и озер, образовавшихся после наводнения. Поэтому все ждали, когда вернется Терехин на моторке и довезет их с комфортом.

Собрав всех причастных к сборке передатчиков людей и отпустив свою команду отдыхать, Виктор отправился к проливу. По суше это заняло бы неделю, на лодке они достигли места назначения за один день. Обычный, не полярный. Лодку оставили на берегу. До корабля надо было пройти по дну еще километра два. Там на скалистом берегу, разорвав железное брюхо, на боку лежал корабль. Большая часть его груза была безвозвратно уничтожена, но выбрать что-то еще можно было.

Люди уже привыкли, что кроме них и мошкары в этом мире никто не выжил. Пару раз к поселку подлетали чайки. Для восстановления популяции им могло понадобиться несколько лет. В горах Терехин видел лягушек. И это было все, что осталось от богатой наземной фауны. Команда смело шла по плотному дну обмелевшего пролива, обходя озерца воды и небольших ручьев, текущих с берегов. Дно пролива имело грязно-серый цвет, кое-где переходящий в бежевый.

Точно так же, на Северном острове архипелага Новая Земля жили белые медведи, перенесшие наводнение на вершинах гор. Они начисто забыли об опасности исходящей от людей. Берег сделал небольшой поворот и вывел прямо к озеру на каменистом дне. Ни Терехин, ни один член из его команды сразу не заметили, как на другом конце озера, стоя по брюхо в воде рыбачили три белых медведя. Возле них терлись еще три медвежонка. Между людьми и медведями было не больше тридцати метров.

Первым остановился Бурега и замер, остальные натолкнулись на него и замерли, увидев причину этого. С того конца медведи испытали точно такой же шок. Они замерли, увидев неожиданных гостей. Никому из людей даже на ум не пришло взять с собой хотя бы один автомат. Немая сцена затянулась.

— Командир, что делать? — Не раскрывая рта, как чревовещатель спросил Бурега.

— Не трустить, и не паниковать, животные адреналин чувствуют. Пока подождем, что они предпримут. — Посоветовал Терехин.

На самом деле он был совершенно не готов к этой ситуации. С дикими животными ему не приходилось сталкиваться еще ни разу. Медведи смотрели на людей и ждали их реакции. Проблемы, что предпринять перед ними не стояло, они привыкли реагировать на раздражитель. Медвежата умильно прятались за спинами родителей, высовывая из-за их мощных тел свои любопытные носы.

— Видать, они терпелку раньше меня тренировать начали. Что-то у меня командир живот прихватило. Можно я отойду за поворот? — Попросился один из инженеров.

— Стой, ты чего? Сейчас ты пойдешь назад, а они подумают, что мы даем деру и побегут за нами. Держи руками, но стой.

— Понял, остаюсь.

Пауза затянулась. Один из белых медведей не выдержал, громко рыкнул и ударил тяжелой лапой по воде. Второй подыграл ему и повторил то же самое. Кажется животные начали подзуживать себя на решительные действия. Тут в голову Терехину пришла в голову интересная мысль.

— Мужики, набираем в руки камни, и на счет три бросаем их в медведей и орем. Поняли? На счет, чтоб эффект был.

Команда медленно набрала в руки гальки, разошлась в цепь.

— Раз, два, три! Ааааааааа!

Семь крупных камней устремились в сторону животных. По медведям они не попали, но этого и не требовалось. Брызги шлепающихся в воду камней, окатили медведей. Команда инженеров, орала, как никогда в жизни. Медведи дрогнули, развернулись, и прикрывая телами медвежат, косолапо побежали прочь, в сторону берега Северного острова. Когда их белые задницы скрылись на том берегу, команда разразилась истерическим смехом.

— Командир, ну ты вовремя сообразил, тебе укротителем в цирке работать надо?

— Точно, поэтому я с вами. — Пошутил Терехин. — Вытряхивайте кирпичи из штанов и идем дальше.

На этом соседство людей и белых медведей не закончилось. Популяция хищников спасалась от катастрофы на Северном острове, в горах. Вместе с ними там же спасались моржи, нерпы и тюлени. Обнаглевшие от обилия еды медведи, принялись размножаться. Обилие рыбы в мелких водоемах гарантировало им пропитание в летние месяцы. Нагуляв за это время жир, медведи всю зиму лениво охотились на водоплавающих млекопитающих.

Осмелев, полярные хищники стали перебираться через пролив на Южный остров. Люди не могли потерпеть такое опасное соседство, и вынуждены были забить несколько медведей. Их мясо и жир составили рацион питания на пару недель в поселке. Из шкур сделали тулупы. Недостаток теплой одежды чувствовался до сих пор. Теплая одежда из медвежьих шкур могла здорово помочь для работы в зимнее время.

Легкий ветер погнал рябь по воде, которая шлепками о борт разбудила Матвея. Слабое зарево начинающегося утра растворялось в белой мгле утреннего тумана. Ветер играл туманом, скручивал его в клубки и спиральки и гнал мимо плота. Могло показаться, что это плот куда-то плывет. Матвей даже проверил якорь. Тот спокойно лежал на дне.

За такие моменты сказочности Матвей полюбил путешествия. Его переполняли эмоции, поделиться которыми он не мог, потому что не находил таких слов, чтобы их описать. Ему было искренне жаль сестру и мать, которые не видели этих чудес природы.

Шлеп! Матвей вздрогнул от неожиданности. Он уже привык к безмолвию нового мира и любые звуки, которые не производил он сам, казались неестественными. Матвей обернулся на звук и заметил волнение на поверхности воды, как от движения под ней рыбы. На мгновение, искрящаяся серебристой чешуей, рыба промелькнула совсем рядом с плотом. Матвей отшатнулся от нее, как от акулы. Пару секунд он колебался, затем залез в рюкзак провизией. Достал оттуда вяленой крысятины. Порезал ее ножом помельче, и бросил в воду, рядом с плотом.

Рыба тут же подцепила кусочек и исчезла с ним с темной мгле. Матвей присел на колени, занес над водой нож и стал ждать. Он тут же среагировал на движение в воде. Одновременно с показавшейся у поверхности воды рыбьей пасти, Матвей наискось ударил ножом. Он почувствовал, как тот вошел в плоть и, не теряя инерции, продолжил движение. Над водой показалось тело большой рыбы, надетое, прямо под жабрами на нож. Матвей бросил ее на плот и накрыл телом. Рыба неистово била хвостом и готова была сорваться в воду.

Из-за шума проснулся отец и спросонья не мог понять, чем занимается сын, пока не разглядел лупящего по палубе рыбьего хвоста. Он подскочил и прижал рыбий хвост.

— Как ты ее поймал? — Егор удивленно посмотрел на сына.

Матвей, молча, вынул из-под себя нож.

— Кружилась, тут, вот и решил попробовать ее поймать. — Матвей говорил напряженно, держа обеими руками скользкую рыбу.

Добыча еще пару минут изводила агонией, потом затихла. Егор смотрел на нее во все глаза.

— Да в ней килограмм десять, не меньше?

Он поднял ее за жабры. Рыба была тяжелой и запросто могла оказаться тяжелее десяти килограмм. По виду она была похожа на огромного речного окуня.

— Нам надо ее приготовить, чтобы не пропала, и довезти до дома. — Егор почесал в затылке.

Позади него снова раздался характерный шлепок. Остальные рыбы доедали крысятину, выброшенную Матвеем для подкормки.

— Да их тут! Ловить, не переловить!

— Давай, я попробую еще? — Предложил сын.

— погоди, эту надо определить. Сдается мне, что нам надо коптильню на плоту делать. Предлагаю, немедленно отправляться домой. Каргалинский никуда от нас не денется, а лето будет слишком коротким, чтобы потратить его на поиски всякого Эльдорадо, которого, может и не быть вовсе.

Матвей согласился с отцом. Перспектива еще одну зиму питаться крысятиной и лягушатиной вызывала отвращение. К тому же крыс становилось меньше, и ловить их становилось вся тяжелее. Рыба была идеальной заменой.

Едва сошел туман, мужчины тронулись в обратную дорогу. На плоту имелся небольшой запас дров для приготовления чая или разогрева пищи, а так же совсем небольшой пузырек с растительным маслом. Егор посадил сына за «штурвал», а сам занялся разделкой и приготовлением рыбы. Он истекал слюной, глядя на шкворчащие на дне кастрюли куски рыбьего мяса. В один прием в нее уместилось не больше одной четверти. Запах от готовящейся еды расходился такой, что желудок урчал не останавливаясь. Рыба приготовилась быстро.

— Стоп-машина! Пошли есть, Матвей.

Два раза упрашивать не пришлось. Егор вынул куски и переложил в чистую кастрюлю. На дно первой капнул еще масла и выложил новые куски. Матвей, обжигаясь достал горячий кусок и вдохнул его аромат.

— Костей много? — Спросил он.

— Не знаю. Сейчас меня это ничуть не заботит.

Если бы у рыб была душа, и она могла видеть, сколько удовольствия ее тело принесло двум людям, то не стала бы обижаться за это убийство.

Матвей сплевывал кости за борт и всю дорогу удовлетворенно мычал. Они не смогли осилить того, что Егор приготовил за первый прием. Матвей тяжело отвалился от кастрюли и лег, подбоченись.

— Надо как-то довести до наших девушек. Они сто лет такого не ели, и очень расстроятся, если мы не довезем.

— Придется подогревать всю дорогу, чтобы не пропало, но дров может не хватить. Можно, конечно, двинуться прямо на восток. Тогда через два дня мы будем возле гор, а там с дровами проще. Но до дома, на эти же два дня, плыть будем дольше.

— А давай и ночью будем плыть. Один будет отдыхать днем, а второй ночью, или по полночи.

— А в утренний туман, можно будет и поспать. В принципе, можно и так.

Так и порешили. Через половину дня строгого движения на восток, слева, вдалеке показалась протяженная полоса «плотины». Егор держался от нее на одинаковом удалении и использовал как ориентир. Первую половину ночи он решил управлять плотом сам, чтобы убедиться, что это безопасно. За день фонарь подзарядился от солнечной батареи. Егор периодически его включал, проверяя путь перед собой.

Ничего опасного в ночном плавании Егор не углядел, и потому спокойно разбудил сына. Доверив ему дальнейшее движение. Матвей, действовал так, как ему советовал отец. Примерно, через каждые пять минут, он включал фонарь и подсвечивал им дорогу перед собой. Перед рассветом от воды стал подниматься туман, он становился все гуще. Когда фонарь перестал освещать дорогу перед собой, Матвей сбросил якорь в воду. Он достал из кастрюли кусок холодного рыбьего мяса, съел его и лег спать.

Проснулся он, когда услышал удивленный отцовский возглас.

— Горы!

Матвей поднялся и посмотрел по направлению движения плота. Действительно, впереди показались горы. Вернее, это была та гора, которая соединялась с «плотиной». Интересно, как там стало после такого катастрофического наводнения?

Егор подвел плот ближе к плотине. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что высота ее здорово сократилась. Глядишь, следующей зимой и вовсе сравняет, и уровень воды будет везде одинаковый. Вода все так же шумно переливалась через край, но грандиозности поубавилось.

Через час, отец с сыном сошли на берег. Наводнение выбросило на гору большое количество хлама, среди которого попадались и стволы деревьев. Решено было такому добру не пропадать. Три, примерно одинаковых, среднего размера, ствола деревьев спустили с горы и прицепили к плоту. Затем, насобирали щепу, и прочую мелочь, способную гореть, для того, чтобы подогревать ценное блюдо по дороге домой.

Уже собрались покинуть гору, как Матвея привлек еле заметный, в ворохе мусора и

грязи, остов автомобиля. Матвей освободил одну сторону автомобиля от мусора. Это был семиместный минивен. Кузов его неплохо сохранился. Он был помят, но не расплюсчен. И самое важное, в нем не было трупов.

— Чем он тебя так заинтересовал? — Поллюбопытствовал отец.

— Знаешь, я подумал про то время, когда нам придется убираться из Черной пещеры. Если из этой машины выбросить все лишнее, она будет довольно легкой. Заделать все отверстия, поставить внутрь печку, лежанку, поставить на полозья и получится настоящая карета для переездов.

— А кто, извиняюсь, лошадью будет?

— Мы с тобой, вместе, или по очереди.

— Надеюсь, это очень отдаленная перспектива.

Плот с прицепом шел тяжелее. За две смены он достиг спокойной воды, в которой бурно разрослись водоросли и тянущиеся за плотом бревна, цеплялись еще и за них. Водоросли уже не просто торчали из воды, они местами просто лежали на воде, покрывая ее большими площадями. Чем дальше Егор с Матвеем уходили в стоячую воду, тем сильнее чувствовался запах сероводорода. Ковер водорослей, то тут, то там, вздымался под выходящими пузырями газа.

— Ты снова прав, Матвей. — Егор в очередной раз удивился прозорливости сына. — Как тебе удастся догадываться об этом?

— Я не догадываюсь, я знаю это. Это же очевидно. То же самое, что и с прокисшим супом. Микробы сейчас празднуют праздник живота, перерабатывая остатки нашей цивилизации. Через миллионы лет, на этом месте будут стоять вышки, и качать нефть и газ. А ученые будут выдвигать гипотезы о том, откуда взялось это добро. А это мы, пережеванные микробами и исторгнутые ими в виде углеводов.

— Да, уж. А я со школы ничего не помню, кроме формулы спирта.

— А это и не школа. Юля, ну, та девчонка, которая мне нравилась, она была немного повернута на экологии, вот я и подтянулся немного до ее уровня. Про ветер, конечно, никто не думал тогда, я просто сопоставил факты и пришел к такому выводу.

— Плохо, что передачи с МКС прекратились. Так бы мы знали, куда нам идти. Сниматься всей семьей с ограниченным количеством припасов, по мне, довольно самоубийственно. Как думаешь, сколько у нас времени впереди?

— Нет, пап, этого я не могу знать. Может быть, пару лет, а может — пару десятков.

— Ну, тогда, ладно, время подготовиться у нас есть.

Лавируя между особо разросшимися полянами водорослей, плот медленно приближался к дому. Егор крутил педали, а сын, стоя на носу плота, расталкивал водоросли в стороны. Они переночевали следующую ночь на берегу и к вечеру следующего дня увидели родную гору.

Слабое пламя костра колыхало ветром на площадке перед входом в пещеру. Тамара сидела перед костром. Она держала в руках куртку, и кажется, зашивала в ней прорехи. Катюшка, опершись головой о материну спину, дремала. Мать, периодически заботливо отгоняла от нее настойчивую мошкарку.

— Привет! — Раздался голос Егора из темноты.

Тамара хотела вскочить, но побоялась уронить Катюшку. Егор и Матвей вошли в круг света. Катя проснулась и захлопала спросонья ресницами. Затем подскочила к отцу и

прыгнула ему на руки. Мать обняла Матвея.

— Как у вас все прошло? Без приключений?

— Ты не поверишь, но мы были на огромном корабле и поймали вот такую рыбину! —

Егор развел руки в стороны.

Мужчины вернулись к плоту и принесли свои трофеи. Удивлению и радости прекрасной половины семьи не было предела. Рыбу тут же поставили на огонь. В ожидании ужина Егор, подправляемый сыном, рассказали о том, что видели за две недели своего отсутствия. История про корабль показалась Тамаре немного страшной и мистической.

— Я бы обошла его дальней дорогой. Жуть какая! На нем тысячи людей были. Как у вас хватило смелости забраться в него? — Тамара передернула плечами. — А вот то, что рыбы полно, это очень хорошая новость. Не зря она мне во сне снилась.

— Нет! — Неожиданно громко сказал Егор.

— Что, нет? — Удивилась Тамара.

Дети замерли и уставились на отца.

— Ты чего, забыла, к чему женщинам снится рыба? Даже не думай, сейчас не то время.

— Тьфу, дурак. Типун тебе на язык.

— Смотри мне. — Егор делано погрозил пальцем жене.

Разогретая на огне рыба источала неповторимый аромат. Разговоры замолкли сами собой. Тишину ночи нарушали только звуки голодных желудков и жужжание мошкеры под ухом.

Минуло две недели подготовки к «большой рыбалке». Все три бревна были разрублены на чурбаки и высушены на сквозняках в туннелях пещеры. Их использовали для выпаривания соли из соленой воды. Расход дров был огромный, но и соли требовалось немало. Коптильню на плоту Егор решил не делать. Место надо было экономить под рыбу. Закоптить ее можно было потом, по возвращении.

Плот пришлось немного доделать под изменившиеся условия. Спереди на него установили клиновидный отбойник. Он расталкивал водоросли перед плотом в стороны. Заодно установили дополнительные щитки перед гребными колесами. Испытания на воде подтвердили полезность нововведений. На самом плоту соорудили ящики. В них собирались складывать пойманную рыбу.

Для ловли рыбы придумали гарпуны из лыжных палок и еще, Егор сплел небольшую сеть из бечевки, в надежде, что в нее попадет случайная рыба.

Матвей, тем временем, лучше всех знающий все ходы и ответвления в горе, нашел небольшой грот, в котором, даже летом, была минусовая температура. Его можно было использовать, как «холодильник» для рыбы. Проблемой были крысы, которые обязательно придут на запах съестного. Немного побродив по округе, Матвей нашел углубление в стене, похожее на большую чашу. Забраться в него с пола ни одной крысе не было никакой возможности.

Женщины Горбуновых тоже не теряли времени. Тамара придумала способ делать из водорослей пастилу. Она собрала по округе камни и сложила из них примитивную духовку. На пробу она приготовила рулетики из рыбы и пастилы, добавив немного пряностей с Верблюда. Получилось шикарно, и по виду, и по вкусу.

— Хорошо живем. — Сказал Егор, прожевывая кусок рулета. — Одни деликатесы трескаем, как в ресторанах.

— У нас даже вилки и ложки, как в ресторанах. — Катя показала на выгравированное название, нанесенное на каждый прибор с корабля.

— Чем мы заслужили такую милость? — Иронично поддержала Тамара.

— Как? Вы еще не догадались? — Вступил в разговор Матвей.

Вся семья уставилась на него, ожидая откровения.

— Вам решили показать, как бывает хорошо, когда все плохо, чтобы вы сравнили с тем, как бывает плохо, когда вокруг все хорошо.

После некоторой паузы, когда все осмысливали сказанное, первым заговорил Егор.

— Все хорошо, кто старое помянет, тому глаз вон.

— А кто забудет, тому оба. — Добавил Матвей.

Егор и Тамара переглянулись. Они оба до сих пор чувствовали уколы совести за то, как относились друг к другу до катастрофы, и в особенности за то, что считали детей достаточно глупыми, чтобы те понимали отношения родителей.

В ночь перед выходом началась жуткая гроза. Первая ночная гроза со дня катастрофы. Перед закатом все затихло. Егору стало тревожно. Еще свежи были воспоминания того дня, когда все началось. Тревоги рассеялись только тогда, когда гроыхнул первый раскат грома.

Где-то за черными небесами, сверкнули молнии, и до земли долетел первый звук. Молнии сверкали все чаще. Их вспышки, скрадываемые небесной грязью, едва пробивались сквозь ее толщу. Но звук доходил почти без потерь. Стены пещеры сотрясались от грома. Матвей, несмотря на предупреждения матери, не желал пропустить зрелища. Он любовался на небесные сполохи и мощные раскаты, до дрожи в теле проникаясь силой природных стихий. А затем ливанул дождь.

Он начался сразу и с такой силой, что можно было подумать, будто где-то на небе прорвалась плотина, удерживающая его. Шум от падающих капель поднялся невообразимый. Буквально через несколько минут по склону горы потекли ручьи воды.

Дождь, почти без перерывов продолжался три дня. Горбуновы уже тайно начали подозревать, что начинается второй акт катастрофы, имя которому — всемирный потоп.

На четвертый день дождь прекратился. Вначале затих гром, а потом ослабел дождь и почти сразу затих. Ручьи еще некоторое время громко текли по крутым склонам, но потом и они иссякли. К невероятному удивлению всех, в прореху между тучами на несколько секунд выглянуло солнце.

Оно было настолько непривычно ярким, что нельзя было смотреть не то что на него, просто в сторону. Мир в его лучах изменился до неузнаваемости. Серые краски растворились, уступив лидерство зеленым кустарникам, зеленоватой воде и глянцевому блеску влаги на камнях.

Солнце немного подразнило людей, скрывшись за тучами снова, но в душе оно успело зажечь свечу надежды, на то, что скоро оно наберется сил и вместе с проливным дождем займет положенное ему место на небосводе. Солнце подняло настроение у всех. Катюшка пробежалась босыми ногами по лужам, воздев руки вверх, словно пытаясь дотянуться до светила. Тамара, на радостях принялась готовить, а мужчины отправились проверить свою технику, на предмет влияния на нее дождя.

Уровень воды поднялся на метр. Это был значительный подъем. Со дня катастрофы ее уровень только опускался, и был ниже двадцати метров, чем в тот день, когда они покинули пещеру. Даже водорослей убавилось на поверхности.

— Хорошо бы, чтобы такие ливни случались не часто. От них на плоту не спрятаться. — Егор произнес это и замер. — Я придумал! Нам надо сделать кабину!

Большая рыбалка задержалась еще на пару дней. Из пластикового водопровода, сгонов и муфт, был собран каркас кабины. Ширмами для ванн обтянули этот каркас, местами сделав его убирающимся. Кабина получилась легкой и удобной для использования. В хорошую погоду ширмы можно было скатать наверх, а в дождь опустить вниз.

Тяжелый, как ледокол, плот отбойником разрезал спутавшиеся заросли водорослей. Из-за клиновидного носа повадки плота изменились. Он стал страдать излишней поворачиваемостью. Стоило только начать пользоваться рычагами, как он чересчур активно реагировал на них. Егору пришлось заново учиться пользоваться плотом.

Чтобы не тратить много времени на плавание, мужчины решили двигаться от горы прямо на запад. Так, по их расчетам, они могли за сутки оказаться на течениях, где водилась рыба. Те воды были для них еще не исследованными, но они рассчитывали на то, что они ничем не отличаются от прочих вод. Достигнув их, они собирались подниматься строго на север, до тех пор, пока все ящики не будут забиты рыбой.

Ливень, а возможно в этом был виноваты и молнии, наэлектризовавшие атмосферный мусор и заставившие его выпасть на землю, основательно подчистили атмосферу. Вода уже не казалась такой черной, горизонт был виден дальше, да и воздух казался теплее, чем обычно.

К исходу первых суток водоросли стали редеть и на горизонте замаячили чистые от них воды.

— Предлагаю стать здесь, где течение еще слабое. — Предложил Егор.

Матвей согласился. Они сбросили якорь и стали готовить ужин из лягушачьих лапок и водорослей. Вернее, им требовалось только разогреть то, что было приготовлено заранее. Ночь стремительно входила в свои права. Когда ужин был готов, вокруг стояла непроглядная ночь.

Легкий ветер шевелил ширмы и нагонял небольшую волну, разбивающуюся о плот. Матвею отчего-то не спалось. Прошное иногда так живо представлялось ему, что на мгновение ему казалось, что ничего не произошло. Все было как прежде, и самое главное, что Юля была жива, и он мог утром снова увидеть ее. Матвей вытащил телефон из кармана и включил его. Экран засветился, еще больше отдалив мальчика от действительности.

Матвей подолгу рассматривал каждую фотографию с Юлей. В голове проносились воспоминания, от которых в груди становилось томно. Тяжело вздохнув, Матвей выключил телефон. Яркий свет телефона оставил отпечаток на сетчатке глаза. Матвей закрыл глаза, подождал с полминуты и снова открыл. Светлое пятно перед глазами так и не исчезло. Тогда до него дошло, что сквозь толщу облаков пробился свет луны. Его не было целый год. Значит, атмосфера действительно очищается. Эта новость отвлекла мальчика от воспоминаний, и он уснул в более менее хорошем настроении.

Утром начался дождь. Его капли, шуршащие по пластиковым ширмам, разбудили Матвея. Светало. Прохладный ветерок и дождь заставили мальчика прижаться ближе к огню, на котором отец уже готовил завтрак.

— А я луну ночью видел. — Матвей первым делом вспомнил о ней.

— Да, ладно?

— Серьезно. Она еще сильно размыта была, но просвечивала.

— Можно надеяться, что скоро все времена года восстановятся? И лето снова будет летом, на три месяца?

— Наверно. Вот если бы найти где-нибудь семена овощей, корнеплодов и прочего. Я бы за помидор с картошкой полжизни отдал.

— Да, это точно, иногда так картошки хочется, аж желудок сводит. А хлеба, как хочется с хрустящей корочкой. — Егор воздел глаза к небу, как бы обращаясь к тому товарищу, что за облаками. — Ну, от миссии в Каргалинский мы еще не отказались. Заготовим рыбы и попробуем сгонять туда, авось, сохранилось там что-нибудь из семян.

Мужчины позавтракали и отправились дальше. Утренний туман почти развеялся, так что граница, где стоячая вода встречалась с течением, была хорошо различима. Поток воды стремился развернуть плот, встречаясь с его отбойником.

— Съемный надо было делать. — Посетовал на собственную недогадливость Егор.

— В следующий раз доделаем.

Егор стравил в воду сеть, позволив ей тянуться за плотом. Он надеялся, что рыбы могут случайно попасть в нее, следуя за плотом. Для затравки он привязал пару лягушачьих лапок к сети. Пока было тихо. Через каждые пятнадцать минут Егор подтягивал сеть и проверял в ней улов. Пока ничего, кроме мусора в ней не задерживалось.

— Выходит, не все места здесь рыбные? Там-то, помнишь, нас преследовали рыбы?

— Может, поднимемся севернее? — Переспросил Матвей.

— Давай, денек, покружим здесь. Если не клюнет, пойдем на север.

Это было удивительно, осознавать, что чуть более года назад здесь были холмистые равнины, которые существовали в первозданном виде миллионы лет. В одночасье они стали дном нового мирового океана. Сидя на плоту и не видя ни в одну из сторон берега, прошлое казалось собственной выдумкой.

Егор решил идти строго на запад. Ему было интересно, насколько широким было течение и имело ли оно какие-нибудь повороты, заводи или вообще открытые участки суши. Хотя он представлял, что суша, понятие условное. Сушей могли быть только горы, все остальное могло быть болотом, которое из-за регулярных дождей не имело возможности высохнуть, как следует.

В полдень они снова остановились. Матвей бросил в воду рядом с плотом несколько лягушачьих лап, для подкормки. Они никого не заинтересовали, и течение унесло их прочь от плота.

— Помнишь, как в «Ералаше»? Здесь рыбы нет! — Вспомнил Матвей.

— Да помню. Думаешь, под нами каток?

— Думаю, что ее здесь просто нет. То ли не дошла, то ли плавает косяками, то ли за косяками.

— Эхолот нам нужен. И глубину мерили бы и рыбу видели. Но это я так, гипотетически. Где же его сейчас найти?

— В нашем городе.

— Наш город, скорее всего, на дне. Вернее развалины города.

— Все равно хочется на них посмотреть.

— Ну, это будет выглядеть примерно так же, как и здесь.

После легкого обеда плот снова двинулся на запад. Егор не терял надежды напасть на стаю рыб. Скорость течения не везде была однородной. Где-то она была стремительной, и местами даже бурлящей. Егор обходил такие места стороной. Где-то течение почти

останавливалось, и если бы не отсутствие водорослей, можно было бы спутать эти места со стоячей водой.

До вечера не было поймано ни одной рыбки. Заночевать решили в зоне спокойной воды. Матвей на всякий случай бросил еще несколько лапок в воду, ни на что не рассчитывая. Солнечное пятно уходило за горизонт. И когда оно зашло, в крошечной тьме остался только огонек на плоту. Егор разогревал на нем ужин.

— Не может быть, чтобы столько усилий пропали даром. Где-то же должна плавать эта рыба. Я три бревна разрубил, высушил и выпарил на них соль. Хотя какая-то справедливость должна же быть?

— Давай, первой же пойманной рыбе скажем это в лицо, пусть ей станет стыдно.

— Шутки шутишь? А зимой что есть будем, опять лягушек и крыс? — Егор передернул плечами. — Я уже свыкся с мыслью, что зимой у нас будет копченая и соленая рыба.

Егор присел на край плота, вынул из кармана старый фонарик с динамо и под мерное «вжиканье» осветил им в воду. Ему почудилось, что в его свете мелькнуло что-то живое.

— Ну-ка, дай мне лягушачью лапку. — Егор не отрывая взгляда от воды протянул руку.

Матвей сунул в нее требуемое. Егор бросил рядом с плотом лапку и направил на нее луч света. Буквально через пару секунд здоровенная рыба морда с разгона вылетела над поверхностью воды, прихватив попутно и лягушачью лапку. Егор отпрянул от края от неожиданности.

— Ты это видел? — Спросил он сына.

— Видел. Кажется нас услышали.

Суется и мешая друг другу, Егор с сыном взяли гарпуны и изготовились к ловле. Егор бросил лапку и направил на нее свет фонаря. Вначале было неясное движение, а потом стремительный бросок рыбы. Оба гарпуна зацепили здоровенную тушу. Удержать ее было тяжелее, чем попасть в нее. Палки гнулись и под тяжестью и усилиями рыбы.

— Тяни к себе! — Крикнул Егор.

Они подтянули рыбу. Егор схватил тяжелый ключ и размозжил им рыбью голову. Рыба затихла. На вид она была около восьми килограмм. Егор убрал ее в сторону.

— Будем ловить, пока ловится.

— Ага, согласен.

В глазах Матвея появился охотничий азарт. Он и думать забыл о сне и усталости. Рыба велась на лягушачьи лапки. Некоторым удавалось схватить еду и скрыться во тьме воды безнаказанно, но каждая вторая рыба падала добычей на скользкий от чешуи пол плота. За час было поймано двенадцать рыб.

Егор сел на ящик, в котором лежали рыбы туши.

— Думаю, надо пока остановиться и переработать, чтобы не пропало.

— Пап, а можно я буду ловить, а ты разделять? — Адреналин в крови мальчика не давал ему успокоиться.

— Нет, ты сам-то чуть больше рыбы вешишь. Утянет она тебя в воду. Помогай лучше.

Матвей с сожалением отложил гарпун в сторону и принялся помогать отцу. Егор разрезал живот рыб, вынимал внутренности и выбрасывал их за борт. Рыбы, попавшие на подкормку, хватали внутренности и рвали их на части между собой.

— Не надо кишки выбрасывать, можно их на подкормку оставить. — Посоветовал Матвей отцу.

— Точно, соображаешь.

Рыбьи головы и хвосты Егор отделил и сложил отдельно. Разделанные вдоль позвоночника туши он уложил на устланное солью дно ящика, и, пересыпая солью, складывал слой за слоем. Получилось не очень много.

— Ну что, продолжим, или подождем до завтра? — Спросил он сына.

— Никаких завтра, здесь и сейчас. — Матвей замер с гарпуном, как заправский метатель копья.

Добычей стали еще пятнадцать крупных рыб. А затем, внезапно, они перестали идти на приманку.

— Спугнул их кто-то? Или время спать у них? — Егор посветил фонарем вокруг плота. Кто-то огромный и тяжелый прошелся под плотом, заставив плот приподняться над водой и плюхнуться. Егор чуть не свалился за борт. Матвей удержался за ящики.

— Кто это? — Со страхом спросил он.

— Без понятия. — Егор выключил фонарь и отошел к середине плота. — В любом случае, надо быть осторожнее.

Огромное нечто разогнавшее рыб здорово испугало мужчин. Они разделявали рыб молча, все время оглядываясь на воду.

— Я теперь не буду чувствовать себя на воде в безопасности. — Сказал Матвей.

— Надо убираться отсюда.

Отец с сыном до самого рассвета разделявали туши рыб. Как только туман рассеялся, они отправились в дорогу. Егор сел за управление лодкой, а Матвей свернулся калачиком между сиденьем и ящиками, предварительно опустив ширмы, и уснул. По договоренности, отец должен был разбудить сына через четыре часа и лечь спать самому.

Всю дорогу Егор озирался по сторонам, пытаясь увидеть существо, разогнавшее рыб. Больше всего он думал увидеть акулий плавник. Откуда они могли взяться в северных морях, он не знал, но никакие другие существа, живущие в воде, кроме китов, ему не приходили на ум.

Ночное происшествие заставило Егора иначе смотреть на бескрайние водные просторы. Если раньше они были опасны только по вполне прогнозируемым и вовремя замечаемым случаям, то теперь начинали пугать тайнами. Ноги с плота уже так просто не опустишь. Все время будет казаться, что их кто-нибудь оттяпает. Вода же сохраняла безмолвное спокойствие.

Пришла пора меняться. Егор разбудил Матвея, лег на пригретое место и тут же уснул. Проснулся он оттого, что сын с кем-то разговаривал. Егор открыл глаза и замер. Здоровая белая морда дельфина торчала прямо у борта и, судя по всему, оживленно разговаривала с сыном. Матвей снимал животное на телефон.

— А ты совсем не страшный, немного бледный, как утопленник, но глаза добрые. — Сказал дельфину Матвей.

Дельфин стрекотнул в ответ, словно понял о чем речь. Егор сел. Дельфин повел глазами в его сторону и снова застрекотал.

— Это мой отец, Егор. — Матвей представил дельфину отца. — А это дельфин-белуха, который ночью чуть нас не перевернул.

— Очень приятно. — Ответил Егор. — Можно нас так было и не пугать. А чего ему надо?

— Мне кажется, ему любопытно, кто мы такие?

— А может рыбы выпрашивает? Скажет, набили полные ящики, гоните мзду.

— Пап, а можно я его потрогаю?

— Нет, ты чего Матвей, не видишь, какие у него зубы?

— Пап, дельфины никогда не нападают на людей.

— Это тогда не нападали, а сейчас, может, с голодухи и нападают.

Дельфин застрекотал и поднялся еще на пару десятков сантиметров из воды.

— Видишь, он обиделся на твои слова.

Матвей, не дожидаясь согласия отца, подошел к дельфину и положил ладонь на мокрую голову. Осторожно провел ею взад и вперед. Дельфин замер, не реагируя. Мальчик осмелел, подошел ближе и двумя руками потрепал «щеки» дельфина. Тот снова застрекотал и попытался положить голову на плот. Под его массой, борт погрузился в воду, чуть не замочив ящики с соленой рыбой.

— А ну-ка, бледная скотина, хватит лезть на наш плот. Он для тебя маловат.

Егор аккуратно толкнул голову дельфина в воду. Млекопитающее не посчитало это за оскорбление, оно снова замерло столбиком перед плотом.

— Всё, кажись, рыбалки у нас больше не будет. — Расстроился Егор. — Друг, иди поплавай в стороне, а лучше подгони нам косяк рыбешек, таких же крупных, как в прошлый раз. Нам бы еще штук двадцать таких и мы будем обеспечены на всю зиму. Ферштейн?

Белуха смотрела на Егора и молчала.

— Матвей, попробуй ты, вы с ним дольше знакомы.

— Я не знаю, что ему говорить. Давай, назовем его как-нибудь, чтобы обращаться удобно было. Предлагаю Нептуном назвать его.

— Хоть Велосипедом.

— Нептун, плыви отсюда, нам надо рыбу ловить, понимаешь? Буль-буль, ням-ням. — Матвей побултыхал руками в воде, затем изображая, что держит в них рыбу, открыл рот и направил воображаемую рыбу в рот.

Белуха теперь смотрела на Матвея. Кажется, ей просто нравилась человеческая компания, и она не спешила покидать ее.

— Вот ведь бестолковое животное.

Матвей вынул из ящика соленую половинку рыбы и дал ее понюхать дельфину. Тот, то ли сделал вид, то ли на самом деле понюхал рыбу. Нептун издал громкий звук, перевернулся через спину, обдав брызгами, и быстро исчез в темной воде.

— На соленое аллергия. — Заключил Егор. — Ладно, хоть так избавились от твоего друга. К вечеру, глядишь, и рыбалка начнется.

Егор принялся готовить обед. Уху из рыбьих голов и хвостов. Уха обещала получиться классическая, такая в которой ложка стоит. Когда вода закипела, аромат поднялся нестерпимый. Вдруг снова под плотом прошелся кто-то крупный. Вода из кастрюли плеснулась в костер. Егор с сыном вскочили на ноги, ухватившись заранее, кто за что успел. К невероятному изумлению обеих, над водой показалась морда белухи с зажатой в зубах рыбой.

Дельфин подплыл к борту в убор и всем видом показывал забрать у него рыбу. Матвей опомнился первым и вытащил рыбу изо рта белухи. Нептун снова застрекотал. Каково же было изумление людей, когда возле плота показались еще две головы дельфинов с рыбами в зубах. Они тоже подплыли к борту. Тут уже ошеломленный Егор принялся принимать ценные подарки от обитателей моря.

— Что вы право, не стоило вам так утруждать себя. Сами бы наловили. У нас и

отблагодарить вас нечем.

Белухи скрылись под водой, но через пару минут снова показались, держа во рту еще по рыбине.

— Матвей, это что же делается, это за что нам такое счастье привалило? — Егор и на самом деле испытывал неловкость за подарки. — Всех зову в гости на свой день рождения. Будет выпивка и танцы, и селедка под шубой.

Подплыли еще две белухи с трепыхающимися рыбами в зубах. Теперь белух было пять. Кто из них был Нептун, нельзя было понять. Слишком похожими они были. Дельфины снова ушли под воду, чтобы через несколько минут принести еще по рыбе. В ящиках прибавлялось еще живой, агонизирующей рыбы. Когда плот просел почти по уровень с водой, Егор решил прекратить принимать подарки.

— Всё, друзья, больше наша грузоподъемность не осилит вашей щедрости. — Егор вынул из пасти белухи рыбу и бросил ее назад в воду.

Дельфин проводил полет рыбы взглядом, стрекотнул и вылупился на Егора. Тому пришлось выходить из неловкой ситуации похлопываниями животного по щекам и голове. Дельфин оказался не глупым. Его товарищи больше не стали приносить рыб. Пострекотав хором, они исчезли в воде и больше не появлялись. В ящиках оказалось не меньше двадцати рыб.

Егор сел на сиденье и усмехнулся.

— Надо же, друзей нашли.

— Хорошо, что я снял на телефон, иначе наши девушки сочли бы нас за врунов. — Матвей пересматривал то, что смог заснять.

— Ну, что, Матвей, можно смело возвращаться назад. Давай пообедаем, потом ты сядешь за руль, а я начну разделывать рыбу.

Дорога домой заняла полтора суток. Прошла, она без происшествий, если не считать незамеченной в водорослях мели. Плот резко сбавил ход и стал погружаться в густую жижу. Егор сразу сообразил, чем им может это грозить и дал задний ход. Матвея поставил на нос и заставил отталкиваться гарпунами от дна. Их длины едва хватало, чтобы в него упереться. Но понемногу они выбрались из плена. Егор отметил на карте этот район и назвал его «Топь».

— Если еще где-нибудь существуют такие топи, надо будет их пронумеровать. Представляешь, вляпаешься в такую, а я тебе — поздравляю, вы попали в топь-десять нашего хитпарада. — У Матвея была такая особенность, шутить после пережитого страха.

Трудно описать восторг, с которым женщины встретили богатый улов. А история с дельфинами, если бы не доказательства на телефоне, могла бы вообще приняться, как бред, вызванный морской болезнью. Большую часть улова постепенно перенесли в пещеру, найденную Матвеем. Меньшую часть решили оставить, чтобы закоптить.

Короткое лето быстро подошло к концу. Егор с сыном успели еще раз сгонять на рыбалку. По возвращении, они попали на первые заморозки. Одетые по-летнему, они чуть не подхватили воспаление легких. Ветер и морось с неба, намерзающая на плоту, заставили мужчин выбираться на улицу из-под защиты ширмочек и соскребать лед. Грузенный рыбой плот и так шел вровень с водой, а намерзающий лед делал его еще тяжелее. Вода перекачивалась через борта. В ней мокли ноги и растворялась соль, которой перекладывали рыбу.

Егор решил, что рыбы уже достаточно, чтобы комфортно перезимовать и нужно сосредоточиться на заготовке дров. На горе Верблюды, на том уступе, который стал, по сути, огородом Горбуновых, еще оставались дрова. Дожди, постепенно вымывали их из грязи. Дожди так же поспособствовали тому, что восстановилась прежняя растительность. Угнетенные соленой грязью растения, очистились и набрали силу за короткий промежуток тепла. Со скалы, уступ выглядел ярким зеленым пятном, оазисом в мире темной воды и серых скал.

Целыми днями стучал топор и жужжала пила у Черной пещеры. Опилки и щепа шли на коптильню, собранную из камней и баков от водонагревателей. Матвей выучил дорогу до холодного грота наизусть и мог добраться до него с закрытыми глазами. Хотя, можно было и с открытыми, все равно ничего не было видно. Катюшке отец сплел небольшой сачок. Девчонка целыми днями охотилась на берегу на лягушек. Рыба рыбой, но и она могла приесться. В целом, Горбуновы достойно адаптировались к новым условиям. Они все еще вспоминали прежние времена, но делали это все реже и реже. Суровая жизнь словно расставила всех по своим местам в семье. Все нуждались друг в друге, никто ни за кого не делал работу. Царила полная гармония и взаимопонимание.

Егора не покидала мысль раздобыть семена овощей, или злаков каких-нибудь. Он уже придумал, как сделать для них парник из тех же ширм и водопровода. Злаки на небольшой площади не имело смысла возделывать, а вот овощи очень были бы кстати. Егор ностальгически вспоминал вкус помидоров, перца, огурцов. Он исходил слюной, и даже видел во сне, как их ест. Егор поставил себе целью, во что бы то ни стало, с наступлением морозов отправиться на поиски мест, где были поселения.

Лето закончилось. В природе установились необычайно плотные туманы. Из-за них день казался вечными сумерками. Туман рассеивался к вечеру, но каждое утро появлялся вновь. В это время суток видимость составляла не больше пяти метров. Камни и весь инвентарь Горбуновых, оставляемый на улице, всегда был мокрым. Егор решался только на короткие вылазки, потому что в слепую запросто можно было угодить в какую-нибудь неприятность.

По общему мнению, эффект устойчивого тумана связывался с чрезвычайно неподвижным воздухом. В атмосфере царил полный штиль, из-за чего испарения с поверхности стоячих водоемов оставались висеть над ними, делая воздух вонючим и удушливым. Земля еще не решила, какой климат ей установить на постчеловеческом пространстве.

В конце августа зима впервые дохнула морозом. Матвей, как обычно, рано утром, вышел на улицу. Он ожидал снова увидеть непроглядный туман, но к своему удивлению туман оказался довольно редким. Вместо тумана, все было посеребрено инеем. Вход в пещеру, каменные стены, площадка, ванна, инструмент. Кустарники, которые развели рядом с пещерой, даже пригнули свои ветви под тяжестью налипшего инея. Из-под белого налета выглядывали еще зеленые листочки. Вода в ванной была подернута ледком. Воздух был свежим и промозглым. Через силу, Матвей разогнал лед в ванной и умыл лицо. Кожа, после умывания разгорелась, словно ее намазали перечной мазью.

Вышел отец. Так же как и сын, некоторое время он был озадачен изменениями климата, и просто рассматривал их. Увидев сына, он направился в его сторону.

— Красиво. — Сказал Егор.

— Ага. И воздух свежий.

Егор с фырканиями, умылся. Набрал в ведро воды и направился в пещеру.

— Нашим девушкам воду подогреем, а то они не смогут умыться.

— Не иначе, как в новом мире, мы будем царского рода. Склонность к комфорту заложена в нас генетически.

— Я не против. Царь Егор Горбунов пятнадцатый! Звучит?

— Звучит. Осталось крестьян найти.

— Да, с этим сложнее. Хороший крестьянин сейчас на вес золота.

К этому времени живот мешал Джейн делать абсолютно все. Заготовка дров превратилась для нее в настоящую муку. Предполагая, что роды могут начаться внезапно, Джейн держала про запас большую охапку дров, большую емкость кипяченой чистой воды, прогретые на печке тряпки. По срокам у нее было больше месяца, но тяжелый физический труд мог ускорить момент начала родов.

Еще ей не давала покоя мысль, что у нее может не быть молока. Она помнила, как у ее сестры почти не было молока, и та выкормила племянницу искусственными смесями. Груды ее набухли, но это могло ничего не значить. И еще Джейн очень боялась умереть от кровотечения. Она видела себя в воображении бездыханной и рядом кричащий ребенок, вынужденный умереть от голода или замерзнуть. Иногда Джейн удавалось убедить себя, что страхи вызваны шалющими гормонами, но чаще, никакие оправдания не действовали.

Когда снег стал закрывать от глаз все полезные вещи, что могли пригодиться, Джейн расставила рядом с ними сигнальные флажки с подписями. Они выглядели примерно так: «бревно», «пластик», «резина», «возможно еда». Джейн не представляла, сколько ей всего потребуется зимой, и к тому же физически не успевала заниматься всем одновременно, поэтому выкрутилась таким малозатратным способом.

Роды начались внезапно, когда Джейн выкопала из-под снега бревно, с торчащими корнями. По ногам потекло. Девушка хоть и готовилась к этому, но ее все равно охватила паника. Она заметалась между желанием дотащить бревно и сразу кинуться в дом. Наконец, до нее дошло, что надо бросить бревно. Джейн прибежала в дом, натопила сильнее печь, переоделась и стала ждать схваток.

Они пришли. Сжимали мышцы живота спазмом и снова отпускали. Ощущение времени пропало. В перерывах между схватками Джейн докидывала дров в печку. Потом ее так прихватило, что она поняла, это последние схватки. На лице выступил пот, не только оттого, что температура в доме была высокой. Джейн чувствовала себя как тяжелоатлет со штангой, у которого от усилий расходилась промежность.

Вдруг ей стало легко. Джейн поняла, что ребенок вышел наружу. Она с трудом поднялась и увидела ее, девочку. Она была мокрой и фиолетовой. Джейн подняла ее под животик и шлепнула по попке. Ей казалось, что именно так делали врачи, чтобы вызвать первый вдох. Ребенок вздрогнул, открыл рот, из которого потекла слизь, вдохнул и закричал. Джейн разревелась и прижала девочку к себе. На глазах тельце малышки из фиолетового превратилось в красное.

Джейн с трудом решилась перерезать пуповину. Обработала ее йодом и завернула в животик. Помыла малышку кипяченой водой и завернула в стерильные тряпки. Делала все Джейн, как на автомате. Она себя готовила к родам и мысленно представляла всю последовательность действий. В мыслях, Джейн еще не называла ребенка дочкой, к этому надо было привыкнуть. Девочка тихо плакала, и Джейн поднесла ее к своей груди. Сосок вначале попал ей в щеку, но малышка тут же схватила его губами и зачмокала.

Джейн было непонятно, появилось ли у нее молоко. Она осторожно вытянула грудь изо рта ребенка. На кончике соска появилась капелька молока. Девушка облегченно вздохнула и снова дала грудь занервничавшей малышке. Девочка еще была сильно отекающей, чтобы понять

на кого она была похожа. Джейн очень хотелось, чтобы дочь была похожа на отца. Это было бы справедливо, если бы бог дал такую возможность видеть любимого человека в своем ребенке.

Малышка сама выпустила грудь и откинувшись в сторону, уснула. Джейн осторожно положила ее на самодельный пеленальный столик, укрыла тряпками, немного похожими на пеленки. Она растопила потухшую печь. Заготовленное по этому случаю сухое дерево быстро разгорелось и снова создало в доме комфортную температуру. Джейн напилась воды. Ее сильно мучила жажда. Она поставила на печь чайник и высыпала в него цветы ромашки, которые еще Игорь нашел в аптечке одного из автомобилей на свалке. Она собиралась немного отмыться после родов антисептическим отваром.

Дочку, Джейн назвала Анной. Так звали бабушку Джейн по отцовской линии и такое имя было у матери Игоря. Анна была тихоней. Ее интересовала только сиська с молоком. Наевшись, она засыпала, позволяя Джейн заняться хозяйством. Искусству материнства, Джейн обучалась на своем опыте. Она сама догадалась, что ребенка следует класть на бочок, чтобы срыгнув, он не захлебнулся. Или, например, консервированные ананасы вызывают диатез на щеках Анны. Что-то она помнила из рассказов старшей сестры, и теперь сожалела, что когда-то ей это было совсем не интересно.

Еще на Анну действовал снотворно звук кипящей на печке воды. Каждый раз, когда приходило время ее купать, она погружалась в глубокий сон. Джейн приходилось ее будить. Анна куksилась и тихонько плакала. Зато когда ее клали в теплую воду, она словно просыпалась и счастливо улыбалась, стуча по воде маленькими ручками и ножками.

Сентябрь, еще пытался побаловать бабьим летом, но вскоре, после него, сразу начались морозы. Вода сковалась льдом, толщина которого увеличивалась с каждым днем. Все имущество было перенесено в пещеру. Началась зимовка.

Лед в этом году не получился таким гладким. Разросшиеся за теплый период водоросли уже не помещались в воде и лежали шапками на поверхности. Лед сковал воду, но водоросли так и лежали наверху. Матвей и Катюшка катались на самодельных санях по льду, постоянно натываясь на зеленые кучки мерзлых водорослей. Они мешали набрать нормальную скорость и из-за них часто опрокидывались сани, входящие в крутой вираж.

Как только лед достаточно окреп, чтобы можно было предполагать, что толщина его в местах, где вода имела течения, была довольно толстой, Егор задумал найти следы поселка Каргалинского. Важно было успеть сделать это до большого снега, который мог скрыть то небольшое, что могло остаться от поселка. Он был настроен решительно, во чтобы то ни стало, найти этот поселок. Поэтому подготовка была основательной. Поход мог затянуться на срок, гораздо больший, чем пара недель.

Сани были полны дров и еды, а так же всякого инструмента, который мог понадобиться в дороге. Наверняка, поселок находился в местах, где вода имела течения, поэтому запас дров мог пригодиться. Семейство уже относилось к походам, как к рядовому событию. Мужчины показали свою способность выходить целыми и невредимыми из различных ситуаций. Женщины, с делами в пещере, вполне справлялись и без них. Запасов еды было достаточно, а все остальное можно было добыть трудом, которого они не чурались.

Матвей был благодарен судьбе за то, что, наконец, закончилась стоячая вода. Тяжелые

сани тормозились о водоросли, изматывая к вечеру до невероятности. Не хотелось даже ставить палатку и искать подледные пузыри газа. По ровному и чистому льду сани катались сами. Дело пошло быстрее. За третьи сутки похода было пройдено почти такое же расстояние, как за двое предыдущих. К вечеру отец с сыном вышли к кораблю.

Его выбрали в качестве ориентира, чтобы не сбиться с пути. Ржавая громадина все так же лежала на боку, вмёрзшая в лед.

— Может, заночуем сегодня в каюте? — Спросил Егор у сына.

Матвей посмотрел на корабль. В багровых отсветах заходящего солнца его убитое «тело» выглядело зловеще.

— Нет, не стоит. Я бы даже не хотел ставить рядом с ним палатку. Страшный он какой-то. Днем я бы слазил в него, но сейчас, нет. Пойдем отсюда. — Матвей не стал ждать реакции отца. Он дернул веревку своих саней и поспешно направился в сторону от корабля.

Заночевали в паре километров от корабля. Ночью поднялся ветер. Его порывы нещадно трепали палатку. Погода менялась. Егор выглянул из палатки. Ворвавшийся внутрь ветер растрепал вещи внутри. На западе висела чернота. В утренних сумерках так воспринимался снеговой фронт.

— Надо было не ждать, а выходить еще неделю назад. — Посетовал Егор.

Матвей зашевелился и проснулся.

— Что там?

— Снег скоро начнется. Чуть-чуть не успели.

Матвей протер глаза, размял руками лицо и выглянул из палатки. Он увидел тот же темный фронт. Вдруг посреди темноты вспыхнула молния. Матвей уже собрался спрятаться в теплой палатке, но задержался, удивленный неординарным явлением. Еще одна молния прорезала небо.

— Пап, а разве когда снег идет, бывают молнии?

— Нет, конечно, с чего ты взял?

В этот момент, к шуму ветра примешался гром далекого раската.

Егор замер, как будто прислушиваясь, а потом выбрался наружу. Неясное очертание далекой молнии вспыхнуло на горизонте. Это было что-то новенькое. Снег с молниями. Егор вспомнил те времена, когда сразу после катастрофы, неистовствовали грозы. Тогда воздух наэлектризовывался, что волосы на теле начинали шуршать разрядами статического электричества. Возможно, атмосфера планеты и сейчас более наэлектризованная, чем раньше, оттого и разряжается молниями при любом удобном случае.

Перед Егором встала дилемма, продолжать путь, невзирая на снег, либо переждать непогоду в укромном месте. Таким местом был только корабль. Второй вариант был намного предпочтительнее. В сильный снегопад можно было забрести куда угодно. Егор подумал про компас. С ним можно было бы идти и в метель.

— Придется переждать метель в корабле, Матвей. — Сказал отец, забираясь в палатку.

— Время потеряем. — Ответил Матвей.

— Хоть как потеряем, что сидеть на месте, что бродить вслепую.

— Может, обойдется? Потеряет силу не дойдя до нас?

— Давай пока собираться, а там увидим.

Сборы были недолгими. Натренированные до автоматизма действия, позволяли собраться за несколько минут. Молнии становились ближе, и все отчетливее становилось понятно, что метель скоро начнется. Её холодное влажное дыхание уже доносилось до

мужчин.

— Поехали. — Егор бескомпромиссно направил сани в сторону корабля.

Матвею ничего не оставалось, как следовать за отцом. Они шли молча, не оглядываясь. Егор в голове прокручивал варианты, как им лучше поступить в сложившихся обстоятельствах. Матвей просто смотрел под ноги, не отягощая себя раздумьями. Ветер подгонял их в спину, норовя пустить по гладкому льду самоходом.

Гром приближался. Матвей решил оценить расстояние до фронта, чтобы понять успеют ли они до начала метели попасть на корабль. Снеговой фронт был рядом. Из-за того, что еще не рассвело как следует, он казался сплошной черной стеной. Только редкие вспышки озаряли его откуда-то изнутри, позволяя на долю секунды увидеть приближающуюся стену снега.

Вдруг, ветер начал стихать. Егор тоже обернулся. Это произошло так неожиданно. Только что он свистел в ушах, и вдруг прекратился. Перед глазами висела стена снега, он приближался на фоне полного безмолвия. Выглядело это чрезвычайно сюрреалистически. Егор замер, вглядываясь в озаряемую вспышками темную стену.

— Бежим! — Неожиданно крикнул он сыну. — Бежим скорее!

Егор рванул Матвея за рукав и побежал за ним следом. Матвей не понял, что так могло испугать отца, но подчинился. На ходу, он обернулся и на фоне вспышек увидел неоднородность приближающегося фронта. Немного выступая вперед общей линии, двигался смерч. Он был настолько широк, что Матвей не сразу это понял. Внутри этого смерча и возникали молнии.

До корабля оставалось метров двести. Егор молил бога, чтобы не поскользнуться и не упасть. За спиной гудела смертельная воронка. Лед под ногами начал трястись и трещать. По нему побежали трещины. У Егора возникла мысль бросить сани, но хозяйственная часть натуры не позволяла это сделать. Она ждала, пока риск для жизни станет максимальным.

Легкие рвались от напряжения. Перед глазами появились радужные разводы, как от нехватки кислорода. Лед уходил из-под ног, в прямом и переносном смысле. В любой миг он мог не выдержать и разойтись в стороны, погрузив отца с сыном в темные пучины.

К счастью, они успели к кораблю раньше смерча. Они оббежали корабль, чтобы сразу попасть в каюты. Трещина в корпусе позволила им сразу попасть внутрь и еще затащить свой груз. Через минуту корабль затрясся всем корпусом. Внутри него все начало скрежетать, скрипеть и отваливаться. Ледяная корка рядом с кораблем полопалась. Корабль, под напором ветра колебался, зачерпывая воду.

— Нам надо выше забраться, иначе потонем.

Егор увидел, как вода заблестела на дне каюты. Фонаря не было наготове, поэтому пришлось искать выход руками. Нашупалась ручка двери. Егор потянул за нее. Дверь открылась, но им на голову полетел мусор. Егор чертыхнулся получив по голове удар чем-то тяжелым.

— Давай подсажу. — Предложил он сыну.

Матвей встал отцу на сложенные руки, зацепился за косяк и выбрался в коридор. Отец подпрыгнул и забрался самостоятельно. Почти сразу корабль перестало трясти. Стало тихо, и только потревоженный каркас корабля еще стонал от полученных перегрузок.

— Кажись, прошло. — Сказал Матвей, прислушиваясь к тишине.

— Подождем еще немного, а потом я вылезу, проверю.

Минут десять прождали. Гул удалялся. Корабль почти перестал «кряхтеть». Егор

спрыгнул вниз. Вода разлетелась брызгами в стороны. В каюте было относительно светло. Егор, переставляя сани и наступая на них, добрался посуху до самой щели в корпусе. Он выглянул наружу.

Смерч разрушил весь ледяной покров в округе. Возле корабля и далеко от него в стороны, стояла открытая черная вода. На ее поверхности колебались куски льда. Смерч уходил на восток. Выбраться их корабля в этом месте было нельзя. Егор вернулся внутрь.

— Смерч разрушил лед. Мы не выберемся здесь. Надо забраться на борт и посмотреть, что можно придумать.

Взяв с собой фонарик с динамо, Егор снова забрался в коридор. Перебираясь через горы мусора, они переходили из коридора в коридор, пока не оказались в тех каютах, из которых можно было выбраться наружу, через иллюминаторы.

Первым выбрался Матвей. Затем он помог выбраться отцу. Они замерли, когда увидели разрушения устроенные смерчем. Шириной, не менее километра, во льду была проделана брешь, словно исполинским ледоколом. К ледоколу и так подходило понятие исполин, а это был исполин в квадрате, или кубе.

Корабль, в котором прятались Матвей с отцом, был задет смерчем только краем, со стороны носа. Со стороны кормы лед только отошел от корабля из-за того, что тот колебался под силой смерча. Небольшая полоса воды не представляла особой трудности для ее преодоления. Сложнее было доставить сани и их содержимое через лабиринты тоннелей к корме.

— Хорошо бы, чтобы смерч не пошел к Черной пещере. Наши девчата могут его вовремя не заметить за горой. — Матвей забеспокоился о женской половине семьи.

Егор посмотрел в сторону удаляющейся атмосферной аномалии.

— Если не свернет, то мимо пройдет, километров за пятьдесят, не меньше. Вообще-то я слышал, что смерчи долго не живут. — Он немного подумал. — Хотя, и ветра такого никто не ждал, а он случился.

Эпопея с перетаскиванием саней через нутро корабля заняла почти целый день. Нужно было перенести весь груз с них, а потом и сами сани, которые почти нигде не проходили, из-за завалов в коридорах. Только к вечеру все было погружено на сани и готово для дальнейшей дороги.

Лед трещал под ногами, пока Егор и Матвей не отошли на достаточное расстояние от проделанной смерчем полыньи. Ночевка прошла спокойно. Утро тоже не доставило никаких хлопот. Стояла морозная погода, и горизонт был чист. По предположениям Егора они уже были в окрестностях Каргалинского, и любая выступающая над водой возвышенность, могла оказаться местом, где находился этот поселок.

Важно было правильно сориентироваться, чтобы не начать блуждать вокруг да около. Егор напряг свою память. Он мысленно проложил маршрут, вспоминая детали, которые могли бы помочь сразу двинуться в нужную сторону. Он вспомнил, как по студенчеству бывал у одного знакомого в гостях. Окна дома у того выходили на возвышенность, на вершине которой стоял памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную. К памятнику вели белые ступени, похожие на мрамор. Утром Егора разбудило солнце, встающее из-за памятника. Когда Егор забрался на вершину, то он увидел с нее весь поселок, возвышающийся над остальным ландшафтом. Сам поселок находился на плоской вершине холма, вытянутой формы, длинные стороны которого располагались строго с запада на восток.

Егор вынул свою карту, которую составлял уже несколько месяцев. Провел несколько линий от уже исследованных мест, посмотрел на небо, отыскивая глазами тусклое пятно солнца, затем снова нарисовал линии.

— Если мне не изменяет память, то Каргалинский должен быть здесь. — Он нарисовал круг на карте, размером с мелкую монету.

— Ого, но ведь это километров двадцать пять в диаметре. — Матвей быстро прикинул масштаб.

— Была бы карта старая, знал бы точно. — Егор свернул листок и убрал его в карман. — Нам туда.

Более зоркий Матвей, первым заметил на горизонте возвышенность. Направление пришлось немного сменить, повернув в сторону полыньи, проделанной смерчем. Чем ближе они подходили к возвышенности, тем отчетливее осознавал Егор, что это именно то, что им нужно. Холм был похож на круп лошади. Длинный ровный и с одной стороны голова, на вершине которой когда-то стоял памятник.

Полынья тоже шла напрямик к холму. Егор всерьез опасался, что она разрушила лед вокруг. За час, скорым шагом они достигли подножия холма. Смерч прошелся через холм, но зацепил его не полностью. По льду Егор с сыном перебрались на холм.

Вычищенный ветром, до образующих пород, холм уже не внушал такого оптимизма, как прежде. Никаких следов построек не было видно. Ни устоявшего против ветра фундамента, ни арматуры, ничего. Только красный песчаник, оголенный ветром, вымытый дождями и покрытый льдом. Егор печально обвел взглядом холм. Матвей заметил его настроение.

— Может, на корабле еще поищем что-нибудь?

— Там нет того, что я хотел найти здесь. — Он немного помолчал. — Все смело, как наждаком.

Поперек холма, где прошелся смерч, поверхность была всклокочена стихией. Здесь еще остались куски льда, принесенные стихией. Они взрыхлили песчаник сильными ударами. Осевшая вода сцементировала льдом работу смерча. Идти здесь было тяжело, ноги скользили по неровностям, грозя возможностью подвернуть лодыжку. Этого было бы совсем некстати. Сани пришлось оставить.

Возвышенности, на которой стоял памятник, тоже досталось. Стоило ли говорить, что никаких следов от прежней жизни не осталось и на нем. Та же самая голая порода всюду, без намека на существовавшие здесь ступени. Матвей взбежал на холм вперед отца. Он сделал круг по вершине и спустился на противоположную сторону. Через минуту он выскочил с вытаращенными глазами.

— Там, дверь! Там, дверь есть!

Егор прибавил шаг. Обогнул вершину и спустился на противоположный склон. Матвей кружился возле ржавого металлического косяка, торчавшего из мерзлой почвы. Эта сторона склона сильно отличалась от противоположной. Стихия пощадила ее. Поверхность здесь сохранила темный цвет. То ли это были остатки почвы, то ли задержавшийся на поверхности ил, Егор не разобрал. Найденная сыном дверь занимала все его мысли.

Врезанный в землю косяк с дверью немного повредило смерчем. Ударившая в землю льдина, попала по углу косяка и немного вывернула его наружу. Отошедшая от земли железка обнажила темный провал в подземный ход. Егор провел рукавицей по двери. Облупившаяся надпись не помогла прояснить ситуацию на происхождение этого артефакта из прошлого.

— Давай, дуй за инструментом. — Приказал Егор сыну. — Топор, монтировка и фонарь.

Матвей убежал без лишних вопросов. Егор пытался подергать за косяк, но тот сидел мертво. Ручки на двери не было, вдобавок ее заклинило поведенной рамой. Прибежал запыхавшийся сын. Егор вставил в щель между дверью и косяком топор и немного расклинил ее. Матвей подсунул монтировку в получившуюся щель и налег на нее. Егор помог сыну. Ржавый металл заскрипел под усилиями, но не сдавался.

Егор переставил топор пониже, ближе к замку. Матвей снова подсунул монтировку. Дверь скрипела, но никак не хотела открывать свою тайну по-легкому.

— Медвежатники из нас, не очень. — Егор вытер пот со лба.

Он подсунул монтировку под дверь, желая поднять ее с петель. Дверь заскрипела, как раненый носорог, поддалась на пару сантиметров и замерла, не желая больше двигаться.

— Чем тяжелей, тем интересней. — Егор прекратил попытки и отошел в сторону. — Если силой не получается, приходится напрягать «энтелект».

Интеллект, как то не особо помог с вариантами. Ни Егор, ни Матвей не могли придумать ничего оригинального.

— Если на ум не идет ничего стоящего, значит, будет удлинять рычаг и пробовать снова.

— А может попробовать срубить язычки замка топором? — Предложил Матвей.

— Ни в коем случае. Топор это кормилец наш. Не дай бог, сломаем. Лучше потужиться, но выломать.

Егор разобрал топор. У него была полая ручка и она входила в монтировку, позволяя немного удлинить ее. Егор подсунул конструкцию под дверь в районе замка. Отец с сыном налегли на рычаг и принялись выламывать дверь в раскачку. Металл заскрипел, затрещал. Рычаг упруго изгибался. Дверь отгибалась и возвращалась в прежнее положение. Когда Егор уже хотел бросить бесполезное занятие раздался громкий звук, похожий на выстрел. Замок лопнул и дверь распахнулась. Егор и Матвей упали на землю.

Не обращая внимания на ссадины, они поднялись и уставились в темный проход. Егор вынул фонарь и осветил его внутренности. Небольшой слой грязи на полу, лопаты грабли стояли у стены. На самой стене висели поливочные шланги.

— Понятно, это подсобное помещение для ухода за памятником. — Догадался Егор.

Они вошли внутрь. Ветер и последовавший за ним потоп, пощадили помещение. Слой грязи был здесь небольшим. Инструмент сохранился отлично и мог сгодиться еще. Вдоль одной стены стоял ряд шкафчиков. В них висела рабочая одежда и стояли резиновые сапоги.

— Не то что мы искали, но лучше, чем ничего. В нашем дождливом климате, резиновые сапоги очень нужная вещь.

Матвей, что-то разворошил на верхней полке одного из шкафчиков.

— Пап, светани-ка сюда. — Попросил он.

Егор посветил. В руках у сына лежал веер разноцветных пакетиков с фотографиями цветов.

— Ух-ты, да это же семена цветов!

Егор с благоговением притронулся к пакетикам. Взял в руки один и потряс им, проверяя наличие семян.

— Берем все. Наша мама в них хорошо смыслит, на следующее лето разведет у нас сад.

Обнаруженное помещение оказалось не единственным. Неприметная фанерная дверь

вела в соседнее помещение. Она была не заперта. Это помещение оказалось в два раза больше, чем первое. В центре него стояла железная емкость, к которой шли трубы. Они выходили из бетонного пола в емкость, снова выходили из емкости и уходили в потолок и стены. На выходящих трубах стояли вентили.

— Что это? — Матвей впервые видел подобную конструкцию.

— Не знаю, наверное, для полива цветов и деревьев у памятника, а может это водонапорная башня? Высоко же.

В помещении валялось большое количество ржавого железа: обрезки труб, огромные гаечные ключи, покрывшийся цветным налетом глубинный насос и множество разного хлама. Пахло здесь затхлостью и солидолом. Егор направил свет фонаря в сторону небольшой бочки из прессованного картона. Подошел к ней и заглянул внутрь. Так и есть, в бочке жирным блеском отсвечивал солидол.

— Для нашего плота незаменимая вещь. А то смазываем его, чем придется. — Егор посмотрел на палец, на кончике которого блестела смазка.

— Не особо-то мы разжились в этом походе. — Матвея совсем не тронули находки.

— Как сказать. Такого в наше время уже не производят, а солидол, он не только, как смазка, но и как средство от ржавчины используется. Надо собирать все, что попадает, а там посмотрим, что сойдется, а что нет. А самое главное, это то, что можно не тешить себя надеждами поживиться на остатках городов и поселков. Ничего не осталось, всё сдуло к херам собачьим в новый океан. На обратном пути снова заберемся на корабль и поищем еще что-нибудь.

По скользкому склону Егор с Матвеем подтащили сани и загрузили на них бочку солидола, одежду, ржавые ключи и семена цветов. Они вышли на лед и снова направились к кораблю. Там их улов был намного лучше. На этот раз они забирались в корабль со стороны надпалубных надстроек. Это были те места, в которые в прошлый раз они совсем не заглядывали. Замерзшая вода позволяла проникать в помещения без опаски.

В темных лабиринтах коридоров они наткнулись на кухню, или камбуз, по-корабельному. Большая часть всего, что было в этой комнате, покоилось на дне помещения, скрытое подо льдом, но кое-что осталось лежать в хорошо закрепленных шкафах. Больше всего здесь было емкостей с порошками разных цветов. Это были специи. Подписанные на латинице названия на большинстве были понятными. Перец: черный, красный, белый, чили, травы сушеные: розмарин, базилик, укроп, и прочие неизвестные и пряно пахнущие порошки. Соль была нескольких видов, так же как и сахар. От влаги они превратились в монолитные глыбы. Их находка была несомненной удачей. Сахара не видели в глаза уже давно, а выпаривание соли было процессом затратным, в плане дров. В одном из шкафов оказалась большая бутылка с оливковым маслом. Но радость быстро сменилась разочарованием. После откупорки бутылки в нос ударил резкий запах прогорклого масла.

Среди истлевших продовольственных припасов нашлись два больших пакета, килограмма по три, обжаренных кофейных зерен. Егор опасаясь, что они тоже могли пропасть открыл один. В нос ударил ностальгический запах кофе. Чистый и сильный, что непроизвольно потекли слюны.

— Катюшке найдем теперь занятие, будет целыми днями кофе молоть.

Груз получился увесистым. Ради него пришлось оставить на корабле тяжелые ржавые ключи, и бочку солидола. Часть смазки переложили в небольшую кастрюлю, остальное оставили до следующего раза. На корабль собирались вернуться, и еще не раз.

Зиму в поселке можно было сравнить с медвежьей зимней спячкой. Обильные снега парализовывали нормальное течение жизни в поселке. Работа кипела только в теплицах. Собранные по всем кораблям лампочки создавали необходимый свет для фотосинтеза. Летом «Пересвет» ходил на Шпицберген, чтобы оставить координаты поселка и заодно набрать семян, которые решили выращивать в теплицах. Для начала решили выбрать самые неприхотливые культуры с небольшим периодом вегетации: салаты, редис, огурцы. Он содержали большое количество витаминов и должны были разнообразить меню, состоящее в основном из рыбы, реже из мяса тюленей, или совсем редко, из мяса белых медведей.

Салат выращивали методом гидропоники. В небольших емкостях с пресной водой, в которую добавляли морскую, для создания питательного раствора, плавали ярко-зеленые пучки салата. Татарчук боялся, что у мужского коллектива может возникнуть какое-нибудь неприятие дурацкой травы, совсем не мужского блюда. Но первые признаки цинги, в виде расшатывающихся зубов и кровоточащих десен, заставил «альфа-самцов» с удовольствием поглощать траву. Редис, а чуть позже и огурцы были встречены с пониманием.

Терехину и его команде удалось до наступления зимы установить десять передатчиков. Теперь он ждал сигнала. На пульте, который представлял собой коробку, сделанную из фанеры, были расположены в ряд десять светодиодных ламп. Под каждой находилось обозначение, соответствующее горе, на которой находился передатчик. Частота у каждого передатчика была своя. Это было сделано для того, чтобы не заморачиваться с передающими устройствами. Передатчик должен быть простым и надежным, чтобы в течение многих лет сохранять работоспособность.

Целыми днями Виктор находился рядом с пультом, ожидая сигнала. У него это чуть не вылилось в паранойю. Всякий раз, когда он находился не у пульта, ему чудилось, что на том раздается сигнал. Любой человек, который шел в его сторону казался ему вестником этого события. За всю зиму пульт так и не сработал ни разу. Терехин с нетерпением ждал весны, чтобы проверить исправность передатчиков, и установить новые.

Формирование нового «лица» Земли продолжалось и на третье лето после катастрофы. Уровень воды на суше падал, а уровень океана, напротив, поднимался. Грязь, мусор, оставшийся после человечества, образовали многокилометровые косы, вдающиеся в Карское и Баренцево моря. Наверняка, подобная картина наблюдалась и по всем побережьям планеты.

Для «Пересвета» поднятие уровня океана было большим плюсом. Огромной лодке приходилось выбирать глубины, расходуя энергию реактора на маневры. А он был основным источником электрической энергии в поселке. Когда-нибудь он остановится и это будет началом новой эры, которая развернет эволюцию человечества вспять. Человечество снова должно научиться обходиться обыкновенным огнем, и ему потребуются сотни лет, чтобы снова изобрести понятие термоядерной реакции.

Пузырь сероводорода поднялся из глубин черной маслянистой грязи. Он почти беззвучно лопнул, образовав на поверхности небольшую ямку, которая мгновенно затянулась. В воздухе отвратительно запахло. Терехин отошел от берега, чтобы не вдыхать тошнотворный запах.

Надежды на удачное завершение новой экспедиции ушли на болотное дно, вместе с лодкой и тремя передатчиками. В сумерках место для очередного ночлега казалось идеальным. Небольшие скалы образовывали уютную бухточку, в которой можно было спрятаться от ветра и развести костер. Но ровная водная гладь хранила под собой один секрет, к которому люди еще не были готовы. Отстоявшаяся чистая вода ушла в океан, а вся грязная взвесь, состоявшая из почвы, перемолотой ветром органики и песка, искусно маскировалась под нормальную воду. Скалы создали для этого явления благоприятные условия, ограничивая течения, которые могли бы смешаться с болотной жидкостью.

Мотор лодки сразу заработал натужно, когда вошел в бухту. В нос ударил неприятный запах сероводорода, а лодка клюнула носом, зачерпнув им приличную порцию густой жидкости. Сразу никто не поверил, что ситуация опасная. Лодка выровнялась и приближалась к берегу. Но опасность кроилась под водой. Острый край скалы скрывался под самой поверхностью непрозрачной воды. Лодка зацепила его вскользь. Этого хватило, чтобы пропороть в борту дыру. Лодка крутанулась, потеряв ход, и стала медленно заполняться черной жидкостью.

— Да чтоб тебя! — Ругнулся Терехин. — Виктор, хватай покрывку и веревку и плыви к берегу.

Гренц схватил баллон от автомобиля, который чуть не оставили на базе, решив, что он занимает слишком много места в лодке. Взяв в руки один конец веревки, он плюхнулся на покрывку животом и изо всех сил погреб руками к берегу, до которого было не меньше тридцати метров.

Дыру попытались заткнуть всем, что было на борту. Терехин снял нательную майку и попытался просунуть ее в щель, но сильно порезался о рваные края. Кровь смешалась с грязной жидкостью. Грязь не обладала такой подъемной силой, как чистая вода и лодка все равно погружалась в нее. Если бы не было дыры, судьба лодки оказалась бы той же, только с разницей во времени. Гренцу потребовалось около трех минут, чтобы доплыть до берега. Веревки еле хватило. Виктор уперся обеими ногами в камень и потянул лодку к себе.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Неожиданно под задней половиной лодки возник газовый пузырь. Лодка ухнула вниз, задрав нос. Два матроса и Терехин, не ожидавшие такой подлости от природы скатились прямо в грязь. Виктор Терехин почувствовал, как холодная жидкость на мгновение захлестнула его с головой. Панический страх заставил его беспорядочно бить руками по воде, в надежде всплыть. Терехин ударился о борт лодки, но не почувствовал боли. Он нашел его край и подтянулся на руках.

— Ааах! — Громко вдохнул он воздух.

Виктор завертел головой, пытаясь разобраться в ситуации. Он еще не совсем понял, что с ними случилось. Двое матросов ошалело лупили глаза, единственные светлые пятна на их лицах. Борта лодки на глазах уходили под воду.

— Бросайте лодку нахрен! — Крикнул им с берега Гренц. — Ищите веревку, цепляйтесь и держитесь, а я вас подтяну.

Не привязать веревку к лодке было серьезной ошибкой. Но предусмотреть этого никто не мог. Терехин и матросы, перебираясь по борту, подобрались к носу лодки. Веревка ушла в грязь.

— Ногами, ногами ищите! Она не могла глубоко уйти! — Терехин понял, что если веревку уже не достать, то и им ничто не сможет помочь.

Матрос Верещагин, подняв глаза к небу, словно оттуда должна была придти помощь, и

слегка вздрагивая головой, видимо оттого, что ноги его совершали возвратно-поступательные движения, пытаясь зацепить веревку, на мгновение замер.

— Я, кажется, зацепил ее. — Он скрылся под водой, держась одной рукой за уходящий под воду борт.

Через пару секунд он появился, держа в руке черную, блестящую веревку.

— Значит так, Верещагин первый, ты Гарифулин — второй, а я замыкаю. — Приказал Терехин.

— Но, товарищ капитан второго ранга, давайте вы первым. — Предложил Верещагин.

— Давай, хватайся и ползи, не разговаривай! — Терехин видел, как борт полностью ушел под воду.

Не привыкший идти против начальства матрос молча, пополз по веревке. Второй матрос пристроился следом. Все ничего, но держание за веревку не предполагало удержание на поверхности. И тогда снова вступил Гренц. Он изо всей мочи потянул к берегу трех здоровых мужиков. Грязь перед их лицами собиралась в небольшую волну. Лезла в нос, рот и глаза. Но это было сущим пустяком по сравнению с перспективой оказаться на дне затхлого водоема, чтобы через несколько миллионов лет превратиться в небольшую лужу нефти.

Экспедиция, которая тщательно готовилась всю зиму, закончилась так неожиданно. Три оставшихся передатчика ушли на дно, как и запасы еды, рассчитанные еще недели на две. Но команда была спасена. Мужики отплеывались, высмаркивали грязь из носов и вычищали ее из ушей. Первым делом команда осмотрела место, на котором оказалась. Скала представляла из себя вытянутую с севера на юг, гряду, которая как дракон с шипастым гребнем, то уходила в воду, то показывалась над ней.

— Знаете мужики, в чем наша самая большая проблема? — Спросил Терехин команду, и не дожидаясь ответа, продолжил. — В том, что нам надо как-то доплыть до ближайшего передатчика и послать сигнал. А из всего, что может плавать у нас только этот баллон.

Все посмотрели на спасательный круг, снятый с какого-то автомобиля, выброшенного на скалы Новой Земли. Прodelать на нем путь, расстоянием не меньше сорока морских миль, до ближайшей горы, на вершине которой был установлен последний передатчик, был практически невыполнимым заданием.

— А что делать? У нас нет еды, нет ничего, чем мы могли бы наловить себе рыбу. Да и откуда она возьмется в этом болоте? — Верещагин посмотрел на баллон, как на единственный шанс.

— Тогда к передатчику отправится кто-то один, а мы будем ждать здесь. — Предложил Гренц.

Виктор Терехин достал компас и лист бумаги, на котором сквозь грязные разводы проступал рисунок карты. Он сориентировался по сторонам света и указал рукой в сторону темнеющего горизонта.

— Вон, в том направлении гора, на которой стоит седьмой передатчик. Надо придумать какое-нибудь подобие весла, а то ладонями он будет грести до второго пришествия. Раз ужина сегодня не будет, давайте разойдемся и поищем что-нибудь подходящее.

Команда разошлась в стороны. Виктор Терехин выбрал себе северную оконечность. В этом месте скала далеко выдавалась в темную, тягучую водную поверхность. Поверхность эта была почти неподвижной, несмотря на присутствующий ветер. Виктор осторожно ступал между камнями, внимательно рассматривая все места, в которых мог забиться мусор.

Слева что-то шлепнуло и завоняло сероводородом. Виктор успел заметить мгновенно

затянувшуюся воронку, оставшуюся после выхода пузыря газа.

— То ли еще будет. — Сказал вслух Терехин, подразумевая, что процесс газообразования может усилиться со временем. — Надо будет это место на картах отметить красным.

Он дошел до самого края, так и не найдя ничего подходящего. Скалы были продуты ветром до стерильного состояния. С края уступа была видна граница «болота». Примерно метрах в ста от того места, где находился Виктор, были видны небольшие волны, набегающие на безмятежную поверхность. Терехину показалось странным, что эти две среды не смешиваются. Ведь вода могла бы смыть болото течением. Подумав, что дело в подводном рельефе, Виктор вернулся назад.

Его команда уже сидела на камнях и ждала командира. Руки у всех были пусты.

— Ну, что у вас? — Спросил не сильно обнадеженный Терехин.

— Ничего, чисто как в лазарете. — Сказал Гренц.

— Я тоже ничего не нашел. — Пожаловался Гарифулин.

— Я тоже ничего не нашел, но там, с той стороны, есть перешеек, до следующей скалы. Он под воду уходит, но там не больше километра, можно было бы сплавать, поискать?

— Придется сплавать, хотя... — Терехин задумался, — там, скорее всего, будет тоже самое.

— Я готов, товарищ капитан, сплавать, проверить. — Верещагин даже взялся за круг в порыве энтузиазма.

— Куда спешишь-то? — Удивился Гренц его порыву.

— Знаете, желудок уже начинает подводить, а я когда работаю, не так сильно о еде думаю. — Признался Верещагин.

— Куда мы смотрели, когда этого проглоты с собой брали? — Добродушно усмехнулся Терехин. — Ладно, уж, плыви, Форест, плыви.

Верещагин лег на круг. Матрос был долговязым, отчего его ноги сильно свешивались в грязную жижу. Верещагин заработал ладонями, как настоящий пароход своими винтами.

— Осторожнее там. — Напутствовал его командир.

Но тот уже не слышал, самозабвенно разгоняя спасательный круг.

Оставшаяся троица расселась по камням, наблюдая за удаляющейся фигурой матроса.

— А мы это не предусмотрели. — Произнес Терехин, не уточняя, что именно.

— Что? — Не понял Гренц.

— Передатчик для самих себя, на такой случай.

— Ну да, мы ж были уверены, что с нами ничего не случится. Мы же такие предусмотрительные, сто раз в переделках бывали.

Терехин ничего не ответил. Устало кивнул головой в знак согласия, запустил в грязные слипшиеся волосы обе пятерни и замер, как будто что-то обдумывая. Верещагин отплыл на большое расстояние, но прежде чем он достиг противоположного берега, наступила ночь.

Мошкара, для которой болото стало родным домом, лезла в лицо, нос и уши. Ее звонкое и надоедливое жужжание мешало заснуть. Мешали уснуть и звуки доносившиеся из желудка. Урчание раздавалось из трех желудков поочередно. Это было похоже на то, как если бы человеческий орган вдруг осознал себя и принялся разговаривать с себе подобными. К середине ночи желудки спелись до такой степени, что пытались исполнять одну партию разными голосами одновременно.

Терехин не выдержал этого, и еще комариного писка, встал и отправился на ощупь к берегу, ждать Верещагина, который вполне мог по глупости пуститься в ночное плавание. На берегу было тихо. Густая жидкость не плескалась по камням. Утренний туман уже начал формироваться. Из-за крошечной тьмы его присутствие ощущалось по зябкому ощущению на коже лица. Терехин посмотрел на свои командирские часы с фосфорными стрелками. До рассвета было не меньше часа.

Оставаясь наедине, Виктор, как правило, автоматически вспоминал прошлую жизнь. Сейчас ему вспомнились туристические вылазки на природу с товарищами. Точно так же ощущался на лице утренний туман, если встать раньше всех, чтобы разжечь костер и приготовить завтрак. Но звуков тогда было больше. Кроме комариного писка, и звуков производимых самим собой, Виктор не слышал больше ничего. Если бы можно было исключить комариный писк, то вполне можно было поверить, что ты замер где-то вне пространства и времени. В месте, где нет изображения и звука, лишь немного земной тверди под ногами, по которой куда ни иди, везде будет то же самое.

Все уже привыкли, что первые два часа после рассвета стоит густой туман, в котором пускаться в плавание без компаса, сравнимо плаванью в темноте. Троица собралась снова у того места откуда отплыл Верещагин, ожидая, когда можно будет увидеть долговязую фигуру товарища верхом на спасательном круге.

Туман начал редеть. За час он почти растворился, позволив увидеть другой берег. Пока никого видно не было. Ни на том берегу, ни на воде. Троица целый час всматривалась вперед, не берясь делать никаких предположений, относительно отсутствия их товарища. Первым не выдержал Гарифулин.

— А он доплыл вообще? Мы же не видели, вдруг там совсем трясина?

— Ладно, не паникуй раньше времени. С чего бы там была трясина? Там такая же вода на вид, как и здесь.

Прошел еще час. Ничего не изменилось. Противоположный берег был пуст.

— А мы ведь даже не сможем узнать, что с ним стало? — Снова подал голос товарищ Верещагина.

— Зато ты можешь узнать, что случится с тобой? — Печально произнес Гренц.

— В смысле? — Не понял Гарифулин.

— В прямом, мы с командиром съедим тебя, чтобы дожидаться когда станет лед, по которому мы вернемся в поселок.

— Хватит страху нагонять, Виктор. Никто никого пока есть не будет. А если уж и приспичит, отдадим по левой руке.

Слова командира не добавили оптимизма взгляду Гарифулина. Хорошее воображение матроса все сделало само, нарисовав в красках «радужные» перспективы.

— А может, попробуем рыбу наловить? — Неуверенно предложил матрос.

— Точно, соображаешь Русланчик. Мне как-то сразу сказка про то, как мужик двух генералов прокормил, вспомнилась. Давай, мы с командиром подождем здесь, а ты ступай, налови нам рыбы, да приготовь.

— Сидите ладно. Что вы наловите здесь, кроме личинок мошары?

— А что, если тот остров гораздо больше нашего? Верещагину же все осмотреть надо? — Предположил Гарифулин.

Терехин понял, что если Верещагин не вернется, то их участь будет плачевной.

Спасательный круг, на котором тот уплыл, был единственной надеждой сообщить о своем положении. Сейчас у них была только длинная веревка, о двадцати пяти метрах. Как она могла помочь Терехин не представлял. Разве что... Нет, здесь не было ни одного деревца, за которое ее можно было бы зацепить. Виктор решил не паниковать раньше времени, ибо паника не самый лучший помощник в трудных ситуациях.

— Виктор, тебе задание разведать запасы пресной воды на этой глыбе, а тебе Руслан, запасы провизии. Марш исполнять.

Гренц и Гарифулин первое мгновение пытались понять, насколько серьезен командир. Но заметив, что его лицо не давало иных трактовок, кроме той, которую он произнес, разбрелись по камням. Терехин остался наблюдать за берегом, откуда ждал появления отправленного на разведку Верещагина.

Минуло полдня. За это время на той стороне ничего не изменилось. Гренц вернулся и рассказал, что с водой проблем не будет. Небольшие запасы дождевой воды, собирающиеся между камнями, позволят пользоваться ими достаточно долго. Гарифулин вернулся с кислой миной.

— Нет здесь никакой еды, кроме мошкеры. — Произнес он с чувством, будто в этом была чья-то вина.

— Хорошо, что вода есть. Будет время подумать, где еду раздобыть.

— Смотрите, смотрите! — Гарифулин подбежал к самому краю воды и приложив ладонь ко лбу выставился на противоположный берег.

Там действительно появилось какое-то шевеление. Спустя минуту стало понятно, что это Верещагин. Боец сбросил круг в воду, сел на него верхом, и принялся чем-то грести, как веслом. С такого расстояние нельзя было рассмотреть, что у него в руках.

— Вот чертяка долговязый, нашел что-то. — Гренц пытался разглядеть, что было в руках матроса.

Спасательный круг приближался быстрее, чем удалялся прошлым вечером. Даже несмотря на неуклюжие попытки Верещагина управлять таким плавсредством. Когда до берега осталось метров пятьдесят, матрос поднял над головой «весло» и потряс им, как воин знатным трофеем. Но даже с такого расстояния нельзя было понять, что это.

По мере приближения становилось отчетливо видно, как светилось счастьем лицо матроса. Это выражение дарило надежду, что положение их не совсем плохое. Терехин бросил Верещагину веревку, когда до берега осталось метров пять. Бойца вытянули на камни, прямо верхом на круге. Гренц выхватил из рук «весло», чтобы скорее удовлетворить собственное любопытство. На вид, это была жестянка, примерно миллиметровой толщины, с прямоугольными прорезами и сквозными отверстиями.

— Что это? — Гренц так и не понял, что это за железка.

— Это щиток, от трактора, с капота снял. Там техники! — Верещагин закатил глаза и провел рукой над головой. — Море!

— Откуда она там? — Удивился Терехин.

— Похоже, что здесь трубопровод прокладывали. Там расщелина такая между скалами, клином идет, и в ней все забито техникой и трубами. Прямо, запрессовано.

— Отлично. Значит, нам надо перебираться туда. Как это сделать? Что скажешь, Верещагин, есть там что-нибудь похожее на лодку?

— Не заметил, товарищ капитан. Там все камнями посечено. Целого ничего нет. Я

этот щиток булыжником долго ровнял, чтобы руки не поранить.

— А что с водой? Болото до того берега? — Спросил Гренц.

— Нет, метров пятьдесят эта жижа, а потом вода становится все чище. У того берега даже течение имеется. И там, кстати, есть озерцо с лягушками. Чистое, чистое.

— Ух, ну, слава богу, значит проблема только в том, как перебраться. А круг двоих выдержит? — Поинтересовался Терехин.

— На воде-то точно выдержит, а в этой жиже не факт.

— А что, если к кругу привязать веревку, отплыть на сколько ее хватит, а потом кто-то из нас зацепится и поползет по веревке, а тот кто будет на круге начнет грести к воде. Может быть получится? — Гарифулин глянул на всех, ожидая реакции.

— Опасно, а вдруг этот с веревкой на дно пойдет, если тяги не хватит у круга?

— Да не, должно получиться, всего-то двадцать пять метров до чистой воды. Надо только чтобы тот, кто на круге был тяжелее прицепа. На всякий случай. Не могу в голове все силы прикинуть, только интуитивно предполагаю, что так будет вернее.

— Эх, снова макаться в эту зловонную жижу. — Вздохнул Гренц.

Верещагин, по всем примерным прикидкам оказался и самым тяжелым. Несмотря на свой хилой вид, костей в нем было много, а толстяков никто не видел года три. К тому же он уже немного приспособился к управлению спасательным кругом.

К кругу привязали веревку и отправили в воду. Обратный конец веревки в своих руках держал сам Терехин.

— Я первый, и это не обсуждается. Если со мной что-нибудь случится, а эта затея с переплыванием точно окажется невыполнимой, приказываю тебе Виктор, отправится к нашему последнему передатчику на этом круге. Вот компас. — Терехин вынул прибор и передал его Гренцу.

— Не переживай, командир, все будет хорошо. Переберемся все.

Веревка натянулась. Верещагин обернулся, ожидая команды, когда нужно будет грести. Терехин осторожно вошел в жижу. Дно под ногами было скользким, и ноги начали разъезжаться.

— Поехали! — Крикнул Терехин, и плюхнулся в жижу.

Холодная вязкая жидкость скрыла его с головой, заставив психику снова пустить панические сигналы. Терехин сделал длинный рывок по веревке, потом второй и выскочил на поверхность.

— Гони Верещагин! — Раздавалось с берега.

— Давай, Шумахер, маши веслом!

Терехин боялся, что если он откроет глаза, то в них обязательно попадет грязь, которую вытереть не получится никак. Он перебирал руками по веревке, сильно надеясь, что Верещагин не стоит на месте. Виктор затруднился оценить, сколько времени он полз до спасательного круга. Еще не добравшись, он почувствовал, как похолодела вода. Она была обжигающе ледяной, по сравнению с температурой грязи. Терехин сразу догадался, что это могло значить. Он окунулся с головой в воду, тут же вынырнул и открыл глаза.

Он был у самого круга. Всего в паре перехватов. Вода под ним хоть и была еще черной, но по структуре уже была просто водой. Терехин перехватился эти пару раз, взялся за круг и вытянул себя на него. С берега уже кричали довольные Гренц и Гарифулин. Терехин помахал им.

— Все получилось!

До другого берега гребли по очереди. На второй половине пути появилось течение, немного уносившее в сторону. Круг стало вращать.

— Двумя веслами было бы веселее. — Подумал вслух Терехин.

— Да ладно, управимся, немного осталось.

Когда была очередь грести Верещагина, Виктор Терехин принимался рассматривать воду в центре круга. Если с берега она казалась темной и почти черной, то под ногами она имела зеленоватый оттенок. Проточная вода не имела болотного запаха, но все равно, стекая с ладони, оставляла в морщинках грязные следы.

Терехин и Верещагин сошли на берег.

— Показывай, где эти сокровища лежат? — Спросил командир.

— Это вам надо по правой стороне идти, и там, за поворотом увидите.

— Ладно, я пойду, а ты отдохни немного и отправляйся за следующими.

— Хорошо, понял. — Верещагин помялся. — Кушать хочется, товарищ капитан, там лягушки в луже живут, а за ней я, кажется, видел кусты зеленели, может, приготовите, пока мы плавать будем.

— Как же их приготовить без спичек и дров?

— Не знаю, товарищ капитан, вы умный, командир, придумаете как.

— Это ты, Верещагин, так ненавязчиво озадачил меня? Ладно, показывай, где это болото с жабами.

— Оно на другой стороне, вам надо сюда.

— Хорошо, я попробую приготовить этих лягушек, но вначале я посмотрю на технику.

Верещагин ничего не ответил, понимая, что и так здорово нарушил субординацию. Виктор повернулся спиной к матросу и пошел в сторону кладбища техники. Одежда на нем уже высохла наполовину. Она перестала липнуть к телу, касаясь неприятным холодом. Мысли у Терехина вернулись к оптимистичному настрою, и он даже вспомнил какую-то старую мелодию, и стал ее насвистывать.

Поворот скалы резко закончился, открыв взору коническую трещину, сплошь забитую мятым железом, вперемешку с камнями. Картина напоминала развалины города после землетрясения. Как и рассказывал Верещагин, здесь очень часто попадались куски труб. Не иначе, как где-то рядом, прямо по курсу прокладывали трубопровод. Виктор взобрался на кучу. Мятое железо было настолько изувеченным, что определить какой вид техники под ногами было очень сложно.

Терехин, пока не увидел своими глазами, надеялся, что из этой груды можно будет выбрать что-то стоящее, из чего можно будет сделать подобие лодки и вместе доплыть до ближайшего передатчика. К сожалению, ветер превратил железо и камень в прочный монолит, даже разъединив который, ничего стоящего сделать не получится.

Терехин осторожно добрался до того места, где скалы почти сходились. Здесь воочию можно было убедиться, насколько мощной была стихия, впечатавшая многотонную технику в скалу. В самом углу камней почти не было. Железо копировало рельеф до каждой выемки или наоборот выступа. Несомненно, это место следовало занести на карту. С помощью техники или приспособлений, можно было разобрать этот хлам, и достать из него что-нибудь стоящее.

Куча, как памятник технократичному пути развития человечества пахла резиной, пластиком и нефтепродуктами. Запах этот был слаб, но отвыкший от него человеческий нос, сразу уловил ностальгический аромат. Терехин нашел тот капот, от которого Верещагин

оторвал щиток. Нос трактора возвышался над общей кучей. С той стороны, которая смотрела на ветер, на капоте не было живого места. Все было в рваных пробоинах, края которых сильно подернуло ржавчиной. С обратной стороны имелись выходные отверстия, но их было немного, и в целом капот с этой стороны выглядел лучше.

Каждый раз, когда Терехину попадалась техника, он старался не думать о тех, кто был в ней во время катастрофы. Если он начинал, его мысли сразу перескакивали на семью, и он начинал представлять, против своей воли, как могла погибнуть его семья. Иногда его так захлестывало, что он на несколько дней терял покой. Чтобы снова не поддаться нежелательным мыслям Терехин перескочил с кучи на скалу и пошел на противоположный склон.

С вершины он увидел, как на противоположном островке суетятся его товарищи. А прямо перед ним лежал небольшой оазис. То чего наверное не разглядел Верещагин, выбрав, скорее всего, иную точку обзора. Небольшое озерцо Виктор увидел сразу. Образованное в чаще сошедших камней, и закупоренное между сходящимися гранями скалы. Озерцо получилось около двадцати метров в поперечнике. Справа от озера рос небольшой пятачок леса, точнее сказать отрастал.

Поваленные ветром деревья лежали в окружении свежей зеленой поросли. Виктору стало очень тепло на душе от мысли, что этот маленький уголок природы смог противостоять стихии, и теперь пытается, так же, как и сам Терехин выжить в новом мире. Виктор почувствовал свою схожесть с этим местом и направился первым делом туда.

Еще издалека нос уловил запах зелени и леса. В озерце расквакались лягушки, появились мошки. Виктор осторожно ступил на землю, из которой торчали молодые побеги и боясь примять их, аккуратно сел на ствол дерева. Он провел пальцами по слабеньким стебелькам растений, удивляясь, сколько жизни в этих хрупких созданиях природы. Воздух здесь был просто фантастический. От него кружилась голова, и не хотелось ни о чем думать. Даже мошкара, которая вдруг осознала, что вынужденному вегетарианству конец, не могла поколебать приятное состояние эйфории.

Здесь можно было раздобыть и дров, чтобы приготовить лягушек. Терехин решил, что готовить экзотику он не мастак, поэтому занялся приготовлением дров. Он нашел небольшой ствол дерева, выдернул из опутавшей его травы и отнес поближе к озеру. Дерево было немного влажным. Виктор расщепил его острыми камнями на чурбачки и разложил на камни, сушиться.

Вскоре появился Верещагин.

— Ты чего? — Спросил его Терехин, ожидая увидеть Гренца или Гарифулина.

— Устал, товарищ капитан. Виктор вернулся за Русланом.

— Понятно. Жаб готовить умеешь?

— Жаб не пробовал, но устриц на речке варил часто.

— Варить тут не в чем, жарить придется.

— Справлюсь, товарищ капитан.

— Как огонь разведем? — Поинтересовался Терехин.

Вместо ответа матрос откинул полу кителя и показал на пришитый карман.

— И? — Не сразу сообразил капитан.

— Тревожный кармашек. — Верещагин запустил туда пальцы. — Пакетик соли, спички запаянные, таблетка сухого горючего запаянная, две таблетки для обеззараживания воды, тоже запаянные и свисток, для отпугивания акул. — Матрос выложил содержимое

тревожного кармашка на камень.

— Круто, Верещагин. Надо будет каждому пришить тревожный кармашек. У тебя все есть, что нам сейчас нужно. А свисток-то зачем?

— Я подумал, что раз океаны выплеснуло на сушу, то могло ведь и акул занести. Я сейчас плыл а сам думал, не дай бог, где акула рядом.

Терехин рассмеялся. При всей практичности матроса, воображение у него работало не так хорошо.

— Это вряд ли, ветер убил все живое, что подхватил из океана, кроме одноклеточных.

— Вы в этом уверены, товарищ капитан? — Верещагин посмотрел на командира, как следователь на подозреваемого.

— Абсолютно.

Влажная древесина давала много дыма, плохо горела и в результате нанизанные на прутики лягушки получились наполовину копчеными. Но все равно, никому даже на ум не пришло покритиковать получившееся блюдо. Мужики обжигались, дули на тушки, но с удовольствием их поглощали, выплевывая на камни мелкие косточки. Наестся от пуза все равно не получилось, но чувство голода отступило.

— Давайте, мужики внимательно обьщем остров, может, найдем что-нибудь, на чем получится доплыть до передатчика. Если нет, то сделаем запас провизии, для того, кто отправится, и пустим его на круге.

Терхина выслушали, но по осоловелым взглядам товарищей стало ясно, что ночью они тоже плохо спали. Терехин понял, что сейчас не лучшее время на выработку стратегии.

— Идемте, я покажу вам, где можно поспать.

Он отвел их на пятачок. Команда была здорово удивлена оазисом, сохранившимся после катастрофы. Если бы не затуманенный разум, то реакция была бы более бурной. А сейчас все оценили, что можно лечь на траву, которая такая же мягкая, как домашняя постель и уснуть. Что и случилось в последующие пять минут. На несколько часов «оазис» превратился в царство Морфея, наполненное храпами.

Кроме кладбища техники и «оазиса» скалистый остров больше ничем не удивил. Так как сейчас призрак голодной смерти не маячил перед людьми, а их экспедицию еще не ждали так рано, то было решено немного задержаться на этом острове, чтобы разгрести «кладбище». В первую очередь, чтобы найти подходящий материал для строительства плота, а во вторую, с инвентаризационной целью.

Это было нелегко. Структура «кладбища» спрессовалась и слежалась. Каждый камень и железка были на своем месте, в этом монолитном «винегрете». На первое времягодились бревна, которые использовали вместо рычагов. Но древесина их уже была подернута гниением и бревна часто ломались. К тому времени, когда не осталось ни одного бревна нормального размера, у команды уже появились железки, которыми можно было что-то поддеть и скovyрнуть.

Помимо техники, были опознаны и вагончики, в которых жили рабочие. Все было в расплюсненном состоянии, со сквозными отверстиями.

— Я, мужики, даже представлять себе не хочу, что творилось здесь, когда начался этот гребаный ветер. — Произнес как-то Гренц во время «перекура». — Как нам повезло, что мы оказались в походе.

С ним согласились. Когда нашли вагончики-бытовки, стало страшно, что в них могут быть трупы. Этот страх и подстегнул воображение кадрами мученической смерти рабочих. Хотя, скорее всего она была быстрой, но из-за того, что смерть была несправедливой, чувство, что люди, погибшие по вине катастрофы — мученики, осталось. К счастью, останков людей в вагончиках не было. Зато были обнаружены кое-какие припасы. Консервы, несколько чудом не раздавленных баночек с рыбой, консервированными ананасами и датской ветчиной. Был обнаружен почти не поврежденный сейф. По нему хорошо приложились глыбой и он лопнул с угла, позволив забраться в его внутренности. Там оказались стопки денег, ключи и какая-то документация. В прошлом, это все ценилось и потому хранилось в сейфе, сейчас же находка вызвала разочарование. Всем хотелось найти еще консервов, или еще лучше, бутылку водки.

Через неделю разбора завала, рядом с ним появились несколько сортированных горок. Камни, различное железо, прочие нежелезные остатки человеческой цивилизации. К всеобщей радости был обнаружен вагончик, служивший столовой. Несколько смятых в лепешку кастрюль, и не пробитых камнями, вынули и осторожно распрямили. Теперь лягушек можно было не только жарить, но и приготовить из них бульон.

Все запасы еды, что были обнаружены в вагончике-столовой, были повреждены и уничтожены водой. Зато здесь нашлись ножи и ложки, которые вполне могли пригодиться. Но действительно необходимого для постройки плота все никак не находилось. Терехин уже отчаялся поймать удачу за хвост и всерьез задумался о том, чтобы отправиться к передатчику в одиночку. Положение спас счастливый случай.

Команда разгребала очередную гору камня, наваленного поверх здорового бульдозера. Кабину трактора сплющило, но капот и мощная лопата выдержали напор стихии, держа на себе огромный вес камней. Верещагин выдернул из кучи камень, и в образовавшуюся дыру потекла темная маслянистая жидкость. По всем признакам это и было масло. Гору камней раскидали по-быстрому, обнаружив под ней скопление больших пластиковых бочек с моторным маслом, и маслом для гидравлики. Бульдозер прикрыл их собой от убийственной силы ветра и принял на себя часть веса камней.

Несколько бочек в самой глубине кучи были абсолютно целыми. Это могло значить, что проблем с постройкой плота уже не будет. Дабы не портить экологию и не разбазаривать необходимый ресурс, часть прохудившихся бочек запаляли пластмассой и перелили в них масло. Абсолютно целые бочки пустили на поправки для плота. Плот был собран из панелей вагончиков-бытовок с закрепленными на дне пустыми бочками.

Самодельное судно держалось на воде неплохо. Из подручных материалов сделали небольшую палатку и мангал, для приготовления лягушек, часть которых взяли живьем. Этот случай позволил команде обрести опыт и знание, что из любой ситуации можно найти выход, если действовать активно.

Столько забот не выпадало ни на одну женщину со времен Евы. За этими заботами Джейн не чувствовала течения времени и не впадала в мрачные мысли. Все шло своим чередом. Хозяйство отнимало все время, которое не было посвящено Анне. Сильные морозы и ветра навели Джейн на мысль, что их домик стоит засыпать снегом. Когда девушка сделала это, тепло в нем стало держаться гораздо дольше. Это было весьма кстати. Заготовка дров была настолько тяжелой физически, что лишний повод не заниматься этим, воспринимался,

как праздник.

Чем старше становилась Анна, тем больше в ее внешности угадывались гены отца. Девочка стала горластее, требовала к себе больше внимания, любила бывать на улице и ревела, когда возвращалась домой. Джейн смастерила из железок и автомобильного пластика сани, в которых катала закутанную в отцовский шерстяной костюм дочку. Казалось, что маленькая Анна не чувствует холода. Она изматывала мать, лазающую по колену, а где и по пояс, сугробам.

Тяжелый труд и вечные заботы истощили Джейн. Как-то принимая душ, она разглядела себя. Ребра и кости таза, торчали из под натянутой на них кожи. Только полная молока грудь, выглядела на их фоне частью тела, которому достаются все соки. Джейн поняла, что пора заняться собой. Такой работой можно было загнать себя в могилу. Девушка налегла на калорийную пищу и плюнула на долгие покатушки по сугробам. Она приделала жесткую ручку к саням и толкала их взад и вперед, стоя на одном месте. Буквально за месяц кожа сгладилась. Тонкий жирок сравнивал рельеф внутренней анатомии.

Когда Анне исполнилось полгода, подул первый ветер, принесший оттепель. Со скал потекли первые ручьи. Ночью их прихватывал мороз и скоро перед домом образовались сосульки от верхнего навеса до земли. В душу Джейн первые отголоски весны принесли какую-то радостную грусть. Было так хорошо оттого, что начинается весна, но не с кем было поделиться этой радостью. Не хватало Игоря, за спиной которого она могла бы наслаждаться весной, не задумываясь об обыденных проблемах.

Полугодовалая Анна уже могла сидеть, если её подпереть со всех сторон валиками. Мать занималась работой по дому, а дочка сидела, в окружении разных ярких вещей, которые Джейн посчитала безопасными для ребенка. Анна, либо мусолила игрушки, либо наблюдала за матерью. Джейн не могла пройти мимо дочери, не оказав ей знака внимания. Она могла «чпокнуть» ртом, показать язык, сделать «бу!». Анна всегда ждала этого и искренне смеялась над одними и теми же шутками. Сейчас Джейн полностью свыклась с мыслью, что она мать, что у нее есть дочь, и обращаясь мыслями к прошлому, не могла представить, что ее у неё когда-то не было.

Серо-коричневый мир оживал. Майские грозы с проливными ливнями быстро растопили весь снег. Уровень воды в заливе поднялся, но незначительно. Памятуя о прошлогоднем цунами, Джейн перенесла часть запасов вверх по горе, соорудив на ее обратной стороне временную палатку. Она помнила, что в прошлом году волна пришла в самом конце мая. Но чтобы не испытывать судьбу Джейн решила, что безопаснее этот месяц прожить в палатке.

Уровень комфорта в ней был минимальный. В ней все делать было неудобно. Самодельная печка дымила, тепло не держалось в тканевых стенках. Готовить пищу приходилось на костре, на улице. Дочку Джейн купала в кастрюле. Но им надо было выдержать этот месяц, чтобы быть уверенными в том, что их не накроет огромная волна.

За время жизни в палатке природа преобразилась. Лягушек развелось много, и если вечером спуститься к воде, можно было поскользнуться на них. Мошкеры разной тоже было предостаточно. По вечерам они гудели за стеной палатки, привлекаемые теплом печки. Джейн пришлось сделать для Анны дополнительный будуарчик, потому что настырная мошкара находила щели и проникала в палатку.

С вершины горы было видно, что поверхность залива зеленеет от обилия водорослей разрастающихся с необычайной скоростью в потеплевшей воде. С обратной стороны острова

вода по-прежнему была темной. К настоящему времени длинные плоские стебли водорослей стали чуть ли не основным рационом питания. Консервированные продукты подходили к концу. Джейн со страхом представляла тот день, когда они закончатся окончательно и ей придется питаться тем, что дарит ей природа.

Выбор был не велик. Водоросли, мошकारа и лягушки. Джейн впервые серьезно задумалась о лягушках. Как биолог, она понимала, что лягушки, это такая же еда, что и курица или говядина. В качестве эксперимента она попробовала сварить суп из лягушек. Она поймала с десятков земноводных, разделала их, немного вымочила в воде, в основном из-за безразличия. Сложила их в кастрюлю и сварила из них бульон. Получилось наваристо и вполне съедобно. Мысли о голоде исчезли. Этого добра скакало в округе на сто лет вперед ежедневного питания. Джейн попробовала пожарить лягушатины на костре, и тоже вышло неплохо.

Когда стало понятно, что наводнения ждать не стоит, Джейн с дочкой спустились в свой дом. Первое, что почувствовала Джейн после месяца проживания на вершине горы, это болотный запах, исходящий от позеленевшей воды залива. И еще она заметила пузыри поднимающиеся над водой. Джейн догадалась, что насыщенная органикой вода не может остаться без внимания микробов. Стоячая вода залива прогревалась лучше проточной, провоцируя рост микробов. Как ученый, девушка поняла, что дом их через год или два придется переносить на обратную сторону горы, потому что воздух в заливе станет чересчур насыщен метаном и сероводородом.

В середине лета Анна произнесла первое слово, и это было ее собственное имя. Его она слышала чаще других и невольно выучила первым. Джейн от чувств прижала дочку к себе и немного поплакала. Ей хотелось, чтобы Игорь увидел это событие. После этого Анну понесло. Она с каждым днем становилась все говорливее, и кажется, ей самой это доставляло огромное удовольствие. Джейн не переставала исследовать свалку и как-то нашла сильно размокшую детскую книжку с яркими иллюстрациями. Джейн осторожно высушила ее. Подшила переплет нитками и читала по вечерам с дочкой рядом с открытой дверью печки.

Получалось забавно, потому что Джейн разговаривала с Анной почти все время на английском, а книжка была на русском. Джейн старалась передавать эмоции, сильно коверкая русские слова, местами не понимая, о чем идет речь. Для Анны это не играло ровню никакого значения. Она ждала этот вечер и время, когда мать сядет перед трепыхающимся пламенем, и начнет, играя голосом, читать книгу. Джейн иногда отвлекалась от книги, чтобы посмотреть на реакцию дочери. В распахнутых глазах дочери мерцали отблески огня. Дочь слушала мать и смотрела на нее с искренним интересом. Джейн в такие минуты понимала, что она для Анны целый мир, который она любит и в который беззаветно верит.

Зимние сани превратились в коляску. Когда Анна не хотела спать, а Джейн считала, что ей надо немного поработать, дабы ни в чем не нуждаться зимой, она ставила коляску с Анной на берег, а сама отправлялась на охоту, на свалку. Прошлогоднее цунами многое перевернуло, подняв со дна. В основном это были сильно поврежденные автомобили, некоторые с истлевшими скелетами внутри, строительный мусор и совсем немного деревьев. Степные края не отличались лесистостью. У Джейн был лом, домкрат, для разгибания мятых кузовов автомобилей и топорик. Этим нехитрым инструментом ей удавалось пополнять свои

запасы.

Продовольствия попадалось все меньше. Люди не хранят консервы в автомобилях. Когда Игорь только начал обследовать свалку, ему попались два коммерческих грузовика с продовольствием. Больше таких подарков судьбы не было. Приходилось собирать по крохам. Вот чего было не отнять в русских автомобилях, это алкоголь в бардачке. В их домике уже стояло несколько бутылок водки и виски, оставленных для медицинских целей.

Однажды, Джейн нашла бутылку красного вина. Вот тут она уже не смогла сдержаться. Приготовив лягушек, Джейн откупорила бутылку вина и открыла банку с зелеными, фаршированными перцем, оливками. Повода для праздничного ужина не было, но Джейн посчитала, что бутылка хорошего вина достойный повод, чтобы совместить его с французской кухней. Наутро у нее болела голова, а дочка покрылась красными пятнами диатеза.

— Алкоголь зло! — Объяснила она Анне их не очень хорошее утреннее состояние.

Молока у Джейн было достаточно, но она понимала, что пора начать прикармливать Анну обычной пищей. Начала она с измельченных водорослей сваренных в лягушачьем бульоне. Вначале, Анна осторожно относилась к такой еде. Плямкала ее на передних зубах и пускала по подбородку вместе со слюной. Джейн экспериментировала с солью, пытаясь в этом найти секрет вкуса. На самом деле нужно было время, чтобы Анна привыкла к необычному для нее вкусу пищи. Когда же она распробовала, то сама открывала рот перед каждой ложечкой.

Джейн находила в автомобилях большие пластиковые бутылки из-под газированной воды и минералки. Она не выбрасывала их, и скоро за домом образовалась целая свалка таких бутылок. Из-за дочки, Джейн не решалась пить напитки, сделанные из подсластителей, красителей и ароматизаторов, хотя ее тянуло попробовать их вкус. Сотни литров лимонада были безжалостно вылиты в водоем. Девушка предполагала, что когда-нибудь эти бутылки пригодятся ей.

К концу лета у нее появился концепт будущего плавательного средства. Воздух в заливе окончательно испортился, и перед тем, как начаться холодам, над заливом сел туман. Неподвижный воздух накапливал поднимающийся со дна газ. Джейн всерьез начала опасаться возможности задохнуться. Для себя она твердо решила, что это последнее лето в этом доме. На следующее, его придется переносить на обратную сторону острова, и сделать это проще всего будет на каком-нибудь плоту.

На берегу лежало много листового железа, оцинкованного и покрытого пластиком, с заборов и крыш домов. Джейн немного стала разбираться в предназначениях болтов, гаек и ключей, которыми их крутят. Она нарезала несколько листов длиной метра в три, состыковала их между собой, набила по стыку дырок и скрутила болтами. По той стороне, которое должно стать днищем плота, она пропустила крест, накрест железные уголки, в которых были отверстия. Прикрутила их к настилу, чтобы он обрел жесткость. Из кусков настила сделала «юбочку» для плота, которую собиралась наполнить пустыми бутылками.

Джейн сообразила, что плот дальше надо собирать на воде, иначе будет затруднительно его туда стащить, когда он обрастет всеми задуманными конструкциями. Она навязала небольших вязанок из пустых пластиковых бутылок, закрепила их на дне и перевернула плот в воду. Ей показалась, что осадка плота недостаточная и добавила еще бутылок.

Джейн давно заприметила пикап, который без надобности ржавел на краю свалки. Салон его был сильно поврежден, но кузов сохранился в более менее рабочем состоянии. От

остальной части кузова его пришлось откручивать, но по большей части, срубить топором. Сам по себе кузов весил немного. В его основании имелись дренажные отверстия, через которые Джейн прикрутила его к плоту. Свободным оставался еще один метр, на котором она разместила автомобильное сиденье. Это был капитанский мостик, с которого Джейн управляла своим кораблем. Из металлических трубок и лопастей вентилятора охлаждения радиатора девушка сделала весла. Она догадалась сделать уключины для весел, чтобы удобнее было грести.

Готовый плот стоял у северной оконечности острова. Потому что водоросли в заливе не давали сдвинуть его с места. Джейн проверила плот в деле. В кузов она поставила еще одно сиденье, и посадила туда Анну. Дочь немного побаивалась воды, но стоило им тронуться, как ее страх сменился восхищением. Она беспрестанно лопотала, вставляя в конце каждой фразы: «Да, мам?».

— Да, дочь. Все именно так, как ты говоришь. На этом кораблике мы отправимся с тобой в большое путешествие. Найдем хорошее место, где можно будет жить и ни в чем не нуждаться, или найдем людей, среди которых ты найдешь себе мужа, когда вырастешь. А сюда мы с тобой будем приплывать изредка, чтобы навестить могилу твоего отца. Вон она, кстати, отсюда ее хорошо видно.

Анна лохматила себе прическу и показывала растопыренной пятерней во все стороны.

— А знаешь, как тебя зовут по-русски? Анна Игоревна. Не думаю, что мы с тобой когда-нибудь сможем нормально произнести это имя. Русский язык очень сложный.

Анна проболтала что-то нечленораздельное.

— Да, примерно, такой.

Первый заплыв подсказал Джейн, что нужно доделать в конструкции плота. В основном это касалось закрепления пустых бутылок. Течение сдвигало их назад, из-за чего нос постоянно клевал, зачерпывая воду. Джейн поняла, что уключины придется смазать маслом, иначе скрипучий звук весел сведет ее с ума. В остальном, все прошло успешно.

Во второй заплыв Джейн испытала грузоподъемность плота. Она была достаточной, чтобы заполнить различным грузом кузов до бортов. Джейн оставалось ждать следующей весны, чтобы начать переселение. Такого идеального места, как сейчас было у них, для дома сыскать не удалось. Джейн приглядела площадку, недалеко от кромки воды. Там была закругленная вертикальная стена, но без навеса. Переживать по этому поводу девушка не стала, так, как у них было достаточно материала, для накрывания крыши. Руки ее уже привыкли мастерить, а ум стал более смекалистым.

Покончив с плотом, Джейн принялась за дрова, и за заготовку лягушек. Одну половину дня, она тратила на то, что колола дрова, а вторую на то, что ловила, разделывала и коптила лягушек. Благо, различной щепки, оставшейся от колки дров, у них было предостаточно. Ладони у Джейн загрубели и стали мозолистыми. Мышцы на руках стали больше и жестче. Девушка стала называть себя Стальная Джейн, что применимо было и к ее характеру.

Заготовка дров выявила неожиданную неприятность. На свалке их почти не осталось. Возможно, под толщей мусора они еще были, но с поверхности было уже не добыть. Без того неприятная и тяжелая работа, чуть не погрузила Джейн в уныние. Планы по переносу домика на обратную сторону могли смениться на большой переезд, в поисках более удачного места. На всякий случай, Джейн сделала небольшой запас резины и пластика, если дрова закончатся раньше, чем зима.

Случилось это своевременно. Зима не замедлила начаться. Вначале сильно завьюжило.

Крупные хлопья снега, гонимые сильным ветром, падали в темную воду, еще не успевшую покрыться льдом. Сидя в доме, сквозь треск горевших в печке дров, можно было расслышать, как на улице бьются о берег волны, и гуляет в камнях ветер. Из-за этого в доме было тепло, сухо и уютно. Видимо от скуки Анна решила начать ходить.

Джейн занималась готовкой, повернувшись к дочери спиной, и вздрогнула от неожиданности, когда к ее ноге притронулись. Анна держалась за материн подол, задрала лицо с хитрыми глазами вверх. Вестибулярный аппарат и слабые ноги ребенка не выдержали, и она шлепнулась на попу. Джейн, не веря своим глазам, подхватила Анну на руки и расцеловала. Затем опустила на пол и отошла на два шага. Дочь, смешно двигая телом, сделала несколько неловких шагов и упала в вытянутые материны руки.

— Ах, ты моя зайка! Совсем большая стала!

С этого момента спокойная жизнь для Джейн закончилась. Анна с приобретением мобильности, прибавила и самостоятельности, и лезла всюду, куда надо и не надо. За ней надо было присматривать все время. У Джейн совсем не стало свободного времени, потому, что она боялась за дочь, которая могла что-нибудь на себя опрокинуть, или съесть, чего ей не положено. Всю зиму мать приглядывала за дочерью, не оставляя ее ни на минуту. У Джейн появилось чувство дежа вю, как будто она снова на МКС. Пространство, где она могла находиться, было сильно ограничено.

Следующая зима на Новой Земле оказалась еще теплее и снежнее, чем предыдущая. Снега было столько, что поселок к середине зимы был засыпан выше крыши и проходы между домами осуществлялись по снежным тоннелям. Одним словом снег полностью парализовал работу. Если бы в поселке были дети, то они бы высоко оценили разветвленную сеть тоннелей, внутри которых постоянно царил почти полный мрак. Привыкшие к темноте глаза, различали очертания стенок тоннелей, но те, кто заступали на смену в поселке с подводной лодки, некоторое время шли по ним с вытянутыми вперед руками. Положение спасали отверстия в потолке, но их то дело заметало новым снегом.

Вестей с американской подводной лодки не было. Координаты, оставленные в Хранилище, так и остались нетронутыми. Терехин очень рассчитывал на то, что дела у них идут хорошо и только поэтому они не спешат с возвращением. Матросы с американской субмарины чаще остальных посматривали на горизонт, ожидая увидеть там привычной силуэт своего корабля, но он все не появлялся.

К весне снег здорово осел. Тоннели местами обвалились, в других местах это сделали нарочно, чтобы никого не придавило. Тепло пришло неожиданно и задержалось надолго. Снег поначалу проседал под собственным весом, впитывая влагу, а когда она достигла критической массы, начался настоящий потоп. Вода быстро достигла уровня фундамента домов. Жителям поселка пришлось срочно копать траншеи в снегу, чтобы направить избыток воды в сторону океана.

Вешние воды, заключенные в границы искусственных берегов бурно устремились в океан. Берега расширялись на глазах, разъедаемые потоками грязной воды. Татарчук, как руководитель поселка решил, что строить новые дома придется только на возвышениях. Весенний потоп показал, что если немного затянуть с отведением воды, то можно вполне затопить все дома под крышу. В случае с теплицами это было совсем недопустимо.

Как только погода сформировалась, Терехин начал готовиться к очередной экспедиции. На этот раз он решил передатчиков больше не ставить. Он задумал половину сезона идти на юг, вдоль Уральских гор, пытаясь найти людей, а вторую половину возвращаться назад, но по другому маршруту, чтобы увеличить вероятность напороться на тех, кто выжил.

Экспедиция готовилась тщательнее. Теперь у каждого был спасательный жилет, набор для выживания, состоящий из запаянных спичек, перочинного ножа и магниевого петарда. Новых передатчиков делать не стали. Терехин решил проверить уже установленные, потому как это могло занять приличный кусок короткого лета, а цели были совсем другими.

Как только берег очистился ото льда, небольшая шлюпка с четырьмя гребцами отплыла от берега. Начальный маршрут был известен, и следование по нему позволило обойти все неприятности.

Передатчики хорошо перенесли вторую зиму и были в исправном состоянии. Терехин поменял некоторые продукты. Старые взял с собой, а новые оставил в пещерах, рядом с передатчиками.

Через три недели шлюпка зашла в те края, которые не достигала еще ни разу. Теперь за водой нужно было следить тщательнее. Чем южнее, тем больше была вероятность попасть в заболоченные места. Терехин это понимал, и потому не сводил глаз с воды. Когда они вошли

в стоячую воду, поверхность которой сплошь покрывали водоросли, лежавшие на поверхности подсыхающими шапками, для них это стало полным откровением. Такого в окрестностях Новой Земли еще не было.

Чем южнее, тем чаще встречались такие поля. Как правило, они встречались ближе к горам, где потоки воды останавливались горными хребтами. На равнинах вода текла, не способствуя распространению водорослей. Но задача Терехина была как раз в поиске людей, которые могли выжить, только находясь в горах. Поэтому, их шлюпка регулярно рассекая острым носом водоросли, подходила к скалам, в надежде найти на них людей, или хотя бы следы их пребывания. Пока им не везло.

Терехин отмечал, что природа не собиралась умирать. Часто попадались скалы, на крутых склонах которых начинала зеленеть трава, или молодая поросль кустарников и даже деревьев. Еще экзотичнее были дельфины-белухи, неожиданно появившиеся рядом со шлюпкой и рассматривающие людей, как будто не чаявшие уже увидеть их живьем. Хотя это люди считали себя почти единственными выжившими из крупных млекопитающих. От этой встречи на душе людей стало легче, и они надеялись, что на душе у дельфинов тоже.

Однако, людей не было. По дороге их команде часто встречались места, где можно было переждать катастрофу. Некоторые вершины имели пещеры, входы в которые располагались на обратной от направления ветра, стороне. Многие из этих пещер оказывались залиты грязной жижой, но большинство было сухими и пригодными для существования. Терехин тщательно переносил на карту все пещеры, полагая, что в будущем они могут быть заселены.

Команда Терехина отвыкшая от понятия нормального теплого лета с удовольствием нежилась под бледным пятном еле просвечивающего солнца. Несмотря на грязную атмосферу, благодаря которой атмосфера планеты нагревалась более равномерно, чем до катастрофы, в двух тысячах километров от полярного круга она прогревалась лучше. Верещагин даже осмелился и прыгнул за борт. Но ледяная вода быстро вернула его на место. К тому же, по его словам, в воде кто-то плавал.

По расчетам Терехина, максимум через пятьсот километров должны были начинаться казахстанские степи. Это значило, что шансы встретить людей в горах стремительно падали. Обратно они собирались возвращаться по восточному маршруту, и если людей они не найдут, на следующий год придется отправляться на Средне — Сибирское плоскогорье, а конкретнее на плато Путорана. Перед этой экспедицией Терехин был уверен, что обязательно найдет выживших, но чем ближе была окончность южно-уральских гор, тем меньше было надежд встретить их.

Ясное утро быстро сменилось хмурым днем. Что-то внутри грязных туч происходило. Молнии едва просвечивали сквозь облака, но гром докатывался до людей в полную силу. Команда затаилась в ожидании сильной грозы. Как назло, на горизонте не было видно ни одной горы, к которой можно было бы пристать и переждать непогоду.

— У нас таких гроз не бывает. — Сказал Гарифулин, подразумевая, что у нас, это на Новой Земле.

Терехин на самом деле не помнил, чтобы небо так гремело и трясло, что кожей ощущались эти могучие процессы. Потемневшее небо приблизило горизонт. Порыв ветра поднял волну, шлепнувшую по борту шлюпки и немного перелившись через него.

— Ставим лодку навстречу волнам, а то перевернемся. — Приказал Терехин. — Наденьте на себя жилеты на всякий случай.

Команда подчинилась. Терехин тоже натянул на себя оранжевый жилет, добытый на каком-то норвежском рыболовецком судне. Ветер крепчал, поднимая волны все выше и выше. Лодку качало на волнах, как качели. Команда старалась удерживать лодку поперек волн. Плыть куда-то в такую погоду было бессмысленно.

Виктор заметил, как Верещагин бросил грести и пристально уставился куда-то по правому борту. Терехин посмотрел туда же. На фоне темнеющего неба, на горизонте проявлялась боле темная вертикальная полоса. Вначале, Терехин подумал, что это стена дождя, проливающаяся из тучи, но было в ней что-то непохожее на стену дождя. Терехин физически ощутил опасность, исходящую от природного явления. В душе его затаился страх.

— Ты чего, командир, привидение увидел что ли? — Гренц перехватил его тревожный взгляд.

— Мне вон та хрень на горизонте не нравится. — Терехин махнул в сторону полосы.

— Да это ливень. Он быстро кончится, не успеет до нас дойти.

— Я тоже сначала подумал, что это ливень. Но ты присмотрись его краям, они шевелятся.

Вся команда уставилась на края темной полосы. Действительно, если внимательно присмотреться, то полоса играла своими боками и казалась она ближе, чем можно было подумать сразу.

— Там еще, смотрите, такая же полоса. — Гарифулин показывал правее.

Еще две темные полосы проявились на более светлом фоне неба. Самая тонкая полоса из них извивалась змейкой.

— Это смерчи. Разворачиваем шлюпку и уносим ноги отсюда. — Терехин первым налег веслами на один борт.

Волна сильно накренила лодку, чуть не перевернув ее. Однако маневр удалось завершить и команда налегла на весла. Не все поверили командиру, но посчитали, что лучше будет перестраховаться. Какое-то время команда не оборачивалась назад. Ближе всех к корме сидел Гренц и его крик заставил всех обернуться. В какой-то сотне метров от них вращался огромный столб смерча. Он приближался.

Его низкое гудение едва пробивалось сквозь шум ветра и грохот бьющихся о борта шлюпки волн. Команда, словно получив укол адреналина в сердце, утроила усилия. Шлюпка прибавила ходу, но низкий шум сзади нарастал. Он уже перекрыл звук ветра и волн и стал доминирующим. Терехин боковым зрением видел, как темнота обходит лодку со всех сторон. Верещагин обернулся и в его глазах застыл ужас. В зрачках его отражался смерч.

Лодку вначале захватило течением и понесло по кругу.

— Бросайте весла и хватайтесь за все, что сможете! — Терехин бросил свои весла и ухватился обеими руками за банку, на которой сидел. Остальные последовали его примеру.

Ветер рванул шлюпку, словно в ней не было никакого веса. Терехин почувствовал, как его пытается оторвать от лодки, как тугие струи воды бьют его по телу. Он услышал чей-то крик, и спустя минуту догадался, что кричит сам. Потом вода попала ему в рот и он закашлялся. Ему еле удалось отдышаться, как он снова погрузился в воду. Голова кружилась, все потеряло привычный ход. Терехин не мог точно сказать, что с ним происходит в настоящий момент. Лежит ли он неподвижно, или все еще крутится в вихре смерча, как в центрифуге. Сознание почти отделилось от рецепторов тела и ждало, когда его можно будет покинуть насовсем.

Последнее, что ощутил Виктор, это был удар. Он его не почувствовал, просто осознал,

что тело со всего маха вошло в воду. Руки рефлекторно забили по воде, подчиняясь инстинктам, и вытянули тело на поверхность. Наверное, Терехин потерял сознание. Он открыл глаза, когда почувствовал, как солнце светит через веки. Никакого смерча не было и в помине. Стояла ясная погода и он был один во все стороны. Терехин ослабшими руками повернул тело вокруг.

Он вдруг подумал, что ему мерещится плот. После пережитого могли явиться и ангелы и кто угодно, так что сразу можно было не верить. Терехин хотел крикнуть, но из глотки вылетел шипящий хрип. Горло сразу начало саднить. Виктор вспомнил про Макарова, что взял с собой на всякий случай. Пистолет оказался в кобуре. Терехин вынул его, но выстрелить не смог. Пистолет давал осечку.

Отчаяние снова отключило сознание. Когда Виктор пришел в себя в следующий раз, то увидел, как плот почти зацепил его. Терехин ухватился свободной рукой за борт, а той, которая еще сжимала пистолет, принялся стучать по железному корпусу плота. Когда он слышал человеческую речь, сознание, с чувством выполненного долга, снова покинуло тело.

Минул еще один год. Природа постепенно счищала со своего «лица» последствия катастрофы. Атмосфера становилась все чище. Времена года возвращались к своему привычному чередованию. Теплые лета, как и предполагал, Матвей привели к еще более бурному росту водорослей. Прогреваемая лучами вода стала благодатной средой для размножения микробов.

Привычным стал запах сероводорода. Северные и западные ветра еще уносили его прочь от Черной пещеры, но в тихую погоду запах становился удушающим. Стоя на краю площадки перед пещерой и глядя на водный простор перед собой, в одну минуту можно было увидеть до трех мест, откуда вырывался газ. Горбуновым стало очевидно, что в новую зиму им точно придется менять дом.

Это было грустно и немного страшно. Они прижились здесь. Обстроили пещеру, доведя ее комфорт почти до того состояния, к которому они привыкли до катастрофы. Они все знали вокруг. Знали где раздобыть дрова, где еду, знали, где ее хранить. Они настолько привыкли жить одной семьей, что даже не хотели искать контакта с другими людьми.

Матвею стукнуло пятнадцать. Его голос огрубел. Под носом появился пушок. Мышцы от регулярной физической работы и белкового питания налились рельефом. Егор смотрел на сына и вспоминал, что в его годы он был гораздо несамостоятельнее и слабее физически. Матвей не утратил способности к хорошему аналитическому мышлению и нестандартному подходу к жизненным ситуациям. Егор считал, что сына можно запросто отпускать в одиночные походы, но Тамара еще не была готова к этому. К тому же, необходимости в этом никакой не было.

Катя тоже повзрослела. Ей стукнуло одиннадцать. Назвать ее ребенком не поворачивался язык. Она уже не отпускала глупых комментариев по любому поводу. Не спала с куклами, не просила сказок на ночь. Можно было бы немного погоревать об украденном детстве, но преждевременная взрослость была как фактор повышения жизнеспособности. Катя умела все, что умела мать. Не жаловалась на усталость, не просила скидок на свой возраст. Тамара иногда смотрела украдкой на дочь и видела в ее уверенных движениях взрослого человека. Единственное, что выдавало в Кате ее настоящий возраст,

это сладости. Им она не могла противостоять, и как всякий ребенок трогательно радовалась, и не знала меры.

Все электронные устройства сломались. Егор назначил себя ответственным за ведение календаря и утро начинал с того, что вперед всего он записывал новое число. Было начало августа. Еще было тепло, и только по ночам начинало тянуть прохладцей. Егор проснулся раньше всех. Его мучил какой-то кошмар, из-за которого он проснулся весь в мокром поту. В пещере сильно пахло серой.

Егор прошел к выходу из пещеры. Начинало светать. На улице не было ни ветерка. Поднимающийся болотный газ самотеком заходил в пещеру. Егор закупорил вход. Циркулирующий внутри пещеры воздух оставался чистым всегда. Он был прохладным и влажным, и Егор переживал, что у него и его семьи могут развиваться радикулит или ревматизм, поэтому оставлял открытым вход в пещеру. В такие дни, как этот, радикулит страшил меньше, чем возможность надыхаться чистым метаном.

Уровень воды за три года упал настолько сильно, что вода перестала уходить из долины. Уровень водной поверхности внутри долины сравнялся с внешней водой. Там, где раньше были водопады, из воды торчал мусор, натянутый водными потоками. Многие в этом мусоре состояло из остатков человеческой цивилизации, как бы намекая, на роль человечества в мире. За гордыню, за венца творения, за взятую на себя исключительную роль вмешиваться в естественные процессы, не имея никакого понятия об их глубинных закономерностях, природа сотворила нам памятник из грязи на дне болот. В том самом месте, где человечество его заслужило.

Нам бывает жалко, когда, что-то, чему мы уделяли много времени, холили и лелеяли, вдруг оказывается не тем, чем нужно, и даже опасным. Скрипя сердце, вздыхая о потерянном времени и потраченных силах, мы вынуждены избавляться от этого. Так и Создатель наш, наверное, горько плакал, когда нагонял на Землю ветер, но понимал, что выбора у него нет.

Как всегда, когда утро выдавалось безветренным, к обеду начинал грохотать гром. Вспышки молний озаряли гору, отражаясь на его мокрых склонах. Вся семья была занята работой на площадке. Тамара раскатывала водоросли, выгоняя из них воду. Она перекладывала их солью и собирала в пучки, чтобы развесить на просушку внутри пещеры. Катя стирала. Она теребила в пенной воде грязное белье. Когда ей требовалось отжать его, она звала брата, и они вместе скручивали одежду, выгоняя из нее лишнюю воду. Егор мастерил плот. Клин впереди уже не помогал разгрести водоросли. Они были слишком плотными и сплетенными, поэтому требовалось придумать что-то другое.

Молнии сверкали все ближе, и каждому из семьи Горбуновых хотелось завершить свою работу до начала дождя. Никто сразу не понял, что произошло. Рядом сверкнула молния, и следом мощная вспышка озарила долину. Ударная волна хлопнула по ушам и вызвала свист. Легкий навес у входа в пещеру сорвало. Цветы на клумбах пригнуло. Все присели от неожиданности, глядя с недоумением друг на друга. Вдогонку бабахнул раскат грома.

— Егор, что это было? — Спросила Тамара, с удивлением слушая свой неестественный голос.

— Похоже, что болотный газ сдетонировал. — Предположил он, уверенный в своей догадке. — Метан.

— А еще может бабахнуть? — Спросила дочь.

— Без понятия. — Честно ответил отец. — Идемте в пещеру, там безопаснее.

Это событие настроило семью еще решительнее на исход с насиженного места. Оставаться было опасно. Похожая история со взрывом болотного газа могла повториться в любой момент, и чем дольше они собирались, тем вероятнее было попасть в опасную ситуацию. Этой зимой было твердо решено переезжать в те места, где вода не застаивалась. Как только твердо станет лед, Егор с сыном собрались отправиться на поиски подходящего варианта. В идеале, им хотелось найти место похожее на Черную пещеру, чтобы сразу устроиться с максимальным комфортом.

Найти пещеру оказалось делом более легким, чем переезд к ней. Налегке, расстояние до нового жилища от Черной пещеры проходило за пять суток. С грузом это же расстояние занимало от восьми до десяти суток. Для женской половины Горбуновых это было первое серьезное испытание дорогой. Они и понятия не имели, скольких неудобств может приносить это мероприятие. Весь световой день приходилось идти. Егор с Матвеем впряглись вдвоем в кузов старого автомобиля, который приволокли от барьера. Его утеплили, сделали в нем печку. Днем, он использовался, как грузовик, ночью из него вынимали все лишнее, растапливали печь, и Тамара с Катей ночевали в нем. Мужчины, по привычке, спали в палатке.

Днем, груз тащили за собой все. И у Тамары, и у Кати были свои сани, в которых лежали необходимые на первое время предметы и продукты питания. К вечеру, все изматывались, настолько, что еле стояли на ногах. Катя успевала уснуть еще до того, как отец разжигал дрова в печке. Женщины благословили тот день, когда впереди замаячила нужная им гора.

— Всё, отсюда больше никуда не тронемся! — Тамара устало оперлась о стену пещеры.

Она еще не успела составить мнение о новом жилище, но пока свежи были воспоминания о переходе, любая пещера могла показаться чудесной.

Новая пещера совсем не походила на Черную. Она была гораздо меньше. Вход в нее был коротким и днем, солнечные лучи проникали внутрь нее, позволяя не разжигать огонь. Тоннелей и расщелин вглубь горы пещера имела меньше, но они были, и их еще предстояло изучать. По характерному запаху, Матвей установил, что недра этой горы скрывают в себе грызунов, а стало быть, голодными они не останутся.

Соорудив отопление и привычные условия, Егор с сыном снова отправились к Черной пещере. Там оставался большой запас дров, вяленой рыбы, инструмента и прочего барахла, которое собирались увезти на плоту, поставленном на полозья. Всего, до конца зимы было совершено пять походов, но даже их не хватило, чтобы перевезти все, что было накоплено за три с половиной года.

Матвей еле дождался весны. Походы сидели у него в печенках. Они с отцом пару раз попадали в такие морозы, когда лед просто трещал и лопался под ними. Матвей сильно обмораживал руки и ноги. Были моменты, когда им приходилось все время идти, чтобы не замерзнуть. Матвей не чувствовал ног до колен. Ступал ими, как протезами, и когда он пытался согреть их у костра, ноги начинало нестерпимо ломить. Последствия переохлаждения проявились на лице. После похода у Матвея воспалилась нижняя челюсть. Она отекала, придав лицу юноши смешной вид, как при свинке. Тамара пресекла на корню разговоры о следующем походе.

— Хватит уже, Егор. У нас и так все есть, пойми, здоровье дороже, чем еще одна железка. Сидите здесь и наслаждайтесь отдыхом.

Её слова убедили. До весны больше не было никаких попыток отправиться куда бы то

ни было. Всю энергию мужчины направили на благоустройство своего нового жилища. Снова заработал умывальник с теплой водой. Раз в неделю разводили печь под ванной, устраивая банный день. Матвей придумал ледяную дверь. Он наморозил плоские куски льда, сморозил их вместе, и сделал прозрачную дверь. Она закрывала вход в пещеру, но пропускала свет.

Весна наступала постепенно. Зима не сдавалась, насылая сильнейшие метели. За один апрель выпало снега больше, чем за всю остальную зиму. Но силы ее иссякли, уступив место новому времени года. Весна в этих местах сильно отличалась от весны на прежнем месте. Там весна проходила спокойно. Лед постепенно тончал, ломался и исчезал в нагретой воде. Здесь мощный ледоход громко возвестил о своем начале. Потоки воды, невидимые подо льдом, ломали его, разгоняли и таранили им «стоячий» лед. Шум стоял невероятный. От горизонта и до горизонта все гремело, ударялось и разрушалось.

Льдины наплзали на гору и стекали с нее, под теплым солнцем, назад, в свою стихию. Немного льда Егор с Матвеем попрятали в небольшом гроте, для создания холодильника. С теплом, выяснилось, что гора сохранила некоторую зелень. Свежий, приятный запах распускающихся листьев напомнил о той самой весне, которая осталась в памяти из прежней жизни. К этому нежному запаху не примешивалась, ставшая привычной, сероводородная вонь.

В целом, на новом месте было не хуже старого, за исключением садового участка на горе Верблюд. Но впереди было много времени, чтобы разведать округу. Может быть, и здесь были похожие места? С собой Горбуновы не забыли привезти замороженных лягушек, которые, с теплом, оттаяли и уже начинали по вечерам устраивать брачные песнопения.

Гора, на которой они поселились, была выше и шире той, на которой они жили раньше. Перед входом в пещеру не было той удобной площадки, на которой в теплое время кипела жизнь. Пришлось искать небольшие ровные уступы, чтобы установить на них все, что было необходимо для жизни. Со стороны, это напоминало ласточкины гнезда, прилепленные к стене. Егор с Матвеем старались сделать безопасным путь между «гнездами», пробивая ступени в скальной породе. К счастью, уклон был пологим, и передвижение по корявым ступенькам не грозило неминуемым падением вниз.

Это было уже четвертое лето после катастрофы. Приведя свою жизнь к привычному распорядку, Егор снова засобирався в поход. Для того, чтобы нормально перезимовать следующую зиму необходимо было найти где в округе водятся в достаточном количестве дрова, а где рыба. Совершенно неожиданно отпала вторая проблема, потому что рыба здесь водилась везде. Ее можно было ловить, не слезая с горы. А вот со второй проблемой пришлось помучиться. Поблизости не было ни одной залежи дров.

Гора, ставшая вторым домом, с легкой руки Кати стала именоваться Олимпом. Пускай, это могло показаться кому-то нескромным, но кому? Горбуновы уже свыклись с мыслью, что они единственные люди в мире и им самим решать, брать на себя роль небожителей или поскромничать. Так вот, на многие километры от Олимпа не было ни единой вершины торчащей из-под воды. Гора, на которой обосновались Горбуновы, одиноко возвышалась над окружающей ее водой. Она вполне могла присвоить себе такое громкое название.

Егор хотел описать вокруг Олимпа окружность с радиусом в один дневной переход на плоту, чтобы иметь представление о том, что их окружает. Климат здесь был другим. У Черной пещеры частыми были туманы и тихая погода. На Олимпе почти всегда дули ветра, и едва обозначившиеся утренние туманы сметало ветром, дующим, как правило, с севера. Из-

за них в утренние часы было особенно зябко. Привычными стали волны, коих почти не было у Черной пещеры. По ночам, на Олимпе, можно было слышать, как волны бьются о скалистый берег.

Облегченный, из-за снятых «отвалов», плот с готовностью откликался на работу педалями. Вода бурлила под колесами и перед носом плота. Егор уже кое-что смыслил в картографии. Он мерил взглядом горизонт, положение солнца и смело чертил на бумаге линии своих перемещений. Полукруг с южной стороны карты говорил о том, что они уже прошли половину пути.

Эти места были им частично знакомы. Здесь находился тот самый барьер, из-за которого вода была разделена на два уровня. Сейчас барьер сохранился частично. Большая часть его была пробита брешами настойчивой воды. На месте барьера шла целая цепочка островов состоящих из различного мусора, скрепленного грязью. Кое-де они образовывали затоны в которых начинала разрастаться зелень. Это касалось и стоячей воды и плодородных берегов, на которые попали семена различных растений.

Егор пробовал ступить на берег такого острова, но они были еще чересчур топкими. Никакой практической цели он не преследовал, пытался сделать это из простого любопытства, поэтому рисковать не стал. Гораздо полезнее было найти такие места, которые могли принести пользу.

Дрова, прибившиеся к скалам, имелись здесь в изобилии. Егор все скалы заносил на карту, сопровождая подписями о примерном количестве дров на каждой. Даже по примерным подсчетам, имеющегося их количества могло хватить на многие годы, а может быть и десятилетия. Эта проблема тоже отпала. За зимовку можно было не переживать. За дровами Егор собирался отправиться отдельно. Можно было зацепить и сейчас на прицеп тройку бревен, но они здорово бы замедлили экспедицию.

Проблема пришла оттуда, откуда ее не ждали. Согласно картам Егора, они сейчас находились строго на западе от Олимпа. На западе формировалась гроза. Просветлевшее, но еще не очищенное от грязи, небо, скрывало сверкающие молнии. Слабые вспышки пробивались сквозь толщу облаков. Как и было положено в природе, перед грозой наступил полный штиль. Матвей приготовил палатку, чтобы спрятаться в ней от дождя.

Ситуация была для путешественников вполне типичная. Грозы в новом мире были частыми, но не продолжительными. Планета, полностью покрытая водой, испаряла влагу больше обычного. Небеса не могли удерживать ее на себе и роняли проливными дождями вниз чаще обычного.

В глазах Егора и Матвея отсвечивали вспышки молний приближающейся грозы. День стал как, ночь. Воздух замер и только раскаты грома доносились все ближе. Вдруг, на переднем крае грозового фронта закружилась воронка. Она мгновенно втянула в себя темные тучи, и ее тонкий извивающийся хвост протянулся до поверхности воды.

— Матвей! — Крикнул Егор. — Впереди смерч!

Сам он с удвоенным усилием заработал педалями и взял в сторону. Матвей выскочил из палатки. Смерч стремительно набирал силу. Столб его становился толще, в нем засверкали молнии. Было совсем непонятно, в какую сторону он движется. Казалось, что он специально направляется в сторону плота. Подул ветер, с каждой секундой набирающий скорость. Палатку затрепало его порывами.

— Собирай палатку, а то унесет нахрен! — Егор крикнул сыну.

Матвей выполнил приказ мгновенно. Он еле удержал ослабшие крепления, чуть не выпустив надувшуюся пузырем палатку. Смерч приближался. Ветер доносил до слуха мрачное, низкое гудение. Через несколько минут столб, высотой до неба, приблизился к плоту на расстояние метров пятидесяти. Плот, несмотря на отчаянные усилия Егора, начало тянуть в сторону смерча. Какие-то мгновения отец с сыном почувствовали, как смерть тронула их своими ледяными руками. Смерч был так близко, что избежать попадания в него не было никакого.

Тем не менее, случилось какое-то чудо. Столб дрогнул и сменил направление. Когда он удалился не меньше, чем на полкилометра Егор смог бросить педали. Ног своих он больше не чувствовал. У Матвея мелко тряслись ладони, от пережитого страха.

— Слушай, Матвей, мы уже два раза попадаемся на пути смерча. Третий раз нам может не повезти так.

Матвей только вздохнул. Он стоял на плоту и смотрел вслед удаляющемуся смерчу. Справа и слева от плота, на достаточно большом расстоянии виднелись еще несколько столбов смерчей,двигающихся прочь.

— Здесь какая-то аномалия. Надо обходить эти места стороной. — Сказал Матвей.

Отец достал самодельную карту и соединил то место, где они были сейчас с местом, где был поселок Каргалинский. Поселок и настоящее местоположение находились примерно на одной долготе. Предположение сына о том, что здесь существовало какое-то место, удачное для формирования смерчей, могло подтвердиться. Егор заштриховал область западнее отрезка и подписал — «Район смерчей».

Вскоре начался дождь. Обычный дождь. Атмосфера избавлялась от излишков влаги, которую не могла удержать. В палатке, для дополнительной влагозащищенности пропитанной рыбьим жиром, было сухо и уютно. Дождь барабанил по ней, успокаивая, расшатанную недавними событиями, нервную систему.

Тук! Удар о борт заставил обеих вздрогнуть. Егор высунул голову из палатки под дождь и обомлел. За бортом находился мужчина в оранжевой спасательной жилетке. Одной рукой он судорожно вцепился в борт плота, а второй, вооруженной пистолетом, с трудом поднимая ее, стучал по плоту. Голова его при этом была опущена на грудь и глаза закрыты.

— Матвей, помоги!

Вместе они вытащили человека из воды и положили его на палубу. Мужчина, на вид лет сорока, был одет в морскую военную форму. К портупее была присоединена кобура. На ногах были офицерские кожаные ботинки. В отличии от густой бороды Егора, изредка укорачиваемой ножницами и имевшей всегда неопрятный вид, у спасенного мужчины была короткая щетина. Мужчина слабо стонал. В его лице осталось совсем мало крови. Оно было бледным.

Егор осмотрел мужчину, пытаясь увидеть, где у него рана. Но, ни крови, ни раны он не увидел. Мужчина был без сознания. Можно было предположить, что у него внутреннее кровотечение, либо переохлаждение. Егор достал бутылку водки, расстегнул китель на груди человека и плеснул на нее алкоголь. Затем принялся растирать его, чтобы вызвать согревание. Попробовал разжать зубы и влить немного водки в рот.

Мужчина сделал несколько глотков, но подавился и закашлялся. В лицо его ударила краска. Он зашевелил мышцами лица, словно пытался усилием воли вырвать себя из крепкого сна. Наконец, ему удалось. Он открыл глаза, медленно ворочая головой и с трудом фокусируясь на людях.

— Кто вы и откуда здесь? — Егор боялся, что человек умрет, не раскрыв тайны своего появления.

Мужчина снова закрыл глаза, не удостоив ответом. Он медленно протащил руку вдоль тела и попытался открыть нагрудный карман. У него ничего не получалось. Егор понял его намерения и самостоятельно забрался в карман. Там был только военный билет, запаянный в полиэтиленовую пленку. Егор разорвал ее и открыл билет. Перед ними лежал капитан второго ранга Терехин Виктор Ефимович. Последнее место службы написано было неразборчиво. Ясно было только одно, что человек служил на флоте и тоже смог пережить катастрофу. Егору хотелось узнать во чтобы то ни стало, скольким людям это удалось и где их искать?

— Мы... ищем... уцелевших. — Произнес военный и замер. — Двигайтесь... на север.

Он снова замолчал. Егор приподнял голову и снова попытался влить ему немного водки. Мужчина сделал глоток.

— Север... пострадал меньше... Там поселок... много мужчин... нужны женщины.

— Как ты оказался здесь? Сколько вас было?

— Трое..., на одной лодке... попали в смерч.

Егор с Матвеем переглянулись. Если бы не смерч, то они вполне могли бы встретиться с людьми и отправиться с ними в поселок.

— Ориенти...руйтесь по маякам... строго на север.

— Как далеко отсюда ваш поселок?

— Второй...год...в пути...за...Полярным...Уралом.

Мужчина замолчал, словно уснул. Его ответ озадачил Егора. Это было не близко. Как минимум около двух тысяч километров.

— Пап, а вдруг еще кто-то выжил?

Матвей подумал про товарищей военного. Вполне могло случиться, что выжил еще кто-то. Егор не стал ничего говорить. Он повернул плот вслед ушедшему на восток смерчу. Даст бог, удастся выловить еще кого-нибудь. Эту экспедицию можно было заканчивать. Терехину нужен был покой и нормальный уход.

Егор посмотрел на бледное лицо военного. Еще полчаса назад они с сыном и помыслить не могли, что им могут встретиться люди. Они так привыкли к существованию внутри своей семьи, стали такими самодостаточными, что где-то в глубине души совсем не хотелось менять устоявшийся порядок вещей. Голова подсказывала, что менять его надо, что время идет и смерть в забвении не тот вариант ради которого стоит жить, но малодушная часть души, отвечающая за приспособленчество, за лень, советовала спокойно дожить деньки в пещере.

Военный все перевернул с ног на голову. Егор уже накидал план на ближайшую пятилетку, и там не было предусмотрено никакого похода на север. Теперь же он не знал точно, стоит ли ему следовать или пришло время его поменять, согласно изменившимся условиям. Ответ частично зависел от состояния человека, лежащего без сознания на плоту. Возможно он знал, как легче всего достичь того поселка, откуда он прибыл?

Матвей смотрел во все свои юные глаза, пытаясь разглядеть на водной поверхности остальных товарищей военного. Но вода хранила тайну. К вечеру Терехин ненадолго пришел в себя.

— Водыыыы. — Тихо попросил он.

Егор приподнял его голову и приставил кружку с водой к его губам. Военный сделал

несколько глотков. Он удивленно посмотрел по сторонам, как будто впервые увидел то место, на котором оказался.

— Я...я видел ваш плот, но не помню, как добрался. Очень хотел доплыть, боялся, что не успею. — Он посмотрел на людей, спасших его с благодарностью. — Как вы спаслись?

— В пещере. На экскурсию поехали накануне. — Объяснил Егор.

— Понятно. Значит, мы правильно рассчитывали, что в горах могут остаться люди. Сколько вас? — Военный говорил тихим сиплым голосом.

— Четверо. Семья. Я с сыном и еще жена с дочкой.

— С дочкой. Хорошо. — Еле выговорил Терехин. — Женщин осталось мало.

— А вы-то сами, как спаслись? — Не удержался Матвей.

Военный перевел на него взгляд. Несколько секунд смотрел молча, фокусируясь или обдумывая ответ.

— В подводной лодке. В атомном ракетоносце.

— Вот как! Это же логично. Вам повезло!

— Как сказать. — Терехин уронил голову и уставился в небо. — Дайте еще воды.

Егор напоил военного.

— Ураган был по всей земле, нам это из космоса сказали. Но к полюсам ветер слабел, и на самих полюсах ветра не было вообще. Центробежная сила выдавила воду к ним, немного затопив, но в целом, за полярным кругом можно жить. Там даже птица сохранилась.

— Но там же холодно? Не вырастить ничего?

— Реактор с подлодки с нашей и американской работают теперь на мирную жизнь.

— Как, и американцы с вами живут? — Удивился Матвей.

— А у кого еще флот подводный есть? Китайцы тоже где-то окопались, но мы не понимаем по ихнему. В эфире только... слышим их речь.

Разговор отнял много сил у военного. Он замолчал и закрыл глаза. Лицо его было как восковое. Только на щеках немного играл румянец, да и тот был от действия алкоголя. Егор решил больше не беспокоить человека вопросами и дал ему отдохнуть. Он посадил сына за управление плотом, а сам встал на краю и пристально вгляделся вдаль.

Они не сразу направились в сторону Олимпа. Матвей пару часов кружил в районе примерного нахождения товарищей Терехина. Напрасно. Ни людей, ни каких-то свидетельств их крушения на поверхности воды не было. Егор отдал команду плыть к Олимпу.

К вечеру следующего дня на горизонте замаячил Олимп. Терехин за это время пару раз приходил в себя. Он только просил пить. Произносил все те же фразы, что и в прошлый раз и отключался обессилив. Видно было, что цели экспедиции вдалбливались ему в подсознание. Егор сделал вывод, что в поселке, откуда был военный, на самом деле серьезно обеспокоены сохранением человеческой популяции, раз так рьяно собирают выживших.

Тамар заметила плот издалека. Она была сбита с толку, когда увидела чьи-то ноги торчащие из палатки. В крайнем изумлении она приняла трос с плота и привязала его к столбику, не сводя глаз с человека в палатке.

— Кто это? Откуда? — Спросила она с придыханием, вызванного волнением.

— Сейчас все расскажу. Иди пока, ставь нам чайник, да трав завари каких-нибудь полезных для этого капитана. — Егор махнул в сторону палатки.

Из железных полок Егор с сыном соорудили носилки. Положили в них Терехина и отнесли в пещеру. Тамара к тому времени разогрела ужин и заварила чай на травах. За

ужином Егор рассказал все, что случилось с ними за экспедицию, начиная с неожиданного смерча и заканчивая историей про поселок военных, спасшихся от катастрофы на подводной лодке. Рассказ впечатлил женскую половину Горбуновых и немного напугал.

— Жить среди мужиков страшно. Начнете друг другу морды бить из-за баб, да стреляться. Катька еще маленькая, зачем ей это? У нас как-то спокойно, никто нам не указ.

— Я, признаться, тоже об этом подумал, но в отдаленной перспективе все равно придется идти на контакт с людьми. Не стоит нам доживать свои дни в одиночестве. Бог нам завещал плодиться и размножаться.

Терехин открыл глаза и забегал ими по стенам пещеры, на которых отражались блики от костра. Взгляд его выражал полное удивление.

— Где я? — Просипел он.

— Ты у нас, дружище, в нашем доме, в пещере. Сейчас мы напоим тебя отваром и ты пойдешь на поправку.

Терехин перевел глаза на Горбуновых, сидевших в кружок, вокруг костра. В его глазах забегали отблески пламени.

— В поселок вам надо, строго на Север, по Уральским горам. У нас женщин мало. — Военный задышал, как после пробежки. — На горах с маяками стоят передатчики. Подайте сигнал и ждите, за вами приедут. Там запас еды небольшой. — Он снова затих и откинулся.

— Это что-то новенькое, про передатчики. — Сказал Матвей. — До этого он только про маяки говорил.

— Да, точно. Вот бы карту найти, где эти маяки указаны. Что там у тебя, остыл отвар?

Тамара приложила губами к металлической кружке.

— Да, пойдет. Терпкий очень.

Егор взял кружку и подошел к военному. Тот снова был без сознания. Приподнял ему голову и приложил кружку к губам. Терехин почувствовал это и сделал несколько судорожных глотков. Открыл глаза, осмотрелся и допил остатки отвара спокойнее. Дыхание, однако, его сбилось, и он снова тяжело задышал. Военный полез в нагрудный карман кителя и достал оттуда свернутый лист бумаги, намокший и размякший.

— Это карта, которую мы составили за время экспедиции. Здесь только не хватает пояса смерчей. Передайте нашим. — Терехин дрожащими руками протянул бумагу Егору.

— Да, брось, капитан, сам и отдашь. Мы тебя на ноги поставим. — Егор не взял протянутую бумагу. — Не дури.

— Бери. — Сил, настаивать голосом, у капитана не было. — И обещай мне, что вы найдете поселок.

Егор вздохнул и взял из рук мокрый квадратик сложенной бумаги.

— Обещаю.

— Вымрем ведь, как динозавры, поодиночке. Собираться надо вместе и жить заново. У нас там электричество, медицина, бани, теплицы. Все есть, кроме женщин. Две живут, в годах уже, но забеременели. Но этого очень мало.

Егор посмотрел на Тамару, чтобы увидеть ее реакцию на слова военного. Она наморщила лоб, всем видом выражая нежелание становиться маткой будущего человечества. Роль, несомненно, почетная, но конвейером, клепаящим детишек, Тамара еще не готова была стать.

— Капитан, Виктор, ты не волнуйся. Мы тебя на ноги поставим и вместе пойдём в твой поселок. Бульон хочешь?

Терехин устался на Егора. Он молча смотрел в его глаза, словно пытался уловить в них надежду на то, что его послушаются и поступят так, как он просит. Егор не выдержал этот взгляд и отвел глаза.

— Давай, буду.

Егор попытался усадить Терехина, чтобы тот смог самостоятельно поесть, но тот застонал от боли и снова сполз.

— Лежа поем. — Сказал он.

Тамара накормила военного с ложечки, потому что он не мог удержать ее в руках. Терехин съел совсем немного.

— Спасибо, наелся. Очень вкусно, по-домашнему.

— Лягушачий суп. Дочь кашеварила. — Похвалился Егор.

— Это хорошо, такие нам... нужны. — Терехин закрыл глаза и отключился.

Горбуновы разошлись по своим спальным местам. Егор с Тамарой не могли уснуть до половины ночи. Их раздирал настоящий когнитивный диссонанс, между привычной жизнью и необходимостью влиться в общество, нуждающееся в них, как и они в нем. Они шептались, поглядывая на лежащую фигуру военного, возле которого оставили свечку, на случай если тому что-нибудь понадобится. Тамара с Егором пришли к решению, что они непременно отправятся на поиски поселка военных, но только не раньше, чем повзрослеет Катя.

— А он то, с нами, что ли будет все это время?

— Выздоровеет, сам решит, что ему делать. Нас он не сможет силой утащить в свой поселок.

Сон их все-таки сморил. Из глубокого забытья Егора вытащил испуганный голос жены:

— Егор, он умер.

— Кто умер? В смысле, умер? — Егор, спросонья никак не мог взять в толк, о чем речь.

— Военный умер. Холодный и пятнами уже.

Егор вскочил и подбежал к Терехину. Тут и щупать не надо было, чтобы понять, что военный действительно умер. Обострившиеся черты лица, полупрозрачная кожа с лиловыми пятнами, открытые остекленевшие глаза.

— Давай, вынесем на улицу, пока Катька не испугалась.

Терехина похоронили на обратной стороне горы, в небольшой расщелине. Тело его закрыли камнями, в изголовье установив большой камень с выбитым на нем именем, годами рождения и смерти Виктора Терехина. Стоя у могилы человека, отдавшего жизнь ради того, чтобы собрать людей вместе, Егор вдруг осознал, что у них нет иного пути, как найти тот самый поселок. И каким бы не казалось трудным или ненужным, сделать это надо было не ради себя, а ради будущих потомков.

Чем ближе подходила весна, тем отчетливее Джейн понимала, что строить дом на обратной стороне острова неправильная затея. Она представила, как все лето бороздит на плоту по соседним островам в поисках бревнышка, везет его, а потом долго и упорно превращает в дрова. И это при том, что она найдет поблизости место, где можно будет разжиться бревнами. Несомненно, дом надо было переносить поближе к топливу. Один или два раза сплавать, зато всю зиму не бояться замерзнуть.

Жалко было оставлять насиженное место. Какая-то часть души прочно закрепилась на этой безжизненной скале. Она напоминала об Игоре, о той короткой, но очень яркой и

приятной жизни, которая у них была. Джейн была уверена, что Игорь не колебался бы, и обязательно выбрал вариант, где надо переехать в более удачное место. Девушку страшило большое путешествие по открытой воде, да еще с маленьким ребенком. Но проявить слабость и остаться, означало медленную смерть от замерзания.

Джейн начала готовиться с того, что составила список, в который войдут вещи необходимые на первый случай. Она не знала, какое место найдет для дома, и потому посчитала, что палатка на первое время будет лучше всего. Им нужно было взять еду, и желательно всю, чтобы не возвращаться, если там найдутся строительные материалы. Печку и кое-какую кухонную утварь, к которой она привыкла и не мыслила себя без этой помощи. Самую необходимую одежду и предметы гигиены. Джейн хотела бы взять все и сразу. Она очень ценила комфорт в котором проживала сейчас. Но это было возможно, только если они найдут подходящее место очень близко. В противном случае, она могла не успеть запасти дров и еды на зиму, если бы все короткое лето потратила на перевозку вещей.

Тот день настал, когда, Джейн усадила тепло одетую Анну в спасательном жилете, на гору вещей. Сама уселась на весла и под ноющее чувство в сердце, отправилась искать место для нового дома. Тревожные мысли, копившиеся у нее месяцами, постепенно растворились. Природа не была настроена сурово к ним. Легкий ветерок лишь колебал поверхность воды, создавая рябь или низкую волну. Джейн держалась метрах в трехстах от берега, чтобы на всякий случай, если поднимется ветер, успеть пристать к нему.

Для Анны плавание на плоту было развлечением. Ей с трудом удавалось сидеть на одном месте. Энергия просилась наружу, так что мать переживала, как бы ее дочь не свалилась за борт.

Острова, мимо которых они проплыли в первый день, мало отличались от прочих. На них ничего не росло. Не было видно, чтобы ураган оставил на них что-нибудь подходящее. Они были просто скалами. Джейн обошла пару островов вокруг, и не заметила на них ничего ценного, кроме того, что местами вода, как и у них в заливе сильно воняет и исторгает пузыри сероводорода.

Сумерки застали их вблизи ничем не выдающегося острова. Джейн устроила ночлег. Разожгла костер, приготовила на нем ужин, а потом поставила на это место палатку. До середины ночи, тепла хватало, а потом, Джейн свернулась калачиком, прижав к животу Анну, укрылась несколькими слоями парашютной ткани и снова уснула.

Наутро, остров так и не показал Джейн ничего стоящего. Немного озябнув от утренней свежести, мать с дочерью продолжили путь. Руки у Джейн болели. На ладонях были кровавые мозоли, а суставы ныли и с трудом разгибались. Джейн обернула весла тряпками, чтобы рукам было не так больно, а на суставы пришлось просто не обращать внимания. Анна своими вопросами отвлекала мать. Она по детски была любознательной, более наблюдательной и первой заметила резвящуюся рыбу.

— Это кто? — Спросила она у матери.

Джейн, как правило, смотрела либо на скалы, ища в них нужные для себя признаки, либо разглядывала горизонт. «Под ногами» она ничего не видела. Мать посмотрела на воду, предполагая, что Анна просто от скуки задает вопросы.

— Где?

— Там. — Анна растопыренной пятерней показала в сторону правого борта.

Джейн из вежливости сделала вид, что внимательно рассматривает. В этот момент на поверхности воды блеснуло что-то серебристое, подняв брызги. Глаза Джейн чуть не

вылезли из орбит. Это было похоже на играющую рыбу, но Джейн была умной и понимала, что рыба здесь вряд ли возьмется. До ближайшего моря или океана тысячи километров. Но последующие всплески рыбьих хвостов убедили ее в обратном.

— Рыбы, дочь.

— Лыбы?

— Ага, лыбы.

Джейн вспомнила про российский носимый аварийный запас для космонавтов. В нем была рыболовная снасть. Она соскочила с весел и принялась копаться в вещах, уложенных в кузов. Она нашла этот набор. Раскрыла его и вытащила пенал с надписью «Рыбоснасть». Девушка лишь в общих чертах представляла, как ловят рыбу. Крючки и леска были для нее понятны, но зачем в пенале лежали блестящие металлические бабочки и одна металлическая рыбка? Инструкция немного прояснила это. Джейн поняла, что блестящие штучки используются для привлечения рыбы.

— Сейчас твоя мама будет рыбачить. — Пообещала Джейн дочери.

Она привязала конец лески к блестящей рыбке, которую рыбаки называют блесной, зацепила к блесне подходящий, по ее разумению крючок, смотала метра три лески с катушки и бросила в воду. Когда блесна упала в воду, Джейн принялась интенсивно сматывать леску. Рыба не повелась ее уловку. Джейн размотала леску метров на шесть и забросила ее подальше. И снова начала сматывать. Неожиданно леска дернулась, чуть не вырвав катушку из рук. Джейн потянула за леску и почувствовала силу, с которой рыба тащила ее в обратную сторону. Леска резала руку. Джейн тихо ругалась на двух языках и продолжала сматывать леску. Большое серебристое тело рыбыны забило по поверхности воды. Испуганная Анна переводила взгляд с матери на воду. Джейн превратилась в охотника, для которого нет мира, кроме него и пытающейся сорваться добычи.

Рыба сдавалась. Когда Джейн подтянула ее вплотную к борту, она опустилась на колени и держа катушку в правой руке, левой ухватила рыбу под жабры и резко вытянула из воды. Рыба упала на пол плота и забила телом. Анна не выдержала этого и пустилась в рев. Джейн оглушила рыбу. Достала перочинный нож и вспорола брюхо. Внутренности выбросила за борт, а внутреннюю полость ополоснула водой. Рыбу бросила в кузов и только после этого смогла отреагировать на рев дочери.

— Не бойся малышка, мама просто ловила рыбку. Теперь у нас будет очень вкусная еда. Успокойся, Анна. Хочешь, мама даст тебе вкусняшку?

Анна сквозь слезы, закивала головой, потешно оттянув вперед нижнюю губу. За вкусняшки она готова была стерпеть многое. А Джейн решила, что останавливаться на одной рыбе было бы глупо. Она поймала еще двух рыб, а на третьей у нее порвалась леска, из-за чего были потеряны крючок и блесна. Джейн решила, что это ей намекнули на жадность, и бросила рыбачить. Она причалила к ближайшему берегу и приготовила одну рыбу, которая весила не меньше килограмма, на костре. Мясо рыбы не шло ни в какое сравнение с лягушатинной. Даже Анна оценила приятный и нежный вкус рыбы, каждый раз с готовностью открывая рот навстречу выбранным от костей, белым кусочкам.

Джейн поняла, что природа не настроена жестоко против них. Настроение ее улучшилось, страхи отступили и она, с удвоенным усердием налегла на весла.

Можно было подумать, что плавание превратилось в самоцель. Настолько Джейн почувствовала себя органически в этом мероприятии, что стала чересчур критически

рассматривать острова-претенденты на будущий дом. Это обстоятельство так далеко завело ее от начальной точки плавания, что возвращение назад, за какой-нибудь надобностью стало невозможным. В пути семейный дуэт был уже восьмой день.

За это время они перенесли несколько ливней. К чести Джейн, она предвидела их, и они не причинили никакого вреда ни им с дочкой, ни их имуществу. Был еще один случай, когда два больших течения, одно из которых могло идти через весь Уральский хребет, а другое спускаться с севера на юг вдоль восточной стороны, встретились вместе. Грязное течение с западной стороны, вобравшее в себя весь мусор, застрявший в горах, создало барьеры, заткнувшие местами расстояние между горами. Этот участок, с бурливой и беспокойной водой, Джейн преодолевала целый день. Само по себе место могло иметь много полезного, но жить здесь было опасно. В любой момент барьеры могли прорваться, и смести все на своем пути. У Джейн отлегло от сердца, когда они снова оказались в тихой воде.

На восьмую ночевку плот пристал к скале, на которой росли небольшие кустарники. Для Анны это было полным сюрпризом. Из всей зелени они видела только водоросли и маленький стебелек какого-то кустика, выросший на их острове. А здесь склоны были густо покрыты низкорослыми, колючими кустами. Как биолог, Джейн определила, что эти кусты принадлежат бобовым. Растения цвели, распространяя такой редкостный в новом мире аромат цветов, но некоторые цветки уже образовали стручки, характерные бобовым. Анна притянула к себе стебель и вдохнула цветок.

— Нравится? — Спросила Джейн.

— Дя. — Ответила дочь.

Сумерки наступили быстро. Так что Джейн не успела рассмотреть остров, как следует. Зелень сильно впечатлила ее, и она готова была остаться здесь, если найдет дрова. Поужинав рыбой, мать с дочерью легли спать. Джейн уже нарисовала в голове план заселения острова.

После завтрака, Джейн посадила Анну в сумку-кенгуру, сшитую из строп и прочего материала, и отправилась исследовать остров. Днем она разглядела, что восточная часть острова довольно крута и не имеет никакой ровной площадки, чтобы установить небольшой домик. Они перешли на противоположную сторону. Этот склон был более пологим и уходил в позеленевшую воду. Джейн не понравилось соседство со стоячей водой, и одними кустарниками положение было не исправить. Джейн развернулась и пошла назад.

Она снова загрузила все на плот. Сорвала на память ветку с цветами. Приделала ее на угол кузова. Плот отправился дальше на север. Так как путь назад был сознательно отрезан, Джейн решила искать подходящее место до последнего, даже несмотря на протесты дочери, которой порядком надоело сидение на одном месте изо дня в день. Джейн приходилось придумывать для дочери различные занятия, чтобы она смогла отвлечься и перестать хныкать.

Прошла неделя, после того острова с кустами. Джейн понимала, что расстояние от начала уже составило сотни километров. Острова с растительностью попадались все чаще, но все они были забракованы, и в первую очередь за отсутствие стройматериалов. Зимовать в одной палатке было самоубийственно. Джейн всерьез стала опасаться, что поступила опрометчиво, понадеявшись на удачу. Дорогу назад она уже не смогла бы найти.

Середина пятнадцатого дня вознаградила ее за упорство. Еще с утра на горизонте был виден остров. Джейн направила свой плот к нему. Не спеша, поймав по дороге пару рыб, она работала веслами, не расходуя силы понапрасну. Остров приближался, и когда до него

осталось не более километра, Джейн поняла, что с ним что-то не так. В первую очередь, это его форма. Он не был похож на классическую пирамиду. Пологие склоны прерывались расщелинами. Восточный склон уходил далеко в воду, то пропадая в ней, то поднимаясь над поверхностью.

Джейн забыла об экономии калорий и прибавила ходу. Гора выглядела, как покусанный собакой кусок торта. Длинные клыки оставили в теле горы глубокие расщелины. В них наверняка застряло много интересного. Не сводя с горы глаз Джейн причалила к южному берегу. Интуиция ей уже подсказала, что это окончательный пункт ее путешествия. Приятная небольшая бухточка с пологим берегом позволила ей без проблем сойти на берег. Джейн нашла небольшую щель между камнями. Вбила в нее деревянный клин и привязала к нему плот.

Нос уловил запах зелени, или скорее леса. С того места, где находилась Джейн никакого леса не было видно. Любопытство пыталось заставить Джейн сразу отправиться на обследование острова, но здравый смысл настоял подкрепиться, а уже потом заняться делами. Анна с удовольствием сошла на твердую землю. Пока мать готовила еду на таблетке сухого горючего, она ходила взад-вперед, на отмеренном ей ровном участке скалы.

Наскоро перекусив, Джейн усадила дочь в сумку-кенгуру, взяла с собой мачете, веревку и несколько колышков, и отправилась исследовать остров. В длину он был около километра и имел форму полумесяца, рога которого были повернуты на юг. Отсутствие запаха стоячей воды в бухте, куда пристала Джейн, навело на мысль, что течение проходило вдоль острова.

Пройдя немного к южной оконечности Джейн нашла источник свежего запаха. Им оказалась расщелина, которую Джейн видела издалека. Похоже, ветер сорвал стену с западной стороны расщелины, но она не обрушилась, а упала на противоположную сторону и накрыла, как крышкой расщелину, почти наполовину. Получился такой грот, почти не пострадавший от урагана.

Здесь было сумрачно и пахло влажностью. Но запах этот был приятным и природным. Джейн почувствовала избыток кислорода в этом месте. У нее даже закружилась голова. Она присела на ствол поваленного дерева и рассмотрела это чудесное место. Анну это впечатлило не меньше. Она молчком таращилась из сумки.

На входе, до потолка было метров двадцать. На земле лежали камни, которые образовались при разрушении, некоторые деревья были сломаны и росли в стороны от половины оставшегося ствола. Кустарники и трава покрывали все пространство дна грота. Наверняка сюда задувало грязь и прочий мусор, но природа использовала это, для того, чтобы хорошо разрастись.

Джейн встала и ступила на мягкую подушку густой травы. Под ней чувствовалось немного зыбкое дно, но переплетение зелени удержало ее на поверхности. Джейн направилась внутрь. Неожиданно, с щебетанием, откуда-то вылетела стайка воробьев. Они пролетели над головами Джейн, заставив от неожиданности пригнуться. Это были первые птицы, которых увидела Джейн после приземления.

— Мам? — Анна хотела что-то спросить у матери, но услышала, как непривычно звучит здесь ее голос в закрытом пространстве, и замолчала.

— Все нормально, Анна. Похоже, мы с тобой попали туда, куда и собирались. Мне здесь нравится, а тебе?

— Тозе навица. — Но взгляд дочери был красноречивее. Ее распахнутые глазенки испуганно смотрели по сторонам.

— Ты привыкла к просторам, Анна. Не удивлюсь, если у тебя первое время будет клаустрофобия.

Анна ничего не ответила. Меж тем Джейн подошла к сосне. Упавший сверху камень сломал ей ствол, но не отломил полностью. Дерево выглядело как буква «Л». Оставшаяся часть проводящей системы не дала умереть верхушке. Она была зеленой и выглядела вполне здоровой. Росли здесь и березы. На входе они ничем не отличались от обычных деревьев, но там, куда слабый свет пещеры проникал хуже, листья имели слегка зеленоватый цвет. На стволах разрослись лишайники и мхи. Последние свисали с веток, как бороны.

В глубине пещеры опора стала крепче. Грязь во время урагана не попадала сюда. Джейн достала фонарь, входивший в набор космонавта. Им она еще не пользовалась и надеялась, что в батарейках сохранился заряд. Луч света выхватил из темноты кусок грота. Березы и сосны с бородами ветвями, кустарники и камни, обросшие мхом. Джейн прошла дальше и встретила большую лужу. Рядом с ней на стенах имелись потеки, оставленные водой, и Джейн догадалась, что лужа появилась из-за дождевой и талой воды, проникающей сюда сверху, через завал. Девушка зачерпнула ладонью воду и попробовала на вкус. Вода была пресной. Ее догадка подтвердилась.

Что здесь было думать? Пещера была идеальным местом для строительства своего гнездышка. Можно было начинать перетаскивать сюда свои вещи с плота. Дров, судя по всему, здесь хватит надолго.

Джейн вернулась к выходу. Стайка воробьев чирикала на камнях. Наверняка обсуждали неожиданных гостей. Слышать их голоса было невероятно приятно. Даже Анна, как замороженная смотрела на них. Прежде, чем вернуться к плоту, Джейн решила обойти весь остров.

В самом широком месте остров был не больше трехсот метров. Дуга полумесяца вдавалась в воду полого, но у берега можно было заметить перекапы воды, вызванные подводными камнями. Были на острове и другие расщелины, но они были засыпаны под самый верх и преимущественно камнями, сцементированными грязью. Время на их обследование у Джейн еще будет. В целом, Джейн поняла, что остров дарит ей положительный настрой. Больше никаких сомнений не было. Они с Анной обоснуются здесь.

Зима была на носу, а у Джейн еще не было понятия из чего построить дом. Пока погода позволяла, они с Анной жили в палатке. В пещере это было нормально. Здесь было тихо и тепло. Но скоро должна была начаться зима, а у них, кроме запаса дров ничего не было. Джейн пыталась построить дом из камня. Она присмотрела небольшой плоский выступ, на котором следует возвести жилище. Девушка предполагала, что по весне, в пещере может случиться всякое. Она начала собирать камни и пытаться возвести из них стены. Получалось шатко. Такой дом ее не устраивал. Она разобрала его и попыталась сделать избу из бревен, но быстро поняла, что ей нечем будет топить эту самую избу, да и трудоемко это было, имея из всего инструмента одно мачете.

Оставалось исследовать те самые завалы, созданные ураганом. Джейн проводила половину каждого дня, лазая по горам и разгребая мусор. На пути этой горы ветер был бедноват на дары цивилизованного мира. В основном это была грязь и камни. Потоки жижи в свое время, стекали в воду, но потом засохли, образуя конические спуски. Джейн разбирала их, но ничего стоящего ей не попало до сих пор.

Анна привыкла и к пещере и к воробьям и к многочисленным лягушкам и насекомым, населявшим этот маленький заповедник прежнего мира. Это она первая увидела крысу. Джейн, как обычно, была чем-то занята. Когда она не слышала дочери несколько минут, то тревожилась за нее, потому что всякий раз ее не было слышно, значило, что дочь затевает какую-то пакость. Мать готовила обед на дровах, ароматный дым разносился по всей пещере. Джейн обернулась, чтобы узнать, почему затихла Анна и пока глаза ее привыкали к темноте, увидела такую картину. Здоровая крыса осторожно тянулась к вытянутой ручке дочери. Анна забавляло это животное. Она смотрела на нее с благожелательностью и интересом. Крыса дергала усами и продолжала тянуться к розовым пальчикам Анны.

Джейн испугалась. Она вскочила и крикнула, напугав и крысу и Анну. Дочь посмотрела на мать и разревелась. С тех пор, Анна всегда играла рядом с тем местом где работала Джейн.

В тот раз, когда Джейн безуспешно ковыряла слипшуюся кучу, Анна ходила рядом. Она мешала матери бесконечными вопросами.

— А это что? — Переспрашивала она увидев очередной камень, немного иной формы, чем предыдущий.

Потом она затихла. Некоторое время Джейн была благодарна, но потом решила проверить, что еще удумала ее беспокойная дочь. Анна стояла по колено в воде, и что-то тянула на себя оттуда. Джейн бросилась к ней и достала из воды. Анна разревелась.

— Там! — С обидой говорила она, показывая в воду рукой, и рвалась с рук. — Там!

— Что там? Там грязь!

— Нет! Там! — Слово «там» стоило понимать как: «отпусти, туда мне надо!».

Джейн, что показать дочери, что в воде ничего нет, поводила рукой в воде..., и ударилась обо что-то. Она осторожно нащупала этот предмет. Сразу было непонятно, что это, но оно было железным. По пальцам царапнул рваный край. Джейн ухватила обеими руками и потянула на себя. Предмет слегка подался. Над водой показалась его часть. Это был автомобиль, и по всей видимости не маленький. А потом он замер. Сколько не пыталась сдвинуть его Джейн, ничего не получалось.

Джейн вернулась домой, надела непромокаемый костюм из спасательного набора и вернулась к этому месту. Анна с берега смотрела на мать уходящую в воду все глубже со страхом.

— Все хорошо, дочка. Мама плавает.

А сама, в это время, ощупывала кузов автомобиля, чтобы определить его размеры и состояние. Судя по предварительным ощущениям, это был цельнометаллический фургон. Он был помят, но у Джейн возникла идея, что можно сделать из этой находки. Джейн снова вернулась назад. Она положила на плот пару средних бревнышек и моток веревки.

Джейн подплыла к машине. От плота она отвязала несколько связок пустых бутылок и привязала их к автомобилю, натянув веревку так, чтобы бутылки ушли под воду. После третьей связки машина пошла вверх. Джейн привязала один конец веревки к бревну, а другой к передней стойке лобового стекла. Второе бревно воткнула в щель между камнями, заблокировав его камнями. Бревно с веревкой уперлось в него, и Джейн потянула его, как рычаг. Машина сразу поддалась и стала выходить наружу. Анна удивленно смотрела на нее и периодически хлопала в ладоши.

Коричневый микроавтобус показался над водой. Его кузов сильно пострадал. Джейн укорачивала веревку и снова тянула машину. Та, скрежеща по камням, выбиралась на сушу.

Через час она полностью лежала на ней. Мягкий микроавтобус, с распашными задними дверями. Скелетов в кабине не было, и это уже было хорошо, иначе Джейн чувствовала себя, как эксгуматор, или разорительница могил.

— Тё это? — Раздался за спиной голос Анны.

— Это наш дом. — Ответила ей Джейн.

Все, что можно, Джейн сняла с машины. Кузов разрубила топором на три части и перевезла их на плоту к пещере. Там она отбила мягкое железо до прежней формы и соединила эти части снова вместе. По внутреннему пространству получился совсем небольшой домик, примерно три на два метра. Конечно, как домик он еще не годился, из-за того, что был весь в дырках. Хорошо, что двери не сорвало с петель. Они снова закрывались.

Вид у домика получился боевой. Анна критично смотрела на него, но у ее матери уже готов был план, что делать с ним дальше. Из кусков листового железа, что привезла с собой Джейн, она собрала опалубку. Грязь под травой у самого входа в пещеру была густой, и могла сгодиться, как основа для стройматериала, название которому Джейн еще не придумала. Она собирала все, что может создать определенную структуру. На это годилась хвоя под деревьями, обрывки и ошметки тканей, обнаруженные на завалах, пластик и прочие материалы.

Джейн сделала первый замес и выложила его между опалубкой и стеной фургона, накрытой парашютной тканью. Толщина стены получилась сантиметров двадцать. Джейн посчитала, что этой толщины хватит, чтобы отделить их от тяжелых условий внешнего мира. Но девушка так же поняла, что работы здесь надолго.

В перерывах, они с Анной выплывали на открытую воду, чтобы порыбачить. Приходилось вылавливать рыбы побольше, чтобы больше времени уделять обустройству дома. Рыбу Джейн научилась запекать в куске грязи, варить уху, и просто жарить на костре. Практичнее всего была уха, которую можно было растянуть на несколько дней. Но вкуснее всего получалась запеченная рыба. Джейн не боялась использовать растущую в пещере траву, в качестве приправ.

Меньше, чем за месяц, фургон полностью скрылся под толстым слоем подсыхающей грязи. Джейн установила внутри печку и топила ее, чтобы ускорить затвердевание. Она боялась, что ее раствор при подсыхании начнет трескаться, но этого не произошло. Раствор лежал монолитом. И если вытащить из него фургон, то он должен был остаться в целости, сохранив форму.

Одну створку распашной двери Джейн заложила раствором, а вторую обшила тканью, привезенной ею из прошлого дома, набив под нее различную набивку. Зима должна была проверить, насколько серьезными были потуги Джейн. Изнутри вход завесили ковром, обрезанным под проем задней стенки. Неровный металлический пол засыпали сосновой корой, просушенной хвоей, сухими листьями, тряпками, всем, что могло отделить ноги людей от холодного металла. Получился слой, сантиметров в пять. На него бросили ковер. Джейн уже была влюблена в эту старую русскую традицию иметь у себя дома ковер.

Двойное пассажирское сиденье Джейн приспособила, как кровать для Анны. Она прикрутила спинку к стене, чтобы дочери не было от нее холодно. Само сиденье поставила на шкафчик-тумбу, которую привезла с собой в разобранном виде. Получилось очень практично. Анна будет спать достаточно высоко, чтобы на нее не дули сквозняки, гуляющие по полу, а тумбочка будет экономить им пространство, которого в фургоне было совсем

немного.

Для себя Джейн взяла водительское кресло. Оно раскладывалось и днем занимало совсем мало места. Был у него недостаток, оно не раскладывалось полностью. К утру спина ныла, если заснуть в неудобном положении. На обратной стороне от входа, стояли печка и душ. Слива не было. Вместо него был большой таз. Рядом с печкой стоял стол, а над ним висел шкафчик с посудой. В принципе, для комфортной жизни было все, что нужно.

Проблема со светом пока решалась открытой дверью. Зимой им могла стать печка, или же лучины. Джейн хотелось найти какой-нибудь прозрачный материал, типа оргстекла, чтобы сделать небольшое оконце. Но пока он нигде не встречался.

До наступления холодов домик был сдан в эксплуатацию. Джейн позволила себе немного коктейля из водки и отвара травы, похожей на мелиссу. Этот вечер, в тепле и уюте, перед печкой Анна провела за рассказами матери о ее прошлом. Все закончилось слезами и рассказами об отце Анны.

— Когда-нибудь мы с тобой вернемся на наш остров, где похоронен твой отец. Ты должна знать, где его могила. Когда меня не станет, кто-то должен его навещать. — Джейн снова разревелась от избытка чувств.

Морозы, начавшиеся незадолго перед днем рождения Анны, показали, что дом способен держать тепло. В самом гроте было почти всегда тихо. Ветра кружили у самого входа, не доставая до дома. Граница снега заканчивалась перед самым домом. А сам вход в пещеру был завален большим сугробом.

Джейн выходила на улицу только чтобы порыбачить. Она научилась прорубать во льду лунки и ловить рыбу. Рыбалка была не ахти. В неделю удавалось поймать пару рыбин, но у нее был неприкосновенный запас мороженой рыбы на всякий случай. Кроме рыбы были еще и лягушки и высушенные водоросли.

Анна росла на глазах. Совсем недавно она еле ходила, а сейчас Джейн сидела около лунки и видела, как со стороны острова показалась маленькая оранжевая точка. Это была ее дочь, которая самостоятельно оделась в перешитый отцовский шерстяной костюм и шла к матери. Одной дома ей было скучно, и Джейн понимала дочь, и не ругала ее за такую самостоятельность. Анна подошла и метров за десять остановилась, чтобы оценить настроение матери. Ее проказные глаза хитро смотрели из-под замотанного кое-как на голове платка. Джейн знала, что дочь держит дистанцию, чтобы дать задний ход, если мать начнет ругаться и захочет надавать ей по заднице.

— Ладно, не бойся, подходи, не буду я ругаться. Дверь хорошо закрыла? — Спросила Джейн миролюбиво.

— Дя.

— Ну, раз, дя, садись рядом, буду учить тебя ловить рыбу.

Анна села и застучала ногами по пластиковому ящику, наблюдая, как мать крутит леску вокруг катушки.

— Мам, а рыбки голодные? — спросила Анна.

— Не думаю. У них вся еда в воде находится.

— Ммм, понятно. А я хотела накормить их, чтобы они сюда приплывали.

— Эй, откуда такие умные мысли, в такой юной голове, а? — Джейн подумала, что если кормить рыбу в водном месте, то она станет сюда приплывать. Удивительно, что до этого

вперед догадалась ее дочь. — Хотя и так ясно, гены.

На следующую рыбалку, Джейн нашинковала лягушек, немного рыбы и устроила небольшой пир. Вначале, подкормка целый час плавала без всякого намека, что ее кто-то заметил. Потом появилась одна рыба, которая осторожно хватала кусочки и надолго исчезала в воде. Потом появились еще, а потом вода закипела от желающих поесть на халяву. Джейн бросила блесну в воду, подождала пару секунд и принялась сматывать леску. Та сразу натянулась и катушка чуть не вылетела у нее из рук. По ощущениям, рыба вцепилась в крючок немаленькая. В лунке показалась губастая физиономия рыбы. Джейн без рывков вытянула ее и бросила на снег. Рыба, весом, по виду, не меньше трех килограмм, билась на снегу. Джейн снова забросила леску. Ей не пришлось ждать ни секунды. Крючок тут же схватила рыба и потянула леску за собой.

Рыбалка удалась. Джейн остановилась, когда у нее лежало в один ряд шесть крупных рыб. Суммарно, они весили под двадцать килограмм. Им с Анной этого должно хватить на целый месяц. Теперь можно было немного полениться, и заняться дровами. Как показала жизнь, хорошая рыбалка была не зря. Вскоре на улице так замело, что недели две нельзя было выйти из пещеры. Снег намело у входа высотой метров пять. Джейн не представляла себе, как она осилит пробить в нем проход.

Для Анны любая погода была в радость. Ей нравилось, что на улице метет, а потом она стала использовать большой сугроб на входе, тянувшийся почти до их домика, как горку. Она сама забиралась на нее и скатывалась вниз на резиновом коврик, который мать вытащила из их фургона. Джейн привязала к коврику веревочку, чтобы Анне было удобнее управляться с ним. Анна не знала усталости. Когда она приходила домой, снег у нее был повсюду. Он забивался ей под одежду, в штаны, повисал сосульками на волосах. Но девочка не чувствовала холода. Она была разгоряченной и довольной.

Накануне рождества, Джейн, тайком от дочери сшила красный носок. Ночью она положила в него последнюю баночку консервированных ананасов и повесила над кроватью Анны. Когда дочь проснулась, ее удивлению и радости не было предела. Джейн рассказала ей о Санта Клаусе. Анна, как и все дети ее возраста, тут же кинулась искать на снегу следы его присутствия. Днем, Джейн и Анна украсили сломанную сосну ледяными фигурками. Мать напела дочери несколько рождественских песен. Этот день у них прошел очень хорошо. В душе маленькой девочки он оставил отпечаток, вспоминая о котором душа наполняется теплой волной пережитых когда-то очень приятных и светлых моментов.

В гроте, похожем на оазис прошлого мира, Джейн и Анна прожили три года. Прожить там можно было и больше. Запасы еды и материалов позволяли прокормить и просодержать двух женщин всю их жизнь. Но один разговор с дочерью навел Джейн на мысль, что сделать так будет крайне неверно. Вместе им хорошо, но когда Джейн умрет, Анна останется одна. О такой судьбе дочери она и не мечтала. И мысленно консультируясь с Игорем, она понимала, что тот был бы против того, чтобы его дочь жила одна.

Джейн, время от времени, рассказывала про отца Анне. Она хотела, чтобы дочь знала о нем.

— Мам, а у меня будет муж? — В лоб спросила дочь.

Несмотря на очевидность вопроса, Джейн не знала, что ответить. Она гнала от себя мысли о будущем, а тут ее прямо спросили. Джейн не могла взять и сказать «нет». Это значило убить какие-то чувства и надежды в ребенке. Сказать «да», значило, что им рано или поздно придется покинуть это райское место и отправится на поиски людей. Это было

настолько рискованным, что с большой вероятностью могло окончиться смертью.

— Знаешь, Анна, раньше людей было много, и найти себе пару было гораздо проще. Когда мир разрушил ураган, людей осталось мало. Я очень хочу, чтобы у тебя тоже был муж, и такие славные детишки, похожие на тебя. Когда ты подрастешь, мы с тобой отправимся далеко-далеко, и там, обязательно встретим хорошего человека, который станет твоим мужем.

— Хорошо. — Согласилась дочь.

Джейн выкрутилась, но в душе у нее остались сильные терзания, итогом которых стала подготовка к очередному плаванию. Джейн решила, что один месяц за лето, они могут выделить на то, чтобы сплавать на север. Она помнила, что российские матросы собирались основать базу, где-то на севере. Может быть, они найдут их, или тех, кто так же, как и они, ищет людей.

Обещания, данные самому себе, Егор не спешил исполнять. Круговорот дел не давал ему времени на подготовку к большому путешествию. Да и опасался он его. Одно дело сплавать на плоту на двести километров от дома и другое дело, отправиться за тысячи километров с неизвестным результатом. Егор понимал, что рано или поздно, им все равно придется уезжать, но он старался получить какой-нибудь знак, который явно указал бы ему, что пора.

И такой знак ему дали. Спустя год, после похорон военного Терехина, Катюшка подцепила какую-то заразу. Вначале, она просто жаловалась на слабость и сонливость. Но Егор с Тамарой посчитали, что дело здесь в гормональном перестроении организма дочери. Девочка превращалась в девушку. Но слабость не проходила, появился кашель.

Кате скормили все антибиотики, что были в запасе семьи. Егор с Матвеем сгоняли к Верблюду и привезли оттуда кучу всяких трав, из которых делали отвары. Все было напрасно. Катя таяла на глазах. Однажды, Тамара застала Катю читающей журнал, найденный отцом в одной из своих вылазок. То ли тень легла так на лицо девочке, то ли все так и было на самом деле, но только Тамара разглядела, как заострилось лицо дочери, как побледнела ее кожа, как трясутся пальчики, перелистывающие страницу. Тамара впервые представила, что ее дочери скоро может не стать.

Она закрыла рот ладонью, чтобы из нее не вырвался плач, и бросилась к мужу.

— Егор, я больше не могу, Катю надо везти к тому поселению. Нам всем надо уезжать, иначе Катя... — Она собрала волю в кулак, — умрет.

Егор обнял жену. Он тоже созрел до этого решения. В нем еще жила надежда, что какое-то чудо поможет им вылечить дочь, но сейчас он явственно понял, что ждать больше не имеет смысла.

На дворе была середина лета. Если быстро собраться, то можно по воде проделать весь путь до наступления зимы. В течение трех дней, Егор и Матвей готовили плот к отправке. Нужно было предусмотреть все поломки, которые могли случиться в пути. Взять все необходимое, если зима застанет их в дороге.

Егор понял, что плота не хватит, чтобы вместить всю семью и все вещи, которые были им нужны. Пришлось срочно придумать прицеп. Для этого понадобилось разобрать стены «квартиры», чтобы соорудить из них площадку. Под ее дно были спрятаны все пластиковые бутылки, которые обеспечили необходимую выталкивающую силу. На плот сгрузили запчасти, запасы провизии, дров, лыжи и все, что не требовалось непосредственно в самом походе.

На плот водрузили палатку. Дожди до сих пор были регулярным явлением. Егор придумал небольшую печь для разогрева еды или приготовления выловленной рыбы. Пришлось еще создать некое подобие туалета. До этого мужчинам не составляло особых проблем сходить за борт. С женщинами ситуация была иная. Им требовался минимальный комфорт.

Сердце дрогнуло у всех, когда плот отчалил от берега. Тяжело было покидать привычное и удобное во всех смыслах место. Если бы не болезнь дочери, переселение можно было бы откладывать бесконечно. Может быть за семьей Горбуновых и приехал бы тогда корабль с алыми парусами, чтобы увезти их с удобствами и без вероятности того, что это

путешествие может закончиться на полпути. Но судьба решила за них.

Колесо забило лопатками по воде, преодолевая возросшую массу плота вкупе с тяжелым прицепом. Плот медленно набирал скорость. Тамара, молча, роняла слезы, глядя на удаляющуюся гору, спасшую их и приютившую на несколько лет. У Егора на душе скребли кошки. Матвей тоже готов был разреветься. Чтобы этого не случилось, он принялся проверять крепление груза на плоту. Катя понимала, что это путешествие затеялось из-за ее болезни. Она злилась на себя за то, что никак не может выздороветь и причиняет всем столько беспокойства и неудобств.

— Мам, пап, я обещаю, что когда мы найдем тот поселок и вылечим меня, я больше никогда не буду болеть.

Егор молился на погоду. Каждая задержка могла привести к тому, что зима застанет их в пути. А это значило, что они не смогут какое-то время передвигаться совсем, пока не станет лед. Каждый день задержки уменьшал возможность довезти дочь живой. Егор менялся с Матвеем управлением регулярно, чтобы плот всегда находился в движении.

Если к исходу дня на горизонте появлялась гора, на ночевку приставали к ней. Если горизонт был чист, ночевали посреди воды, дежуря сменами с сыном. Тамара пару раз пыталась сесть за педали, но ее не привычные к таким нагрузкам ноги уставали после нескольких минут.

Горы Среднего Урала были самыми низкими из всей цепочки Уральских гор. В самом начале пути ночевать приходилось гораздо чаще посреди воды. В незнакомых местах уху приходилось держать остро. Мощные течения, местами превращающиеся в жуткие водовороты, грозили затянуть плот с путешественниками в свою воронку. Кое-где течения отсутствовали напрочь, и в таких местах мир начинал превращаться в тухлое болото, грозящее отравить людей своими миазмами.

Егор зарисовывал и записывал на листок все интересное, встречающееся на их пути. Однажды, далеко впереди, по самой линии горизонта прошелся смерч. Несмотря на расстояние, он произвел на женщин неизгладимое впечатление своими размерами. Буквально через несколько минут волна, вызванная смерчем, достигла плота, скинув за борт некоторые припасы, и чуть не перевернув плот. Егору с сыном пришлось вылавливать из воды, все, что держалось на ее поверхности, а с чем-то пришлось попрощаться навсегда.

— Не догадались мы с тобой, поплавки ко всему привязать из пустых бутылок, сейчас бы подняли бы со дна. — Посокрушался Егор на собственную недогадливость.

На том месте, где прошелся смерч, поднятая со дна грязь смешалась с верхним слоем. На поверхности воды снова плавали напоминания о человеческой цивилизации. Разнообразный мусор медленно качался на волнах и тихо уходил на дно. Кроме мусора попалась и всплывшая брюхом вверх рыба. Егор с Матвеем выловили несколько штук и поставили варить уху.

Путешествие немного приободрило Катю. Она, как и все дети старалась впитать в себя новизну ощущений и проникнуться романтикой больших путешествий. На свежем воздухе и под постоянным солнцем, хоть и скрытым облаками, ее лицо немного порозовело, и глаза налились внутренним светом. Тамара, каждый раз перед сном благодарила бога, за то, что он дал сил дочери и подарил им надежду на нормальное окончание путешествия.

Через месяц путешествия, когда уже чувствовалось, что плот находится в северных широтах, и когда колени у Егора и Матвея опухли и стали в два раза больше обычного,

случилось одно событие. Егор проверял оснастку груза на прицепе. Матвей полуприкрыв глаза монотонно вращал педали, Тамара готовила обед, и только Катюха, отстраненная от любого труда лупилась по сторонам.

— Эй, смотрите! Смотрите, там дым! — Крикнула девочка, указывая рукой в сторону небольшой горы, еле выступавшей над водой.

От горы на самом деле поднималась струйка дыма. Впечатленные этим событием, и особенно тем, что это могут оказаться именно те люди, к которым они так стремятся, Горбуновы повернули в сторону горы. До нее было около пяти километров. Через час, когда дыма уже не было видно, они причалили к скалистому берегу. Матвей соскочил с плота первым и собрался пуститься на разведку, но отец его задержал.

— погоди, Матвей. Мы не знаем, что за люди это могут быть. Я сам пойду, а вы отплывите метров на пятьдесят от берега. Если все нормально, я помашу вам с горы, а если нет, плывите отсюда поскорее. — Егор сжал в руках пистолет Макарова.

— Егор, а может, не надо? — Попросила Тамара, напуганная перспективами остаться без мужа.

— Надо, Тома, надо. Не чураться же нам людей всю жизнь.

Матвей неохотно отогнал плот от берега. Он видел, как отец, прикрываясь камнями, обошел гору.

Егор обошел гору слева. Ему показался этот склон более неровным и лучше маскирующим. До носа донесся запах костра. Егор затаился, пытаясь услышать человеческую речь. Странно, но было совсем тихо. Звуки издавала только природа. Посвистывание ветра в камнях, лягушачье кваканье под горой, да шуршание стеблей кустарника под ухом. Егор осторожно выглянул из-за камня. Неподалеку от него, на ровной площадке, еле дымилось догоравшее кострище. Рядом с ним никого не было.

Егор вышел на площадку. Рядом с костром имелись следы пиршества: рыбы головы и скелеты с хвостами. Судя по их количеству, еды должно было хватить человек на пять минимум. Куда же они подевались. Егор вгляделся в горизонт. Он был чист.

Мужчина спустился к воде и обнаружил следы того, что кто-то совсем недавно причаливал к берегу в этом месте. В расщелине, среди камней, остались следы от забитого деревянного колышка, за который привязывали лодку. Рядом с этим местом на камнях лежали выпотрошенные рыбы кишки и чешуя. Подсохшие потроха были облеплены мошкаррой. Судя по тому, что потроха уже подсохли, пролежали они здесь несколько часов.

Находка впечатлила Егора не меньше, чем тот случай с капитаном Терехиным, постучавшимся в их плот. Что, если это его товарищи, участвующие в поиске выживших? Егор вернулся к кострищу. Надо было оставить о себе напоминание. С собой ничего подходящего не было. Егор огляделся и увидел рядом россыпь мелких камней. Рядом с кострищем он выложил цифру «4», выложил идущую от нее стрелку, упирающуюся в латинскую букву «N». По его мнению, любому человеку должно быть понятно его послание, обозначающее, что четыре человека были здесь и теперь направляются на север.

Егор перешел на обратную сторону горы, другим маршрутом. Но там он не встретил никакого присутствия людей. Их плот, как и положено, лежал в дрейфе, на расстоянии пятидесяти метров от горы. Егор помахал руками. Сын заметил его и подогнал плот к берегу.

— Немного не успели. — Сказал Егор с сожалением. — По ходу, они останавливались здесь, чтобы перекусить. Они точно не живут на этой горе. Никаких следов, кроме костра нет.

— Может, это товарищи того военного, которого мы похоронили? — Предположила Тамара очевидную мысль.

— Я тоже так подумал. Оставил сообщение, что мы были здесь и отправляемся на север. Маловероятно, конечно, что они еще раз пристанут к этой горе.

— Ну и ладно, Егор, зато мне так спокойнее, что люди есть где-то рядом.

— Признаться, я рассчитывал получить у них медицинскую помощь для Катюхи.

— Будем считать, что это был знак, для того, чтобы мы не теряли веры и продолжали движение.

— Ну, тогда в путь! Не будем терять времени.

Плот снова отправился наматывать километры пути.

Была уже вторая половина августа. По утрам становилось настолько промозгло и туманно, что не хотелось выбираться из палатки. Судя по горам, высоким и частым это был Северный Урал. Из-за этого трудно было понять, где между гор существует пролив, а где нет. Пару раз Горбуновы попадали в ловушки. Они заплывали, как им думалось между двумя вершинами, но это оказывалось долиной с единственным выходом, в обратном направлении. Они догадывались об этом, только когда замечали появляющиеся на поверхности водоросли. Более наблюдательный Матвей указал на особенность течения воды, там, где были тупиковые долины. Неподвижная вода в этих долинах, встречаясь с течением, образовывала небольшие буруны. На границе этих бурунов была заметна разница в оттенках воды. Стоячая вода была темнее.

Егор уже понял, что сын намного наблюдательнее его и по умолчанию считал Матвея штурманом на «судне». Лавируя между высоких и отвесных скал, Егор подметил, что природа здесь сохранилась намного лучше, чем в тех местах, откуда они прибыли. Попадались здесь поляны с подветренной стороны, на которых росли мощные сосны, почти не тронутые катастрофой. Ночевать в таких местах было сущим удовольствием. Пряный воздух растительности погружал в ностальгическую атмосферу прошлой счастливой жизни. На время можно было вообразить, что ничего не изменилось в мире. Если бы не нездоровье Кати, то на такой поляне можно было бы поселиться. В округе было достаточно дров и пропитания, без нужды устраивать многодневные заплывы.

По календарю, который вел Егор, на дворе было первое сентября. В это утро он почувствовал, как пахнуло холодом. Он первым выбрался из палатки, чтобы начать готовить завтрак, и поскользнулся. Мокрые камни оледенели, превратившись в скользкий каток. Егор чуть не упал на палатку, чем мог бы перепугать спавшую семью. Пришлось все делать на четвереньках, потому что стоять на ногах было совсем невозможно. Собранные с вечера по округе дрова намокли и покрылись коркой льда. Егору пришлось карабкаться к плоту, чтобы набрать пропитанных жиром брусочков для розжига, оставленных для вот таких экстремальных случаев.

Дрова, щелкая и шипя испаряющейся влагой, все-таки разгорелись. По округе разнесся пряный дым горящей хвои. Вдруг из палатки раздался кашель Катюшки. Она и раньше подкашливала, но теперь ее прихватил очень сильный кашель. Егор вздохнул. Не хватало еще застудить дочь с ее ослабшим иммунитетом.

— Кать! Ой, что это? — По обеспокоенному голосу жены Егор сразу понял, что с Катей что-то случилось.

Он залез наполовину в палатку.

— Что случилось-то? — Тревожно спросил отец.

Тамара уже ревела, дочь испуганно смотрела на отца. Тамара протянула ладонь, на которой была кровь.

— Катюшка кровью начала кашлять. — Сквозь слезы произнесла жена.

Егор почувствовал, как внутри все его чувства всколыхнулись, провернулись, оставив на поверхности страх, боль и леденящее чувство ожидания неизбежного. Он взял за ручку Катю и посмотрел ей в глаза. Ему хотелось увидеть в них силу и решительность, но глаза дочери излучали испуг и надежду на родительскую помощь. Отец прижал дочь к себе, поцеловал ее в макушку, и чтобы никто не видел его слез, отпустил и обронил на выходе:

— Минут через пятнадцать готово будет.

Отчасти реакция родителей могла подстегнуть уверенность ребенка в том, что она сильно больна. Катюшка начала чахнуть на глазах. У нее почти не осталось сил ходить. Отец относил ее с плота на берег, кормил из ложечки, укутывал тряпками, чтобы дочка не мерзла. Катюшка наедалась парой ложек бульона, потом ее начинало тошнить, а если кормить еще, могло и вырвать. Тамара выламывала себе руки, не зная, чем помочь страданиям дочери.

— Егор, ну когда мы, наконец, доплывем до этого поселка? — Тамара задавала этот вопрос раз по десять за час.

В довершение всех неприятностей, пару раз начиналась сильная метель, предвестник скорой зимы. Широты были уже полярные, и начала зимы можно было ждать в любой момент. Низкое солнце, почти не пробивавшееся сквозь плотную завесу из туч, создавало иллюзию постоянных сумерек. На душе у всех было так тоскливо и холодно, что через призму этого настроения мир вокруг казался еще мрачнее и холоднее. Драматизма мыслям добавляло, то, что Егор не знал точно, куда им двигаться после того, как они достигнут оконечности Уральских гор.

Егор специально крутил педали большую часть дня. Он каждую минуту ждал и боялся, что из палатки раздастся крик жены, увидевшей, как их дочь отдала богу душу. Из-за своих тоскливых мыслей он чуть не проглядел развевающуюся на ветру красную тряпку, оставленную на вершине небольшой горы. Егор пригляделся внимательнее, пытаясь убедить себя, что это не обман зрения.

— Матвей, глянь, у тебя глаза зорче, это что, тряпка там развевается что ли?

Матвей посмотрел в направлении, куда указывал отец. На небольшом флагштоке развевалась, как флаг, красная тряпка.

— Да, похоже на тряпку. Подплывем?

Плот причалил к берегу. Егор оставил Матвея с женщинами, а сам быстрым шагом поднялся на гору. За время путешествия, его ноги превратились в сплетение стальных канатов, и подъем совсем не утомил. На самой вершине, видимый со всех сторон, развевался кусок красной тряпки. Под ним лежала записка, завернутая в пластик и придавленная камнем. Егор быстро развернул ее. Текст гласил:

«Вниманию, всех, кто обнаружит наш ориентир. В двадцати метрах от вершины, на восточном склоне горы есть небольшая пещера, в которой стоит передатчик. Спуститесь в нее, дайте нам сигнал и ждите, когда вас подберут»

Егор огляделся, сориентировался по сторонам света и спустился, как ему показалось, в правильном направлении. Он сразу нашел вход в пещеру. В небольшом углублении горы, накрытый пленкой стоял прибор, по виду, кустарного производства. Деревянный ящичек с

«крутилкой» торчащей из торца. На ящике лежала такая же упакованная в пластик инструкция по использованию аппарата. Егор пробежал по ней глазами. Затем вышел с аппаратом на улицу и снова взобрался на вершину. Он принялся яростно крутить ручку, как будто от этого зависела сила передаваемого сигнала. На панели загорелась красная лампочка. Это значило, что аппарат набрал необходимый заряд.

Егор вытянул антенну на максимальную длину и нажал кнопку передачи сигнала. Через десять секунд лампочка погасла. Егор повторил операцию. Потом еще раз. Он снова спустился в пещеру, вспомнив, что видел там еще что-то. Это что-то оказался небольшой запас консервированной еды, несколько спичек, небольшой запас дров и некоторые медикаменты. Егору попалась на глаза пачка с надписью «Адаптовит». Это был витаминный напиток для быстрого восстановления сил у военнослужащих. Егор схватил его и все лекарства, что были любезно перетянуты одной резинкой, и бегом отправился к плоту.

Его ждали. Тамара смотрела во все глаза.

— Что там? Что ты так долго, Егор? — Сразу спросила она.

— Там передатчик в горе, в пещере. Я послал сигнал о помощи. За нами должны выехать. Правда. Там не написано, сколько это займет времени. А это было там. — Егор, выложил перед ними упаковки лекарств и пакет с напитком. — Дайте мне воду.

Он высыпал в кружку напиток и залил его водой. Напиток приобрел желтый цвет и приятный апельсиновый запах.

— Это придаст ей сил, хоть на время.

Егор залез в палатку. Катя безучастно смотрела на отца. У нее не было сил даже удивляться.

— Катюш, дочка, я тебе сок раздобыл. — Егор подполз к ней и свободной рукой приподнял голову.

Катя закашлялась. Егор подождал, когда кашель пройдет.

— Сделай несколько глотков и тебе станет легче.

Катя сделала несколько глотков и тяжело вернулась на скрученную под голову тряпку, служащую подушкой.

— Вкусно. — Сказала она. — Я потом еще попью.

— Хорошо, кружка будет стоять здесь. Как захочешь, зови, я или мама тебя напоим.

Катя молча кивнула в знак согласия.

Пока Егор поил дочь, Тамара пересмотрела все лекарства, которые принес Егор.

— Я даже не знаю, стоит ли ей давать хоть что-нибудь из этого? Она ослабла, а мы даже не знаем, что у нее? Вдруг ей только хуже будет?

— Если бы я знал, Тamar, я бы уже действовал. Нам бы продержать ее до прихода помощи. Они же военные, у них и оборудование на лодке какое-нибудь имеется, и врачи. — Успокоил жену Егор.

— А сколько нам ждать?

— Не знаю, там не написано было. Давайте, переберемся в пещеру. Там и ветра нет.

Тамара согласилась. Через час семья и все необходимые вещи уже были в пещере. Матвей завесил пленкой вход. С плота принесли печурку и имеющимся запасом дров затопили ее. В пещере стало тепло и уютно, почти, как в прежние времена. Катя почувствовала тепло и смогла самостоятельно сесть. Родители, напуганные ее движениями, застыли перед ней, готовые сразу придти на помощь.

— Сок еще остался? — Спросила дочь.

— Да, да, держи. — Отец протянул Кате кружку.

Дочь сделала несколько глотков.

— Ухх, голова кружится. А поесть у вас осталось что-нибудь?

У родителей аж слезы брызнули из глаз. Катюшка первый раз за последнюю неделю сама попросила еды. Егор открыл банку тушенки, оставленной военными, выложил в плошку одну ложку и немного разбавил ее кипятком. Катя давно не питалась нормально и чересчур жирная еда могла ей навредить. Дрожащими от слабости руками дочь несколько раз подносила ко рту ложку с едой. Она в полной тишине пережевывала еду. Родители напряженно смотрели за дочерью, повторяя мимикой все ее движения. Несколько ложек хватило ей, чтобы наестся. Катя откинулась на импровизированную подушку и уснула. Тамара наклонилась и поцеловала дочь, заодно проверив температуру. Лоб у нее был холодный.

— Дай бог, чтобы военные приехали быстрее. — Произнесла Тамара.

— Я сейчас поднимусь на вершину и снова подам сигнал.

Егор взял с собой немного еды, передатчик и вышел из пещеры. Он раз десять повторил процедуру передачи сигнала, полагая, что его настойчивость как-то поможет помощи выдвинуться быстрее.

Прошло пять дней. Кате снова стало хуже. Стоило Тамаре выйти из пещеры, как она сразу принималась плакать. При дочери она держалась, а без нее уже не справлялась со своими чувствами. Матвей с Егором, чтобы не находиться все время в этой гнетущей атмосфере пытались занять себя делами. Один из них все время сидел на вершине, готовый в любой момент разжечь костер из пропитанных жиром чурбачков. Такие дрова не боялись влаги, охотно разгорались и здорово чадили на первых порах.

Второй в это время объезжал округу в поисках чего-нибудь полезного, а по большому счету, чтобы немного развеяться.

— Егор, сколько мы еще можем позволить себе ждать? — Тамара спросила мужа, понимая, что промедление будет стоить жизни дочери.

— Еще два дня. Я же не знаю, где их поселок, на чем они отправились спасать нас?

— Или вообще, существуют ли они, эти спасатели? — Обреченно произнесла жена.

— Да брось ты, кто бы стал столько трудов вкладывать в эти передатчики? Они обязательно приедут.

— Скорей бы, скорей. — Тамара взяла за руку дочь.

Катя не шелохнулась. Тамару окатила волна страха, отразившаяся на ее лице. Егор подскочил к дочери и прислонился губами ко лбу.

— Теплый. Хватит, уже причитать, иди, на горе посиди, а я тут зам, за Катькой присмотрю.

Егор сказал это так сурово, что Тамара подчинилась.

Матвей всматривался в горизонт затянутый дымкой. Мать подошла к нему.

— Не замерз, тут на ветру?

— Да нет, привык уже. Ничего не чувствую. А ты чего пришла?

— Отец отправил развеяться.

— А, понятно. Ну, смотри тогда, по сторонам.

Минут через пятнадцать Тамара продрогла так, что зубы часто стукались друг о друга. Она смотрела на сына, на которого холод не производил никакого эффекта. Матвей молча

всматривался в горизонт, периодически проверяя на месте ли лежат спички. Тамаре невольно вспомнились события такой давности, что казались уже не ее воспоминаниями. Она вспомнила, каким был ее сын хрупким подростком, как он боялся хулиганов во дворе и делал большой круг по дороге из школы, чтобы не попасться им на глаза. Она смотрела на сына и видела, что суровая жизнь превратила его в настоящего мужчину. Таким, каким она мечтала видеть когда-то Егора: уверенным и сосредоточенным.

— Мам, глянь туда, а то мне уже мерещится начинается.

Тамара посмотрела в сторону, куда указывал сын. Если присмотреться, то можно было различить точку на горизонте, но она могла оказаться чем угодно, от бревна, до камня, выступившего из дымки.

— Я подожгу все равно.

Матвей закрылся от ветра и поджег дрова. Жаркое пламя разбежалось по ним и зачадило черным дымом. Матвей отошел в сторону, чтобы не закрывать огонь. С матерью они стали ожидать реакции от точки. Вдруг, точка заморгала светом. Матвей скинул с себя куртку и принялся водить ею перед пламенем. Точка снова заморгала светом.

Ноги у Тамары подкосились. Она села на камень. Слезы потекли по щекам.

— Помощь. Наконец-то. — Еле слышно произнесла она.

В пещере суеился военный врач. Он установил Кате капельницу с глюкозой и витаминами. Рядом стоял отец, наблюдавший за уверенными действиями врача.

— Мы предполагали, что нам придется встретиться с изможденными людьми, поэтому взяли глюкозу и витамины, для быстрого восстановления. Давно у нее это началось? — Врач приподнял веко девочке и посмотрел на конъюнктивы. — Чем питались?

— Месяца три назад. Вначале слабость была, потом кашель открылся. А недавно с кровью кашлять начала. Питались мы разным, чем бог пошлет.

— Рыбу сырую ели? — Спросил врач.

— Нет, специально не ели, конечно. Надо Тамару спросить, они чаще вместе бывали.

Зашла Тамара. Врач повторил ей свой вопрос.

— Да, бывало несколько раз, что она таскала со сковородки не прожаренные куски. — Призналась Тамара.

— Похоже на заражение паразитами. Интоксикация, поражение легких.

Врач произнес это обыденно, как про совсем привычную вещь, но на Тамару его диагноз произвел прямо обратное впечатление. Она запрокинула голову и начала падать. Егор еле успел ее поймать.

— Извините, отвык уже от женской реакции. Надо было сказать, что хорошо, что это паразиты, а не туберкулез. Мы обязательно вылечим девочку.

Джейн соорудила на плоту жесткую крышу. От ветров, получившуюся кабину, закрывала ткань. Джейн собиралась вернуться назад, а потому основной груз состоял у них из продовольствия и самого необходимого. Анна была уже большой, и сама находила, чем занять свое время в плавании.

Чем дальше на север, тем выше были горы, и чаще встречались сохранившиеся после урагана участки природы. Здесь было полно мест, в которых можно было обосноваться, но строить заново жилье Джейн уже не хотела. В их оазисе все было налажено, и до

совершеннолетия Анны была уйма времени. Джейн хотелось верить, что все как-нибудь само собой образуется, если им не повезет в это путешествие.

По дороге Джейн собирала всё, что мечтала иметь у себя на острове. В основном, это касалось растений. Она выкапывала некоторые кусты прямо с землей и убирала их в непромокаемую ткань. Места для Анны становилось все меньше. Джейн насобираала жуков на одном из островов. У дочери они вызывали страх и брезгливость. Но ее мать была биологом и смотрела на них другими глазами. Ее больше всего заботило восстановление численности всех выживших видов.

На двенадцатый день они попали в сильный дождь, и не смогли пристать ни к одному острову. Ночевать пришлось прямо на плоту. Джейн почти не спала и к утру чувствовала себя совершенно разбитой. К утру дождь закончился. Джейн хорошо порыбачила. Она поймала пять небольших рыбешек. Затем Джейн и Анна пристали к ближайшему берегу, приготовили рыбу, и Джейн отоспалась, за всю ночь. В путь тронулись во второй половине дня, благо следующая гора виднелась на горизонте.

За все время плавания, а конкретно за пятнадцать дней, им не встретилось ни одного намека на существование других людей. С одной стороны, это опечалило Джейн, но с другой, она понимала, что, скорее всего, так и будет. Отдохнув целый день в конечной точке путешествия, они повернули назад.

На обратном пути у Анны случилось расстройство желудка, и они пристали к тому острову, на котором совсем недавно жарили рыбу и провели почти целый день. Пока Анна справлялась со своей нуждой, Джейн решила прогуляться. Она поднялась к тому месту, где они обедали, и встала, как вкопанная, не веря своим глазам.

Им оставили послание, выложенное камешками. Буква «N» и цифра «4». Между ними была стрелка, идущая от цифры к букве. Джейн попыталась по-разному интерпретировать этот ребус. Она поняла, что кто-то заметил кострище, оставленное ими, посчитав, что они часто бывают на этом острове, и решил сообщить им, что группа из четырех человек движется на север, о чем красноречиво говорила буква «N». Ей хотелось понять, знали ли эти люди куда идут, или так же, как и они с дочкой, испытывали свою судьбу? От этого зависело, в какую сторону им направиться. Вернуться домой, или же двинуться следом за этими людьми.

Мозг закипел у Джейн. Она находилась в таком жутком когнитивном диссонансе, что готова была не простить себе оба решения, так же, как и согласиться на них же одновременно. Если бы лодки оставляли следы на воде, то она непременно двинулась по ним, за теми людьми. А так, она боялась опрометчиво кинуться следом и потеряться среди похожих скал и островов.

На гору поднялась Анна. Она сразу поняла по взбудораженному виду матери, что что-то случилось.

— Смотри, этого не было несколько дней назад. Люди оставили нам послание. Оно не совсем понятное, но я считаю, что четыре человека отправились на север, о чем им захотелось сообщить и нам.

— Мы поплывем за ними? — Спросила Анна.

— Я не знаю, что нам делать, дочь. Я не знаю, куда они плывут. Может, как и мы, направляются наудачу. И я не уверена, что мы догоним их, если вообще не затеряемся среди островов. Если мы не найдем людей в течение месяца, то можем замерзнуть. Зимы здесь суровее и начинаются раньше. Я думаю, что у нас и месяца-то нет.

— Мам, не переживай, нам с тобой и вдвоем пока неплохо. Давай, мы тоже оставим им послание?

Ответ дочери успокоил Джейн. Действительно, не стоило так переживать. Если уж и отправляться на поиски людей, то надо делать это в самом начале лета, и подготовившись более основательно. И желательно, чтобы Анна была постарше, и могла быть полноценной заменой матери, в случае чего.

Джейн оставила подробное послание о себе и о месте их жительства. Закрепила яркую тряпку на вершине, видимую со всех сторон и с легким сердцем отправилась назад.

В кают-компании, возле карты на стене, собрались несколько офицеров «Пересвета» и Егор Горбунов.

— Примерно здесь мы нашли капитана Терехина Виктора Ефимовича. Их лодка попала под смерч, он выжил один, но, видно от смерча ему здорово досталось. Через три дня он умер у нас в пещере. Перед этим, он настойчиво просил нас идти на север, в ваш поселок. — Егор замолчал, и в кают-компании повисла тишина.

— Да, признаться, я надеялся, что Виктор жив. — Татарчук поник. — Надо будет организовать похороны команды, и выбить их имена на стеле «Памяти».

После некоторого замешательства, Татарчук снова прильнул к карте.

— Покажите, Егор, нам все, что вы отметили на своих картах.

У Егора с собой была целая стопка бумажных листков пронумерованных особым образом, по которым он мог составить их в правильном порядке. Ему понадобилось большое пространство на полу, чтобы выложить их как надо. Офицеры с любопытством взирали на его манипуляции. Наконец, он пристроил последний лист. На полу лежал большой рисунок, похожий на картографию путешественников Средневековья.

— Это юг, это север. Здесь мы спрятались в Черной пещере в самом начале катастрофы. Этот район самый изученный, но сейчас он сильно заболотился, и атмосфера там, мягко говоря, воняет. Поэтому мы съехали оттуда...

Егор долго рассказывал обо всем, что было нанесено на его карту. Офицеры вместе с ним искали на карте места, соответствующие рисунку и делали пометки. Течения, болота, барьер, пояс смерчей. Егор упомянул кострище, обнаруженное им на середине пути к поселку, и рассказал, что оставил им послание. Татарчук посмотрел на Егора, словно в голову ему пришла какая-то идея.

— Слушайте, Егор, во всем поселке у нас не сыскать такого следопыта, как вы. Что если к следующему лету вы возглавите экспедицию по поиску выживших людей? Технику и оборудование мы вам предоставим. Педали крутить уже не придется.

— Да, в принципе, я согласен. Это то, чем я занимался последние годы.

— Отлично! — Татарчук крепко пожал руку Егору и постучал ему по плечу.

Горбуновы жили в отдельном деревянном доме. Первое время им было непривычно жить в нем. Он казался немного тесным и чересчур светлым. Пещеры крепко въелись в их образ жизни. Непривычным было и большое количество народа, а так же темнокожие американцы, кое-как говорящие на смеси языков. День за днем происходила адаптация к новой жизни. Чем сильнее Горбуновы адаптировались, тем яснее им становилось, что они сделали правильный выбор.

Во-первых, Катю быстро поставили на ноги, и ее болезнь вспоминалась, как страшный сон. Во-вторых, здесь были блага цивилизации, такие, как баня, столовая и кинотеатр. Последнее было громко сказано. Кинотеатром было просторное помещение с телевизором, способным воспроизводить фильмы с флешек или жестких дисков. Кое-кто из подводников брал с собой фильмы, чтобы посмотреть их в плавании, и теперь они составляли фильмотеку кинотеатра. В-третьих, это социальная организация общества. Здесь не было такой тягучей и однообразной жизни, какая была у Горбуновых прежде. Она чуть не засосала семью полностью, и если бы не болезнь Кати, неизвестно смогли бы они стронуться с насиженного места?

Когда Горбуновы жили только своей семьей, Егор чувствовал себя самодостаточной единицей. В поселке он понял, что его самодостаточность заключалась в большей мере в том, что над ним никто не довлел. Все решения принимал он сам, и только от него зависело, как поступить с его решением. Теперь им немного командовали, но это было не то командование, которое существовало между людьми до катастрофы, немного надменное и пренебрежительное. В поселке существовал дух уважения, и те, кто находился у руля, заслужили этот пост.

К вопросу о самодостаточности. В поселке Егор понял, что то ощущение было скорее ленивой интерпретацией самодостаточности, потому что здесь он тоже чувствовал себя самодостаточным, но понимание собственной роли в процессе здесь было более весомым. Так же себя чувствовала и Тамара, и дети. Егор ни разу не услышал от них, что путешествие в поселок было дурной затеей, и в пещере было лучше. Одна спасенная жизнь их дочери стоила того, чтобы не задаваться этим глупым вопросом.

Жители поселка вообще считали Егора героем. Он ведь спас семью, нашел способ прокормить ее и привезти в поселок за две тысячи верст. Егору это импонировало, но он не позволял себе загордиться. Когда его назначили руководителем экспедиции, Егор сказал командованию, что возьмет на себя функцию лоцмана, потому что по жизни из него получался не очень хороший начальник. Его просьбу учли и удовлетворили. Татарчук считал, что раз человек не готов взять на себя такую ответственность, то для дела будет лучше поступить так, как он просит.

В итоге, Егор остаток зимы провел вместе с будущей командой, готовя судно к большому путешествию. Судном была лодка, на которую примостили двухтактный двигатель от мотокультиватора. Корабль с ними был обнаружен неподалеку от Новой Земли. На борту его зияла пробоина. Видимо он затонул во время наводнения, а когда сошла вода, он оказался на суше. Лодка была большой. Небольшими манипуляциями ее превратили в полноценный катер, походивший на лодки гонконгских торговцев. Перегружать лодку не стали, потому что основной тягой на ней оставались люди. Бензина оставалось совсем мало и его надлежало использовать только в критическом случае, чтобы не допустить таких же смертей, подобной той, что случилась с командой Виктора Терехина.

С первой грязью, очистившейся ото льдов водой Баренцева и Карского морей, с первыми весенними дождями, лодка отправилась на поиски людей. Без особой надежды, как последний шанс, после которого придется что-то менять.

Сильные туманы мешали ориентированию. С самого утра до позднего дня видимость перед лодкой была не больше десяти метров. С такой видимостью заскочить в какое-нибудь болото было плевым делом. Инерции у лодки метров тридцать. Хорошо, что теперь у

каждого члена команды есть спасательный жилет. Если затоне т лодка у каждого будет полчаса, прежде, чем он окочуриться в холодной воде, или ступит на твердый берег.

Поэтому команда гребла не торопясь, а Егор сидел на носу, глубоко втягивая ноздрями сырой воздух, и готовый в любую секунду дать команду «стоп», при первых признаках запаха сероводорода. Пока им везло.

Мир менялся спустя семь лет после катастрофы. Небо светлело, становилось теплее, но вместе с тем, сильно повышалась влажность. Огромная площадь испарения, на более горячем солнце, способствовала накоплению влаги в атмосфере. Егор знал, чем это скоро обернется. Все мелководье, а это считай, что вся поверхность бывшей суши скоро превратятся в огромное зеленое болото. Может быть, чистые течения и оставят себе подобия русел, но болота неизбежны. А там, где болота, там и метан. А он, как известно, относится к парниковым газам. Скоро планета разогреется, и спасение от него будет ближе к полюсам.

Егор снова достал кусок ткани, на котором угольком был нарисован остров в виде полумесяца, и корявым почерком, на корявом русском были написаны два имени, Джейн и Анна. Похоже, что это Джейн Оукленд, космонавт с МКС. Все считали их погибшими, но они дали о себе знать. Кем была Анна, Егор не знал, как и то, что случилось с Игорем Кружалиным, передачи которого они слушали на своем приемнике. Вот такой неожиданный сюрприз принесла им экспедиция.

Информация на ткани сообщала, что расстояние между островом в виде полумесяца и островом, на котором осталось сообщение, составляет пятнадцать дней. Но из-за густого тумана, потерялось ощущение пройденного пути. Прошло больше пятнадцати дней, а искомый остров все не появлялся. Была вероятность проскочить его в густом тумане. Егор боялся этого больше всего.

Солнце начало топить туман. Командир команды Виктор Гренц вышел из «каюты» с биноклем. Он приложил бинокль к глазам и сделал с ним полный оборот вокруг себя.

— Вроде, ничего. — Констатировал он, что и так было видно. — Как вода?

— Чистая.

— Давай, Егор, перекуси, а я тебя сменю на пару часов. — Предложил Гренц.

Егор принял его предложение. Он спустился в каюту. Ему положили в тарелку кусок копченой рыбы, и сушеную галету из водорослей.

— Спасибо. — Поблагодарил дежурного по кухне Егор и вонзил зубы в рыбу.

После калорийного обеда, его потянуло в сон. Егор пристроился на банке, идущей вдоль борта, и засопел. Его разбудил шипящий возглас Гренца.

— Егор! Иди, глянь, это похоже на полумесяц.

Егор вскочил, за два шага успев придти в себя. Гренц показывал в сторону горизонта. Остров было видно невооруженным глазом. Но форму его с такого расстояния было не разглядеть. Егор взял бинокль. Кажется, это был тот самый остров. Они заходили к нему с восточной оконечности, далеко выходящей в воду. Егор отдал бинокль и снова достал ткань с рисунком. На нем был нанесен крестик, какой пираты делают на месте кладов, и был он нанесен на внутренней стороне полумесяца.

— Надо зайти с той стороны. — Сказал Егор.

Он сам сел на весла, хотя до его смены еще оставалось время.

Джейн заделывала дыры, прогрызенные крысами в основании стены их дома. Джейн не

могла взять в толк, зачем крысам делать себе ходы, если ничего хорошего их не ждет. Но у крыс была своя логика. Анна гоняла на входе в грот воробьев. Птицы совсем ее не боялись. Джейн и Анна прикармливали их всю зиму, заслужив расположение пернатых. Стайка смелых воробьев кружила над головой дочери на расстоянии вытянутой руки. Анну это очень забавляло. «Дитя природы» — подумала про нее Джейн.

— Мааам! — Раздался тревожный голос дочери.

От неожиданности сердце Джейн немного зачастило. Она обернулась и увидела застывшую на месте дочь. Она смотрела в сторону воды. Джейн вытащила руки из грязи, и подбежала к Анне. К ним плыла лодка. Она была еще далеко, но было ясно, что курс ее лежит к их острову. Джейн заметалась. Не так она представляла себе контакт с людьми. Ей стало страшно. Впервые ей пришла мысль, что люди могут приехать с дурными намерениями.

— Мам, ты чего? — Анна заметила тревогу в глазах матери.

— Ничего, дочь, заволновалась от неожиданности. Ты иди пока в дом. Я одна встречу их.

Джейн ополоснула руки в воде. Спрятала мачете за спину. Нашла аварийный запас, в котором лежал пистолет Макарова. Вставила в него обойму и тоже убрала за спину. Так ей стало спокойнее.

Лодка приближалась. На носу стоял человек и смотрел на нее в бинокль. Он помахал рукой. Джейн махнула в ответ, но сделала это не так эмоционально. Если человек в лодке немного психолог, он должен был понять, что женщина боится. Человек убрал бинокль и поднял руки над головой, показывая, что в них ничего нет. Сердце Джейн немного успокоилось.

Лодка царапнула дном о камни и встала. Двое мужчин сошли на берег и отправились навстречу Джейн. Девушка стояла у входа в грот и напряженно вглядывалась в незнакомцев. Правая рука ее была за спиной и поглаживала рукоять пистолета. На вид, незнакомцы были безоружны. Они улыбались и всем видом старались показать свое миролюбие.

— Джейн Оукленд?! — Крикнул один из них издалека, завидев ее напряженность. — Я с «Пересвета», офицер.

Ноги у Джейн подкосились, и она села на камни. Девушка отпустила руку, сжимающую пистолет. Оружие выпало из рук и стукнулось о камни. Джейн прислонила ладони к лицу и заплакала. Она готова была верить офицерам, а особенно тем, кто догадались, кто она такая.

— Здравствуйте, Джейн! Я, Виктор, а это Егор. — Представил себя и товарища Гренц.

— Я Джейн Оукленд, как вы уже догадались. Очень рада знакомству. — Она протянула руку и шмыгнула носом.

Татарчук выехал на «объект». Так называли любое явление в поселке, на котором производилась какая-то работа, или он был чем-то интересен. На этот раз объектом стал сухогруз обнаруженный со стороны Карского моря, у самой границы Южного острова. Ураган переломил судно пополам. Обе половинки вынесло недавним штормом на отмель. Сухогруз заметили с берега, во время обхода территории.

Татарчука иногда называли капитаном, а иногда звали по имени отчеству, намекая на то, что военный порядок остался в прошлом. Дмитрий Иванович забрался на палубу. По ней уже ходили несколько человек, исследуя корабль.

Сухогруз вез контейнеры. Часть их еще осталась на палубе. Они скатились к одному борту и неизвестно за что еще держались на нем.

— Содержимое проверили уже? — Спросил Татарчук тех, кто оказался здесь раньше.

— Избирательно. Но все как обычно, китайский ширпотреб. Есть бытовая техника, есть одежда. Но все в ужасном состоянии. Соленая вода не жалеет ничего.

— Знаю, знаю. Но куда деваться. Вы парни рукастые, будет вам чем заняться долгими зимними вечерами. А на второй половине что?

Татарчук посмотрел на вторую половину корабля, на которой находился капитанский мостик. Она лежала под углом в сорок пять градусов.

— На внутренней палубе везли машины. Они почти не повреждены, потому что прикручены. Наш водолаз насчитал их больше сорока. А наверху такие же контейнеры. Многие упали в воду, когда корабль вынесло на мель. Мы вообще думаем, что корабль сломало большой волной, и затонул он мгновенно. Во всех отсеках мертвые люди, многие даже жилеты не успели одеть.

— Их надо будет собрать и захоронить по-человечески. Но сперва, попытаемся оттащить груз к нам. Машины нам ни к чему, дорог все равно нет, а вот разобрать их стоит.

— Дмитрий Иванович, Дмитрий Иванович! — На борт сухогруза забрался матрос с рацией.

Он держал ее на вытянутой руке, как олимпиец факел.

— Американцы вышли на связь! — Запыхавшись, он передал рацию Татарчуку.

— Какие американцы еще? — Не понял Татарчук.

Он нажал кнопку приема.

— Это командир российской АПЛ «Пересвет» капитан первого ранга Татарчук.

— Привет, капитан, это «Монтана» Джон Коннелли, еще не списал нас со счетов?

— Привет, Джон! Рад слышать. Судя по тому, что мы разговариваем, ты где-то рядом?

— Так точно. Гораздо ближе, чем ты думаешь. Я иду по координатам оставленным вами на Шпицбергене. И я теперь не командир «Монтаны», а старой ржавой дизельной бочки, на которой везу вам очень щедрый подарок.

— Спасибо, Джон, через сколько придешь?

— Да я уже вижу берег на горизонте. Маякните, где у вас порт.

— Секунду.

Татарчук отдал приказания по рации, чтобы со стороны порта пустили несколько сигнальных ракет.

— Готово, Джон. Видишь.

— Спасибо, капитан, вижу.

Татарчук, заинтригованный тем, что привез ему капитан «Монтаны» бросил осматривать сухогруз, и отправился назад. Когда он прибыл в порт, там уже стояло выдавшее виды судно. Сравнение ее со старой ржавой бочкой было уместным. Татарчук сошел на берег и сразу заметил оживление в поселке. Что же такого могли привезти американцы, что переполошили всех людей.

На подходе к поселку, ему стала понятна причина нездорового ажиотажа. На площади, возле административного здания, стояли женщины. Человек сорок. Чернявые, немного напуганные. Татарчук прошел сквозь толпу и столкнулся с Джоном Коннелли. Признать в нем того капитана было тяжело. Американец постарел, с него сошел офицерский лоск. Суровые северные ветра обветрили лицо. Одет он был свободно, мешковато, и только на

голове была старая морская фуражка с надписью «Монтана».

— Привет, старина! — Хлопнул Коннелли по плечам Татарчука.

— Привет, Джон. Я уже забыл, как выглядят женщины, это тот самый сюрприз?

— Так точно. Это мексиканские господние невесты, монашки, одним словом.

Прятались в монастыре, который сделали в пещерах. Их точно вела рука господа. Они уверены, что заслужили честь продления рода людского. Вот, поделился с вами подружески. Отобрал лучших. — Коннелли засмеялся.

— Спасибо капитан. Это по-настоящему мужской поступок. С женщинами у нас до сих пор туго. — От переполнивших чувств, Татарчук крепко обнял Коннелли. Затем отстранился от него. — Ну, как вы там, устроились?

— Всего и не рассказать сразу. Окажешь гостеприимный прием, непременно расскажу.

— Вот, черт! — Татарчук хлопнул себя по лбу. — Извини, на радостях совсем потерялся.

Татарчук отдал распоряжения топить баню и готовить обед на дополнительные сорок пять персон. Женщин было тридцать восемь человек и семь членов экипажа. Работа в тот день не спорилась в руках мужчин. Они подтягивались в центр поселка, чтобы разглядеть женщин, которых жестом доброй воли, привезли американцы.

Мексиканки были в основном небольшого роста, черноволосы, кареглазы. Многим было далеко за тридцать, а кому и за сорок. Но даже самая старшая из всех имела все шансы немного поковыряться в женихах. Пока они стеснялись, молча ели скромный по понятиям поселка, обед и тихо переговаривались между собой.

Коннелли рассказал, в каком состоянии обнаружил этих несчастных. Они уже серьезно собрались помирать. В пещерах не осталось ничего съестного, каннибализм страшил их похлеще адских мук, и сестры лежали и ждали смерть. Капитан рассказал, что в церкви не осталось даже свечей, все было съедено. И тут его матросы явились как посланники бога. Монашек неделю приводили в себя, а потом загрузили на корабль и привезли в поселок.

Поселок, экипажем подводной лодки был основан на северной оконечности Хребта Брукса, на Аляске. Там его меньше всего задело ураганом и наводнением. В горах, кое-где даже сохранились приличные участки леса, и даже животные. Коннелли запретил на них охотиться, для того, чтобы восстановилась их численность. По словам капитана, плыть через полюс было дурацкой затеей. Айсберги кругом. Обрато они собирались идти вдоль российского побережья.

— В Мексику прошли через Берингов пролив. Не вздумайте сами пытаться пройти там. Мы знаем там фарватер и он настолько узкий, что без лоцмана и не суйтесь. Вообще грязь затягивает все. Скоро и фарватера не станет.

— Да нам туда и ходить-то без нужды. У нас тут работы хватает. Разве что за монашками новыми?

— Это вряд ли, мы всех привезли.

— Джон, не знаю даже как благодарить тебя? Наш поселок перед тобой в большом долгу.

— Да брось, жизнь найдет способ отблагодарить. Я знаешь, что подумал? Мы бы забрали назад своих людей, тех, кто захочет вернуться сам, естественно.

— О чем вопрос, пусть едут, кто хочет.

В дверях столовой раздался шум. Все обернулись. В помещение вошел Горбунов Егор, Гренц и девушка с ребенком. Татарчук привстал от неожиданности. Гренц прошел к

командиру.

— Дмитрий Иванович, мы закончили экспедицию, и вот, привезли Джейн Оукленд с дочерью?

Когда имя девушки было произнесено вслух, вскочил уже Коннелли.

— Джейн, астронавт Оукленд?

— Да, это я.

— Я капитан Коннелли, командир «Монтаны». Как я рад, что вы живы!

Маленькая Анна обняла мать за талию и испуганно выглядывала из-за ее спины. Ей никогда в голову не приходило, что в одном месте может собираться такое огромное количество людей. Ее любопытные глазенки перебегали от одного лица к другому, замечая в них сходства и отличия. Мать снова пустила слезу. Она не плакала так много с тех пор, как Анна помнила ее. Девочка чувствовала, что мать плачет от радости и поэтому душа ее была спокойна.

Послесловие

В основании жерла старого вулкана, под прикрытием буйной растительности, высилось целое поле мачтовых антенн. Для дополнительной маскировки от спутников врага они были прикрыты камуфляжной сетью. Объект был настолько секретным, что военные, работавшие на нем, обязаны были соблюдать приказ неразглашения военной тайны, пожизненно. В том числе и от близких родственников. Секретность хорошо оплачивалась, что дополнительно стимулировало держать язык за зубами.

В тесном помещении, прорубленном в скале, находился пульт управления работой антенн. Пока монтировалось оборудование, здесь былолюдно, и кондиционеры с трудом справлялись с большой нагрузкой. Сейчас в помещении, стрекочущем и жужжащем работающей электроникой, было прохладно и спокойно. Двое военных, одетых в военную униформу тропического образца, следили за работой оборудования.

Один из них был ярко-рыжим, с небольшим брюшком, но крепким телосложением и выцветшими глазами. На вид ему было около тридцати пяти. Он постоянно что-то жевал и периодически восклицал, когда из его бутербродов что-нибудь капало на его униформу. Второй был долговязым, смуглым и с немного унылым взглядом. По виду, ему было не больше двадцати пяти. Его ссутуленная спина нависала над столом и тряслась в такт отстукиваемому ритму пальцами по клавиатуре. Его немного раздражал напарник своей привычкой все время жевать. Поэтому он старался не смотреть на него, всецело погружаясь в работу.

Это было их первое совместное недельное дежурство. Армейский психолог, по каким-то своим шаблонам сделал вывод, что эта пара будет находиться в гармонии друг с другом. Долговязый считал, что психолог сработал отвратительно, а может быть сделал это намеренно, потому что он не понравился ему. Военный почувствовал это, но не мог объяснить причину. Возможно, это было то ментальное неприятие, которое возникает между людьми с первого взгляда. Это некая противоположность любви с первого взгляда.

Долговязый боковым зрением посмотрел на рыжего и увидел движение челюстей. Его передернуло от отвращения. Как можно постоянно жрать? Долговязый решил, что сразу после дежурства пойдет к начальству, минуя психолога, и потребует найти ему другого напарника.

— Да, чтоб тебя! — Снова воскликнул рыжий, оттирая, а по большому счету, размазывая каплю кетчупа по форме.

— Повяжи салфетку, или надень на себя фартук. — Предложил долговязый, не оборачиваясь.

— Я не барышня, и не клерк манерный. Меня никто не видит.

— Я вижу.

Рыжий, до этого не догадывающийся о мыслях в голове долговязого, подозрительно посмотрел на него. Он почувствовал по интонации, что напарник его раздражен. Не поняв до конца причину раздражения последнего, рыжий смачно, с причмокиваниями, облизал пальцы, испачканные горчицей и кетчупом. Спина долговязого заходила ходуном.

— Слушай, парень, если тебе не принципиально, давай я первым схожу на обед? — Предложил рыжий долговязому.

Долговязый почувствовал, как тьма опустилась у него перед глазами. Это было слишком. Весь день жрать без перерыва и проголодаться к обеду.

— Принципиально. По графику я обедаю первым. Не стоит начинать наше дежурство с нарушений.

— Ладно, как хочешь парень. Я просто спросил. Мне показалось, что ты не особо хочешь есть. Ты так увлечен стучанием по кнопкам, что я подумал, что работа для тебя всё.

— Да, примерно, как для тебя обжираться. — Не удержался долговязый.

Он встал, и молча проследовал в сторону небольшого возвышения, на котором была оборудована кухня. Рыжий проводил его взглядом. Теперь он был точно уверен, что неприятен напарнику.

— На твоём месте, я был бы немного повежливее, задрот. Свой аппетит я приобрел занимаясь тяжелыми видами спорта, и если ты будешь наглеть, я живо почувствую твой костлявый скелет на предмет нахождения в нем печени, селезенки и прочего. Понял? — Вопрос был задан ледяным металлическим голосом, словно принадлежал другому человеку.

Долговязый встретился с бесцветными глазами напарника и почувствовал, что озвученная угроза запросто может претвориться в жизнь. Он хотел молча, не теряя достоинства, проскочить мимо рыжего, но тот повторил свой вопрос. Рыжему стало принципиально положить конец возникшей ситуации, чтобы больше никогда к ней не возвращаться.

— Понял. — Буркнул долговязый.

— Молодец. — Рыжий повернулся к монитору.

На самом деле, неприязнь к напарнику только усилилась. Раньше ее питало только отвращение к манерам, а теперь еще и страх. Долговязый понял, что эта неделя будет стоять ему многих дней психологической реабилитации и целой горсти антидепрессантов. Он не мог взять в толк, как могли свести их вместе. Его, человека образованного, и эту скотину с четырехкамерным желудком и мозгом с грецкий орех? Нет уж, дудки, если психолог не внемлет его просьбе, долговязый решил взломать его компьютер и поставить себя в смену с более подходящей кандидатурой.

После обеда, когда монотонный звук оборудования и прохладный воздух начали вгонять в сон, раздался сигнал громкой связи.

— Внимание, через пятнадцать минут начнется испытание оборудования. О готовности доложить.

Рыжий и долговязый, стряхнув с себя остатки сна, сделали доклад. Новое,

сверхсекретное оборудование, работа которого рассчитывалась только на компьютерах, нуждалась в регулярных испытаниях и калибровке. Долговязый, хоть и считал себя умником, не понимал принципов работы антенн. Один из ученых сказал, что это как-то связано с жидким ядром планеты и магнитным полем, вызванным вращением ядра на формирование климата планеты. Он говорил, про волны, которые можно немного оседлать и проехаться на них, вызвав локальный апокалипсис. Долговязый не совсем верил в это, считая, что у человечества еще недостаточно инструментов и знаний, чтобы глобально воздействовать на климат планеты.

— Вывести мощность на пять процентов от номинальной. — Последовал приказ.

Где-то в недрах скалы напряглась атомная установка. Генераторы загудели, распространяя по камню высокочастотную вибрацию.

Спутники на орбите земли нацелились на район, в котором должен был произойти аномальный скачок погоды. Рыжий получил от командования координаты и ввел их в компьютер. Антенны ожили, разворачиваясь в нужную сторону.

— У кого теперь пойдет дождь? — Спросил долговязый.

— У кого надо. — На большее объяснение рыжий не пошел.

Долговязый почувствовал, как снова тьма непроницаемыми шторами заслонила от него мир. Будь он вооружен, рыжий бы уже лежал с дыркой во лбу, и будь, что будет.

— Десять процентов!

Гул немного усилился. Генераторы находились за трехметровой стеной монолитного камня, но их все равно было слышно. Долговязый встал и пошел в сторону кухни. Рыжий проводил его недоуменным взглядом.

— Сядь на место, придурок. Сейчас могут и тебе скинуть приказ.

— Я быстро, только воды попью.

В рыбьих глазах рыжего проскользнуло отвращение и злость.

— Быстро! — Крикнул он.

Долговязый прибавил шаг. Он налил себе стакан воды и косясь на рыжего, достал из кухонного стола нож, и засунул его себе за спину. Он выпил стакан, и набрал второй. С этим стаканом он направился к напарнику. Ничего не подозревающий напарник, увидел, что ему несут воду. Он смерил долговязого взглядом, и приняв этот жест, как знак принятия создавшегося устойчиво положения, в котором он будет непререкаемым авторитетом, взял стакан из рук долговязого.

— Спасибо. — Поблагодарил рыжий и сделал глоток.

Долговязый этого и ждал. Пока его напарник пил воду, прикрыв глаза, он выхватил нож, и не помня себя, принялся кромсать его ножом. Рыжий успел сделать несколько шагов, брызгая во все стороны кровью, бьющей из порезанных артерий. Долговязый висел на нем и методично наносил удары. Рыжий захрапел кровью, булькающей из порезанных легких, сделал несколько слабых движений, чтобы освободиться, но упал. Конвульсии несколько раз сотрясли его тело. Потом он замер, уставившись бесцветными глазами в одну точку.

Долговязый отполз в сторону. Его тоже сотрясали конвульсии. Но это были нервы, и в итоге его вырвало. Долговязый отполз к стене, оперся на нее спиной и замер, разглядывая на дело рук своих. По его удивленному взгляду можно было подумать, что он крайне удивлен сам, тем, что увидел. Состояние аффекта постепенно покидало его, заставляя проникаться тем, что он только, что сотворил.

— Пятнадцать процентов! — Произнес голос из компьютера.

Долговязый вскочил и принялся выполнять приказ. Он вдруг со всей страшной очевидностью понял, что совершил убийство, и что следы замести никак не удастся. Сразу пришла мысль о суициде. Долговязый посмотрел на окровавленный труп напарника, на стены, столы и оборудование, орошенное мелкими кровяными брызгами, и принял решение.

Для начала ему пришлось отключить внешний доступ к антеннам. Он умел это делать. Когда приказы извне не могли повлиять на работу оборудования, долговязый вернул антенны в начальное положение и передвинул ползунок к максимальному значению. Стены помещения взвыли, словно сами являлись динамиками. Где-то над головой засвистело. Пол затрясся и заходил под ногами.

Долговязого отпустило. Он знал, что погибнет в любом случае. Если опыты с погодой окажутся очередной фикцией ученых, зарабатывающих на военных контрактах, то для страховки останется атомная установка, которая не выдержит максимальной нагрузки долгое время. В этом случае он испариться в течение наносекунды, не успев даже понять, что умирает. Долговязый налил себе кофе и взялся за ручку кружки кровавыми пальцами. По лицу его пробежала довольная ухмылка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net